

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

Martin Heidegger

Überlegungen II–VI

(Schwarze Hefte 1931–1938)

VITTORIO KLOSTERMANN
FRANKFURT AM MAIN

Мартин Хайдеггер

Размышления II–VI

(Черные тетради 1931–1938)

Перевод с немецкого

АЛЕКСЕЯ Б. ГРИГОРЬЕВА

под научной редакцией

МИХАИЛА МАЯЦКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

МОСКВА · 2016

УДК 87.3(4Гем)6-63

ББК 1(091)

X12

Настоящее издание выпущено по инициативе
и при поддержке Олега Матвейчева

Хайдеггер, М.

X12 Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) [Текст] /
пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. —
М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 584 с.

ISBN 978-5-93255-465-4

«Черные тетради» — так назвал Мартин Хайдеггер (1889–1976) клесчатые тетради черного цвета с заметками и размышлениями разного рода, которые он вел с 1931 года. Набралось их тридцать четыре. Согласно воле автора, франкфуртское издательство Витторио Клостерманна приступило к их публикации после всех книг и курсов лекций. 94-й том Собрания сочинений М. Хайдеггера, перевод которого мы вам предлагаем, содержит записи, относящиеся к 1931–1938 годам («Размышления II–VI»; самая первая тетрадь утрачена).

Издатель «Черных тетрадей» Петер Травны так охарактеризовал размышления Хайдеггера, опираясь на его собственную самооценку: это не «афоризмы» как свидетельства «житейской мудрости», а «неприметные аванпосты — и арьергардные позиции» — в целостной попытке завоевания пути для начального вопрошания, которое в отличие от метафизического называет себя Бытийно-историческим мышлением. Этот метод философ применяет к ситуации в религии, искусстве и науке.

«Черные тетради» — мастерская мыслителя: многие из заметок разрастутся в статьи, доклады, главы книг. Помимо философских вопросов, Хайдеггер осмысляет положение Германии после прихода к власти нацистов. В частности, он комментирует свое пребывание на посту ректора Фрайбургского университета и в связи с ним всё свое сложное отношение к национал-социализму. Неслучайно, что публикация «Черных тетрадей» вызвала в Германии и других странах яростную полемику.

© Vittorio Klostermann GmbH, Frankfurt am Main, 2014

© Издательство Института Гайдара, 2016

ISBN 978-5-93255-465-4

Содержание

Намеки и размышления (II) и указания	· 9
Размышления и намеки III	· 121
Размышления IV	· 225
Размышления V	· 333
Размышления VI	· 451
Послесловие издателя	· 574

Записки в Черных тетрадах

это в сущности попытки простого названия —
это не высказывания и уж вовсе не наметки
для запланированной системы.

Намеки и размышления (II) и указания

Октябрь 1931

М. Х.

πάντα γὰρ τολμητέον¹
См. S. 19 и 132²

-
1. [Platonis opera. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Ioannes Burnet. Clarendon: Oxonii 1900, Tomus I. Theaetetus, 196d2.] — «Впрочем, надо дерзать до конца» (Платон. Теттет / Пер. с древнегреч. Т. В. Васильевой // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1992. С. 257. — *Прим. пер.*
 2. Так Хайдеггер отсылает к другим местам в той же тетради. — *Прим. пер.*

Что нам следует делать?

1

Кто мы *есть*?

Почему мы должны *быть*?

Что есть *сущее*?

Почему свершается бытие?

Из этих вопросов снизу вверх в их единстве и состоит философствование.

1

То, что мы славим как счастье, зависит от того, что теснит нас как нужда.

И от того, действительно ли *нужда* теснит нас, т. е. *вытесняет* нас из состояния простого глазения и забалтывания ситуации.

Наивысшая нужда <состоит> в том, что мы в конечном счете вынуждены повернуться спиной к нашей «ситуации» и — *действительно* — заняться поисками себя.

Прочь от окольных путей, всегда возвращающих в ту же самую колею; это сплошь и рядом *обходные* пути — далекие от необходимого и бегущие от него.

Человек обязан прийти к самому себе!

2

Почему? Потому что он «есть» некая самость (ein Selbst) — причем *таким образом*, что он теряет сам себя или так и не обретает себя и где-то еще болтается или сидит как пришитый — все это великое бытие и возможность бытия едва ли еще различимы для нас в жалких копиях или засушенных и невнятных образцах — искусственные «типы».

Но как человеку прийти к своей самости?

Чем определяется его самость и ее самобытность (Selbstheit)?

Не зависит ли *это* уже от первичного выбора?

Если человек не занят выбором и не создает себе для этого суррогат, он узревает свою самость

- 1) в обычной рефлексии;
- 2) в диалоге с Ты;
- 3) в осмыслении ситуации;
- 4) в поклонении идолам.

- 3 Но допустим, что человек сделал выбор и этот выбор действительно отразился в его самости, *возвратив ее*, —

т. е. допустим, что человек выбрал открытость (Entbergsamkeit) бытия сущего и этим своим выбором возвращен в Dasein, не следует ли ему тогда углубиться далее в тишь свершения бытия (Seinsgeschehnis), у которого свое время и свое молчание?

Не следует ли ему предаться долговому молчанию, чтобы снова обрести силу и мощь языка и быть им несомым?

Не будут ли тогда прорваны все рамки и разрушены все перегородки, не зарастут ли все проторенные пути-дороги?

Не должна ли душа пройти настройку мужеством, уходящим далеко-далеко в прошлое?

Если прилепишься к подножию горы, как увидишь ее саму? 4

Перед тобой лишь <отвесные> стены.

Как же попасть на эту гору?

Только запрыгнув на нее с другой. А на нее как попасть?

Только если ты уже там; на гору поставлен и туда до-ставлен.

Кто уже побывал в таком положении? И все еще *пробывает* в нем, ибо никогда другие не смогут вытеснить его.

Начало и постоянное обновление философии!

2

Мы стоим перед Ничто* — но при этом мы не относимся всерьез к Ничто и к этому стоянию, да и не умеем относиться всерьез — трусость и слепота перед наступлением *бытия*, которое несет нас в будущее. 5

*Вовсе не перед Ничто — но перед всем и каждым, но как <перед> *не-сущим* (см. S. 50).

3

Не следует ли отважиться на великий поход в одиночку, молча — в Da-sein, где сущее становится все более сущим? Не заботясь о всякой ситуации?

Не глупость ли давнишняя, не путаница ли и беспочвенность гонятся за «ситуацией»?

«Ситуация» — выброшенные на песчаный берег крохотные раковинки, в которых мы видим трепыхание и только его, но никогда уже не сподобимся увидеть саму волну и наступление сущего!

4

Ничто — оно выше и глубже, чем *Не-сущее*, — слишком велико и исполнено достоинства, чтобы первый встречный, да и все мы вместе, вот так могли бы стоять пред ним.

Не-сущее — оно меньше, чем ничто, ибо исторгнуто из бытия, которое ничтожит (*nichtet*) все сущее.

Меньше — ибо не решено, где оно: не при сущем, становясь все более сущим, и не при Ничто.

5

Запустить в ход пренебрежение ситуацией, но из позитивности неизбежного — пренебрежение ситуацией и право на это.

Мы снова становимся нашей ситуацией лишь тогда, когда уже не вопрошаем о ней.

Назад в «не-осознанное» — т. е. не в «комплексы», а в реально творящий, <остро> необходимый (*not-wendigen*) «дух».

Эта демонизированная — или, скорее, обожествленная возня вокруг ситуации! *Видимость* серьезности.

7

6

Уже не знает человек, что поделаться с собой, а потому мнит, что «всему» конец.

7

Человек полагает, что он должен вообще что-то с собой поделаться, — не понимая, что *Da-sein* неко-

гда (начало философии) уже что-то начало делать с ним, а человек давно сбежал от него.

Это — то, что в *Dasein* сущее становится сущим, т. е. делается все более сущим и ничтожащим, — составляет задачу человека в этом сбывании (*Geschehen*).

8

«*Бытие и время I*»¹ — весьма несовершенная попытка войти во временную структуру (*Zeitlichkeit*) *Dasein*, чтобы заново после Парменида задать вопрос о бытии, см. S. 24.

9

Возражение против этой книги: что у меня и сегодня еще мало врагов — она не подарила мне ни одного Великого врага.

10

8

С боязливой робостью перед прошлым сочетается бесцеремонность в отношении «традиции» и презрение к сегодняшнему.

11

О том, что философия в созидательном отдельном произведении и только так — так что она идет к вещам — вымалчивает (*erschweigt*, *das Erschweigen*), об этом Ясперс написал три тома халтурно (*schuldig*) и без знания предмета. И тем самым каждой дворянке и любому графоману вручается рецепт,

1. [Martin Heidegger: *Sein und Zeit*. GA 2. Hrsgb. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1977.]

как можно говорить о последних вещах философии. И таким образом неспособность (Unkraft) «сегодняшнего» человека к философствованию — хотя бы только к возврату в античность — не только доказана, но и оправдывается. Вот и «бытие» теперь стало притчей во языцех в самых широких кругах и каждый встречный и поперечный может на равных основаниях высказывать то, что ему придет в голову.

12

И все же «говори» себе ежедневно в своей молчаливости: молчи о вымалчивании (Erschweigen). См. S. 17.

9

13

Сперва должна преобразиться сущность истины и перенесена в некую новую остроту и твердость, чтобы сущее обрело допуск.

Впустить сущее — пропустить «через / посредством» Da-sein. Двусмысленность концепта «через / посредством».

14

Таким образом, содержащееся в «Бытии и времени» мнение, будто можно непосредственно преодолеть «онтологию», было ложным. Жуткий «успех» ведь означает просто, что о «бытии» стали трепаться еще больше и еще беспочвенней.

14a

Все сначала заложить поглубже; и таким образом дать созреть для преображения.

Все — то есть в первую очередь начало философии и только его.

15

Мы недостаточно сильны и искренны, чтобы действительно «говорить» *через* молчание и робость. Вот почему надо обо всем «говорить», т. е. трепаться. (См. S. 93.)

16

10

Глубже помещать бытие в Dasein, ставя действительный вопрос о сущности *языка*.

И таким образом с помощью Dasein вынудить преобразование истины и бытия.

Это и есть сбывание подлинной истории (Geschichte), для которой «единичное» безразлично и значимо лишь постольку, поскольку в *действенном* деле (im *wirkenden Werk*) оно обеспечивает возможность повторяющихся побуждений.

17

Бытия нет без языка — но именно поэтому оно не «логично».

Языка нет без бытия.

18

Законо-пробуждение должно происходить из глубины Dasein через всецело усвоенную обусловленность отдельного человека.

Полагаясь на глубины Dasein, следует переносить человеческую! хулу человеческой односторонности.

Действующее — это *не* то, что удостоивается одобрения.

11

19

Тот, кто «сегодня» — под этим я разумею: под абсолютной властью *начала* западной философии в античности — собирается философствовать, на того возложена задача со всей твердостью и решимостью сохранять постоянство двойкой установки: *с одной стороны, истолкования* древних, как если бы не нужно было ничего иного, как только дать *им* высказаться (начало и история вопроса о бытии), *а с другой стороны, установка* максимально широко и глубоко истолковывающего вопрошания на основе Dasein — как если бы не нужно было ничего иного, как в первом одиночестве дать возможность «бытию» начаться в действенной работе (преодоление вопроса о бытии).

Но эта двойкость является *единой* (см. S. 14) — и это единство тем не менее — благодатное призвание к не сравнимой ни с чем судьбе.

20

12 *Мы* только гоним плуг по полю, чтобы эта судьба обрела место, где она возьмет росток к себе самой под защиту.

21

Или даже так: мы только собираем камни и сорняки на заброшенном поле и очищаем его, чтобы плугу было легко пахать.

22

Время не созрело для понимания *вопроса о бытии*, ни в отношении живого глубокого освоения его подлинной полной истории, ни в отношении его сущностной движущей силы, влияющей на возможности Dasein (искусство — вера — природа).

Но еще меньше сил у времени для того, что вопрос о бытии, собственно говоря, лишь подготавливает: для *его преодоления* в смысле действительного возобновления начала.

Даже само предчувствие далеко от того, что сущность истины лишь снова должна преобразиться и стать работоспособной и действенной в Dasein.

23

Лишь если мы действительно заблуждаемся — сблизь с пути, мы можем наткнуться на «истину».

Глубокое, жуткое и вместе с тем величественное настроение у заблудившегося в целом: *это философ*. 13

24

Только с растущей глубиной ширится подлинная широта.

Но <верно> также <и то, что> только глубина, вновь заключенная в законченном произведении, впредь будет поддерживать широту в охватывающем натяжении.

25

И все же, куда бы ни проникал философ и сколь бы новым ни представлялось ему сущее, он должен суметь сделать это свое последнее <деяние> как раз

изначальным, первым; и как раз это неизбежно опять не получается.

А потому его изначально можно преодолеть как раз исходя из его предельной глубины.

Знание этого дает возможность с самого начала занять в работе плодотворную, ясную позицию в отношении произведения и тем самым — действия и презрения к бездействию.

14

26

Выспрашивать сущность *времени*, чтобы найти себя в нашем миге.

27

Обдумывать историю <следует> по-настоящему, в том числе и то, что осталось *непроизошедшим* и впредь закрылось, причем в такой степени, что могло показаться, будто тут вовсе ничего и никогда не было.

28

Поначалу снова пробудить свободу, которая даст возможность говорить о той *непроизошедшей* истории.

Речь не о том, будто можно наверстать прежнее — но о том, что оно сейчас и быстро приходит к нам из нас самих согласно нашим *необходимостям*.

29

Любопытством и хитроумием не заставить никакую вещь явить свою сущность.

30

Грядущая философия должна стать вызыванием к бытию «здесь» (des «Da»). См. S. 11.

31

Серьезная трудность, связанная с новым началом: дать голос (Stimme) вызыванию и пробудить настроение (Stimmung), но одновременно для созидающего — все это в ясности пред-мыслить и довести до созидательного понятия. 15

Вызывание обращается к человеку, к его высшему предназначению и глубочайшей укорененности.

32

Это вызывание — философии — есть *сотворение бытия* (die Dichtung des Seins). Сотворение бытия раньше, чем сущее (для нас), и все же только для того, чтобы сущее, как прежде, продвигать вперед. Начало бытия в гуще (Dichte) его сотворения.

«Творец» (Dichter) — сотворение (Dichten) «только» всякого сущего! и тем не менее даже так — *бытия!*

33

А не должна ли уж подавно философия творить (dichten) сущее? Да и даже сущее *как таковое* — в целом.

34

Что за сотворение? Если все же не созидание — сотворение для Da-sein — только тут вообще *бытие*. Бытие становится (стихо)творением (Gedicht), вот

почему наконец! Не наоборот, сущее сотворять (erdichten) и только *так* уполномочивать (ermächtigen); т. е. Dasein одновременно делать зрелым для власти и для служения ей!

35

Творящее зывание показывает вы-говаривающемуся (Ent-sprechendes) — что из сотворенного вы-говаривается (ent-spricht) — это «говорящее» открывает себя сперва только так.

16

36

Может ли отдельный человек добиться еще чего-нибудь существенного?

Не отсутствует ли сообщество немногих для этого, которые осуществляют это?

Где та простота готовности взять существенное и при этом устоять?

Но не свидетельствуют ли эти вопросы лишь о *мнимых* размышлениях?

Не следует ли просто взять на себя ответственность?

Что такое — ответственность?

Стоять за что-либо и жертвовать собой!

За что стоять (einstehen)? Чтобы в человеке Dasein стало мощным и сделалось для него мерой и властью!

Но как отстоять это стояние-за (Einstand)?

Глубина и широта применения Da-sein в вопросе о бытии!

Куда ставить этот вопрос? В \mathbb{H}^2

2. Неизвестный знак.

«Куда» это не «в каком направлении»! но «в каком направлении» относится к самому вопрошанию, которое как целое — как это целое вопроса о бытии имеет свое «куда».

Но Я должно открыться в молчании (*erschwiegen*) через вопрошание и, добытое в бою в настроенном *вымалчивании* (*Erschweigen*), стать милостью. См. S. 8.

37

Это «куда» <и есть> цель в открываемом устремлении.

38

17

Вначале полностью измерить молчание, чтобы узнать, *что* можно говорить и *что* должно быть сказано.

39

Наука: нужна ли нам еще наука — т. е. то, что считается сегодня ею? И кто такие «мы»?

Кому нужна сущностная наука (как страсть)?

Вожди и стражи — кто они такие — где они должны находиться и в качестве каких людей?

Наука есть не что иное, как акробатика методов, простодушие продолжения ученых занятий, спесь всезнайства <в> дальнейшей передаче <результатов> и предложении <их>.

40

«Наука» как страсть и вождизм.

41

Как сделать стояние-за (Einstand) действенным? У него имеется свой собственный — скрытый способ, <с помощью> которого он воздействует на себя (sich verstrahlt). А в конце концов это второстепенный вопрос.

Более чем достаточно, когда <люди> берут ответственность на себя.

42

Стояние-за как начало первоисточка (Ursprung) — первоисточное (ursprünglich) начало!

18

43

Наука должна еще раз пройти своим путем — заново исходя из первоисточного стояния-за (Einstand) — и тем самым измениться в своем бытии и своей оценке.

44

Философия — существует ли она для *воспитания* или просто для *познания вещей*? Ни для того ни для другого; и для того и для другого.

Это означает, что она никогда не может изначально пониматься исходя из обеих позиций — поскольку оба ее потомка и само ее происхождение — из больших глубин.

45

Только *нагруженные* понятия «образуют» предварения (Vorgriffe) и *внедрения* (Eingriffe). «*Пространство и время*» — привычная с давних пор игра слов, кото-

рая, благодаря Канту и науке, подразумевает лишь только нейтральную схему форм.

Но: «Народ без пространства»³ и его отдельные члены без времени.

Что означает здесь «пространство»?

Что означает здесь «время»? Исток И. Является ли этим также *пространство* как время для «народа»?

Пространство и время — не пара соседствующих слов, говорящих о том, что такое «существует», но выплеск и начало бытия, которое должно быть завоевано в борьбе.

46

19

Сегодня каждый сразу же старается избавиться от всякого полумыслия, которое он к тому же у кого-то выманил, и накапливать его в «великих произведениях» — вместо того, чтобы держать при себе подлинное прозрение, чтобы оно породило существовавшее, исчезнув при этом само. Пусть многое *не* выходит на свет, придерживается, это порука тому, что создан удобный случай, чтобы образовалось нечто великое.

47

Смехотворность «экзистенциальной философии», она ничуть не лучше «философии жизни».

48

Философствовать значит обходиться без лидера.

3. [Hans Grimm: Volk ohne Raum. Albert Langen u. Georg Müller Verlag: München 1926.]

Новое, не начальное, окончательное *начало*.

Философия! Наконец-то зашла речь о ее сущности: она есть:

Dasein к молчанию (позитивно)

бытие к слову (язык — истина)

возню вокруг человека прекратить — т. е. поставить на карту его <человека> (позитивно). См. S. 21.

Но: заставить бытие говорить — подразумевает нечто иное, чем выработать некую «онтологию» и распространять ее. (См. S. 22).

49

Сегодня (март 1932 г.) я со всей ясностью достиг той точки, откуда мне представилась чуждой вся прежняя писанина («Бытие и время»; «Что такое метафизика?»⁴; книга о Канте⁵ и «О сущности основания I и II»⁶). Чуждой как заброшенная тропа, заросшая травой и кустарником — тропа, которая все же хранит в себе то, что она как временность ведет в Da-sein. Тропа, на обочине которой находится столько теперешнего, ложного, — и часто бывает, что эти «отметины» воспринимаются как более важные, чем сама тропа. (См. S. 102; 104).

Но эту тропу до сих пор никто не постиг — никто не прошел ею туда и обратно — т. е. никто не по-

4. [Martin Heidegger: Was ist Metaphysik? In: Wegmarken. GA 9. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 2/1996, S. 103–122.]

5. [Martin Heidegger: Kant und das Problem der Metaphysik. GA 3. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1991.]

6. [Vom Wesen des Grundes. In: Wegmarken. GA 9. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1976, S. 123–175.]

пытался отвергнуть ее. Для этого нужно было бы понять «цель» или, выражаясь аккуратнее, пространство («здесь»), в которое она хотела увести и перенести. Но этого не происходит — несмотря на это, все кричит об «онтологии» как о чем-то всем известном.

И это хорошо, что за сумбурным восторгом, непонимающим восхвалением и пересудами медленно придет столь же распространенное «отвержение», которое, однако, столь же слепо и далеко от всякой полемики, т. е. как раз от изначальной формулировки вопроса. 21

Но к чему еще делать заметку там, где мне самому этот вопрос становится все более сомнительным. См. S. 22; 44.

50

Из шутовства болтовни о ситуации «рефлектировать» в отдаленнейшее сохранение власти первоисточка. (См. S. 81).

Уполномочивание как сохранение. (См. S. 24).

51

Нам нужно выфилософствоваться из «философии» (См. S. 19 внизу; 33 вверху; 89).

52

Быть вождем — нет: предшествовать, но уметь идти одному, но при этом, однако: привести к безмолвию позитивно одинокость Dasein вопреки суете отдельной «экзистенции».

Если бы вопрос о бытии был понят хотя бы только в общих чертах, т. е. *что* это вообще есть вопрос, — со времен Платона до Гегеля это уже больше не вопрос, а то, что еще придет, вообще может не считаться — если бы поняли только это, то «Бытие и время» не было бы ложно истолковано и превратно использовано как антропология или как «экзистенцфилософия».

Едва ли было замечено, что акцент на отдельном <человеке> и отдельности экзистенции есть лишь контрудар против ложного истолкования Da-sein как «сознания» и «субъекта», «души» и «жизни»; что не в отдельности экзистирующего отдельного <человека> состоит проблема, а только в случайном проходе к одинокости (Allein-heit) Da-sein, в котором осуществляется все-единство (All-einheit) бытия.

(См. л<етний> с<емер> 1932, S. 25 сл.⁷).

Отдам все многотомные «философии» за одноединственное категорическое утверждение Анаксимандра — уже только потому, что одно это изречение принуждает нас и ставит перед испытанием, применяем ли мы вообще и в какой мере силу, чтобы *понять* — т. е. понять нас *в отношении* вопрошания о бытии и в этом *понять* нас *для* бытия.

Пока мы, пребывая в позднем и сегодняшнем многообразии и обширности, можем столь уютно

7. [Martin Heidegger: Der Anfang der abendländischen Philosophie. Auslegung des Anaximander und Parmenides. GA 35. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2012, S. 74ff.]

устроиться, так что даже самый бессильный способен выхватить некое множество и с ним выступить, с ловкостью, которая может имитировать существенность, особенно когда за и над этим стоит так называемая экзистентная серьезность, причем во вполне хорошем и подлинном смысле.

Но в том, что при этом происходит хоть что-то самонаименьшее для философии, я абсолютно сомневаюсь.

Но при этом «политическим» «решением» всегда еще будет принятие с самого начала стороны подлинных «экзистентных» в противоположность «научным» невеждам.

55

24

О «*Бытии и времени*» (см. S. 7). — Если бы я говорил в «безликом» кругу ученых (im «Man» der Gelehrten), я бы сказал: выпустить книгу новым изданием означает написать ее заново; но для этого «нет времени»; «имеются и» другие задачи.

Если бы это была ошибка! *Другие* задачи в философии, чем поставленные там, — даже если это лишь частично проработанный вопрос? Вопрос о бытии. Не остается никакого иного выбора, чем *постоянно* писать эту книгу, только ее. Рискую остаться homo unius libri⁸. Кроме этой unum «одной» нет никакой aliud «другой».

Итак, надо проработать вопрос убедительнее и только так; а вовсе не ответ. Приход ответа на него в конце — нечто совсем особенное (ganz Eigenes)! В проработке как мнимом *расчленении* — единственно веское и надежное *уполномочивание!*

8. Человеческом одной книги (лат.). — Прим. пер.

56

Философия <есть> только перенастроенный отзвук великого созидания (*Dichtung*). Пере-настраивание в понятие — а именно пере-настраивание бытия.

57

Пере-настраивание во внутренне-понятийное выспрашивание (*in das in-begriffliche Erfragen*) — но зачем?

25 Зачем? Для чего все эти строгость и холод понятия? Чтобы предоставить сущему его полное уполномочивание и привести человека к первоисточному *созиданию* — т. е. к такому, на чем он может расти и познавать блаженство сверх-дерзости, сверх-мужества (*Über-mut*).

Отдельные <люди>! — а многие? Пусть уходят, так же, как пришли.

58

Повсюду они болтают сейчас о «новом понятии науки», не замечая того, что его невозможно изобрести, прежде всего тогда, когда все силы для <формирования> этого понятия полностью отсутствуют, поскольку то, что надо понять (бытие), остается непонятым.

59

Изначальность, твердость и определенность внутреннего понятия (*Inbegriff*) означают нечто совсем иное, чем мнимая строгость оперирования математическими символами и провозглашение идеала математического познания.

60

Чего я только не наво-ображаю под действительной «Логикой» (см. S. 35)! λόγος — не «высказывание» — а к себе самому направленное вопрошающее обращение сущего как такового, но при этом *высказывание сущего* в бытии <есть> базовое событие в «сущности» истины (ἀ-λήθεια). (См. л<етний> с<емер> <19>34⁹).

26

61

Не учение с точки зрения *содержания*, которое следует одобрить и которое хотело бы греться в лучах признания, — но столь же мало ничтожное предложение возможностей на выбор — игровое и необязательное препоручение-любым-другим, — а достижение и освоение *одной* решительной позиции, которая не остается формально-пустой, но ее решительность состоит в том, что она соединяет и «основывает» истину сущего во вполне определенных горизонтах и пространствах для действий.

Для этого требуется высшая понятийность «логики» внутреннего понятия.

62

27

Медленно — и именно поэтому избегая настоящих рывков — люди придут к тому, чтобы объединить понимание бытия с сущностно-возможной сущностью человека — существующего человека, и с этого момента начнут *быть* пресловутым «целостным» человеком.

9. [Martin Heidegger: Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache. GA 38. Hrsg. von Günter Scubold. Frankfurt am Main 1998.]

63

Где экзистенция, там сомнительность (*Fragwürdigkeit*) *бытия* и наоборот. (Изменение языка.) Фиксация обоих изначальна и совершается *во время выхода на простор* — поскольку создается свобода — при этом только <происходит> борьба и сохранение и утрата господства и ранга.

64

Когда выспрашивают бытие, сначала возникает сокрытость. Создает ее философия.

Язык существенно меняется — сначала не в словарном составе — но в способе говорения и слушания.

65

Как <возникает> лишь *в бытии* к сущему! а до этого?

То, что философия по своей сущности подпадает под свою «критику», а именно — в основном вопросе, в какой мере бытие должно высвободить сущее и, так сказать, заново его *созидать* (*dichten*).

66

Философия:

высшая надежность благодаря бытию к сущему —
глубочайшая связь с предметом (*Sachverbundenheit*) —

изначальная настроенность —

строжайшая понятийность — (внутренняя понятийность (*Inbegrifflichkeit*)) —

неумолимая простота —

глубочайшая существенность —

и все же — все это может уже иметься и тем не менее ничего не удастся. См. S. 29*.

67

Прежде затачивали лишь оружие, причем довольно безобидное и действующее на близком расстоянии — теперь же настраивают только «инструменты», возможно, довольно дорогие и грубые, — и все впитывает в себя настроения.

Все эти затачивания и настройки заканчиваются концертом, и публика даже полагает, что ее развлекают и что она что-то там слышит.

29

Когда же мы наконец будем играть и призывать игрой к борьбе?

Хватит настраивать и затачивать! Или все же не хватит?

И при всем том лишь *автор, пишущий слова.*

* Всему этому <нужно> найти применение благодаря чистоты предметности (Sachlichkeit) теории, хотя бы только фрагментарно.

68

Это колоссальное знание о возможностях былого величия и о задачах их высвобождения и формирования — и все же столь же властная *необходимость* самому сначала пройти заново этот путь.

69

30

Весь мой труд всегда двойственен — *во-первых*, только как продолжение в пути и подготовка пути — и остается безразличным, что при этом — в машинописной копии — попадает на страницу — и вырывается.

Во-вторых — «вынутое» для себя как залежавшийся «результат» — это, однако, никогда не позволяет сделать заключение о пути и рытье и составить себе об этом представление, — а еще и о внутреннем ходе всего продвижения вперед и его внутренней постоянно меняющейся перспективе (Ausblick).

70

Мир перестраивается (см. S. 36) — но творящая сила еще пребывает во мраке — и тем не менее она присутствует!

31 Кто высвободит ее? Не тот, кто в торопливых опытах стремится получить целебные средства, чтобы прославлять их, какими бы они ни были, — но только тот, кто знает закон первоначала и, значит, к нему приспособливается.

И *при этом* встраивается в структуру почвы выросшего на ней существа.

71

Только немец может заново творить бытие с самого истока (ursprünglich) и говорить — он один заново завоюет сущность $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ и наконец создаст логику.

72

В работе всегда четкое планирование и немедленное исполнение, и даже завершение, а того, что в результате собственно достигается, что переходит в свершившееся, все же никогда не удастся окинуть взглядом или даже разглядеть — да, как правило, вообще даже и увидеть; всегда на первом плане рыть и взрывать — но без этого сокрытое никогда

не достигнет соответствующего ему — т. е. такого же таинственного высвобождения.

—

Большая вера шествует по молодой стране. См. S. 41.

73

32

Бытие, «наше» бытие сотворять все более изначально (ursprünglicher).

«*Наше бытие*», т. е. через нас и в нас осуществляемое бытие сущего в целом.

«Все более изначально» — да прежде всего вообще понятным образом задавать незаданный вопрос.

74

Никогда не философствовать о «других», не думать о «ты», как впрочем о «я», а только об истоке бытия и для него — это равным образом относится и к предмету и к пути. ↗

75

Заблуждение сегодняшних <людей>; они не подзревают о длительном, потаенном росте вещей и полагают, что можно за ночь принудить их к любому употреблению в домашнем хозяйстве.

76

Сущностность без основательности остается слабой — основательность без сущностности становится бесполезной.

77

Писать из великого безмолвия.

33

78

Когда я говорю: философия — не наука, то при этом у нее не отнимается научный характер — ее сущность, а изначально сохраняется единственно возможным образом.

Философия *настолько* научна, насколько не способна <на это> ни одна наука.

И такой она является *как* философия, а потому подобный титул — недоразумение — вроде разговоров о «философии жизни» — или «экзистенцфилософии» (см. S. 34).

Вообще говоря, обсуждение подобных «вопросов» бесполезно — если прежде сама работа не покажет — образ мыслей, притязания, масштаб и *умение*.

79

Яснее: не «исток», а *событие бытия и истины* — не «трансценденция» только, но *об-мирение мира* (Ver-welten der Welt), начало его и экзистенция.

80

Как быстро и основательно замер и застыл рост бытия в античности.

34 Выспрашивание бытия нуждается в существенном перво-скачке (Vor-sprung), т.е. требует понимания, которое в первоскачке расчищает путь и тем самым раскрывает бытие; сюда относятся важные вещи: «модальности» и «связка» — уже само перечисление характерно для ложного понимания предмета.

81

Философствование: *формирующий запуск свершения бытия* (Seinsgeschehnis). Восстановление истины перед истинным, преобразование традиционной «истины» (см. S. 36).

Подобный запуск свершения бытия нуждается в преобладающей ясности понятия в его богатстве — эта ясность принуждает снова к боевому высвобождению непостижимого.

Так философствование достигает внутренней активизации свершения бытия и тем самым Dasein в его широте и глубине.

Запуск может быть для нас лишь повторяющимся — в каждом начале он уже затрагивает «сущее» и продвигается в его историю — вот почему философия как таковая *есть* история — не только случайно — но в своей деятельности.

82

35

Занятие философией — каковы его признаки?

Если кто-то делает описания и упорядочивает различные мнения,

если кто-то улучшает традиционные представления и смещает их,

если он расчленяет все доступное знанию и классифицирует его,

если он понимает текущее сегодня (ситуацию!) и при этом тащится за ним.

Подобные предприятия должны оправдываться извне — принятием <на себя> труда по воспитанию, «всеобщему образованию», «мировоззрению», «фундаментальной науке».

Все подобное суть лишь поверхностные и проявившиеся задним числом внешние «аспекты» (см. S. 21).

83

«Логика» (см. S. 25). — Тот, чье Dasein *не* настроено на сущность сущего в целом и его пропасти и «дно», тому не нужна никакая «логика», он ее недостойн. Он справляется со своими проблемами непосредственно и всечасно с помощью своего «здорового» мышления и обходится им. Но кто экзистирует в сущности, должен потребовать для себя «Логикy». Ибо она — при правильном понимании — есть не что иное, как формальная техника — сила высвобождения истины и внутреннее разучивание ее.

36 Вот почему, например, *правильная* лекция по логике — не привычная «омертвевшая» и никогда не соприкасавшаяся с жизнью болтология — <предназначается> для серьезных и «одаренных» — а не, скажем, для неодаренных и беспомощных в мышлении. Им уже ничем не помочь.

84

Мир перестраивается. (См. S. 30/1; 45).

Что назревает — в какие *задачи* это втискивается — какие перспективы сулят эти задачи; какое свершение (бытие — истина) тут в работе — узреть эту «работу» в ее пред-действии и освободить.

85

Философия никогда не трактует «о чем-то» и «про что-то» — но всегда *для* — для *бытия*.

Всякое вопрошание (Fragen) есть выспрашивание (Erfragen); всякое исследование и разбирание и подавно, а прежде всякого набрасывания и создания *произведения* (*des Werkes*) — *достижение* (*Erwirken*). (См. S. 40).

И это не есть в первую очередь «воздействие» «на» других; практично! — но произведение создано и воздействует на бытие. Это относится в переносном смысле также и к науке. Отсюда уже «проистекает» ошибка, когда исходят из «предмета» и «темы» и останавливаются на этом.

Лишь из такого первоисточного призвания (Be-gif) произведения и только из него «берет начало» первое освящение (Weihe) и неизбежность ясной строгости понятия. 37

86

Только тогда мы снова обретаем Бога, когда уже не утрачиваем мир и подлинным образом экзистенцируем силой *формирования* мира.

87

Почему ревностные рецензенты и авторы с поразительным единодушием и уверенностью *обходят* стороной решающую работу «О сущности основания»?

Здесь положен конец расчетам с «влияниями» и зависимостью от Гуссерля, Дильтея, Кьеркегора и как бы они все ни назывались. Здесь — если уж на то пошло — была поставлена задача всерьез разобраться с античностью и с возобновляющейся проблемой бытия. А вместо этого от недели к неделе явно все больше болтовни.

А теперь еще и разговоры об «экзистенцфилософии». — Пусть эти господа отдадутся под «влияние» Кьеркегора, Канта, Гегеля, — сразу будет видно, куда они при этом попадут. С «влиянием» странное дело. Они полагают, пересказывая Гартманна или Кассирера, или даже, как делает большинство, какое-то неукорененное и без роду и племени «все- 38

общее мнение», — что это не влияние. Но подобные пересуды истребить невозможно.

88

Бытие сущего и история «истины» имеют одно и то же *«время»*.

Угасание бытия как «уничтожение» «сущего».

89

Прорывы (набрасывающие и формирующие) в свершение бытия и *выбросы* из него.

90

Философия и есть наука, а потому бессмысленно говорить о *«научной философии»*.

«Науки» суть «философии» (Аристотель). А потому, когда я говорю: философия — не «наука», то имею в виду не только «отдельную науку», но и *плюралистические философии*.

«Наука» — не родовое понятие для философии; но философия есть понятие науки.

Понятие науки следует выводить не из фактической организации существующих «наук», а из идеи.

Для опровержения абсолютно извращенного обозначения моих опытов как «экзистенц-» или «экзистенциальной философии» нужно:

1. Прояснение и обоснование понятия экзистенции;
2. Прояснение и обоснование понятия философии. См. выше S. 33.

92

Обычное — *сегодня только деградировавшее в свою противоположность* — обожествление науки и ее достижений. Если же присмотреться, то повсюду — в том, что стоит на первом плане, в технической области, в задаче и собирании последующих «результатов» — царит единодушие и «прогресс», — а во всем *существенном*, где речь идет о подлинном *знании*, царит разброд и шатание и очевидны прежде всего признаки жалкого дилетантизма.

Так что у философии нет никакого повода избирать эту науку в качестве образца; в том числе и математику — ср. ненадежность и шаткость ее «основ».

Но тут делу не помочь и заменой убожества и случайности этого рода занятий (Betrieb) «образом мысли» и простыми «корнями» (искусственными) в «народе» — здесь все решает только сила возможности «экзистенции»; (*не* в этическом смысле).

93

40

Ясперсу присуще ложное, необоснованное почтение перед внутренне непрочным «необходимо познаваемым» (zwingend Wißbare), которое вовсе не является непреходящим¹⁰.

94

Непоколебимо — <вперед> в неизбежное!

10. [См.: Karl Jaspers: Philosophie I. Philosophische Weltorientierung. Julius Springer Verlag: Berlin 1932, S. 147.]

95

Осень — не умирание и распад, не нечто преходящее (*Vorbei*)¹¹ — но, пожалуй, раскаляющее, жарособирающее вхождение в надежное молчание новой эпохи пробуждения <, подготавливающего> развитие — переход к непрестанному ликованию <по поводу> неисчерпаемого величия бытия к <взрывному> началу.

96

Поскольку в философии нет «предмета» (см. S. 46 внизу) и бытие также не является «темой», философ во всех своих вопрошаниях, в своей работе никогда не производит «простые» исследования (см. S. 36), он работает только тогда, когда мыслит в создаваемом произведении; однако образ произведения может и должен постоянно меняться, пока он не превратится окончательно в удар с размаху. И этот удар затем всегда является одновременно отречением от других возможностей. Масштаб (*die Größe*) отречения должен придавать ему собственный замах и неумолимую твердость. Отречение об-

41 11. Хайдеггер определяет временность — впервые заостряя внимание именно на этом ее аспекте — как смертность: «Вот бытие <...> знает о своей смерти <...> Это [знание] есть пред-приближение вот-бытия к своему «вперед-себя» (или: «мимо», *Vorbei*) [1]» (BZ, 12). Уже здесь и сейчас — при любом действии и переживании — мы замечаем это «вперед-себя». Течение жизни всегда есть истечение (*Vergehen*), сокращение жизни. Мы ощущаем время на нас самих — как это истечение. Поэтому «вперед-себя», о котором идет речь, — это не событие смерти в конце нашей жизни, а сам способ реализации жизни, «„Как“ моего вот-бытия как такового» (BZ, 18). (Сафрански Р. Хайдеггер / пер. Т. В. Баскаковой. С. 191. BZ — M. Heidegger. *Der Begriff der Zeit.*) — *Прим. пер.*

ретает свой масштаб, проверяя задачу в ее многообразных возможностях.

Образ произведения — это не «система» и не «книга, которую нужно написать».

97

Основывайте основание! Об основаниях основания. См. S. 80!

98

Знание и вера — я никогда не могу знать, что я знаю, — если я знаю — но могу только верить, что я знаю. Но эта *вера* есть тогда то изначально настроенное доверительное бытие с основанием — Основывающее колебание в основном настрое. А отсюда абсурд: устанавливать бытию и вопросу о бытии в качестве меры абсолютную уверенность как знающее само себя знание (очевидность).

Из этой веры (основание основания) созидательное мышление в выспрашивании бытия. См. S. 31 42
внизу.

99

Мы охотно и громогласно обсуждаем, что необходимо делать, и не придаем значения тому, что делать *не следует*. В результате главным бременем для нас является то, что мы «не должны» делать; и главное — где речь идет о создаваемом произведении. Но подобное «не должны» ведь *никогда* не бывает только «негативным», но в своей основе это лишь оборотная сторона того, как мы относимся к подлинной силе и к истинному «знанию».

100

Всякий вопрос — радость —
всякий ответ — утрата.

101

Уполномочивание бытия! Только это важно. И осуществить его не путем изложения «онтологии» и тому подобного, а только путем созидательного запечатления сущности бытия. См. S. 48.

Способен ли на это человек? Он *должен* это осуществить. В противном случае он с его равнодушием в отношении *Dasein* *погибнет* — но это означает: *так все и будет продолжаться.*

102

Философия абсолютно не способна устранить слишком возросшую нужду (внешнюю) или хотя бы указать пути <ее преодоления>. Напротив, она должна сохранять твердость вопреки <нужде> и твердо держаться на ветру *ее* бури. Ибо сиюминутная, ситуационно обусловленная суетливость только показывает, что она все еще не имеет веса.

Слишком долго уже «философия» старательно уклоняется от выполнения своей задачи; слишком широко распространяется забвение навыка к выживанию роста сущностных вещей. И это <так>, ибо всем еще руководит только братание в несущностном, стремясь заставить нас поверить, что через него в конце концов будет достигнута сущность (*Wesen*).

Лишь тот, кто *твердо* держится на ветру первой неизбежности, «познает» для себя право на твердость и на видимость беззаботности в отношении теперешней ситуации в стране (*Nation*).

Философия способна — в крайнем случае — переместиться на предел возможности непоколебимости в неизбежном. 44

Но чаще всего она остается в уютном болоте действительности, где меняются только незначительные <вещи>.

103

«Бытие и время» как книгу нужно поставить в тень в действительном «произведении» путем реализации намерения, содержащегося в ней, но во многом не удавшегося. Это и будет настоящее опровержение.

104

Сила простоты стояния-за (*des Einstandes*) в непоколебимости перед неизбежным.

105

Крайняя настойчивость под маской простой «предметности»; ведь только через последнюю <можно> осуществить первую.

106

«Либерал» видит «связанность» по-своему. Он видит только «зависимости» — «влияния», но никогда не поймет, что возможно также влияние, которое служит подлинному основному потоку всего течения и прокладывает ему путь и указывает направление. 45

У подобного действия страсть к оригинальности как тщеславной забаве давно утрачена.

107

И снова — мир перестраивается в сторону себя самого. Мы вновь приближаемся к истине и ее сущности — мы будем обдумывать все, что она требует, чтобы взять на себя и занять в ней место — сделаться в ней на-почве-стоящим (*boden-ständig*).

На-почве-стоящим может быть тот, кто ведет происхождение от почвы, на ней кормится, на ней стоит — это является изначальным, то, что часто вибрирует в моем теле и настроении, — будто я иду по пашне за плугом, по укромным полевым тропинкам среди зреющих хлебов, сквозь ветер и туман, солнце и снег, которые заставляют циркулировать и пульсировать унаследованную от матери кровь и кровь ее предков...

У других на-почве-стоящих эти корни отмерли, но они настаивают на возврате к почве и уважении к ней.

108

Беготня прекратилась — прогрессом пресытились — надо остановиться.

Стоп! И вот здесь проходит изначальная граница истории — не пустая надвременная вечность — а состояние укорененности.

Время становится пространством.

Но изначальное время становится пред-пространством дления (*Vor-raum der Weile*).

109

Где рост, там молчание, а не шум <деловитой> суеты и голого интереса, старательных учеников, наплыва попутчиков.

Тот, кто нацеливается на нечто подобное, или даже — что то же самое — жалуется на его отсутствие, тот ничего не понимает и не имеет в себе никакой задачи.

110

Уполномочивание бытия: не уловить задним числом в понятиях и закрепить то, что мы и так уже имеем, но только действенное достижение (*das Erwirken*) того, что еще не бытийствует (*west*). Поэтому философия по своей сущности не имеет предмета. (См. S. 40; 101).

111

47

«Формирование (*Gestaltung*) новой реальности»? С помощью устаревших средств и целей — не зная или даже хотя бы спросив, что это за реальность как вид бытия. Но ведь так и поступали предыдущие поколения? Конечно, нет — но их формирование было также адекватным и никогда не находилось на краю Ничто, как мы сегодня. И нет ничего похожего на столь ревностное подхватывание христианских и протестантских учений и средств.

112

Следует защищать сущностное до последней черты!

Но мы хотя бы предчувствовали это и даже ухватили — и намерены идти до последней черты.

Назовем лишь одно имя — *Ницше*! Он подвергается ограблению по воле произвола и случая — но никто не прилагает усилий довести его глубочайшее стремление к основанию до реализации и пути.

Уполномочивание бытия — с помощью трактатов? Конечно, нет — но только через сбывание, которое в заброшенном понимании, к коему оно стремится, временит и опространствливает (*zeitigt und eingäumt*) себя.

Об *этом* уполномочивании бытия следует *таким образом* одновременно сообщить и тем самым пустить в ход. См. S. 42.

Это уполномочивание — ничто из того, что отдельный человек был бы в состоянии осуществить, — как и группа из некоего сообщества (*Gemeinschaft*), — даже не укорененность сообщества в своей почве (*Bodenständigkeit*).

Ибо все это должно уже бытийствовать (*wesen*) в том отдельном человеке — иначе он был бы не отдельным человеком, а лишь раздувшимся <частным> случаем пустой всеобщности. Вот и остается здесь парад сообщества и «коммуникации» только каким-то недоразумением.

Ибо имеется скрытая коммуникация через сущность — потому эту коммуникацию не следует так именовать. Одинокость отдельного человека, <исходящую> из сущностного основания вещей, невозможно втиснуть в «отдельность» некоего сообщества, даже если оно столь ревностно относится к «ты-отношению» и еще столь же мнимо жаждет «авторитета».

Это все же только уловки для последней пустоты первого сущностного (*eines ersten Wesentlichen*).

Если же эту первовзрывную (*urspringende*) сущность (*Wesentlichkeit*) человека в его неизбежном для него единственном назвать *также* «либерализмом», то это будет свидетельствовать не только о чрезмерной щедрости по отношению к этому мод-

ному слову, но и подтвердит, насколько мало люди призваны соучаствовать — при всем их рвении — в сущностном.

Тот, кто публично приступает «к формированию реальности», не вправе говорить о «новых системах ценностей» как о своем первом и последнем <достоянии>: он сам подвергается опасности, что на поверхность выйдет значительная неспособность, которую уже невозможно скрыть какими бы то ни было предметными знаниями, находчивостью и рвением.

114

50

Ведь в последнем мы еще не выдержали испытания, да и подобное испытание даже не подготовлено — нам не хватает даже знания пути к этой подготовке. Более того, стремятся уклониться в <сферу> христианского или предались шатаниям, так что повозятся только в поверхностной области и плещутся дальше. И все это при равнодушном непонимании бытия; как же тут сущее в целом может нас вообще <к чему-либо> принуждать?

Говорят о Ничто и могут сказать, что кто-то оказался в Ничто, — как будто бы существовало такое слово или подразумевало это, причем беспочвенное равнодушие уже не поможет.

Мы ведь даже не должны защищать что-то большее — даже это обладание нашим Dasein — античность древних греков — мы должны сперва завоевать — как же нам тут в действительности ожидать грядущей власти бытия.

51

115

Человек — крутой путь, да еще когда ветер крепчает.

Поразительно, что *древние греки* — вот так, совсем без «науки» и «до» ее появления — создали *философию*! Они еще не подверглись исходящему от отпавших наук упреку в «голой спекуляции», из-за которого философия впадает в уныние и постоянно оказывается под подозрением. Потому и распространяется тенденция к ее нивелированию до уровня «благопристойной работы» науки, которая вместе с тем пускает в ход свою технологию и весь свой аппарат — так что едва ли остается возможность не пасть жертвой этого подстерегающего на каждом шагу искажения философии. Философия всецело утратила свою собственную внутреннюю форму, *поскольку у нее уже не осталось своих вопросов и она, обеднев, может только тащиться за науками.* (Отсюда и стремление к «системе» и делающиеся из года в год все толще книги, которые «новы» лишь той прической, какой украшается давно избитое.)

52 *Сущность бытия:* оно бытийствует (west) в виде расщепления на возможность, действительность, необходимость на основе полномочности (Ermächtigung) неизбежного. Ср. ниже*!

Полномочность как творение (Dichtung).

Созидание (Dichten) и мышление. (См. S. 88.)

В первую очередь следует снова — невзирая на то что мы опять придем к «науке», — создать обоснованные горизонты и свыкнуться с ними, ведь из них проистекает познание и первоначальное говорение. Но сегодня, напротив, это только крайнее средство, за использование которого приходится чуть ли не извиняться; желательно, дескать, быть «абсолютно точным» и обходиться без него.

* Недостаточными, а потому вводящими в заблуждение являются: (см. S. 62)

a) лишь описательное — касающееся анализа значения — отношение к бытию как мнимо непредвзятое, а потому «изначальное»;

b) возврат к условиям возможности, скажем, на основе «конститутивного» рассмотрения — при котором еще, кроме того, не прояснено и не обособлено само измерение возврата (Rückgangsdimension) — но как бы только — проводимое «логически» возвращение к другим условиям;

c) классифицирующая систематика полученных таким образом или собранных и улучшенных определенностей бытия (категорий) в так называемом учении о категориях;

d) даже не специально предпринятое исходя из таких (a, b, c) подходов встречное вопрошание об измерении конституирования (Dimension der Konstitution) и систематики. См. книгу о Канте¹², изначальное измерение;

e) и уж конечно не оживление, к примеру, этих соображений путем привязки к «экзистенции» и «жизни» в более широком морально-практическом смысле. (Морализация научного поведения.);

f) столь же мало и внешнее, заимствованное из христианской традиции возвышение (Aufgipfelung) до абсолюта. (См. S. 66.);

> так и сохраняется туда-сюда снование в заимствованных и подхваченных векторах вопрошания и материалах, какое-то блуждание среди того, что никогда не было «новым» — а, скорее, изначально «старым», что, пожалуй, создает дешевое впечатление прогресса и «близости к жизни» — но в конеч-

12. Heidegger Martin. Kant und das Problem der Metaphysik. — Прим. пер.

ном счете зияет своей безответственной никчемностью.

Напротив, нужно следующее:

117

полномочность бытия оформить для преобладающе доминирующего и движущего познания и действия, а в этом и исходя из этого только начнет действовать все, что было подлинного в тех предшествовавших подходах, и встроится в свое свободное деяние.

Но это совершенно нехоженный путь, хотя в начале и как начало философии для него и его прокладывания было создано первое и подобающее место.

Идти этим путем означает: постоянно считаться с <возможными> откатами и с нарастающей сложностью в движении, особенно потому, что каждый шаг добывается только некоторым трудом и оформлением в слове, — но прежде всего потому, что дробление пути должно быть заранее и постоянно подготовленным и удобным. (См. S. 76.) «Kirchweih» 1932.

55

Настрой на дело придаст всему этому иной ход.

Но он должен оставаться в тайне — и проявляться только в трезвости работы.

118

Прогнать человека сквозь всю чуждость и странность сущности бытия при всей ее существенности.

Добиваться в едином обеих вещей: *странности* сущности и ее *неизбежности*.

И этот выгон и не-оставление-в-покое просто «только» путем усиления предметного выпраши-

вания — основные настроения во взгляде и позиции, но никогда — в слове!!

Выгнать в (первую) неизбежность.

Прогнать сквозь полную странность.

Догнать все одиночество человека — и тогда начинается гон полномочности (die Jagd der Ermächtigung).

Неизбежность бытия! Само бытие как неизбежность. (См. S. 69, 105.) 56

119

Издавна существующая безответственность, с какой именно болтают о бытии и его «значениях», несмотря ни на что продолжается, а теперь еще по сути возводится в принцип через так называемую онтологию, и уж подавно там, где последняя отвергается (Ясперс) и как раз там, кстати, не понимается.

120

«Наука» близится к своему концу, и именно поэтому ей следует как можно меньше воспринимать позитивно, как «обязывающее знание», а это знание — как уход к боженке. Так она при полном своем убожестве чего доброго обретет христианскую санкцию — а это прямая противоположность философскому преодолению и преображению.

Кто знает, что выдвинется на ее место.

Ясно одно: это зависит от того, займемся ли мы снова вопросом о бытии и каким образом.

121

57

Представление о *Dasein* = *действие* (Wirken) философии будет недуховным, если полагать, что она дей-

ствует только тогда и в том случае, когда она опосредуется и переходит в «действительность». А что они называют при этом «действительностью» — именно ту теряющуюся в себе суету (*Geschiebe*), которая ничего не постигает.

Действие философии — это вовсе не сомнительное применение особого набора слов, разукрашивание общих соображений фразами из прочитанных философских книжек.

«Действие» никак не *воздействует* — а состоит в свидетельствовании о начинающемся преображении сущего из полномочного бытия.

И это свидетельство свидетельствует только в действенной работе, которая безусловно опирается на себя саму, ничего от себя не отдает и не передает дальше — но скорее только притягивает к себе, чтобы оттолкнуть. Но это движение является сотрясением предшествующего, причем сотрясение это никогда не хотят замечать, а потому искажают его. Не существует никакого компромисса между философией и «действительностью».

Насколько древние греки опередили нас; вот почему нет никакого возврата к ним — но только догон. Но для этого требуется сила забрасывания-себя-вперед в <ходе> изначального выпрашивания. Но это означает только одно: освобождение *Da-sein* в сегодняшнем человеке.

Далекое распоряжение (*Die ferne Verfügung*), в котором философствование идет своим путем! (См. S. 85.)

124

Набросок целого: (см. S. 61)

Освобождение к Dasein —	(*)
Полномочность бытия —	
Истина сущности.	
	18.X.1932

124a

* Сосредоточенность на Dasein,
 чтобы упорно уполномочивать бытие
 и таким образом дать возможность истине осу-
 ществиться.

Величие всего этого заключается в том, что 59
 излишними становятся всякие хитрости и цели
 и «смыслы».

125

Человек не предназначен ни для «схватывания» —
 «слушания», ни для того, чтобы, «будучи рожден-
 ным видеть», «быть назначенным для дозора»¹³,
 а для того, чтобы, будучи брошенным в <опреде-
 ленный> настрой, быть призванным к бытию — т. е.
 чтобы он уполномочил бытие.

Издавна — что весьма досадно — сущее затрагива-
 лось через «осязательное» и «зрительное».

Расхождение с античностью, т. е. с началом, от-
 носится к ним *обоим*.

13. Хайдеггер цитирует Гёте: «Все видеть рожденный, / Я зорко,
 в упор / Смотрю с бастиона / На вольный простор». И. В. Гёте,
 Фауст. Часть II. Действие пятое. Песнь караульного Линкея.
 Перевод Б. Л. Пастернака. Гёте назвал дозорного на башне
 Линкеем (Линцеем) по имени кормчего аргонавтов, наде-
 ленного необычайной зоркостью. — *Прим. пер.*

126

Неудача — с помощью «Бытия и времени» и остальных сочинений так и не удалось мало-мальски пробиться хотя бы только в направлении вопрошания, не говоря уже о том, чтобы выказать (*zeitigen*) понимание вопроса, ведущее к дальнейшим вопросам. Вместо этого лишь нелепое словоблудие.

60 Удивительно все же, как при такой серьезной неудаче можно на время оказаться в центре устных и письменных пересудов, которые создают тебе «имя».

Как это ужасно — не для того, кто оказался затронутым и кто держится, да еще пуще и крепче, своей новой задачи, — а для тех, кто должен барахтаться в волнах такого словоблудия, уже через год подыскивая себе кого-нибудь нового. Впрочем, должны же находиться люди, которые из этого делают профессию («*scriptores*»¹⁴), да к тому же и свою выгоду не забывают.

127

Сохраненные традицией фразы о бытии... (Ср. S. 75 вверху.)

128

Отмена унаследованных «законов мышления»*.

Возврат к истоку, который тем самым «выказывается».

Вы-страивание того, что указанные «законы мышления» «собственно» говорят исходя из истока в полноточность.

* См. статью о «Положении о противоречии»¹⁵.

14. Писатели (*лат.*). — *Прим. пер.*

15. [Martin Heidegger: Der Satz vom Widerspruch. Erscheint in GA 91. Vorgesehener Herausgeber Alfred Denker.]

Предельная ясность глубочайший настрой широчайшая сущность чистейшая простота жесточайшая непреклонность	}	В выпрашивании бытия — как вымалчивание сущности.
--	---	--

Это выпрашивание разворачивается — лучше — переходит в вызванную им достоинство вопрошания бытия. *Такой* оценкой оно уполномочивает бытие.

Тем самым <надо> держаться в стороне от ложной строгости примитивной и обширной систематики зачастую одинаково поверхностных высказываний; свободным от намерения распространять дешевую назидательность; не затронутым всякой нервной «экзистентной» суетой.

Только <это>: пробуждающее поддержание бодрствования выпрашивания в Dasein; лишь таким образом раскрывать само это <Dasein>, а в нем — сокрытость сущего.

Вопрошание в глубочайшей — непосредственной связи с началом философии, положенным греками.

Записывать сокровенные беседы языка.

(См. S. 52).— Не возврат в Я, а переход к миру. В переходе одновременно вход в Dasein.

Не потерянность <в уходе> в формально абстрактное бытие, а собранность в целостности настроенного бытия.

Не оцепенение <в сосредоточении> на некоей

реальности, а ввязывание в связанность расщепления (*Zerklüftung*).

А потому ни *конструирование* «логического» (категориального), ни *созерцание* чего-то «реального», но вопрошающий бросок заброшенного-настроенно-настроенного наброска.

132

Воспринимать бытие из ἔστιν, из «есть» (см. S. 119) — было для древних греков глубочайшей внутренней необходимостью.

Ибо они должны были впервые вообще (вос)приятель бытие в понимание (которое для них, ср. Парменида, поэтому было *νοῦς*¹⁶, т.е. восприятием). На таком горизонте сформировалось средостение (*das Inmitten*) сущего как такового.

Но почему именно присутствие — *наличность, презентность* (из *презенса* глагола)? Потому что она есть ближайшее и вечное.

63 В противоположном направлении — к Ничто — к Не и Нет.

Начало <есть> с необходимостью непосредственное, себя утверждающее «Да» сохранению и постоянству и кругу.

Это остается во всех изменениях и расширении у Платона (*μὴ ὄν* как *ὄν*¹⁷) и Аристотеля (*δύναμις — ἐνέργεια, κίνησις*¹⁸).

Такое понимание бытия христианство встроило в горизонт вечного Бога-Творца — (Августин —

16. Ум, разум, мысль (*греч.*). — *Прим. пер.*

17. Не сущее как сущее (*греч.*). — *Прим. пер.*

18. *δύναμις — ἐνέργεια* (возможность/способность — деятельность/действительность — *греч.*) = *actus — potentia* (*лат.*); *κίνησις* (движение, изменение — *греч.*). — *Прим. пер.*

Фома). В результате подобное понимание бытия было внедрено в вероучение и закреплено — *lumen naturale*¹⁹.

Но тем самым впервые глубочайшее начинание и вопрошание греков было повернуто к результату — более того — к первой истине.

Математическая идея знания к началу Нового времени — сама в основе своей античная — принесла с собой теперь обоснование и новое подтверждение в философской системе, — начало в очередной раз было засыпано, процесс чего завершился у Гегеля; его конструкция истории, которая, вообще говоря, восприняла античность как *тезис*, стала, таким образом, уж подавно вытеснением начала.

64

Христианство и идеализм, особенно в их упадочных и промежуточных формах, поставляли материал XIX веку и его «науке». Из давно ставшего само собой разумеющимся бытия (ἔστιν, присутствие) историческая наука и естествознание черпали свое право. Прошедшее <рассматривалось> только как оставшееся позади наличное. Природа — как постоянно имеющееся под рукой наличное.

При этом безразлично, позитивизм или идеализм, — для обоих сущее есть присутствующее.

Ницше первым усмотрел это роковое обстоятельство, причем исходя из *морали*. Он увидел: *смирение* перед ἀεὶ²⁰, лежание-на-брюхе перед объектом — извращенное превращение некогда возникшего воинствующе-господского вопрошания в рабство науки, развивающейся самостоятельно. Ницше один узрел «сегодняшнюю ситуацию» и смог ее увидеть — поскольку предварительно заглянул в нечто другое.

19. Естественный свет (*лат.*). — *Прим. пер.*

20. Всегда, постоянно, всякий раз (*греч.*). — *Прим. пер.*

И тем самым он предложил совершенно иное поведение человека — заглядывание-вперед и требование.

Этот сверх-человеческий труд сломил бы любого человека. (См. л<етний> с<емер>стр> <19>32²¹).

65 Ницше не удалось изменить бытие и создать новый горизонт; не в последнюю очередь потому, что сам он не осознавал античную проблему бытия. *Здесь* он не смог сломить превосходящую силу традиции. Отсюда роковое, проявившееся уже довольно рано (1873), противопоставление бытия и становления.

Но и так он остался непонятым; «ненаучный» философ. Все осталось по-прежнему. Феноменологи (Гуссерль и Шелер) достигли одного: они пробудили непосредственное — обращенное к самим вещам вос-приятие (Ver-nehmen) (созерцание — сущность), т. е. нечто, напоминающее позицию античности. Но <уже> без корней и целиком во власти XIX века — в его схемах и «проблемах».

Наряду с этим во взрывном и неожиданном влиянии Ницше <жило> многообразное — ограниченное индивидом и группами — беспокойство; война.

66 А потом: 1) Историография (Historie), ориентированная на современность и ради нее
 2) Мировоззрение и оно как «предпосылка» науки
 3) Требование к науке — быть ближе к жизни
 4) «Экзистенцфилософия» (Ясперс).

21. [Heidegger: Der Anfang der abendländischen Philosophie. GA 35. A. a. O., S. 45f.]

Но все это идет от древности — и обратно — ср. Ясперса, чья «система» представляет собой самое подлинное философское выражение этой половинчатости.

«Наука» (весь XIX век; Макс Вебер)

«Экзистенция» (Кант — Кьеркегор — философия жизни)

«Трансценденция» — христианство.

Все остается по-старому — ведь «наука» и «трансценденция» обесценены даже в пользу экзистенции — или поставлены в зависимость от нее. О бытии рассуждают постоянно — и все же о вопросе о бытии ни малейшим образом не догадываются, не говоря уже о понимании. Вот почему и не ведутся подготовительные работы для него. Напротив — усилия устремлены назад.

(Незначительность и мошенничество так называемой диалектической теологии²² не заслуживают того, чтобы на них обращали внимание. Это протестантский иезуитизм самого отвратительного пошиба.)

Что нужно делать? Действовать — *созида* действовать и только наедине с самим собой об этом «рассуждать».

Во-первых, необходимо:

Возвратиться к началу — снова задаться вопросами в его глубочайших вопрошаниях. Это, однако, возможно лишь тогда, когда мы сами возьмемся за *вопрошание*. Здесь не поможет простое изменение, приспособление.

Например: вместо бытия — становление (Ницше).

22. [Течение в протестантской теологии, идущее от комментария Карла Барта к Посланию к римлянам (1919).]

Вместо наличного — прошедшее и вместо возвысившегося «вечного» — так называемое настоящее.

Вместо духа — душа и *тело*.

Но:

Необходимо выпросить полную сущность бытия — в нем позитивно вплавляется присутствие («есть») и одновременно вводится в свои границы господство.

Бытие должно снова развернуть свой горизонт, причем сейчас полностью (время). Это означает: настрой.

Расщепление должно определять настроение — оно должно образовать горизонт для бытия — (пространство — время).

Не «оно есть», а «оно да будет» (брошенный набросок), причем «оно да будет» изначального немотствования.

Сущность бытия есть истина (ἀλήθεια); вот почему <следует> ее выпросить в отношении основания и истока. Но именно поэтому остается *ошибочным* трактовать бытие исходя из «истинного» высказывания (суждения); ведь оно не является *той самой* истиной.

Кризис науки и понятия науки!

Мы же еще не располагаем пространством и перспективами, в которых возможен реальный — плодотворный кризис.

Если в самом деле не удастся снова начать с началом западноевропейской философии, то конец

неизбежен. Почему? Разве позднейшее не может также взять на себя побуждение и руководство? И вообще нужно ли обязательно возвращаться назад?

Возврат вовсе невозможно осуществить, так как мы экзистуем в традиции, коль скоро мы вообще экзистуем. Выбора нет.

Но почему нужно возвращаться к началу? Потому что мы больше чем когда-либо, а западноевропейская философия уже издавна, испытываем нужду в простоте, сущности и изначальности.

Такое можно понять и по-настоящему усвоить лишь под властью реального *образца*. 69

Вне зависимости от того, *о чем* мы должны философствовать, «как» вопрошания, «как» разработки вопрошания должно вначале заново обрести ранг и меру.

Но ничуть не менее <важно> «что», которое мы обязаны вопрошать, ибо «как» требует здесь подлинного и единственного «что» и приводит к нему: к вопросу о *бытии*.

135

Сущность бытия: скрывающее немотствование. Сущность бытия есть истина расщепление — а оно? Скрывающее немотствование, неизбежность. *Вымалчивание* — (ср. S. 62 вверху, 79, 90 и сл.).

136

Колоссальная масса правильного в философии и *редкость истинного*. Ибо это правильное всегда является не-истинным — поскольку оно ничего существенного не раскрывает, а скрывает; оно произвольно, как правило, во внешнем приятии часто говоримо-

го, представляет собой пересказ и изменение, без того, чтобы были подготовлены и обоснованы почва и начало, поле зрения и понятие.

Если *понимание бытия* как таковое — за пределами начала, вообще обоснования понимания бытия — становится проблемой, то расширяется и углубляется вопрос о *бытии как таковом* (не только о *сущем как таковом*).

Если же *понимание бытия* оказывается таким образом проблематичным, то это говорит о том, что под вопрос ставится *экзистенция* как таковая, а тем самым и *человек*. Но не в привычном «экзистентном» смысле.

Но это вопрошающее превращение <происходит> в вопросе о бытии и через него.

Только *так* происходит исторически (*geschieht geschichtlich*) возврат в *экзистенцию*.

Мы должны вернуться к великому началу. (S. 109, 126.)

Основным философским вопросом о бытии (S. 131) не является вопрос о человеке — так называемая экзистенциальная философия, — но, пожалуй, сначала вопрос о бытии предоставляет возможность и тем самым границы для вопроса о человеке — уже потому, что человека следует через вопрос о бытии с необходимостью по-новому обосновать в его сущности. Она же именно для философствования никогда не предлежит установлению.

Философствование: это предварительный набросок бытия в связи с необходимостью далекого распоряжения.

Не «голый» набросок как план так называемых исследовательских задач, но строительство — заглубление свай, втягивание балок и стоек.

Строительство бытия, причем строительство как таковое <предполагает> другую основную позицию. Ср. S. 114.

Не разглядывать и рассматривать «сущности» — но и не только осознать то, что есть, и при этом полагать (поскольку знание, как считается, есть некое «приращение» и «добавление»), что потому уже <происходит> и преобразование; напротив, этим лишь укрепляется связь с дряхлым и закосневшим, и одновременно поддерживается заблуждение, будто от этого уже избавились. Ложное мнение идеализма, прежде всего немецкого, что сознание есть более высокая и преобразующая ступень бытия, — но и противоположное заблуждение, что достаточно оставить «мир сознания» как есть, чтобы только встроить его назад в «душу».

Но как <осуществляется> это предварительное набрасывание? Неужто путем написания как можно более толстых книг? Нет! Но ведь должно же быть какое-то сообщение? 72

Да! Но не массовое.

А простое, неспешное, обозримое и все же неисчерпаемое и непрерывно накипающее.

Это хороший знак для философии, который, однако, не сулит ей ничего позитивного.

Шумиха последнего десятилетия, к которой никто из здравомыслящих людей не мог отнести всерьез, сменяется усталым бормотанием. И уже

возникает сопротивление этому «избытку философии» — и по праву. Ибо, во-первых, ее не было и нет, а во-вторых, философия расцветает только тогда, когда должна самоутверждаться. Эпоха, «интересующаяся философией», — это смерть философии.

73 Добрым обетованием на будущее является то, что немецкая молодежь внутренне отвергает «философию» и «науку»; ибо только *так* она сможет все это основательно познать и наверняка хочет этого — в противном случае она уже не была бы немецкой. Подобное отвержение <есть> первый реальный поступок.

Нужно начать поменьше и не так часто «знать», чтобы постичь все убожество этого Только-знания (Nur-Kennen).

141

Два бремени издавна отягощают, а в нынешнюю эпоху и тем более подавляют нашу экзистенцию, поскольку они уже не ощущаются как таковые:

1) укрепление и тривиализация античного понимания бытия (понимания, уже ставшего поверхностным) в христианском «мировоззрении» и секуляризации последнего;

2) математизация знания, забота о достоверности и так называемых доказательности и объективности.

Оба они внутренне связаны друг с другом и могут быть подорваны полностью и получить продуктивную замену только с помощью философии. Ср. S. 104.

74 Но тогда это означает: «поверить» (!) в абсолютно новое начало философии подразумевает, что мы выросли до первого начала и в полемике с ним полагаем новое начало?

На предварительной стадии строительства (Vorbauen) заниматься демонтажом (Abbauen), а при

демонтаже — заниматься предварительным строительством — это все *едино*, и только в качестве этого единства Одно и Другое обладает правом и властью и возможностью.

142

Безусловные фундаментальные настроения как силы прорыва бытия.

Сущность (а) бытия как вымалчивающая полномочность неизбежного (время).

143

Как утомителен путь к обретению права уже больше не заботиться о существующей «философии» и таким образом преодолеть все ложные толкования.

Ведь это означает не что иное, как *соответствовать* сущности бытия! Это смысл подлинной экзистенции, которая в «Бытии и времени» изображена еще слишком «экзистентно» и с внешней позиции. И все это из-за того, что и вопрос о бытии до сих пор еще погряз в учености и ее шлаках. (См. S. 104 вверху.)

144

Философ как одиночка; но не в одиночестве, в своей малой «самости», — а вместе с миром, и этот мир — *до* всякого «со-общества».

145

Дошедшие до нас из традиции положения о бытии превратить в вопросы, а вопросы как водоворот вернуть в основание полномочности.

146

Вымалчивающая полномочность великих намеков в открытой колее.

147

Скорее всего — поскольку процесс уже начался — станут бессмысленными так называемые постоянные дальнейшие исследования, исправление «ошибок» и ориентация на общую цель в философии. Там, где это пытаются делать, уже ставится крест на полномочности сущего, — мало того, тем самым выдается, что она никогда и не действовала.

148

Забота — это не мелкая озабоченность человека своими повседневными хлопотами, но возрастание Dasein в ужасающей (ибо расщепленной) сущности бытия.

149

Забота и язык — итак, <нужно> понимать. (S. 97.) *Выговаривание* из этого ужаса дали и бездны (модального) расщепления. Взрывное начало и взятие на себя — набросок — настрой.

150

Человек и бытие (ср. S. 94) — это было бы только названием довольно запутанной задачи; в том случае, если бытие возводится обратно к человеку; <тут> простое субъективирование понимания бытия; или в том случае, если человек как некое сущее сре-

ди других <сущих> ставится рангом ниже бытия. В обоих случаях *возможная* экзистенциальная сущность человека — *уполномочивающее внедрение в свершение бытия* — не высвобождается.

Здесь, в этом внедрении, человек лишается обычной человечности — и приобретает величие, в котором он исчезает и *оказывается сущим*.

Сюда, как следующий момент, относится вообще познание экзистенции и трансценденции человека — и в той мере, в какой экзистенция должна быть «показана», являются оправданными задача и «ее» осуществление в «Бытии и времени». Но в остальном она <т. е. книга> во многом ошибочна и не соответствует уровню собственного вопроса. Так что название *все же* уместно. (См. выше S. 52 сл. и 91 сл.; ниже на S. 94.)

151

Терпеливо-набрасывающее внедрение довести до стояния-на-почве, укорененности, все остальное — так, в первую очередь все виды «влияния» и «принятия во внимание» — несущественно, т. е. безразлично и вместе с тем представляет опасность для сущности, поскольку таким путем сущность дробится и рассеивается.

Найти ширь и глубь и веление Dasein; сделать ему его задачу стоящей-на-почве, укорененной, и обязывающей. Мало сказать: приблизиться к вещам и брось «школы» — слушание и чтение; ибо вещи в принципе могут быть слишком доступными для схватывания — без вещности и наброска, так что действительного оказывается сверхдостаточно — и все же это не бытие.

152

Отсутствие сущностного напора (Bedrängnis):

Признак этого: отсутствие общего воления и знания; отсутствие основания и почвы и пути и воздуха для этого — отсутствие до этого сообща познанной и прежде всего желанной реальности, и все потому, что повсюду и давно царит *неспособность к направляющему возбуждению бытия*.

153

Говорят, что мы имеем дело с новой реальностью; <это> политическое воление молодежи. А что такое «политическое»? (См. S. 81.) Во всяком случае здесь кроется нечто существенное — поскольку тут уже больше не «реагируется» на внешнее и типизирующее сопоставление себя с другими возможностями, ситуациями и эпохами.

78 Это желание-снова-встать-на-какую-то-почву указывает на пробуждение; однако оно также подвергается двойной опасности: либо вообще абсолютизация «политического», либо слишком дешевое встраивание его в мнимо обновленное христианство и его культурные ценности.

Но: трудовые лагеря, боевые союзы, поселенцы.

Так что это пробуждение без направляющей силы в далекое распоряжение — не готово к несению бремени, не нуждаясь в холодной ясности понятия и напоре <, исходящем от> сущностного ужаса бытия. Вот почему всё вместе с тем возвращается к старым понятиям и оценкам — пессимизм/оптимизм и тому подобное.

Народ без работы — прежде всего без призвания.

Еще более роковым является то, что без воли

к призванию; без сдержанности в наращивании такого воления.

Сперва снова *стать способным к служению тайне* пашни и сева, зарождения и роста, надежной-устойчивости-против-ветра и плодородию.

Хранитель возбуждения бытия в его глубине и широте. Наследование подобной подготовки и готовности. В этом заключается тайное посвящение индивида ради его народа, чтобы он созрел для роли охранителя благословения Da-sein; лишь это благословение способно вынести ужас бытия; и этот ужас толкает к благословению. 79

Созвучность — тайная — этого хранителя и охранителя — в том, чтобы пробуждать себя и индивидов к этому и укреплять в нем. Для этого только следует раскрыть пространство, подготовить пути и предпослать указания — это <и есть> пробуждение свершения бытия.

Лишь тогда, когда это изначальное *одиночество* Dasein будет познано и пока оно познается, может вырасти подлинная общность на основе почвенности; только так можно преодолеть общественное мнение случайно собравшихся и согнанных вместе <людей>.

154

«Экзистенция» как стояние-за (Ein-stand) и признание в бытии; «в» бытии к сущему; это <сущее> *привести* к человеку.

Вопрос о бытии — выпрашивание сущего.

155

Кто знает, от чего мы зависим?

Сущностная случайность бытия (расщепление). Она есть ужас его сущности и одновременно сокрытость благословения.

Лишь на «основании» этого, т. е. *данной* случайности как таковой в бытии, становится видимой и в этом очевидной вся поверхностность *наук* — исследование причин, — насколько они лелеют видимость истины только в предварительно затемненной области.

[О том,] как «Положение об основании» со времен αἰτία²³ в ἐπιστήμη²⁴ продумано как *присутствие* кажимости расщепления — и несет в себе, собственно говоря, отказ от сущности бытия, постоянно поощряет его и будет поощрять. Случайность в сущности бытия должна принадлежать его истине, несмотря на то что вся свора специалистов и рационалистов восстает против этого.

Случайность и бездонность и даль и широта грядущего бытия. (Ср. S. 41.)

Ссылка на ситуацию есть увековечение поверхностности и тривиальности. Во всяком случае, она совершенно неспособна определить местоположение признания (сознания вины) — ибо именно *ситуационный зуд* отвергает усилие издали пришедшего и повсюду определяющего наброска колеи, ко-

23. Причина, основание (*греч.*). — Прим. пер.

24. Знание, умение, наука (*греч.*). — Прим. пер.

торой человек как раз и придерживается. Ведь этот зуд играет только с данным, полагая и внушая нам, что это и есть «действительность».

159

Политическое возбуждение молодых (не молодежи).

Молодежь в значительной степени вовлечена <в эту активизацию>.

Это свершение (Geschehnis) сегодня

1) под маркой «партийной политики» вызывает подозрение, старые люди держатся от него подальше, объясняя это лозунгом: угроза объективности и предметности «науки»;

2) или же оно — что является еще более роковым, поскольку еще больше вводит в заблуждение, — фальшивым образом претворяется в нечто безобидное — «политическая тренировка» — «индивид и государство». Тем самым, помимо прочего, надеются быть на «уровне современности». 82

3) Или же впадают в суженную имитацию партийной деятельности. Не только превратное использование политического возбуждения, но и саморазрушение.

Но все это — лишь сумятица и замутнение становящегося сопряжения (Fügung) и начинающегося сплачивания (Fug). Вместо этого <будет справедливо> такое указание:

Возбуждение — не мимолетное щекотание, — но возникновение живости принятия (Übernahme) сущего — выдерживание ранней строгости, приближение добровольной дисциплины (Zucht) — пробуждающаяся привязанность к тому, что теснит. Труд — народ — дисциплина — государство — начало мира.

Все это, вероятно, еще беспорядочно расходится друг с другом и наталкивается на унаследованное из прошлого и застывшее, и тем не менее <существует> *единое* — другое (*das Eine* — *Andere*): отсутствует и остается позади чистое саморасчленение и <само>-сравнение — исключение-себя-самого как типичная возможность в отличие от многих других — преодоление увязания во всепоглощающем и парализующем «анализе» и ложном теоретизировании.

83 С другой стороны, сохраняется ошибка поверхностного разведения так называемой действительности и идеологии; ни одно и ни другое — т. е. изначальная связность свершения бытия не осознается и не понимается, и именно поэтому все знание как таковое ложно трактуется и обесценивается и, соответственно, легко проговариваемые «доктрины» без труда принимаются на веру.

Все это так, поскольку не имеется врастающего в почву (*Grund*) настроения, в котором могло бы достигаться отсутствие сущностного напора. Вот почему нет подверженности (*Ausgesetztheit*) сущему как целому — нет подведения к сущему — нет признания себе.

И все же снова пред-носимое превосходство в том перенятии сущего — тем настоятельнее, раз оно должно сохраняться и одновременно, расширяясь, приобретаться, возврат возбуждения в соответствующую колею свершения бытия. См. S. 77.

84 Перенятие сущего в дисциплину полномочности бытия и через нее. Это перенятие как выспрашивание (расщепления). Это недавнее поразительное возбуждение молодых вместе с необычайными старшими — но оно изначально претерпело превращение. Но <тут> уже, как бывало издавна, вовсе не помогает ссылка на некую более высокую и вы-

сочайшую реальность — христианство; выдуманый миф какого-либо рода; и это не потому, что именно она (эта реальность) сделалась бессильной и опустошенной и лишенной корней — без убедительности и силы выросшего в плодородии и благословении, — но потому что человек и мы в особенности (как уполномоченные) отстали и оказались позади сущего как такового.

Нужно еще более высокое, чем все это, — само бытие в его расширяющейся широте и глубине привести к признанию (экзистенция).

Подобно неумолимости того возбуждения также *чуждость* этой первейшей задачи; сделать ее в нас укорененной и связующей силой. Основной вопрос — (см. S. 78, тайна...).

NB. Защита от двояких ложных пониманий:

1) будто речь здесь идет о философском фундаменте для какой-то в узком смысле политической возни;

2) будто вообще еще представляется удобный случай, чтобы заниматься какой-то «философией».

Даже если это постигнут лишь немногие: мы уже слишком далеко выброшены из мертвой колеи сытого комфорта, которая довольствуется улучшением и перегруппировкой доставшегося по наследству; мы уже давно разъедены в <своей> сущности, чтобы с помощью подобного нас можно было бы как-то привести в движение. Мы всерьез воспринимаем основополагающую вражду к философии и считаем эту так называемую широко распространенную суету мошенничеством. Мы можем только это и лишь до тех пор, пока не решились на неумолимость сущностного вопрошания.

Мир перестраивается; человек стоит в начале пути.

160

Борьба вокруг античности (греки, ранние) только разгорается, не как борьба за приобретение и оставление чего-то, не борьба за масштаб и тип распределения былого — но как *борьба за начало*, за понимание начала и признание неизбежности начинания и тем самым за предварительный заброс <со стороны> дальнего распоряжения — как его настижение. (См. S. 58, 89, 132 сл.)

86

161

Абсолютная проблематичность (*Fraglichkeit*) бытия как полыхание пламени на очаге сущего. (См. S. 97 внизу.)

162

Сейчас открыли «идеологии» и превращают их сразу же в «иллюзии», а наряду с этим держатся за «действительное», сужая его до обыденности и внешней нужды, и впадают таким образом в аналогичную ошибку — с обеих точек зрения сущее и бытие не понимаются. Но зато действительное наделяют религиозным, мало того, протестантским притязанием, загоняя людей в церковь, и называют это осмыслением «экзистенции». Литераторы кидаются теперь не на «дух», который они отвергают, а на «ландшафт» и «народ», и убожество этих действий еще большее, чем предыдущее.

163

Наука: они живо ссылаются как раз на строгость и неприкосновенность *метода*, когда ощущают

скудость и убожество рассматриваемого предмета и хотят это скрыть; тогда как наоборот, сущность предмета и создает его метод, но наряду с этим не позволяет стать независимым, а как бы впитывает в себя, *так что* при этом путь, как относящийся к предмету, еще и становится весьма существенным. 87

164

Мыслить заранее с опережением в задаче перенятия величия и таким образом одновременно переместить действие в силы не поддающегося расчетам неизбежного.

(Свершение бытия.)

165

Закон сущности (а) простой глубино-широты *Da-sein* — *бытие* бытийствует (*das Sein west*).

В полномочности сущности перескочить все, к чему мы неопределенно стремимся, все догнать, куда мы достаточно смутно мыслим, все освободить и осуществить (*zum Tragen bringen*), что нас теснит и принуждает.

На основе подобной полномочности внести согласие в творение (*Werk*).

166

Основывать философию в ее подлинном существе, и все же не основывать на ней *Da-sein*; но, возможно, именно с целью обоснования человека исходя из сущего и в сущее!

Мышление и творчество. (Denken und Dichten) (S. 121).

Мышление есть...

Подобное очерчивание границ творит само; ибо то, что является мышлением, нигде не находится и не копируется — но открывается только предписывающе-формирующему наброску, и это есть здесь выхватывание в понятие.

Но это выхватывание истолковывающее, т. е. мыслящее.

Итак: творчество и мышление <нужно> переплести друг с другом и тем самым было бы добыто их «что» в связующе-разделяющем определении. Но подобный образ действий хотя и в начале неизбежен, <это> все же только первое схватывание чего-то прежде всего без-основного и без-перспективного — что еще тут имеется из словесного озвучивания.

Вопрос: где и как изначальное единство того сплетения становится свершением и обретает свою необходимость и задачу? В сущности философии <лежит> выспрашивание сущности (а) бытия.

(Поэзия как миф

Поэзия как творение в узком смысле. «Стихотворение».

Поэзия как философия.)

Должны ли мы сегодня в конце концов *порвать с фило-софствованием* — поскольку народ и раса до него уже не дорастают и в результате этого его сила лишь все больше дробится, ослабевая до бессилия.

Или же этот разрыв вовсе не требуется, поскольку никакого свершения уже давно больше нет?

Значит, бегство в веру или какую бы то ни было дикую ослепленность, пусть даже только ослепленность рационализации и технизации.

Или же этот *разрыв* должен также *совершаться* как начало — так что это окончание стало бы самым настоящим сбыванием и последним усилием.

Но что разрывается и за-канчивается? Лишь то бедное-началом протекание истории пост-греческой «философии». Демонтаж <есть> «раз-рыв».

Так чтобы этот разрыв стал тем же самым открытием начала, повторным началом (ср. S. 85). Тогда было бы достигнуто величие заката — не как чего-то нестоящего — а как захваченность и стойкость в глубочайшей и исключительной задаче немца. (Ср. S. 21.)

Отыскать наиподлиннейшую задачу и, претворяя ее, снова привязать к сущему в целом.

Не возбуждающее любопытство своеобразие «личного», а совокупное величие творения (Werk).

Заметки для памяти:

насколько далеко работа и <занятая> позиция (Haltung) находятся в стороне от путаницы «течений» и названий;

насколько сильна их невосприимчивость в отношении мнимой повседневной настоятельности текущего момента;

насколько велика уверенность в невступлении на ложный путь притязаний сегодняшнего дня.

Не перепутать себя с «публично» обрисованной и внушенной «самостью».

Вхождение в ужас и скуку и благословение бытийствующего бытия (des wesenden Seins).

170

Против приоритета бытия перед сущим!

(Понимание бытия и традиционный вопрос о бытии.) А отсюда: *вообще против бытия!*

91

171

Привязка к заключению «Бытия и времени I» (S. 437 сл.)
После этого «исследование» «попутно» в развертывании вопроса о бытии.

Попутно на каком пути? О понимании бытия — Dasein — временность — время к «смыслу бытия».

А бытие? В каком замысле (Vorhabe)?

1) Нерасчлененно и некатегорически: состояние вопроса традиционной онтологии, способы бытия (региональных) областей, модальности, связка — все *продумано* и *пронизано* ориентированным на них пониманием бытия.

2) «Расширение» греческого ὄν²⁵, οὐσία²⁶ (qua²⁷ постоянного присутствия и *против* «становления») на все, что не является Ничто.

3) Таким образом схваченное бытие, *соотнесенное с* пониманием.

4) Это понимание, одновременно возвращенное в «экзистентное».

Это понимание — «попутно» на пути, который просто где-то пролегает? Или, судя по признакам (εἶναι — νοεῖν — λόγος²⁸), был бы проложен — без сомнений (ср. S. 95: видимость бытия) в том, что

25. Сущее (греч.). — Прим. пер.

26. Существо, сущность, действительность, бытие (греч.). — Прим. пер.

27. Как (лат.). — Прим. пер.

28. Быть — понимать, думать, значить — логос (греч.). — Прим. пер.

этот путь уже мог оказаться ложным, мало того, что даже «бытие» и сущее несправедливо обладают этим приоритетом. Начальный путь сразу же предлагает взгляд на сущее, которое теперь вообще воспринимается окончательно как цель пути — это хорошо замечено и позднее во всей традиции до Гегеля и Ницше. 92

Для обеспечения этого пути и даже для принуждения опять идти этим путем я призываю на помощь величие начала и тем самым существенное предварительное описание задачи.

И все же — остается сомнение, не окажется ли все это в конце концов ложным путем — или же не достигнет ли нас именно из этого начала и его продолжения абсолютно другая задача — задача «повторения».

Прежде всего разрыв, которому нельзя спастись в демонтаже, поскольку он только повторяет этот «путь». С другой стороны, нельзя полагать, что все можно начать заново — из пустоты; напротив, — *еще* изначальнее <исходить> из существенной задачи, связанной с началом, и оттого по отношению к нему *свободнее*.

Необходимо плотное сжатие (die dichtende Verdichtung) сущности, чтоб так довести «бытие» до исчезновения (ср. S. 101). Для этого нужно сохранить всю предыдущую работу (особенно с момента появления «Бытия и времени») в качестве сильнейшего противника и далее укреплять ее. 93

До сих пор путь для меня был еще во многом слишком легким, скорее игра — в которой вещи шли в руку, — чем борьба. Обретенный теперь противник и то, что одно лишь доступно передаче <другим>, — но не как таковое, — а именно только в себе; уже и так это противится традиционному забвению в вопросе о бытии.

Теперь найдено слово, которое можно произнести, за которым может развертываться подлинное плодотворное молчание. (Ср. S. 9 вверху, 69, 115.)

172

То, что *трудно* (изобилует <всевозможными> обстоятельствами и препятствиями), не является *тяжелым* (по весу); то, что тяжело, не обязано быть *глубоким* (указывающим в бездну). А то, что глубоко, все же не обязательно должно быть *серьезным*.

173

Человек и бытие. (См. вверху S. 76, 116, 119.)

Это «отношение» абсолютно темно, если вообще такое существует. Ни со стороны одного (человека), ни со стороны другого (бытия) не услышишь звучащего согласия или даже не выдумаешь его. И таким образом это отношение вообще еще не подверглось вопрошанию — несмотря на то — или именно потому, — что «субъект» издавна впряжен в тему философского вопрошания, будь то лишь в удалении (*Abgelöstheit*) «логического» или с целью оставить человека на пути к «сознанию вообще» и тому подобному.

Прежде всего является неизбежным <следующее>: достаточное, хотя и одностороннее, прояснение бытия, а не только *понимание* бытия.

«Человек» в противоположность этому, как кажется, истолкован в достаточной мере; но это только так кажется; ибо во взгляде на отношение упускается из виду именно *понимание бытия* как фундаментальное свершение и лишь задним числом подключается под чужими психологическими названиями и возможностями (*ratio*, разум).

Итак, *против* антропологизма за человека — *против* «экзистентного» («Existenzielle») за экзистенцию — (выступление qua выступающее наружу стояние вовне (состояние) сущего) — *против* экзистенции за Da-sein, «против» Dasein за бытие, *против* бытия за сущность.

95

В бытийствующей сущности к *единственности* *уединенности* бытия в Ничто.

С помощью понимания бытия дать людям войти *в себя*, но это «внутреннее» есть внешнее — и в самом внутреннем вырастает предельное, крайнее. Неизбежное.

Глубочайшее есть широчайшее.

Но предельным остается бытие, хотя и прежде всего лишь в его *видимости*:

a) как самое общее и пустое; поблекшее и расплывчатое много- и все-значимого; количественное;

b) как чистое «понятие» и «абстрактное»;

c) даже как основание — qua условие возможности в неприютности так называемого априори;

d) как возвысившееся постоянное присутствующее (ὄσῖα);

e) как продолжающаяся всегдашняя высказываемость (Sagbarkeit) «связки» «есть», ее «высказываемости» *настойчивость* по отношению к «сущему».

Жертвой этой *видимости бытия* (ср. S. 91) должно пасть начало, так что вообще бытие оказывается в сетях вопроса о бытии и уже не допускает более плотного сжатия. (Ср. S. 19 внизу.)

Захваченная силой этой видимости, возникает философия. Она и так уже функционирует — становясь «наукой»; или же примысливает себе самостоятельность, благодаря которой она позиционирует себя «рядом» с религией и искусством. Исходя из этой самостоятельности она пытается *давать* и обосновывать, но в конце концов толь-

96

ко берет и должна признать, что служит чему-то иному.

А что такое Иное? Не вера и ее блага, а то, что философия оставила, когда отдала себя в распоряжение видимости бытия и не могла не ослепнуть, не видя случайности самого бытия, в которой заключена высшая и острейшая необходимость уплотнения (*Dichtung*) сущности.

Но возможно ли снова воспрепятствовать этому упадку — разумеется, нет — до тех пор, пока еще мы не доросли до начала и великую эту видимость не отпускаем на простор и на ее основе не воодушевляем на выполнение задачи (*an ihm den Auftrag entzünden*).

97 Но та видимость бытия переворачивается перед людьми, и таким образом человек отражается в ней как одно сущее среди других. Тем самым его обманывают, будто возможно выйти за пределы отношения человека и бытия, что он все же должен был бы сделать, если бы пожелал спросить это целое отношения. Если только он не вступил бы в Ничто. Но оно <есть> только видимость той видимости, пока она допускается лишь как Измышленное Вымышленное (*Zerdachtes Ausgedachtes*).

Но если предельное есть только глубиннейшее в человеке, то внешнее становится внутренним в более глубинном и глубоком, чем «там», где человек оказывается давно оставленным и обнаружившим себя в высочайшей задаче своего существа.

Вернуться оттуда как совершенно чужой и принести с собой самое странное — и установить.

Бросок в бытие и дрожь заброшенности в сущность как *язык*.

Язык: очаг мира (ср. S. 75, 117). Здесь единственность раскрывающе-скрывающего разобщения в простоту одинокости Dasein. (Со-звучие.)

175

98

Наука: насколько далеко мы — несмотря на всю ее назойливость по отношению к сущему — именно *из-за* нее — отторгнуты от сущего и предоставлены своему самоотчуждению. Но даже так мы остаемся еще заброшенными в бытие.

Эта беготня-за-науками у «философов» столь же смехотворна, жалка и традиционна, как столетней давности постоянное-вынюхивание-тогдашней-«философии» со стороны теологов.

176

Насколько далеко должно быть природо-знание от *природы*, чтобы оно расценивало как свой успех основанное на нем безумие техники?

Куда сбежала от нас *история*, так что смогли распространиться газеты и система партий как ее хранители?

177

Люди, чей нос чует запах разве что послезавтрашнего дня и у которых во всяком случае вкус позавчерашнего еще на языке, рядятся в знатоков и создателей «новой действительности».

τὰ γὰρ δὴ μεγάλα πάντα ἐπισφαλῆ, καὶ τό λεγόμενον τὰ καλὰ τῷ ὄντι χαλεπά²⁹.

Все великое шатается и колеблется, пребывает в буре. Прекрасное трудно.

Последняя фраза представляет собой древнее изречение (Солон²⁹), и она вместе с первой выражает всю совокупную сущность греков. Все вместе слилось в <прилагательном> δεινόν³⁰ (см. Антигону Софокла).

Прекрасное трудно раскрывать, вынашивать и хранить. Эта трудность говорит о том величии, которое неустойчиво. Во всем этом масштаб сущего как одного из такового. У Платона только еще воспоминание, а после него и уже через него вырождается в пустую и лишенную корней convertabilitas <convertibilitas?> ens, vegum, pulchrum, bonum³¹ или вовсе растрачивается в ужасной фразе об «истине, благе и красоте».

Из этого изречения <можно> узнать настрой начала. *Потаенный глубокий траур о скрытом из-бывании сущности к бытию как присутствию.* (Ср. место, время, речь, внешний вид, «взгляд».)

Окольными путями к Богу, Который «умер». (S. 109.)

29. [Platonis opera. A.a.O. Tomus IV (1902),] Res publica, VI, 497d9; IV, 436c8. — «Ведь все великое неустойчиво, а прекрасное, по пословице, действительно трудно» (Платон. Государство, книга VI//Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 278. — Перевод А. Н. Егунова. — Прим. пер.)

30. Страшный, внушающий ужас, страх (греч.). — Прим. пер.

31. Взаимозаменимость сущего, истинного, прекрасного, благого (лат.). — Прим. пер.

Одни увлекаются вневременным и внепространственным делом основопологания. При этом только «основание» есть все еще «действительное», и даже оно истощается. Все более слабым и пустым, но также все более претенциозным становится это раскручивание в чистое кручение. Здесь результатом должно быть окончательное основопологание, за которым затем должно идти решительное продолжение исследования, где сотрудничают многие. Здесь едва ли еще есть действительное, которое могло бы заместить действительность.

Другие окунаются в «ситуацию» и ставят на службу моральному (стоическому) существованию и выдерживанию этой самой ситуации «Бога» (трансценденцию) и «мир» (принуждающее знание). Здесь все остается как у «древних», т. е. как прежде в усредненном кантианстве. Здесь нет дальнейшего развертывания, но есть пустой все более ослепляющий бег-на-месте, а то, что есть и могло бы быть кроме этого, сводится к «шифру» для некоего «х», и это метание шифров отдается на откуп какому-то пустому упоению.

И те и другие без будущего и без прошлого, а потому представляют собой лишь видимость настоящего. У первых философия есть нечто созидаемое по аналогии с «науками», но и эти таковыми не являются, а суть (сегодня и по-прежнему) блуждание — к чему тут основопологание? У вторых случай для морализирующей психологии различных человеческих возможностей философствования.

Везде отход от истории, а потому окольные пути к чему-то, что должно бы позволить встать *надо* всем этим.

Тот, кто вступает на эту стезю, хотя и должен знать эти препоны, но ему нельзя ни на миг уклоняться в их «опровержение».

180

Бытие *бережно* укрывать и сохранять, чтобы таким образом помочь существу обрести власть.

Бережное укрывание в замалчивании сущности; но замалчивание нуждается как раз в раскрывающей речи о бытии. Вопрос о бытии необходим, но лишь как подлиннейшее служение господству сущности.

102

181

Та тщеславнейшая скромность, которая воспринимает себя только как повод, чтобы без остатка закрепить неподобающее раздувание и отражение в публичной сфере, — чтобы отвратительное расхваливание собственной ничтожности окутать блеском так называемой добродетели.

182

Психиатрия трактует об «эксперименте», который дает возможность осуществления самого сущего в плане отношения бытия и ничто.

183

«*Бытие и время*» (см. S. 20) — работу, которая при этом была *средством и путем*, чтобы в первую очередь поставить вопрос о бытии, все те, кто выдает намерение за «экзистенциальную философию», превращают в цель и результат. Ведь это приносит такое удовлетворение, так удобно и успокаивающе — выискивать многочисленные заимствования из Кьеркегора; в сознании этого «детективного» подвига человек обретает покой или же «задирает нос» и препо-

ручает подлинную проблему — кому же? да никому, — ибо вовсе не видит ничего из-за сплошной экзистенциальной философии. Но для чего современники ругаются — если это так и есть — ведь сам автор совершил ошибку, скрывая главное! Или это было «бессознательной» осторожностью, благодаря которой это главное осталось невредимым, не будучи мелко нарублено и ссыпано в крутой замес «ситуации» и «экзистенции» и «решения».

Истерицистская экзистенциальная возня и все, что с ней связано и из нее следует, ссылается на Кьеркегора и Ницше, доказывая тем самым, что ищет опору у тех, кто проявляет неспособность философствовать масштабно, но продолжает философствовать дальше с тем, что еще осталось, — с неспособным индивидом. Ни Кьеркегор, ни Ницше не обладали мужеством и прежде всего силой — если уж на то пошло — прекратить <заниматься> философией, — но в этом есть, как в любом человеческом творчестве, нечто позитивное, а не просто обычное угасание и убывание, да и Гегель, завершитель, завершая не поставил заключительную точку, поскольку он уже не понимал начала.

184

104

«Бытие и время» на своем пути — не в отношении цели и задачи — не справилось с тремя «искушениями», исходящими из окружения:

1) с позицией «основополагания» из неокантианства (ср. S. 113);

2) с «экзистентным» — Кьеркегор — Дильтей;

3) с «научностью» — феноменология (ср. S. 73, 133).

Отсюда *определяется* и «идея деструкции». (Ср. S. 128 сл.)

«Критика книги» видит только эти проявления

зависимости по отдельности и полагает, что может собрать из них цель и задачу [она не видит несоразмерности задаче].

Показать, в какой степени сами те три вида зависимости проистекают из некоего³² внутреннего упадка философствования — забвения основного вопроса; что они *поэтому* — а не потому, например, что они представляют лишь сегодняшнее, — абсолютно непригодны к тому, чтобы проложить *путь* <для решения> основного вопроса. (Ср. S. 107.)

Может ли само выспрашиваемое в основном вопросе настаивать на пути и определять его; для этого нужно сначала в достаточной мере быть полномочным в сущности — таким образом уже распрошенным — к чему тогда еще поиски пути? Это путь творчества (*der Weg des Werkes*).

Мы говорим *слишком много* о расчленении несущественного,

105 мы говорим *слишком мало* о полномочности сущности.

185

Отсутствие напора со стороны бытия. (Ср. S. 122.)

Несущность (*Unwesen*) бытия разрушила все бытие. Осталось: мимолетность всего сущего и соответственно эта легчайшая способность к схватыванию чего угодно. — Ничто не стоит <на месте>, но и ничто не ускользает.

186

Забвение бытия есть безудержная зевота, распространяющая пустоту на всё.

32. Phä Zhng (?) [написано между строк].

Забвение бытия лишило сущее его корней и предоставило увяданию в безразличии всякой всячины. *Пренебрежение догоняющим вопросом есть ошибочное наваждение.* Ницше говорил: «Бог умер»³³ — но именно это сказано *в христианском духе*, как раз потому что *не* по-христиански. А потому «вечное возвращение» есть только христианский выход <из положения> — чтобы лишённой веса «жизни» снова предоставить возможность серьёзного. И это остается попыткой спасения в «сущем» против нигилизма сущего. И поэтому оно становится унаследованным пониманием бытия — еще к тому же взятое со всем огрублением; «сила» и так далее.

Но — мы можем встретить не-сущность (Un-wesen) бытия только <исходя> из сущности. Мы должны вернуться туда, где человек *бросается* в сущность бытия. Найти траекторию броска и этот путь проложить для человека. 106

Но сущность никогда не поддается «усмотрению». (Ср. S. 55.)

187

Жажде «основополагания» соответствует намерение *конструирования «всеобщего»* — доступного каждому «мировоззрения». *И то и другое* могут быть надстроены или «основаны» посредством «*вопроса о бытии*».

Но если отказаться от вопроса о бытии? Только потому, что он не оставляет в стороне жалкое копанье в убогой человечности?

Но что поставить на его место? Должна ли еще существовать философия? <Ей> конец! Прямо действительное окончание? А уж «антрополо-

33. [Friedrich Nietzsche: Die fröhliche Wissenschaft. Werke (Großoktavausgabe). Bd. V. Kröner Verlag: Stuttgart 1921, S. 163.]

гии» и подавно. — Или же действительное творение (Dichtung) бытия.

107

188

«*Основоположение*» как вопрос об «*условиях возможности*» — этот взгляд на вопрос покоится всецело на закрепленном в присутствии (Anwesenheit) (ἀεί — a priori) понимании бытия в видимости бытия. При этом заранее обеспечивается «основа» и посредством способа вопрошания отграничивается круг возможного «понимания». Понимание, направленное на «изготовляемость», настроено на нее как на свою область господства. Но что это за «изготовление»? Нетворческое — ибо заранее — а лучше задним числом — наличествующие «условия» уже установлены.

Вопрос: как оно должно находиться в «основе», чтобы мы понимали исходящее как понимание бытия и результат такого понимания? Какое *наше* понимание мы делаем тут масштабом проясненности, — чтобы мы были «удовлетворены»? <А если> спросить о происхождении всего этого способа? Из господствующего понимания бытия! (Круг!)

Кант — Лейбниц — Аристотель — Платон

Как в каждом случае состав условий и поле условий — насколько сами обеспечены или только подобраны и внутренне логичны [?] — непротиворечивость мышления — εἶδος — ὄλη — λόγος — ἐπιστήμη — τέχνη³⁴ обсуждаемость — *непротиворечивость* — возможность — сущность. (Ср. S. 110: Присутствие (Anwesen) у Парменида.)

34. Вид, наружность, красота, качество, идея — вещество, материя — логос — знание, умение, наука — искусство, ремесло, наука (греч.). — *Прим. пер.*

189

108

Куда бы ни забрасывал себя человек, туда распространяет он пред-чувствие своего направления, «здесь» (da) возникает «Здесь» (Da), изначальная открытая вместимость и отсюда — пространство. Сквозь это пространство устремляется полет времени — «в» пространстве-времени [?] образуется мир. — В нем бытийствует расщепление.

При таком броске подключается случай — сущность (a) в своем сбывании (Geschehen) вовсе не представленное в обратном направлении возникновение чего-то изготавливаемого. А то ведь только *таким* пониманием окажется схваченным поддающееся схватыванию — приготовленное, — где не может затесаться ничто такое, что исходит целиком из себя и проталкивается в сущность.

190

Изначальное молчание как еще-молчание в пред-чувствии языка и исходя из этого пред-чувствия. Но то молчание не бездеятельно, а <является> лишь-открывающим вслушиванием в [сущее].

191

Расщепление: обрушение и избыток. Разделенное согнуть воедино.

192

109

Из себя (него) выдвинут человек, и это служит свидетельством броска его (само)забрасывания, в <ходе> которого было проделано то <вы>движение. Самозабрасывание и *зablуждение*.

193

Почему нам нужно вернуться к началу? (См. S. 121.)

Потому что мы выброшены из *колеи*. Свидетельствует об этом отсутствие напора (S. 105). Но колея эта представляет собой колею самозабрасывания человека в (сущность); в этой колее ему открывается сущность бытия (S. 106). Лишь в этой колее и в мощной траектории ее броска следует поднимать вопрос о бытии — возможно, как демонтирующий <его>.

Но отсутствие напора — почему не оставить так, как есть? Уже в связи с тем, что мы его познаем и высказываем, — мы вовсе не являемся <чем-то> «избыточным» («darüberhinaus»), но еще пребываем в *послечувствии траектории броска заброшенности*.

Возврат к началу, который непременно будет завоеванием, не стремится поэтому ни к какому улучшению философии — в качестве компенсации за небрежение античностью — или как обретение образца и тому подобное. Ибо — судьба философии всецело открыта — возможно, ее ожидает конец и задача ее прекращения.

Упомянутое послечувствие является еще слабым воспоминанием о былом величии человека в начале <пути> — и, быть может, нужно, чтобы это величие вернулось, чтобы «конец» мог осуществиться и стать новым великим началом.

194

В пред- и после-чувствии величия человека как самозабрасывающего стоят — вопросы (S. 121). В них <нужно> укрепляться и развиваться. —

Туда <следует> помимо прочего отогнать теперешнего человека — настроить настрой в вымалчи-

вающем вопрошании. При этом тогда — то, что мы так называем, — мимолетность и чисто душевно-телесное — понимать во внешнем смысле — но, однако, не действовать *сверх этого*. (Промах в з<имнем> с<еместре> <19>29/30³⁵.)

195

<О том,> Как первое самозабрасывание *схватывается* и увязает в том, что оно открывает (бытие — присутствие (Anwesenheit) — восприятие — взгляд). (См. S. 124 сл.) Располагать по приоритету: единственности и единства присутствия (An-wesen) (см. в связи с этим S. 107 внизу). От-сутствие (Ab-wesen) оста- 111
ется отвергнутым; это вопрошание не совладевает с ним при господстве и превосходстве присутствия (An-wesen). Сущность как будто бы единственно-едино-ясная — ограничена присутствием настолько, что, наоборот, только из него повторно устанавливается всякая «сущность» (ἀεὶ ὄν — вечность и тому подобное; см. даже ἄπειρον³⁶ Анаксимандра!).

Эта вынужденная (verzwungene) сущность даже не позволяет, чтобы изгнанное из нее от-сутствие (Ab-wesen) понималось дальше и глубже, а не только формально негативно — не говоря уже о том, чтобы оно было собрано обратно в сущность. (Однако <не забывать> Парменида; Diels, Fragment 2: λεῖψσε ..., см. л<етний> с<еместр> <19>32³⁷!)!

35. [Martin Heidegger: Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt — Endlichkeit — Einsamkeit. GA 29/30. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1983.]

36. Беспредельное, неопределенное, безграничное, бесконечное (греч.). — Прим. пер.

37. [Heidegger: Der Anfang der abendländischen Philosophie. GA 35. A. a. O., S. 174 ff.]

112 Только как «части» времени и как $\mu\eta\ \delta\upsilon\tau\iota$ они получают затем весьма странные права у Аристотеля. Но что в ту пору *так* укрепилось <в рассуждениях> о бытии (сущности) и времени — это суждение <об> удержанном начале, при котором и должно <все> оставаться, — <подобно тому> как новое закрепление, несмотря на конечность и «спасение души» и «историю», — да как раз и благодаря этому — произошло именно через христианство. Как <это> не удалось понять «Новому времени», мнившему себя «свободным» в полной запутанности диалектики; как Кьеркегор и Ницше решили полностью отказаться от этого вопроса и повернулись ко всему спиной, оставаясь при этом как раз в оковах, — как сегодня все колеблется, пребывая в сильном замешательстве и полной неосведомленности.

Однако от-сутствие само по себе не вставить, навертывая задним числом, но <, напротив,> нужно преобразовать сущность — и снова обрести ее как таковую.

А от-сутствие богаче, могущественней и обладает более изначальной сущностной силой, чем избыточное присутствие. Отсутствие как бытие-в-прошлом и как будущее. И то и другое как изначальное разгибание сущности и бытийствующее единство. И наконец, присутствие есть только забвение этого последнего.

196

Как в самозабрасывании возникает *сущность* — что об этом можно узнать и каким образом. В сущности берут исток истина и заблуждение.

Намерение «основополагания» (см. S. 107 и др.) лишь имитирует «радикальное» вопрошание, но застревает на поверхности того, *что* должно быть основано. «Основание» и возврат к нему уже «готовы» — т. е. установлены, гарантированы и обговорены.

Эта вводящая в заблуждение манера с самого начала овладевает науками (у Платона *ὑπόθεσις*) и далее (Декарт...). И теперь, наоборот, опираясь на них, упорядочивают «философию», делая ее неопасной — неким якобы постоянно растущим складом надежных знаний, которые, коль скоро одно из этих мнимых <знаний> должно сохраниться, имеют только тот недостаток, что никакому черту, не говоря уже о человеке, до него нет дела. Однако и на это у научной философии имеется еще одно объяснение: это, мол, и не нужно, истины имеют силу сами по себе — так что давайте оставим их в покое вместе с их занудными хранителями. Но иногда даже самим этим сторожам надоедает заниматься своими сокровищами — и тогда они удирают оттуда и затевают сумбурную полемику — якобы для защиты их философии, на которую никто не нападает.

И эти <науки> уже <подаются> как ядро культуры — (христианская истина — *sapientia*). А философ, занятый делом основополагания, становится таким образом «основателем». Теперь же возлагают на себя — более или менее хорошо — роль того, кого ожидают для продолжения существования мира, — чтобы затем окончательно заняться строительством; а если мир не согласится сделать такое одолжение, его объявят слепым и бестолковым. Однако этот тип «философа» нельзя даже назвать смехотворным, поскольку эта фигура утратила даже оттенок какой бы то ни было смехотворности.

115

198

Философ никогда не является основателем — он совершает прыжок вперед и стоит там в стороне, хлопчет о ясности вопрошания и охраняет строгость понятия и таким образом правит пространством-временем свободного творчества в полномочности сущности, <давая> основание человеку в почве — творении — борьбе и гибели.

199

Вопрошание надрывнее и жестче любой пустой остроты «мышления»; оно более *захватывающе* и верно, чем все привнесенные чувства.

116

200

Благодаря историческому «воздействию» («Wirkung») Платона и Аристотеля на христианский Запад был создан образ воздействия философии вообще. А если бы здесь наличествовала противоположность философского воздействия, или если бы даже философского «воздействия» вообще не существовало?

Философия не может воздействовать — не более чем путь или колея; она может только выявлять необходимость и опасность воздействия и сохранять зоркость (*scharfhalten*).

Что из этого следует для «штатного преподавателя философии»? Он не в состоянии учить философии в доступном для преподавания виде; еще меньше он может, играя философией, — «провозглашать <ее> экзистентно», еще меньше он вправе распространять философские знания, — но он должен встать и: *философствовать* — и пусть будет что будет.

Но он должен, философствуя, пребывать в действительном диалоге с философами — по своему выбору. А то, что будет тут высказано, всегда оказывается лишь — впрочем, необходимым — лежащим на поверхности. (См. S. 93, 123 *внизу*.)

Животное и человек. Животное не познает, если для познания необходима открытость сущего. Поскольку истина отсутствует, нет смысла задаваться вопросом, какой «мир» «истинней» для отдельного животного и родов животных или по отношению их к человеку.

Однако животное все же чувственно «соотнесено с...» — не только в так называемых органах чувств, но и во всей телесности и как целостная телесность, — и каким-то образом «открыто» окружению — запах и цвет, например, для пчел, — но что и как здесь открыто, мы не знаем; мы говорим и спрашиваем также и здесь исходя из нашего мира — вот только не задумываемся о том, сколь действительно этот невысказанный исходный пункт нуждается в прояснении и удостоверении, — не говоря уже о предрешенной категориальности, в рамках которой мы рассматриваем «объект» исследования, называемый животным.

Хотя основные представления о бытии животных и вообще живых существ уже укоренились, мы оказываемся лишь на долгом и глубоком окольном пути к животному — это всегда «*отход назад*» от человека, — но не так, чтобы животное по остаточному методу из человека «редуцировалось» до отброса. 118

Более того, необходимо следующее:

1. Достаточный взгляд на сущность человека — душевный аспект — телесный аспект.

2. Исходя из (1) и заглядывая вперед на животное — жизненный аспект.

3. Руководящие путевые знаки движения назад, туда и сюда.
4. В этом — поворот самозабрасывания.
5. Позитивный момент в способе определения, идущем в обратном направлении.

202

Чувственность рассматривается у Канта лишь в *христианском* аспекте, т. е. исходя из *мышления*, а мышление — как «спонтанность». Таким образом, чувственность лишь «рецептивна». Абсолютно неверно — тело без него <мышления?> как животное «активно» и лишь в самозабрасывании вовлекается в бросок — впредь оно живет, образуя мир и творя в области полномочности сущности: язык (S. 97). — В броске тело приходит к совершенно новому, преобразованному раскрытию силы.

203

Никакой полемики! Не из примиренчества или же важничанья — но потому, что <я> полон и наполнен *борьбой* — против не-сущности (Un-wesen) бытия.

204

Животное и человек. Человек как находящийся в бытии уже давно подготовил самозабрасывание — не только после мнимого завершения «эволюции» млекопитающих, — наоборот, последняя является уже возвратом к базовой форме человека.

Если бы животные и вообще живые существа «познавали» — они никогда не смогли бы жить. Они были бы остановлены сущим и сами утверждены в <ранге> сущего. Но поскольку это про-

изошло с человеком, он не достиг ни цели, ни конца — но <обрел> совершенно иную задачу *построения* мира и включения тела в сущее, лишь теперь ставшее доступным овладению. В самозабрасывании начинается набросок — и в наброске как таковом — одновременно с ним, а не как дальнейшее следствие — заброшенность как явленность ужасного. Заброшенный набросок как открытие расщепленности — полномочность сущности (*Wesen*).

205

120

Человек — там, где мы его ищем (см. S. 3):

подчиняем ли мы его Богу — Богу христиан —
воспринимаем ли его как человека, *слишком человека* (*Mensch zu Mensch*) в его истории — и человек только как цель —

рассматриваем ли его как последнее отложение живого —

понимаем ли его как прыжок в бытие, т. е. берем на себя полномочность бытия — (запрыгивание в *Da-sein*).

206

Есть ли у человека какая-либо цель? Если есть, то такая: не иметь никакой цели, чтобы его возможности не были парализованы или хотя бы сужены. С каких пор человеку ставят цели?

207

Вопрос о бытии (см. л<етний> с<еместр> <19>35³⁸)

38. [Martin Heidegger: Einführung in die Metaphysik. GA 40. Hrsg. von Petra Jaeger. Frankfurt am Main 1983, S. 58ff.]

121 в обличье субстантивированной глагольной связки «есть» («ist») явно попадает в ловушку «бытия» (см. S. 62). Что означает субстантивированная глагольная <связка> — что в этой «грамматической» «категории» заложено от понимания бытия и прежде всего от бессилия бытия *bst.* [?] *отзвука бытия?* Как берет верх видимость того, будто бытие изначально соотнесено с «рассудком» и сознанием (*ego cogito*³⁹). Почему *lógos* овладевает бытием; почему *lógos* захватывается «логикой», почему учение о логосе превращается в учение о «мышлении»?

Какое ограничение, опустошение и введение в заблуждение заложено в понимании «бытия» как субстантивированной глагольной связки? (См. S. 95.)

208

Сомнительное — пресмыкательство перед так называемыми фактами, общепринятая — обычная ссылка на то, что якобы делает ненужной задачу изначального законодательства. Там, где царит это идолопоклонство — не только в так называемом позитивизме, но и как раз у тех, кто орудует «идеями» и «ценностями», — там каждая истина наброска (*Entwurfswahrheit*) — становится сомнительной как случайная и <как плод> фантазии. — Но даже если признать их существенный приоритет, все же трудно с подобающей уверенностью совершить бросок как таковой. (См. S. 51.)

209

Я мог бы теперь отнестись с меньшим недоверием к собственной работе — ибо противная сторона сей-

39. Я мыслю (*лат.*). — Прим. пер.

час едина и в полном составе — и все то, что к ней примыкает, — но эта работа должна была бы хоть самую малость принимать этих «противников» всерьез — но и этой малости они не заслуживают. 122

Пусть они и дальше спасают свою «точную» философию, слишком безобидную, чтобы подвергаться какой-то угрозе. И так недоверие должно сохраняться, *несмотря* на единомышленных противников, и усиливаться по существенным причинам — чтобы борьба продолжалась.

210

Подчиняться (sich stellen) далекому распоряжению (см. S. 109 сл., 121) — это подлинное базовое отношение к началу и означает *также* повторное начинание начала — это начало <есть> самозабрасывающее мыслящее созидание (Dichten) (S. 88) в его существенных необходимых <моментах>: — искусство — полис — философия — боги — природа — миростроение и их первая неудача и запутанность в присутствии. Закрепление вопроса о бытии.

Вправе ли мы снова *отважиться* пойти в учение к грекам и учиться у них? Чтобы в повторном начале вступить в борьбу *против* них.

211

Конец — разложение сущности к бытию (die Verwesung des Wesens zum Sein) (см. S. 105 сл.). 123

Бытие предано забвению — именно потому, что оно еще постоянно мимоходом познавалось и использовалось. Бытие было растрчено во множестве неукорененных понятий; в путанице всех (легко) устанавливаемых «диалектических» отношений между понятиями на игровой площадке (Tummel-

platz) <бытие> используется для игры каких-то систем и «научных философий», которые даже обладают фатальным мнимым преимуществом — в основном быть *правильными*, но отнюдь не *истинными*. Но эта нефилософия есть лишь следствие разложения бытия. Из-за этого Dasein *выброшено из колеи* и смещено в тупом спокойствии многократной не-опасности (Ungefähr) — где все крупное поглощено, без меры и направления — раздавлено и бесформенно и лишено внутреннего закона нации. А там, где она готова двинуться вперед, там подлинная дисциплина и порядок ее <областей> ответственности (дух и тело) остаются дополнением, чье легкое осуществление препоручено отвратительнейшим халтурщикам.

124 Как обнаружить это? Во-первых, нужно понять, что бесполезно улучшать поверхностные вещи любого рода, вместо того, чтобы принять за отправную точку самую внешнюю и обширнейшую трудность — разложение бытия. Но как познать эту трудность? Нужно ли, чтобы многое и многие ее познали? Нет — это также невозможно. О «ситуации» — не ситуации сегодняшних, но вопроса о сущности бытия — должны и могут знать лишь немногие, причем они должны молчать, если им приходится действовать в силу этого знания. Ужас перед лицом терпящего бедствие сущего не должен стать достоянием общественности. Но еще меньше потребность в придумывании нужды и напора путем ложного воспоминания о мифологическом и кипения подсознательного и тому подобное. Все это есть ведь только такое же непонимание и подобие (Gegenstück) бессилия «духа».

Поскольку от сегодняшних ничего не ускользает, поскольку они к тому же для всего легко и правильно находят соответствие, на основании чего душа-

ют всякое как уже бывшее, постольку сущностное сейчас и впредь должно замалчиваться, — но в силу этого замалчивания тем тверже и яснее пусть будет сказанное. (См. S. 115.)

212

В ясности и неумолимости *конца* высвечивается начало и новое начало становится необходимостью. (См. S. 93.) Полномочность сущности как дальнейшее распоряжение, в которое мы остаемся включены.

213

125

Начало и конец. (См. л<етний> с<емер> <19>31, приложение к S. 5с⁴⁰.)

Бытие — некогда внезапно вспыхнувшая *молния*, которая все вещи втягивает в свой свет согласно их мере и закону и весу, — теперь <это> усталая видимость, из которой ускользнули всякий вес и всякая мера.

Бытие — дар, ликование и трепет, вопрос — начало.

Бытие — затасканная собственность, болтовня, скука, имя — конец.

214

Бытие как вспышка сущности и затем постоянная видимость сущности.

Начало и история лишения полномочий сущности в бытии.

40. [Martin Heidegger: Aristoteles, Metaphysik Θ 1–3. Vom Wesen der Wirklichkeit und der Kraft. GA 33. Hrsg. von Heinrich Hüni. Frankfurt am Main 1981, S. 28ff.]

«Онтология» как упрочение и освящение лишеного полномочий бытия.

215

Деструкция (см. «Бытие и время») <есть> лишь второстепенная задача на службе вспоминающего изложения истории лишения полномочий — поскольку сам вопрос о бытии не является основным вопросом, но только первой остановкой <на пути> лишения полномочий и подготовкой поворота к полномочности сущности. «Онтология» даже не знает вопроса о бытии; где <уж там быть> *переходу* этого вопроса к «онтологии»! *Платон — Аристотель — именно благодаря их величию возросла двусмысленность их философствования.*

216

Сущность должна была уже с самого начала запутаться в бытии — *запутывание сущности* приводит к лишению полномочий сущности и создает основу для приоритета бытия. Но бытие запутывается в пред-мете; запутывание как событие сущности является формирующим (*bildend*). Пред-мет формирует свое визави в <связке> «есть», и отсюда «бытие» попадает в высказывание — *λόγος* — мышление — субъект — сознание.

Тем самым человек выскользнул из сущности, надвинул бытие только «над» собой (*idéa*), освободился от бремени и избавился от необходимости быть сущим.

Это бегство приводит к «истине» «теоретического» познания, но и к лишению полномочий начала. Отодвигание сущего — иметь-визави в созерцании — препоручается даже Богу — как Творцу; но *ens crea-*

tum⁴¹ с необходимостью приводит к вопросу — как этому его стало доступно — ego cogito. Прогрессирующая секуляризация вызывает полное отделение от начала — тем более что теперь возникает видимость того, будто бы снова наступило начало, и оно — при оживлении <интереса к> античности даже часто используется. Так что все движется — и, разумеется, не без помощи Канта — все больше к концу — именно потому, что эти усилия в отношении чистой философии обладают определенным величием. Лишь исходя отсюда следует измерять масштаб и глубину неудачи. Великий настрой давно покинул философию; вместо него <воцарилась> научность и моральные усилия в области культуры и образования.

127

Восстание <связки> «есть» («ist») против бытия и сущности и сущее как предмет и явление. (См. S. III внизу.)

Как медленно и редко мы овладеваем прошлым с его опережающим воздействием и с каким трудом *остаемся* на его уровне. Ибо нужно не отбрасывать и отталкивать, а преобразовывать его в борьбе, особенно тогда, когда мы берем на себя прошлое как начало.

217

Сущностность (Wesenheit) *сущности* (Wesen) *можно уполномочить только в ее существенности* (Wesentlichkeit) — ужас и благословение, великие настроения, втягивающие человека.

218

Однако никоим образом нельзя ложно истолковывать начальный приоритет бытия как «ошибку» —

41. Сотворенное сущее (лат.). — Прим. пер.

128 напротив: необходимо раскрывать все величие неизбежности запутывания сущности и тем самым видимость бытия — только так начало получит и сохранит свое величие и существенность и только *так* «несмотря ни на что полномочность против лишения полномочий» (das «Trotzdem die Ermächtigung gegen Entmächtigung») также обретет всю свою мощь неизбежности.

Все прочее может происходить, например, как продолжение начала в его запутанности (Verfängnis), — тем более что еще совсем не решено, можно ли осуществить полномочность сущности за пределами начала.

Но, пожалуй, надо вернуть выходящее из полномочности сущности исключительное закрепление в «есть» («ist») — причем и это закрепление сохранит свою необходимость.

Вопрос о бытии остается неизбежным путем отскока в начало — ибо только в улавливании начала может повториться полномочность сущности.

Философия относится к истории сущего — в ней она занимает свою определенную часть: поддерживать открытой достоинство вопрошания сущности, утверждать твердую ясность понятия и в этом сохранять глубину-широту великих настроев.

Никакой философии ради нее самой.

Ни непосредственное <отношение> к «тотальному» государству, ни пробуждение народа и обновление нации, и уж подавно ни спасение «культуры» как довеска к народу и государству и вовсе ни бегство в христианскую религию и ужасающие планы христианской культуры не могут и не имеют право быть определяющими в первых и последних <вопросах>.

Напротив, <нужно> в немногих деталях познавать и сохранять питаемую из далекого сокро-

венного неизбежность творения полномочности сущности. Доверяющее охранение возможности воздействия подобного творения должно естественным образом гарантироваться. Именно потому что здесь может идти речь не о создании некоего «основополагания», но о внесении сущего в целом *в пространство и колею* великого Dasein. (S. 131.)

Без этого все остается случайной и безбрежной перебранкой и слабым удовлетворением без меры и ранга — несмотря на все пробуждение масс к возросшему единству народа и нации. Если мы не достигнем того, чтобы наша история стала завоеванием признания существенной широты и глубины Dasein из замолчанной сущности бытия, то мы заслужили конец, причем жалкий и смехотворный.

Однако это не означает увековечения пустых и лишившихся корней институтов, заботящихся о духе и его сохранении. Здесь можно только произвести некоторые изменения исходя из изначального порядка (Wandel) Dasein, чтобы он был запущен в ход и в работу. Но *одно* условие среди других, чтобы взять на себя эту внутреннюю задачу, заключается в отказе от сведения счетов с поколениями и от натравливания их <друг на друга> — это остается ответвлением внешнего планирования в соответствии с типологией и психологией; основной недостаток знания о зрелости и идущем издали росте духа; *одна лишь молодость* здесь столь же мало призывана, как лица на «ключевых постах» «институтов».

219

Прометей (Эсхил) и начало философии.

Начало и мировое событие.

Мировое событие и человеческое Dasein.

История Dasein и разложение (Verwesung) бытия.

Онтология не может справиться с вопросом о бытии, причем не потому, что любой вопрос о бытии подвергает бытие опасности и разрушает его, — но потому, что λόγος не позволяет <восстановить> изначальное отношение к ὄν ᾗ ὄν⁴², ибо вопрос о бытии является только передним планом в полномочности сущности.

Вопрос о бытии есть онтологический только по недоразумению (nur im Verfängnis).

Многозначность «онтологии»

1.) Если название *вообще* означает вопрошание о ὄν ᾗ ὄν без всякого указания на горизонт и т. д., то вопрос о бытии qua вопрос онтологичен.

2.) Но если название вместе с тем означает <следующее>: ориентацию истолкования бытия на λόγος, — то, несмотря на это, более позднее начало у Платона и Аристотеля (уже у Парменида и Гераклита) является онто-логическим и все учение о категориях остается таковым — а трансцендентальная философия и подавно.

3.) Только если онтология понимается в более широком и более узком значении сообразно происхождению и границе, можно показать, в какой степени вопрос о бытии представляет собой лишь передний план полномочности сущности.

Парализован и затаскан всякий великий настрой

42. Бытие как бытие (греч.). — Прим. пер.

и постоянство <пробывания> в нем. Вот почему оказывается полностью скрытой сила вопрошания как мирового свершения. В результате — дешевое превосходство религии, которое является лишь трусливой фальсификацией массовых заимствований у философии, или мнимая жизненность политического, чье духовное бессилие вопиет к небесам.

Вот почему прежде всего и ради всего предварительно требуется одно: открытие места в мире и его великих настроев выпрашивания — власть бытия. —

Для этого <нужно> только хотеть <следующего>: творение должно быть (das Werk soll stehen) и только это. (S. 128.)

Многие же хотели бы спокойно пробудиться к тому, чтобы стать народом (ruhig zum Volk erweckt <...> werden) и даже быть спасенными, другие рады бы остаться в распоряжении нынешних крикунов-теологов и теологических писак.

223

Не закреплять вопрос о бытии в «экзистенции», а в начале как самозабрасывании в сущность (см. S. 70). Это <является> мировым событием как таковым — в его замахе человек становится участником нашей истории, больше не догадываясь, однако, о неслыханности события — как появления Ничто (Nichts) и его разложения в Нет (Nicht).

224

133

Немец — ἄτολμος⁴³ (см. S. 85).

Именно о нем надо это сказать, ибо только его ожидает взятие на себя далекого распоряжения начала.

43. Несмелый, робкий, нерешительный (греч.). — Прим. пер.

Давнишнее бессилие в отношении включения в распоряжение.

Оно проявляется:

- 1) в безграничном нетерпении по отношению ко всякому возвращению в сущностный рост;
- 2) в неумеренном расчленении (*Zersetzung*) всякого действительного вопрошания на один или несколько «психологически» объяснимых и «исторически» выводимых взглядов;
- 3) в единодушном умалении любой попытки установления мирового величия человека;
- 4) в ускользании от широты и глубины всякого мирового напора;
- 5) в отсутствии дисциплины при вбалтывании (*Hineinschwätzen*) в вещи, от которых уже заранее себя отделили.

ἄτομος: без собственной мощи ввязываться в неизбежность далекого распоряжения свершения бытия, без великой широты удержания и чуждого и враждебного.

Совершенно по-другому, чем прежде, выработать *начало* как далекое распоряжение для подхода к вопросу о бытии. Тем самым уход как от внешней «деструкции», так и от «экзистенции».

Человек — т. е. делать набросок нашего *Dasein* из — и для — далекого распоряжения начала.

Из и в τὸμα⁴⁴ выпрашивания сущности (см. S. 140).

Исходя из добытого *таким образом начала*, как ему свойственно, сущностную истину его вывести

44. Смелость, дерзость, отвага (*греч.*). — *Прим. пер.*

на свет, что до сих пор называлось «*онтологическим различием*». (См. □ и л<етний> с<емер> <19>32⁴⁵.)

226

Предпринятые прежде в «Бытии и времени» усилия, чтобы от допонятийного понимания бытия прийти к *понятию* бытия, не являются ни изначальными, ни достаточно необходимыми, а представляют собой внешнее и формальное и превратное устремление к «науке». Но даже если в этом есть нечто истинное, данная понятийная система осмыслена недостаточно. Также экзистентный оттенок «внутреннего понятия» (Inbegriff) остается недостаточным и не достаточно *начальным* — поскольку начало и распоряжение были действены лишь внешне. (См. S. 104.)

Внутреннее понятие скрытым образом уже вошло в сбывание (Geschehen) вместе с самообра- сыванием — и оно означает это самое вхождение в сущность и образуется в первую очередь и преимущественно как начало бытия в восприятии и высказывании — *мировое событие*. Но вскоре скрытым образом управляющее внутреннее понятие для знания распадается на порядок и общность (Koïno- nia) «идей» и «понятий» и затем всецело разру- шается христианским мироотрицанием и распа- дением на creator и creatum⁴⁶ — именно это затем <происходит> даже с помощью тех самых идей и по-

135

45. [Martin Heidegger: Ontologische Differenz und Unterschied. In: Ders.: Zum Ereignis-Denken. GA 73.2. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2013, S. 901 ff., а также Heidegger: Der Anfang der abendländischen Philosophie. GA 35. A.a.O., S. 31 f.] Знаком □ Хайдеггер обозначает «рукопись». — Прим. пер.

46. Творец и тварь (творение) (лат.). — Прим. пер.

нятий. В остатке — возрастающее бегство в диалектику (Гегель) или в то беспомощное разделение у Шеллинга на позитивную и негативную философию, с которым должно быть увязано христианское и сохраненное античное и идеалистическое (рациональное).

227

Именно в своем великом начале *философия* никогда не занимала господствующего положения, которое мы ей охотно приписываем, размышляя о господстве новоевропейской науки со времен Декарта.

136 Необходимо путем философствования вывести философию из этого пустого и бесплодного, мнимо господствующего положения — и вернуть ей величие надежности, соответствующее ее рангу. Оно заключается в проведении через продуманную возможность отступления — назад в очаг бытия. Это, однако, далеко от излюбленного ныне «ограничения» и устранения философии со стороны мнимо обновленного протестантизма — и подавно не сочетается со столь же слепой борьбой против «интеллектуализма» и «рационализма».

Но это отступление философии не «является» «негативным» или даже ее самооскоплением — это укрепление ее силы, более того — возвращение в ее сущность и тем самым в начало — «*свершение бытия*».

228

Теперешний напор близящихся бедствий и медленно готовящееся встраивание в далекое распоряжение начала всякий раз имеют *свое* время, и именно *таким образом* они находятся в теснейшей связи.

229

Удастся ли нам узнать или выспросить, какое преимущество даровано судьбой нашему народу? Поначалу принять подверженность (*Ausgesetztheit*) сущему (заброшенность) и превратить <ее> в ее жесткую индивидуализацию (*Vereinzelung*) и вопрошающую ясность!!

<Вопрос в том,> найдет ли философия перед этим <в себе> силу вернуться в готовность и подготовку формирующего признания этого достоинства народа и расширения его ранга, до которого он должен подняться.

Как мало тех, кого хоть теперь охватил настоящий ужас из-за отсутствия всякой готовности духа. Что знаем мы о себе — кто мы? *Кто такой человек?*

Мы полностью тут же замораживаем этот вопрос, делая из него «антропологию», — вместо того чтобы понять, что именно задавание этого вопроса все преобразует и отнимает у нас все оболочки, специальности и привычные практики — т. е. приводит все к разрушению.

230

Народ: охранение и исполнение полномочности бытия. Она <опирается на> страх заброшенности, чьей сущностной *индивидуализацией* <остается> именно народ — и его великие *индивиды*. Сущность этих индивидов следует понимать исходя из индивидуализации и в ее рамках как народ.

231

138

Сколько всего сегодня стало доступным «осмыслению» и рефлексии! Уже ничто не выдержива-

ет расчленения или не может от него уклониться. Но — что является еще более роковым — мы полагаем, что смогли бы подойти на этом пути к основанию и почве, где мы только у самих себя высасываем из крови последние побуждения и силы действующего выстраивающего вопрошания.

Суждено ли всему погрузиться в расчленение? Или мы придем и наконец приведем себя — каждый в рамках своей задачи — в увлекательный — неведомый миг народно-духовного действия?

232

Порок наук о духе — которые наводняют все духовное и рассеивают и лишают сил.

233

Лишь два пути выведут нас из всей этой беды:

- 1) решительная активизация начала и его — среди прочих <качеств> — образцовости;
- 2) находящаяся в его распоряжении необходимая работа.

234

Опираясь на Гегеля, полагают, что осмысление и осознание предпосылок науки — это высшая и подлинная наука — *cogito — me cogitare* — «сознание» есть *высшая ступень бытия* — сознается «конечное», затем <оно оказывается> уже бес-конечным.

Тогда как у Гегеля в действии только последняя потерянность в конец (*Verlorenheit ins Ende*) с христианско-духовно-абсолютным обличем. Попытка спасения — типичная для сегодняшнего <момента>, — надеющаяся сохранить «науку» (— вы-

кидыша), притом что в такую науку она включает сами ее «предпосылки». В «потенции» <мы имеем> упадок и дьявольщину его беспочвенности.

«В самом <...> сознании предела заключена возможность его преступить»⁴⁷. Это высказывание Гегеля справедливо лишь в том случае, если именно сознание — по-картезиански — рассматривается как «высшее».

Кто поручится за то, что в таком сознании не заложен рабский подход к «пределу»? Почему «выход за пределы» уже есть высшее?

235

140

Безбрежное знание и бесосновательное признание — постоянно наезжают друг на друга и таким образом попусту расходуют всю замалчиваемую силу полномочности бытия <, направленную> к растущему творению и к пробуждающемуся миру — к увлекающей судьбе.

236

То и дело люди спотыкаются о мой «образный язык» (<например, где говорится> о забрасывании — забегании вперед и т. п.). Будто бы на языке когда-либо говорили иначе.

И к тому же на <языке> философском! Например, λόγος, на который они так охотно ссылаются, протестуя против мнимого «иррационализма».

47. [Georg Wilhelm Friedrich Hegel: Vorlesungen über die Philosophie der Religion. Erster Band. Mit einem Vorwort von Philipp Marheineke. Sämtliche Werke (=Jubiläumsausgabe). Bd. 15. Fr. Frommanns Verlag: Stuttgart 1928, S. 184.] <Рус. перевод М. И. Левиной. Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 339.— Прим. пер.>

Λόγος это λέγειν — *читать* — собрание — и οὐσία — домашнее хозяйство — присутствие — ἐπιστήμη — стоять перед чем-то или над чем-то — и т. д.

Но зачем пытаться научить чему-то это разрастающееся тупоумие и легкомыслие — пусть себе загнивают в покое.

141

237

Повторное начинание начала — не должно быть ложно переосмыслено как конец и цель — но <следует> сохранить его в его начальности — т. е. превратить в действие перед лицом далекого распоряжения, которое из начала излучается вперед и слишком долго было сокрыто в своей неизбежности, так что его заместило случайное и поверхностное.

Не возрождение античного мира — этого не требуется, — а возрождение нашего народа и его задачи. Но для этого мы должны отдать себя во власть жесткому напору <со стороны> начала.

238

Но вскоре будут очень спешить с «немецкой философией» — уже основали для этого целое «общество», — причем «немецкое» в нем будет состоять в том, что масштабы и весомость задачи будут заменены и вытеснены «немецкостью»⁴⁸.

Или же сперва восстановят связь с греками?

48. [Die «Deutsche Philosophische Gesellschaft» просуществовало с 1917 по 1945 г. В 1933 г. оно однозначно выступило в поддержку Гитлера.]

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

- Бытие и время 7, 22, 24, 44, 52, 104, 133
Забота 75
Логика 25, 35
Начало 68 сл.
«Ничто» 6 сл.
Ницше 64 сл.
«Онтология» 130
Пространство и время 18, 46
Философия 1, 11, 18, 19, 21, 28, 32 сл. 51, 71
Язык 10
Ясперс 66

Размышления и намеки III

Осень 1932

Мартин Хайдеггер

Великолепно пробудившаяся народная воля оказывается в густом мировом мраке.

Настоящее дело (Werk) обязано — еще раз поставив вопрос о бытии — пребывать здесь и подчинять форму того вопрошания — во всей изначальности и широте — далекой судьбе эпохи, чтобы таким образом самую тайную народную задачу немца снова связать с великим началом.

Несравненное величие <наступившего> мирового часа, который должен вызвать отзвук в немецкой философии.

Но — до философии нам еще надо дозреть и для этого созревания необходимо подготовить почву, бурю и солнце — народное движение *могло бы* способствовать этому — будет ли оно?

Но ныне «философия», которой вовсе нет, никогда не может быть встроена в сферу «политиче- 2

ского» — еще менее на это способна «новая» наука, которая, если вообще это когда-либо произойдет, могла бы вырасти только из философии.

Весь упадок утекающей эпохи проявляется в том, что она способна вызвать не более чем встречное движение в форме дилетантской болтовни и громогласной риторики «политической науки».

5

Разворачивать народно-государственное сбытие в его действительности, чтобы тем жестче и острее и дальновиднее бросаться в атаку на лишенную корней и уровня, мечущуюся туда-сюда новую духовность, — то есть, однако, пробуждающуюся действительность немецкого существования (Dasein) сначала подвести к его сокрытому и ожидающему его величю (вокруг которого бушует страшнейшая буря).

Δεινότης¹ исключительной судьбы величия немца.

3

6

Где же <пребывает> собирающее — укорененное в основном настрое, всегда завывающее и расширяющее предшествование (Vorausstrag) существования (Dasein) в господствующем мире немца?

Самозабрасывание в расщепление (бытие (Sein)) отдавания себя во власть существованию (Dasein).

7

Время и фатальность в нашей работе для университета состоят в том, что мы в основном действуем,

1. Сила (греч.). — Прим. пер.

произнося «речи», и любое осуществление лишается своей простой надежности, проходя сквозь липкую и расплывчатую сущность людей, которые-то и являются объектами обработки.

8

Принужденный к занятию должности ректора, я впервые действую *вопреки* внутреннему голосу. Находясь на этом посту, я, во всяком случае, буду иметь возможность в экстренных ситуациях *предотвращать* те или иные вещи. Для строительства <нового> — если оно вообще еще возможно — не хватает <нужных> людей.

ИЗ ПЕРИОДА РЕКТОРСТВА

4

9

<Выходить> из любой борьбы более уверенным и гибким. То, что не удастся, служит уроком; <встретив> сопротивление, держи весло крепче!

10

Колоссальным опытом и счастьем является то, что фюрер пробудил новую действительность, придавшую нашему мышлению правильное направление и ударную мощь. В противном случае оно при всей его основательности все же оставалось бы погруженным в себя и лишь с трудом нашло бы путь к воздействию <на людей>. Литературное существование закончилось.

11

<Быть> неумолимым в достижении твердой цели, гибким и переменчивым при выборе путей и оружия.

12

Новый университет явится лишь в том случае, если мы *ради него пожертвуем собой*; это наш жребий, если попытаться представить себе образ <этого университета>.

5

13

Никаких программ, никаких систем и никакой теории, и уж подавно никакого пустого «организирования».

Но создавать действительное и максимально возможное — не уклоняясь от действительного, — т. е. *новое мужество <приятя> судьбы как базовая форма истины*.

14

Встреча одиноких может произойти только в одиночестве.

15

Всемирный миг нашей истории и его решимость. Мы не можем и не желаем высчитывать будущее и даже знать, что случится в будущем. Но мы, пожалуй, должны и желаем заново создавать нашу будущность и тем самым всю нашу временность — <и в этом> новое мужество.

16

Указание и готовность к «революции» <есть готовность> к «производству».

17

При всех обширных замыслах, быть готовым потерпеть неудачу в повседневной суете.

18

6

И наконец: встроиться в творческую коллективную ответственность истины национального существования (Dasein). Основной настрой.

19

Задача — если бы это было задачей; полное осуществление и наконец продвижение новой сущности истины?

Сущностная неопределенность во взятии на себя этой задачи — защита от вредного мнения: мол, грядущее будет тем самым расчислено и просто по желанию может быть добыто силой!

Напротив: при наличии предельной воли и ясности мысли как раз и возрастает и — вследствие этого и обнаруживается непредвиденность, опасность лишения; по отношению к задаче <нужно> не спокойствие обладания, но полная готовность к лишению всего.

20

Как при руководстве и подчинении — высшая задача разделяется, сплетается и порой *случайно* распределяется в государстве и народе.

21

Задача — это не бессильная «идея», как мы порой думаем, не парящий образ, на который мы до сих пор взираем, но то, что существованию (Dasein) —
 7 в его основании — задано *нести* — подобно тому, как если бы оно находилось в потоке, текущем на нас.

«Малейшая усталость и мы будем опрокинуты»² и свалимся в общепонятность мелкотравчатой суеты — задачи для нас тут уже нет.

Она *сохраняется* только в борьбе (см. работу о Гераклите).

Одними образами связи не создашь.

22

Заслуженность власти и обладания властью. — Исходит ли она из «права» — поскольку некто «прав»? А почему он вправе? Потому что у него есть власть?

Заслуженность власти <исходит> от величия Dasein, а Dasein — от истины своей задачи.

На уровне ли оно своей судьбы! Здесь невозможно свести все к окончательным правилам и предписаниям.

23

«Масса» — <это> не общность народа.

Она разрушает — она недействительна — колеблется в пустой сегодняшности — не имеет истории — всегда «вне себя» — подвержена любой «сентиментальности».

2. [Неизвестная цитата.]

24

8

Задача: новая истина не последнее — но она <есть> как раз сокрытость нового истинного и тем самым сущего и бытия:

Ближайшее, таящее в себе дальнейшее.

25

Национал-социализм лишь в том случае является подлинной становящейся властью, если ему за всеми его делами и речами есть что умалчивать, — и действует в интересах будущего с изрядным коварством.

Но если сегодняшнее было бы уже достигнутым и затребованным, тогда <остается> лишь ужас перед крахом.

26

9

Национал-социализм не упал с неба как готовая вечная истина — если так полагать, он является заблуждением и глупостью. Таким, каким он стал, он должен сам, становясь, стать и формировать будущее — т. е. сам как порождение отступить перед будущим <на второй план>.

27

Правило: непременно творить исходя из грядущего, выдерживать чуждость будущего — безусловно брать оттуда меру и правило и на их основе осуществлять притязания.

28

Вопрос — прорыв:

не бежать вослед — расчлняя и «типизируя» —
не внутренние возможности, не то, что <уже>
прочно наличествует, <вести> к еще большему упро-
чению —

а: требуя — рискуя потерять — напирая.

29

Конец «философии». — Мы должны довести ее
до конца и тем самым подготовить нечто абсолют-
но иное — метаполитику.

В соответствии с этим также *преобразование науки.*

30

10 Нам необходима новая университетская консти-
туция — которая духовно обеспечит политическое
руководство — но зачем? Не для «строительства»
и нового косметического ремонта имеющегося,
но для разрушения университета. Но этот «нега-
тив» лишь в том случае будет действенным, если
он возьмет на себя задачу воспитания нового по-
коления.

Подобная конституция была бы бессмысленной
и вредной, если бы с ее помощью хотели сохранить
существующее и «приспособить» его ко времени.

Она стала бы средством борьбы, если бы речь
шла только о том, чтобы проложить свободный
путь для нового поколения и его истины и передать
<ему> подлинную традицию.

Нынешняя высшая школа является только еще
вспомогательным местом пребывания.

31

Нарастающая жесткость в наступлении.

Обеспечение преимущества в частых затруднительных положениях вынужденного руководства.

Не бегство, не усталость, но всегда атака.

Не обладать полномочиями, а *быть* властью!

32

Метафизика как мета-политика.

33

11

По всему тому, что нынче предлагает студенчество в начале этого летнего семестра, следует заключить, что оно потерпело неудачу по всей линии — в первую очередь не при новом строительстве, а уже в ходе революции *внутри* высшей школы.

Абсолютная духовная незрелость не может компенсироваться избытком мужества и воодушевления. Поначалу не было бы надобности в науке — но все же <требовалась бы> бóльшая мера знания и понимания для решения задач и <использования> возможностей предоставляемого высшей школой воспитания, чем может предложить крайне скудное воспоминание о семинаре, в котором <человек> некогда поучаствовал в качестве гостя.

Все же необходимо поддерживать темную, но уверенную требовательную волю студентов и направлять ее в <нужное> русло.

Однако этим ничего не достигнешь для высшей школы.

12

34

Единственным шансом остаются еще подрастающее поколение и немногие ребята среди старших. Но нельзя допустить, чтобы эта молодежь росла так же, как до сих пор.

Но и этим ничего не гарантируется — поскольку есть возможность, что существующий университет вообще исчезнет, а сословное движение врачей, судей и учителей создаст собственные профессиональные учебные заведения. Опасность существовавшего в прошлом замыкания в слепой профессиональной деятельности была бы вовсе не такой значительной; ибо побуждение и целеполагание было бы политическим; вопрос, насколько это стало бы не просто зубрильней с порочным урезанием знания до «практического». Это «практическое» есть на самом деле чистейшая и отвратительнейшая «теория», ибо такой «практики» не существует. Все зависит от руководства этих учебных заведений.

Наряду с этим или сверх того или среди этого следовало бы создать школы для вождей различных партийных организаций, а вся подготовка должна ориентироваться на единую *имперскую высшую школу*; эта школа не должна быть оторванной от жизни академией, а все же <соответствовать> высшим политическим духовным требованиям и побуждениям народа и государственного строительства.

13

35

Предстоящее заключение конкордата³ с католической церковью должно стать победой, поскольку должно изгнать священников из «политики».

3. [Так называемый имперский конкордат представлял собой за-

<Но> это иллюзия; невероятно хорошо слаженная организация остается — власть священников также — она лишь стала более «святой», а в махинациях — ловчее.

36

Кругом ведется много организационной работы — нередко удачные идеи, — но все *так* устроено, будто мы уже у цели; и сразу же после этого назначают и «охватывают» людей, а через пару недель всюду — осечка; ибо люди не воспитаны, и не выращены необходимые формы в *по-настоящему выдержанных* поисках и пробах.

37

Допустим, духовных сил предостаточно, в таком случае для продвижения вперед могли бы помочь только *две вещи*: 1) заново выстроить один-единственный университет; 2) в комплексе с ним — школу доцентов.

38

14

Оставаться в *движении* и всё с *решимостью и терпением* поддерживать в движении.

Осуществление воли — поддерживать так и так Dasein и сущее в целом в состоянии набрасывания; соответственно вынудить и закрепить вопрос и образ видения — и предварительно выстроить открывающие понятия.

ключенный 20 июля 1933 г. Государственно-церковный договор между Германским рейхом и Священным Престолом, который регулировал права католической церкви в пределах рейха.]

Но «движение» <не означает> опробования без определенного направления, — опробования скачкообразного, капризного и быстро вновь капитулирующего.

Не организационная деятельность и занятие постов, а затем возвращение или пребывание с прежними людьми.

Подлинное движение — без пафоса, но со страстью.

39

Немощность того или иного более или менее крупного остатка невоспитанной массы будет сохраняться всегда и всякое воление унижать — вести ложным путем.

Но опасность немощности будет еще возрастать, если подобные остатки массы в партии — носящие звание «борцов» — будут распухать и на основе <сохранения> постоянных постов препятствовать всему, что выходит за пределы их тупости, и изнутри <всё> парализовывать и уничтожать.

Лишь только туда, где *сильная* воля — ее закон и *сопротивление*, — где творческая власть, там обращение и одобрение и согласие. Но это последнее не создает Новую Действительность, — а подтверждает ее и, возможно, укрепляет.

Можно ли *по приказу создать* некую действительность вроде школы и ее организации (*Gestaltung*)? Разумеется — если приказ не является командой начальника, но представляет собой четкое уполномочивание присоединенных растущих сил.

41

Несмотря на любое сопротивление, извращения и неудачи, не сворачивать и не ослаблять усилий.

Но к чему всякие попытки в отдаленном углу?

42

Если начинающееся немецкое существование (Dasein) обладает величием, то оно выдержит тысячелетия, — мы придерживаемся того, что все надо заранее обдумать — т. е. предварять наступление совершенно другого бытия и заранее вырабатывать для него его логику.

Мы не вправе равняться на чванливых мещан; мы не вправе считать обывателей, которые производят друг друга в «вождей», творцами грядущей эпохи. 16

Нам следует сохранять глубокую и пронизательную подозрительность, пока все уваливают от полемики с христианством.

Нельзя судить о <положении вещей> по настоящему времени — несмотря на все «успехи» и «цифровые показатели».

Целое нам следует понимать, опираясь на немногих, и при этом учитывать, что именно они — если только в них творится нечто важное — существуют выше себя — и все еще *являются* совсем иными, чем то, что они делают и говорят.

43

Мы находимся на этапе перестройки путей перехода, — но это наш удел — и если мы берем его на себя, то он раскрывается как нечто волнующее:

Дело в том,

17 что здесь следует не только быть твердым и двигаться вперед в восходящее бытие — всецело отдаваться деятельности в нем и, участвуя в нем, понимать себя и познавать исходя из него, — но при этом еще наперекор прежнему — которое еще стремится распространиться в форме волокиты, — выдержать, сознавая, что мы никогда не освободимся от этого прошлого, так что зачастую именно самое решительное действие в его поле и предельная страстность должны соответствовать его формам и средствам.

44

Далеко простирающееся духовно-историческое стремление к будущему должно пробудиться, укрепиться и шаг за шагом готовить следующие полстолетия, по крайней мере в <отношении> его духовной организации.

45

Воспитание — будящее и обязывающее осуществление государственной власти как воли народа в отношении его самого.

46

18 Верен ли такой путь: в постоянной занятости делами, в поддержании деловой жизни, в воспрепятствовании чересчур сильному противодействию, в устранении личных конфликтов, в беспрестанной суете сиюминутных экспериментов и замыслов — верен ли такой путь: *парализовать* свою подлинную силу и отгородиться от настоящей духовной задачи?

К чему читать лекцию то там, то здесь, если ее никто не понимает?

Устраняться от дел под предлогом того, что другие сделают все гораздо лучше, не означает, что надо сторониться Движения. Должен ли наш народ оголодать, прожив несколько лет под градом сплошных лозунгов и громких фраз, — или же нам удастся породить настоящую духовную аристократию, достаточно сильную, чтобы создать из великого будущего традицию немцев?

Является ли это естественным следствием того, что сегодня никак не удастся верно распознать образ грядущего духа и что внутри национал-социалистического движения ложно понимаются *те* начала, которые бродят в нем, стремясь вызвать действительную зрелую трансформацию сил, путей и дел?

47

19

Только долго готовившиеся могут и загадывать далеко вперед.

Только изначально решившиеся и постоянно принимающие решение могут решать на века вперед.

48

Для подготовки преобразования знания требуются десятилетия. Оно нуждается в изначальной мощной *передаче* сущностного — вперед <в будущее>. Ему необходим тот способ воспитания к знанию, который явлен в настоящих учителях и педагогических сообществах и создает образцы, на которые может и должно равняться подрастающее поколение. Ударные, далеко вперед заглядывающие творческие силы должны объединиться в академию зна-

ния, указывающую *вперед* и задающую масштабы и правила.

А что мы имеем вместо этого?! Одно лишь бездарное барахтанье в скороспелых выдумках и шквал громогласных требований, которые устарели еще 30 лет тому назад и в своей основе никогда не обладали жизненной силой.

20

49

Абсолютное непонимание многозакония (*Vielgesetzlichkeit*) великих сил в творческом народе приводит к роковой посредственности и внутреннему бессилию.

Конечно — многое нужно наверстать в учреждениях и мероприятиях, но это не единственное, что следует делать, и это даже не столь существенно — если оно не черпает постоянно из новых источников. «Организация»!

50

«Организация»! — Никакая организация <немыслима> без предварительного прояснения воли, без предшествующего духовного оживления задачи, без решительной подготовки подлинных надежных, долговечных сил.

Организация в подлинном смысле никогда не бывает чисто «техническим» внешним учреждением — она сама *может* будить и порождать новое, настаивать на нем — но именно поэтому она способна также и парализовать, подавлять, скрывать и останавливать и может мгновенно повергнуть все в состояние полной беспомощности.

21

Повторю еще раз: нам необходимо многое *наверстать* и осуществить в повседневной совместной

работе — но все это *не должно опережать* наше подлинное глубочайшее и широчайшее национальное бытие — в противном случае мы, пораженные слепотой, прикуем себя к новому сегодняшнему <положению>.

Но существует и зрячая слепота.

51

Если университет и далее должен принадлежать нашему народу, то его задача *воспитания к знанию* должна быть изначально укоренена, прояснена и развита *еще* совершенно иным образом — исходя из *нужды в знании* как фундаментальной формы бытия нашего народа.

Целью является не прогресс науки сам по себе — как и его равным образом невозможный довесок «специалистского» профессионального образования и технической подготовки, — а учеба как *воспитание*. Руководство — заведование — управление — <со стороны> *бытия-знающим* (Wissendsein). Решающими элементами являются *мастерство* и традиция народного знания в подлинном вопрошании.

Воспитание к знанию для отбора — воспитание и вы-движение.

52

22

Выращивание (Züchten) высоких и высших *типов мышления* — первоочередная задача, она важнее простой передачи знаний.

Высокий тип мышления и *благородство существования* — не связаны ни с классом, ни с профессией, ни с сословием! Но могут развиваться в сословии.

Как вырабатывается высокий тип мышления? Путем постоянного принуждения к определенно-

му, связанному с задачей вопрошанию; <нужны> уверенные шаги (feste Züge)!

53

«Социализм»:

как простое стремление к уравниловке —
 как сверхвласть только униженных —
 как простое осуществление общественного блага —
 как дифференцированно-ступенчатая обязан-
 ность всех к выполнению их конкретного задания
 в соответствии с их руководством и характерными
 особенностями в целокупности народа.

54

Метафизика Dasein должна углубляться в соответ-
 ствии с ее внутренней структурой и расширяться
 до уровня *метаполитики* <<определенного» («des») >
исторического народа.

55

23 Так называемая классическая филология выпол-
 няет теперь только задачу подготовки древнегре-
 ческой и древнеримской культуры для максималь-
 но жесткого и существенного критического разбора
 ее немцами, т. е. развития ее максимально возмож-
 ной силы.

56

Немцам следовало бы отойти от своей внутренней
 сущности, чтобы в будущем не пасть жертвой бес-
 покойного стремления к вопрошающе-оформлен-
 ной глубине Dasein и широте мира.

И чем им тогда питаться — и в каком направлении должна развиваться молодежь? Даст ли она по образу растений лишь те цветы, которые погибнут от ночных заморозков, — или она реально, т. е. в борьбе, возведет здание, над которым трудятся поколения? И где находится сильный противник в этой борьбе, на фоне которой будут вырастать грядущие поколения, призванные участвовать в ней и встроиться в нее. Откуда взяться мощному подхлестывающему противнику, как не из нас самих, когда мы ради грядущих поколений приносим себя в жертву как переход<ную форму>, которую просто так не отодвинешь?

57

24

Университет мертв, да здравствует будущая высшая школа воспитания немцев к знанию.

Вначале мы будем ввергнуты в колоссальную нужду знания, с которой не справиться брошюрами и лагерями краткосрочной подготовки и которая из-за них скорее станет еще более настоящей и острой.

58

Какие предпосылки необходимы вообще для руководства университетом? (См. S. 28 сл.)

1) чтобы нынешняя воля вождя в духовно-народном отношении устремлялась далеко вперед, а стремление воли к знанию возбуждалось и направлялось прибывающими силами Dasein;

2) чтобы это несущее вождя событие, его захватившее и определяющее, изначально исходило из самого преобразования бытия;

- 3) чтобы воля вождя могла разделяться <народом>; чтобы таким образом росли напирющие базовые силы и простота задания;
- 25 4) чтобы *философское* воспитание повсеместно сделалось всеобщим достоянием, что вообще способствует прорыву в сущностное;
- 5) чтобы воля вождя в ходе возведения мостов устремлялась навстречу воле ведомых (Gefolge) и не оставалась совсем без опоры;
- 6) чтобы был востребован изначальный, высокий, действенный тип мышления;
- 7) чтобы вообще возможность руководства <со стороны> вождя в духовно-исторической сфере внутренне признавалась;
- 8) чтобы это руководство развивалось исходя из *собственного* закона, а не оказывалось простым воспроизведением других отношений руководства;
- 9) чтобы это руководство не начиналось с занятия должности и только потом начинало осуществляться — иначе это уже заранее вызывает недоверие к официальному «начальнику» и предполагаемому носителю власти;
- 26 10) чтобы передача (Überlieferung) сил не насаждала простое вручение (Weitergabe) сведений и правил.

Мы вступаем в эпоху, которая должна снова связать нас, сообразно традиции, с изначальными силами. В действии (in Werk) не *освобождающее* формирование, а *связывающее*, с оглядкой назад, воздействие (Ergwirkung); вот почему сравнение с эпохами просвещающего освобождения с их свободными достижениями сразу же вводит в заблуждение.

60

Всякие возможные и невозможные задачи навязывают университету и взваливают сейчас на него, а о воспитании к знанию — единственному и главном в этой школе — если и заботятся, то лишь мимоходом.

61

Набросок бытия как времени преодолевает все прежнее в бытии и мышлении: не идея, а задание; не решение, а связь.

Набросок не отделяется от чистого духа, но открывает и связывает в первую очередь кровь и почву, порождая готовность к действию и *способность* к воздействию и *труду* (*Wirk- und Werkfähigkeit*). 27

62

Доверять — освободить другого ради его задания и его воления, что при этом *никогда полностью* не осознается — в смысле сочувствующего понимания. Решающим является сопутствие и движение вослед несмотря ни на что. При этом не требуется существенное (*sachlich*) согласие в одном и том же мнении — а также и несогласие в одном и том же пункте.

Существует доверие, направленное вниз и направленное вверх, — и одно и другое поддерживает и увенчивается историческим мировым знанием.

63

Чем более изначальным и всеохватывающим оказывается переворот, тем нужнее предваряющее

знание, — чем решительнее <по отношению> к государству, тем существеннее полемика с <более> высокими (*übergreifende*) властями.

28

64

Чем менее значимо индивидуальное Я, тем настоятельнее потребность в *мастерстве*. Лишь оно обеспечивает передачу сил и притязаний; ибо оно привязывает к задачам и позволяет сохранять все сущностное и простое. Так само собой умножается особенное и возрастает редкостное.

65

Конец университета и начало нового знания. То и другое взаимосвязано; последнее за-канчивает первое. Благодаря тому и другому немногие предчувствуют кое-что — в том числе как раз *не те*, кто участвует в мнимо революционных махинациях (*Machenschaften*).

66

Насколько дальше, чем *рабочий*, отстоит «студент» от своей новой необходимой сущности; насколько основательно заблуждается он насчет этой задачи; насколько хорошо чувствует он себя в рамках неких форм, которые скрывают от него подлинное положение и затрудняют всякое участие, убеждая его в том, что он-то здесь и участвует.

29

От всякой духовной угрозы уходят и заражаются скукой в результате повторения одних и тех же лозунгов, которые теперь стали привычными и для реакции, и для самых равнодушных.

Самая сильная реакция засела в собственном ла-

гере, поскольку она уже заключила неосознанный пакт с явными реакционерами:

Согласие и взаимное признание в одном и том же духовном равнодушии и посредственности.

67

Знание и наука. — Всякое значительное и целостное знание находится в *философии*, распространяя таким образом сущность в ее могуществе и длительности. Философия является базовой предпосылкой и судебной инстанцией в отношении возникновения, исчезновения, да и просто существования науки — в той мере, в какой последняя *каким-то* образом делает само знание своим предприятием и своей задачей.

В соответствии с этим новому знанию необходимо с самого начала обзавестись своей философией. Но ее надо искать не там, где с помощью сомнительнейших средств XIX столетия сумбурное мировоззрение скармливается новому образованному поколению.

Эта новая философия требует собственной длительной подготовки, — которая оснастит серьезную полемику с сильнейшими и величайшими <авторитетами>, что до сих пор составляло суть философии и всю свою силу в последний раз сконцентрировало в Гегеле. Лишь когда новая философия начнет становиться действительной, *может* — а вовсе не должна — возникнуть связанная с ней наука.

Но сегодня они полагают: наука, которая ныне имеется, вполне хорошо выполняет роль культурного достояния, она привычна и полезна. И это имеющееся в наличии мы обязаны теперь лишь слегка подчистить и поскорей запрячь в какую-либо дешевую догматику — т. е. как-то состряпать

и сделать пригодной к употреблению мнимую философию, списанную из самых мутных источников.

31 Что бы вы сказали — если бы пресловутая борьба студенчества за власть в университете относилась к предприятию, которое само по себе уже давно находится в упадке; а что бы вы сказали, если бы эта борьба, которая теперь должна «продвигаться» дальше, была только содействием в сохранении находящегося в упадке явления, — то есть отвратительнейшей — ибо сама собой уже совершенно не владеющей — реакцией; ср. позицию корпораций — даже если бы удалось «заорганизовать» их в *единое* студенчество.

68

Какие организации и устремления определяют сейчас (декабрь 1933 г.) <деятельность> университета (см. S. 68):

1. Германское студенчество (die Deutsche Studentenschaft);
2. Союз германских доцентов (die Deutsche Dozentenschaft) (на стадии формирования);
3. Ведомство высшей школы при Имперских силах СА (das S.A. — Hochschulamt).

32 Эти организации действуют в соответствии с их оформленной волей и с их позицией не на основе действительной исторической жизни отдельных высших школ, но подходят извне, руководствуясь притязаниями, сходными с теми, что предъявляют советы (rätemäßige Ansprüche), на отдельные высшие школы. Эти «организации» работают в рамках отдельных высших школ только с функционерами, от которых требуется в первую очередь ориентироваться на <мнение> руководства. Воззрения на собственные задачи высшей школы — относительно

ландшафта, истории, подбора профессорско-преподавательского состава, способа привлечения студентов крайне различны и не становятся свободными, — т. е. собственно *политические* решения не могут вообще приниматься. Отсутствуют профессиональная пригодность и силы для осмысления ситуации; отсутствует прежде всего собственное дальновидное желание (*Vorauswollen*).

Распыление и увязание в сиюминутных «акциях» неизбежны — ведь требуется, чтобы что-нибудь «происходило».

4. Национал-социалистический союз врачей;
5. Национал-социалистический союз юристов;
6. Национал-социалистический союз учителей.

Эти профессиональные организации обеспечивают себе значительную сферу влияния на высшую школу. Они определяют подбор преподавателей, составление и распределение учебного материала, организацию экзаменационной системы. Они также участвуют в утверждении нормативов труда и оценки в реальной жизни высшей школы. Здесь также решения принимаются не из политических соображений, на основе конкретных потребностей и ситуаций, стадий развития, <возможных> противодействий, а исходя из рассчитанных совокупных потребностей, отвечающих общепрофессиональным требованиям.

7. На министерства возлагается управление высшими школами. Они выдвигают требования, регламентируют <учебный процесс>, находят компромиссы, учитывая все пожелания, предложения и требования названных учреждений. В качестве гарантии в высшей школе действует ректоратская конституция. Она призвана обеспечивать руководство высшей школой. Но ректор только посредничает между указанными организациями. Однако

на него возложена сомнительная задача нести ответственность за все, что вносится в высшую школу. А является ли ректор национал-социалистом или нет — различие только относительное — не абсолютное. В последнем случае <ректор — не член партии> названным организациям работать даже легче, поскольку уже из простой осторожности, если не из страха, они со всем соглашаются и всё принимают к исполнению.

34 8. Сама высшая школа уже больше не настаивает на собственном «самоутверждении»; она уже не понимает этого требования; она просто путается, стремясь сохранить традиционную рутину в сочетании с неизбежными теперь гляйхшальтунгами⁴ и новшествами. Она уже не вернется назад, чтобы сначала понять необходимость знания и на основе этого сформировать свою задачу. Ей ничего не известно о том, что самоутверждение должно означать ни больше ни меньше как принципиальную полемику с великой духовно-исторической традицией, которая еще и сегодня — благодаря мирам христианства, социализма (в форме коммунизма) и новоевропейской просвещенческой науки — *является действительностью*.

9. Обо всем этом ничего не знают все названные выше (1–7) учреждения и чины; вот почему они мирятся с господствующим научным производством, если только оно обеспечивает в качестве обязательного дополнения определенное политическое воспитание. Более того: дело не ограничивается лишь терпимым отношением к сущностному характеру

4. Gleichschaltung (нем.) — нацистский термин: повсеместное вовлечение (тотальная интеграция) общественности в национал-социалистическую идеологию, политику, администрацию. — *Прим. пер.*

теперешней науки, тут даже господствует и поощряется отвращение ко всякому духу, который прежде ложно трактовали как интеллектуализм. Антипатия к любой духовной борьбе считается силой характера и сутью «близости к жизни». Но последняя в принципе является только мещанством, нагруженным архаическими чувствами. На него можно было бы не обращать внимания, если бы оно не загоняло неосознанно все Движение в состояние духовного бессилия, которое объясняет себе недостаток всякого сильного и действенного оружия для предстоящей духовной борьбы еще всецело как необремененность ученым хламом и пустыми теориями.

35

10. Возможно, данная общая ситуация, если смотреть из узкого пространства судьбы *отдельной* высшей школы за краткий промежуток одного года, представляет собой переходное состояние, которое вскоре закончится. Но она может также трактоваться и как стремительно и незаметно продолжающие подтачивать <последствия> крупного упущения при запуске реализации насущнейшей задачи по воспитанию немецкой молодежи: воспитания к народному, историческому, духовному знанию, ведь молодежь воспринимает знание не как ни к чему не обязывающий запас сведений, а как *бытие* — понимающую себя и схваченную в понятии способность справляться с задачами, которые готовит великое, а потому трудное будущее нашего народа.

36

11. Что нам делать в этой ситуации?

а) Совместно трудиться непосредственно в <нынешней> суровой действительности, пробиваясь вперед, т. е. не застревая в формах так называемых руководящих постов и не лишая себя подлинного — зависящего от ростков и созревания — воздействия. Итак: на основе рядового состава, перестраивая его

в борьбе за командирскую должность, и на основе малых округов скрытно подготавливать грядущее в его становлении.

37 б) Настаивать по возможности на создании немногочисленных, простых, прочных учреждений, ведь они *прежде всего* обеспечивают возникновение в их структуре новых зачатков, объединение подлинных сил и постепенное и постоянное утверждение высших духовных масштабов, которые усваивались бы в образе мыслей и поведении, проявлялись в словах и делах.

с) Действовать обоими способами и придерживаться их можно только в том случае, если университет как наличное отвергается, но задача воспитания к совершенно иному знанию приветствуется.

Когда же будет осознано, что как реакция, цепляющаяся за наличное, так и новые организации, которые лишь переориентируют наличное, работают на неудержимый распад и окончательное разложение университета. Пока отсутствует подобное понимание, всякая работа по созданию новой системы воспитания к знанию не выйдет на простор и не обретет почву, обеспечивающую ее рост.

Исторические и духовные миры и силы нельзя преодолеть отвернувшись от них или лишив их свободы действий чередой сделок.

38 Ключевой недостаток нынешнего «политического воспитания» — тавтология — заключается не в том, что делается слишком мало, да и то неуверенно и колеблясь, а в том, что стремятся обновить слишком много и чересчур поспешно, в два счета. Как будто бы национал-социализм — это некая краска, которую надо теперь быстренько нанести на всё.

Когда же мы поймем что-либо о простоте сущности и о размеренном постоянстве ее раскрытия в поколениях?

Мы колеблемся только в окольных и устаревших, лишь мнимо ведущих вперед целеполаганиях.

<Нужно> признать многообразие задач и понять их в их необходимости и ранге, притом все же сохраняя *Единое* подлинного призвания. Никакой неверности по отношению к неповседневной изначальной надежности *творческого*. Последнее не следует путать с *махинациями* (Machenschaften).

Не «классы», а ранг.

Не «слои», а превосходство.

Излюбленное выражение: национал-социализм не сформировался в первую очередь как «теория», а начался с действий. Хорошо. Но следует ли отсюда, что «теория» не нужна; следует ли отсюда вообще, что люди «обычно» и «во <всех> прочих случаях» рядятся в плохие теории и «философии»? Не видят, что «теория» здесь подается в двух смыслах — в зависимости от потребности — и что таким образом «теоретически» промахиваются в истолковании собственных действий; если многочисленные «речи» в борьбе <за власть> не были «теориями» — что же тогда делалось, как не это: перевоспитание людей и соотечественников, <прививка им> других взглядов, например, на рабочего и рабочих, на экономику, на общество, на государство — народную общность — честь — историю?

«Теорию» как отдельную простую мысль, которая только мыслится, и «теорию» как предвосхищающее притязание на знание нельзя сваливать в одну кучу; в зависимости от разных обстоятельств и смысл практики бывает разным; вмешательство (Einsatz) это не просто практика; и простое бушевание и крушение всего вокруг себя — это также не вмешатель-

ство. Псевдо-понятие (Unbegriff) «теория» может на практике иметь самые роковые последствия; ибо практика окажется в таком случае только «функционалированием» = плохо понятой «организацией».

40 Но теперь не конечное состояние — и не просто этап его распространения во всем народе за пределами партии, — сейчас <имеет место> как раз действие в этом мнимо *теоретическом* — поскольку тут коренятся базовые настроения, из которых и должен быть создан исторический мир.

Чем изначальнее и крепче символическая сила Движения и его работа, тем выше потребность в знании. Но оно <заключается> не в его буквалистской (satzmäßig) последовательности и рассчитанности, — а в силе основного настроя, <исходящей из> превосходства над миром.

70

Мы не стремимся давать «теоретическую» подпорку национал-социализму для того, скажем, чтобы таким образом сделать его мнимо убедительным и долговечным.

Но мы хотим загодя подготовить Движению и его направляющей силе возможность формирования мира и развития, причем нам известно, что эти наброски как таковые, т. е. подделанные под «идеи», не обладают никакой способностью воздействия; разве что в том случае, если они исходят 41 из силы Движения и из ее поля и пребывают в нем в качестве вопрошаний и *языка*.

Настраивающая (stimmende) и образосозидающая сила наброска является решающей — и это не поддается <точному> расчету. Однако настрой и образ должны отвечать скрытой созидательной воле народа.

71

Является ли чудом то, что повсюду цветет мещанство, самоуверенная полукультура, мелкобуржуазное квази-образование — что внутренние потребности немецкого социализма совершенно не осознаются, а потому и не востребованы — менее всего исходя из пресловутого характера? Наидешевейшая банальность как мышление, связанное с народом! Но подобных состояний избежать нельзя. Посредственность должна быть — но только не следует пытаться улучшить ее; она достаточно наказана; и суровее всего тем, что она не подозревает о своей ничтожности и, повинувшись собственному закону, не имеет права об этом знать.

72

42

Духовный национал-социализм не есть нечто «теоретическое»; но он и не «лучше» и тем более не «подлиннее» <, чем просто национал-социализм>; скорее же всего, он так же необходим, как национал-социализм различных организаций и сословий. Причем надо иметь в виду, что «работники умственного труда» (Arbeiter der Stirn) в не меньшей степени далеки от духовного национал-социализма, чем «работники физического труда» (Arbeiter der Faust).

Вот почему <необходимо> *выстоять* со своими духовными требованиями, даже если это желание еще так часто и легко высокомерно осмеивается как излишний придаток и отгесняется в соответствии со вполне марксистским образом мысли как простое «попутничество».

73

Грозящее обуржуазивание Движения в сущности станет невозможным именно потому, что дух буржуазии и «дух» (культура), правящий через посредство буржуазии, будет разрушен духовным национал-социализмом.

74

Подлинная, но крайне далекая цель: историческое величие народа в созидании (Erwirkung) и формировании сил бытия (Seinsmächte).

43 *Более близкая цель: приход народа к самому себе* <на основе> его укорененности и взятия на себя его задачи *государством*.

Ближайшая цель: предварительное создание народной общности (Volksgemeinschaft) — как *самости* народа.

Труд и руководство (Führung).

Самая близкая цель: способность к Dasein и способность к труду *всех* соотечественников — формирование радости от труда и новой воли к *труду*.

Эти одна за другой выдвигаемые цели нуждаются в опять-таки различных этапах конструктивных решений (Gestaltung), а они, в свою очередь, определяются конкретной широтой опыта и побудительными причинами ведущего поколения и стремлением молодежи к переменам.

Ни одного из решений невозможно достичь непосредственно — в любом случае неизбежны обходные пути и откаты назад. Но последовательности решений в осуществлении необходимо придерживаться тем строже, чем выше замах (Ausgriff) к отдаленной цели — чем изначально она заявляет о себе — пусть и скрыто — в базовом настрое.

В чем же состоит здесь наша самая подлинная задача: формулирование нового притязания на знание в ходе нового поиска и вопрошания? 44

Опасность отката, возвращения университета в предыдущее состояние буржуазного предприятия — несмотря на любые гляйхшальтунги и дополнительное усвоение политического.

Опасность застревания этих откатившихся (Rückfälligen) в устойчивых областях христианского мыслительного мира и предшествующей западноевропейской технической науки Нового времени.

В противовес этому мы должны найти и двинуться теми путями и способами воспитания к знанию и пробуждения воли к знанию, над которыми уже господствует род действительности, возвещающий себя в собственной цели. И для этого должны вырасти побудительные причины продвижения вперед <исходя> из сокровенного *базового настроения*, который сам пробуждается и вообще насаждается не речами об этом — а в позиции <по отношению к этому>. Но здесь потребны другие формы *совместной работы* и отношения к труду.

Воля к знанию и служение ему должны корениться в базовых настроениях и страстном отношении; последние следует рассматривать не как довершок и украшение фальшивой живостью, — а согласно сущности *настроения* — как настраивающее, определяющее (Bestimmende) <начало>. Только так знание вступает в свои права, и вовсе не извне — из его прежних учреждений и их культурного значения, — а из сущностной глубины бытия. 45

Вид и страстность базового настроения побудительных причин и планов являются решающими для происходящего (Geschehen). И на это следует прежде всего ориентировать перевоспитание.

Страстность и настрой знания и вопрошания со-

знательно <сделаны> предметом воли в «Ректорской речи»⁵. Здесь разрушена сущность «теории» в бытовавшем до сих пор смысле.

В сущности конечности бытия и Dasein заложено, что конкретное достигнутое всегда находится *ниже* высоты изначального подхода — откуда следует, что мы всегда подходим *максимально высоко* и должны придерживаться уровня этого подхода; ибо иначе только откаты назад.

46

Нужно твердо придерживаться взгляда, что все творческое в области духа не приносит непосредственных результатов в экономическом, а также непосредственно политическом плане. Но лишь пошлость слишком «близкого к жизни» мнения может сделать отсюда вывод о ненужности и никчемности духовного или, хуже того, соблазниться идеей, будто люди это терпят разве что с усмешкой, опасаясь в конце концов прослыть невеждами; при таком подходе ничего не остается, как только впасть в буржуазность.

Вести, руководить (führen) означает: воспитывать самостоятельность и ответственность; а *духовное руководство* означает: пробуждать творческие силы и возвышать до руководства.

Руководство и следование нельзя вообще подгонять к отношению верха и низа. Здесь вообще не образуется *такой* порядок. *Ранг* есть незаметная всеобъемлющая власть, которая именно в другом поддерживает существенное и способствует разви-

5. [Martin Heidegger: Die Selbstbehauptung der deutschen Universität. In: Ders. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. GA 16. Hrsg. von Hermann Heidegger. Frankfurt am Main 2000, S. 107–117.] [Рус. перевод: Мартин Хайдеггер. Самоутверждение немецкого университета / пер. с нем. В. Библина, примеч. Ф. Федье // Историко-философский ежегодник. 1994. М.: Наука, 1995. С. 298–304.]. — *Прим. пер.*

тию. Радикализм какого-либо движения может *сохраняться* только там, где он должен делаться яснее и глубже всего, постоянно обновляясь, — в духовном отношении; тогда как осуществление целей всякий раз ведет к конечному состоянию, в котором люди устраиваются и укрепляются.

47

Неизбывная опасность благопристойной пошлости в духовном (Э. Крик)⁶! Она удушает все, предоставляет посредственности подходящее самосознание и благосклонно устраняет все страдания у людей, ощущающих свою неполноценность. И на это вот общество возложена <задача> подготовить исторический мир народа.

Мы не хотим быть пользователями и управляющими достигнутым — мы развязываем новую борьбу, которая не приносит никакой известности, <а влечет за собой> видимые жертвы — где человек может легко и незаметно увильнуть и где, с другой стороны, только и могут быть созданы средства борьбы. /Избегать махинаций, улаживать споры, вводить и утверждать учреждения, управлять делопроизводством — все это не имеет никакого отношения к руководству./

Первой задачей руководителя в воспитании к знанию является: постановка целей вообще и вывод на путь и обеспечение оружием.

То ведет во всяком случае к «реформе университета», тогда как это кладет конец университету и полагает начало.

6. [Эрнст Крик (Ernst Kriek, 1882–1947), в 1933 г. ректор университета имени Иоганна Вольфганга Гёте во Франкфурте-на-Майне, влиятельный педагог, см.: Kriek E. Philosophie der Erziehung. Eugen Diederichs Verlag: Jena 1930.]

Девиз ректорства: не уклоняться от продолжающихся разочарований; они проясняют ситуацию и укрепляют подлинное воление.

Воля руководителя есть совсем иное, чем *желание проявить себя*; последнее необходимо для успокоения в повседневных успехах и для дальнейшего стремления к таковым. Это желание находит удовлетворение в *компромиссе* — и незнакомо с беспокойством, присущим подлинному волению. Но удовлетворение не достаточно жаждущему проявить себя — он хотел бы возвещать о своих успехах и прославлять их — и должен выдумывать новые махинации, чтобы эти успехи не затерялись в публичности. Ему необходимы убедительность в управлении, ловкость в переговорах, необремененность *великими* вопросами и задачами, охота к предпринимательству и некая способность выть с волками.

Мы не можем ниспровергнуть прежнюю «науку», пока не будет создана новая. А новую не создать без пробуждения новой страсти воления к знанию. Если это не удастся — то прежняя наука, которую 49 якобы ниспровергли, станет еще более жалкой и сомнительной, чем прежде.

«Наука» — была в качестве руководящего начала Нового времени своего рода «волей к власти» — в смысле овладения природой — как «мир» в противовес страху перед тайной сил — определенно

направленный и соблюдающий определенный уровень способ раскрытия тайны.

Теперь знание и наука должны взять на себя как бы *противоположную* задачу:

Связав с прошлым и таким образом «освободив», пробудить мир и тем самым историческое существование (Dasein). Связующим является только результативный труд как экзистентная работа.

Воля и действие по уполномочиванию сил. Настраивающее внедрение существования (Dasein) в напирающий набросок и поддержка народа в происходящем (Behalt des volklichen Geschehens).

Что предполагает это связывающее с прошлым уполномочивание в экзистентном плане? В первую и последнюю очередь: изменение понимания бытия! Время!

С помощью каких задач и способов воспитания будут созданы эти предпосылки (брошенный набросок и предвосхищение)? (См. S. 89.)

Новые притязания на обоснование — изначальноное знание, чтобы пробудить основание (Grund). 50

Основание и уполномочивание; знание и *труд*.

Труд как уполномочивание и обоснование.

Настраивающая — базовая настраивающая воля к уполномочиванию, однако как традиция, т. е. как полемика с великим для привнесения в область наброска.

Сведёние национал-социализма к «*трюку*» (Dreh), с помощью которого теперь тщательно обследуют прежнюю науку и ее предмет и, быстренько осветив по-новому, выбрасывают на рынок. Помимо целого ряда возможностей, приводящих к успеху, это имеет еще то преимущество, что человека принимают

за национал-социалиста и с помощью прессы рекомендуют массам. Благодаря всему этому в Движение вносится застой (*Erstarrung*) — под видом духовного оживления.

51 Застой просто порождает лишь <неподвижное> состояние — т. е. парализует все предвосхищающие побуждения и настроения и переводит в комфортное состояние, которое — хоть и соответствует глянцшальтунгу — но хуже предыдущего. В конечном счете создают себе ситуацию знания, исходя из которой можно заранее высокомерно рассчитывать, что национал-социализм, собственно говоря, всегда тут уже имелся и был подготовлен. А тем самым люди полностью избавляют себя от базового настроя взятия на себя совершенно новой и неслыханной духовной задачи.

79

Решающим остается, являются ли духовно-исторические замахы и базовые настрои столь изначальными и одновременно столь ясными, чтобы вынудить творческое пересоздание *Dasein*; и для этого имеется та предпосылка, что национал-социализм останется в *борьбе* — в ситуации вынужденного самоосуществления, а не только «распространения» и «нарастания» и утверждения.

Где *находится враг* и как он *создается*? Куда направлена атака? С помощью какого оружия?

52 Что если все увязнет в состоянии утверждения достигнутого, предварительного лишь-демонтажа? Осторожно с преувеличенным подчеркиванием *предыдущей* борьбы, как будто она уже закончена!

Кто только еще утверждает себя и при этом впадает в пустое высокомерие, тот меньше всего защищен от отсутствия собственного суждения, из-за

чего когда-нибудь будет без разбора проглочено и расхвалено то, с чем прежде якобы велась борьба.

80

Ныне мы вступаем в период быстрого приспособления «идеологии» к национал-социализму; сегодня <это происходит> особенно легко. Опасность ее <состоит вот в чем>: с одной стороны <эта идеология> незначительна и именно поэтому вводит многих в заблуждение, с другой стороны — более значительна и потому отвергается другими, что одновременно становится отрицанием духовного. Все движется, однако, в буржуазно-либеральных формах представления.

81

Сегодня уже можно говорить о «вульгарном национал-социализме»; под этим термином я подразумеваю мир и масштабы и требования и установки ценимых в настоящее время газетных писак и деятелей культуры. Отсюда вполне определенное учение об истории и людях идет в народ (разумеется, с глупой ссылкой на «Мою борьбу»⁷ Гитлера); это учение лучше всего можно охарактеризовать как *этический материализм*; это не подразумевает требования чувственного удовольствия и наслаждения жизнью как высшего закона бытия; ни в коем случае. Это название сознательного отмежевания от марксизма и его *экономически-материалистического* воззрения на историю.

53

7. [Adolf Hitler: Mein Kampf. Bd. 1 — Eine Abrechnung; Bd. 2 — Die national-sozialistische Bewegung. Fr. Eher Nachfolge: München 1925 u. 1927.]

В вышеупомянутом названии материализм означает <следующее>: то, что так называемый *характер*, который ведь не тождествен с брутальностью и ограниченностью, но считается альфой и омегой, — утверждается как вещь, вокруг которой все вертится. Ведь «характер» может означать: буржуазное обывательство; но также непоколебимую готовность и способность к действиям, незаметно ограниченную своей работой и знанием дела; а может означать и сноровку во всех махинациях, которые что-то имитируют и хорошо маскируют скудость умений и знаний, отсутствие серьезного и взрослого образа мыслей. Короче говоря: характер не имеется под рукой, как камни и автомобили, — он также не только вырабатывается в лагерях краткосрочной подготовки, — но развивается в испытаниях внутри истории, в формировании которой он тем или иным образом участвует, но отнюдь не в одиночку — во всяком случае не как наличная сила — но, если он вообще встречается, — то как бытие-в-мире — т. е. способность знающего, духовного и естественного толкования сущего (*Auseinandersetzung mit dem Seienden*).

Данный *этический* материализм — стоит, правда, выше экономического — поскольку нравственную сферу ставят *над* хозяйственной — что, кстати, сначала нужно обосновать и что не может быть решено ссылкой на «характер». Данный этический материализм не застрахован поэтому от экономического — прежде всего не в том смысле, что он рассматривает себя как фундамент и как несущие и определяющие <элементы>, а все прочее с самого начала ошибочно трактует как «надстройку».

С этим чересчур буржуазным важничаньем в отношении характера, которое однажды могло бы потерпеть провал из-за собственной бездарности, —

связан теперь *мутный биологизм*, который все же обеспечивает этическому материализму правильную «идеологию».

Распространяют безумное мнение, будто бы духовно-исторический мир («культура») *вырастает подобно растению* из «народа», так что надо только устранять препятствия, — то есть, например, буржуазная интеллигенция постоянно все охаивает и обличает бессилие науки. 55

Но что при этом достигается? «Народ», спасенный таким образом от интеллигенции, погружается в своем смутном устремлении⁸ в пустейшее мещанство и настаивает на подражании и усвоении буржуазных прерогатив и их авторитета; <при этом> подхватывается господствующее имеющееся в распоряжении наличное, чтобы тем самым прийти к господству; «люди» (man) опасаются борьбы, которая, продвигаясь вперед, сталкивается с неизвестностью и которая знает, что только из замкнутого выстраданного немногими и единичными раскрывается великое. При этом мы полностью отвлекаемся от вопроса, насколько изначальность «народа» сегодня вообще достигается на таком пути — например, через отказ от интеллигенции, выискивание устаревших этнографических особенностей и тому подобное. Тогда остается все еще *мелкобуржуазная масса* и *масса пролетариев*, — которые могут быть изменены только в ходе истории — а не путем голосования. Хотя эти группы уже не разделены и рас- 56

8. Das <...> «Volk» verfällt in seinem dunklen Drang... (S. 143) Скрытая цитата из «Фауста» Гёте («Пролог на небесах», реплика Господа). — Ein guter Mensch in seinem dunklen Drange/Ist sich des rechten Weges wohl bewusst. — Знай: чистая душа в своем исканье смутном/Сознания истины полна! (Перевод Н. Холодковского); Чутьем, по собственной охоте/Он вырвется из тупика. (Перевод Б. Пастернака). — Прим. пер.

пределены на классы и не организованы в партии — они еще присутствуют как исторические позиции и народные силы и лишь медленно преодолеваются: прежде всего, молодежью, затем — вследствие духовно-исторического базового настроения и страсти нашего существования (Dasein), наконец, в результате сущностной трансформации труда и собственности.

И все это должно быть создано без <участия> «духа» и проповедано только со ссылкой на «характер»? И все это должно «само собой» вырасти из народа — без принуждения его к выбору и воспитания к знанию.

Из простого устранения препятствий еще никогда ничего (не говоря уже о чем-то великом) не возникало, — но только в результате предшествующей борьбы — т. е. страданий и опасности, т. е. <благодаря> *знанию!*

Смысл воспитания к знанию. Не ради того, чтобы подтвердить наш научный престиж на международных конгрессах, но ради пробуждения глубиннейшей силы существования (Dasein) нашего народа, — не ради поощрения нашей «культуры», но ради завоевания ясной воли к существованию, — не ради обеспечения совместного учета духовных потребностей в народном единстве, но ради завоевания господской широты нашего существа, — не ради обеспечения скучающего заполнения праздности состоятельных граждан, но ради начала труда по внутреннему побуждению, — не ради возведения «духовной надстройки», но ради нахождения базового вида народного бытия.

Ввиду нашей теперешней внешней и внутренней нужды следует решить возможно неброскую и

не приносящую непосредственной пользы задачу — но потому лишь еще молчаливее, простыми средствами и без шума.

Борьба по завоеванию высшей школы близится к концу — сейчас люди приспособляются, надеются легко получить преподавательские ставки и места приват-доцентов и профессоров. У людей возникает ощущение, что можно говорить с кафедры свысока. Неожиданно они попадают в оковы мира, которые якобы скинули. Чувствуют себя там прекрасно, только вот приносят с собой дурные предубеждения и способности и умения. А при этом вырванное с таким шумом у замшелых профессоров и т. д. уже пришло к концу, но почему-то об этом никто не только не подозревает — более того, люди приспособляются, — <чтобы> этот конец увековечить под вывеской новой высшей школы. И что тут нового: во всяком случае бюрократизация [?] (Verbeamtung) студентов и доцентов; поразительная ловкость, с какой организуется все возможное и невозможное, но только не то, что собственно в этой высшей школе должно было бы происходить, — *воспитание к знанию*. Должно было бы происходить, если бы она не сделалась аренной для честолюбивых дельцов и очковтирателей, бесконечно далеких как от духовной ответственности, так и от действительного обладания знанием, которое давало бы им право вообще открывать рот.

И вся эта возня может без помех продолжаться. Там, где это бывает наиболее открыто и шумно, там стремятся к «университету, в котором многое происходит». Не подозревают об опасности, в которую уже погрузились: ведь в результате постоянного отрицания <люди> делаются рабами отрицаемого; за неимением чего-то другого, держаться за прежнее и его — разумеется, в актуальной <сенсационной> упаковке — выдавать за что-то новое.

Так к власти приходит самое настоящее мещанство, препятствуя возникновению любого творческого, ведущего вперед базового настроения; устраняя любую возможность подлинной духовной борьбы (ведь нет же никаких противников, да и к тому же хочется пожить спокойно) — парализуя пусть даже самое несовершенное желание, всякую возможность проверки и отбора — сводя все до уровня скучного мероприятия с призывами, объявлениями и тому подобным.

60 Хотя одним махом и по заказу духовный мир не создать, нам нельзя упустить возможность принять участие в его приходе, создавая переходное состояние; теперь это означает острейшую критику нынешней ситуации.

Лишь немногие, причем только мастера и уже давно созревшие, только обладающие базовым настроением и стилем могут руководить и положить начало действительному возмущению, которое не закончится <просто> руганью и лозунгами.

Там, где не ставятся неразрешимые задачи, а потому не требуется настрой, где все заканчивается лишь предсказуемым, а дипломированный инженер делается вождем, там можно поставить крест на создании серьезных возможностей; там все целое становится *одним лишь тылом, которому не хватает фронта (см. S. 62) и врага.*

83

61 *Социалистические ужимки* студенческих организаций — глупейшая романтика: посиделки и пьянки с «рабочими»; экскурсии и торчание на предприятиях — причем точно известно, что эти люди никогда здесь долго не пробудут, не говоря уже о том, чтобы тут работать, — все это так же глупо, как если бы

крестьянин во время посевной или сбора урожая отправился в университет и принял приглашение поучаствовать в студенческой пирушке, чтобы со своей стороны продемонстрировать народное единство; между тем полевые работы и весь урожай пропадают к чертовой матери — или некоторым женщинам приходится трудиться до изнеможения — <и это> социализм?! А ведь студенты абсолютно не заботятся о воспитании к знанию; вместо этого <они могли бы> готовиться к подлинной коллективной науке (Mitwissenschaft) с привлечением знания народа, содействуя ему в профессии, и благодаря ей быть полезным и участвовать в строительстве его духовно-исторического мира, беречь вкус от окончательного разложения в мещанстве, чтобы пробуждать подлинные потребности и их поддерживать — просто служить образцом, что, однако, требует длительного воспитания и возникает только из высокого и высочайшего подлинного знания.

Именно как «студент» сегодняшний студент является не национал-социалистом, а законченным обывателем; ибо в воспитании к знанию он спасается для самого дешевого и обычного обладания «собственностью на знание», которое он откуда-то получает — не имея сознательной позиции, которая сама по себе могла бы называться «социалистической» — т. е. движимой ответственностью, обеспеченной истинным превосходством и готовой к действию.

Эти «социалистические» ужимки суть только прикрытие для бегства от выполнения подлинной задачи и от собственной никчемности.

Программы и учреждения бесполезны, если нет людей, которые являются носителями внутреннего на-

правления; настало время дать отбой мнимой революции университета. (Мнимой: 1) поскольку того, что должно быть перевернуто, уже не существует; 2) поскольку то, что придет на его место, — еще более пустое и незрелое.) Что же остается?

63 *Формирование фронта* — утверждение цели борьбы, обнаружение позиции врага (слишком легко для этого злоупотреблять только «реакцией»; враг <таится> в самих сегодняшних); формирование сил; базовая позиция исторического прорыва.

Но и это в конце концов только воспитательная «программатика». В чем единственном есть нужда: в *работе* (Werk). Долой махинации, из-за которых приходится имитировать «подлинную действительность» и поле решений! Тут *вообще ничего* не решается — только поддерживается ход обычного обратного предприятия. (См. S. 60.)

85

Требуется:

- 1) прокладывающая <путь> вперед и связующая работа (Werk) —
- 2) воспитывающее к знанию, совокупное мастерство —
- 3) безусловность притязания и требований —
- 4) образцовая дисциплина постоянного труда (Arbeit) —
- 5) благодаря всему этому то самое собственное X!

86

Если с ныне существующим университетом будет покончено, то студенчество лишится того, с чем оно ссорится, и окажется в тупике.

87

64

Важнейшим в сегодняшнем университете является *пресс-служба* — оснащенная максимально большим штабом. Из нее поступают сообщения о том, что штурмовики СА обслуживаются в столовой и т. д.; что благодаря новому зданию спортивного зала создаются рабочие места; что организуется очередная поездка студентов и преподавателей на Северное море — и т. д., и т. п. — А дальше что?

88

Мы прошли через мировую экономическую *нужду* (Not) и все еще пребываем в ней (безработица), мы оказались в историческом и государственном *бедственном положении* (Not) (Версаль), мы постепенно осознаём, что эти беды сопряжены друг с другом, — но мы еще не ощущаем *бедственной ситуации духовного существования* (die geistige Daseinsnot) — и мы еще не доросли до способности познавать и страдать ради *него*, именно в этом и состоит *величайшая нужда*. Ибо сейчас собираются поспешно и грубо избавиться от наступления этой нужды либо фальшивым бегством в выхолощенное христианство, либо провозглашением *духовно* сомнительного и по своему происхождению подозрительного национал-социалистического «мировоззрения». А потому и происходящее мельчает и не раскрывается для напора своей духовной и экзистентной силы. Поэтому все вырождается в дешевую ругань в адрес «либералистической науки» и т. п. Как будто в нашей собственной истории было только то, что видят эти филистеры.

65

Когда мы попадем в великую *нужду* существования?

Как нам превратить серьезное давление в величайшую нужду? Когда мы всерьез отнесемся к сомнительности существования (Dasein) и к великому страху, возникающему перед рискованным предприятием (Wagnis)? Когда мы разнесем вдребезги шумное и «неимущее» духовное убожество, выдающее себя за «характер»? Когда нам удастся наладить подлинную встречу немецкого «рабочего» с его и его народа немецкой традицией?

89

Как если бы ругань в адрес духа и мышления — подлинный вопрос — была только страхом перед ясностью <осознания> глубокой и обширной нужды существования (Daseinsnot); цеплянием за мещанский покой шумного нездорового духа (Ungeist)?

90

Об истинной актуальности существования Dasein. — Она состоит не в затерянности в сегодняшнем и не в осуществлении наличного состояния — но в познании глубочайшей нужды; ибо нужда сама по себе распространяется *вперед* и перемещает нас тем самым по всей временности (Zeitlichkeit).

В нужде укоренена будущность действия, в ней благодаря подлинной традиции нами овладевает бывшее (Gewesenheit).

Задача существования (Dasein) становится актуальной только для поиска воли к существованию в его нужде и ради нее.

Вот почему эта воля — как *искание* — самое нужное и изначально необходимейшее *желание знания* и как таковое уже *сущностное знание*.

Истинное постоянство существования (Dasein) есть *упорствование в поиске* <места> у очага бытия-как-достойного-вопрошания.

Но чтобы все это по-настоящему понять, т. е. постичь на опыте, требуется: более высокая или более глубокая ступень *обновленного самоосмысления*; не выдавать за истину способность принимать состояние (Zuständlichkeit) сегодняшнего и не внушать себе, что больше ничему учиться не нужно — поскольку в принципе <этого> *уже не хотят*. Ибо для этого не хватает способностей; и признав это, человек превратил бы себя самого в простой переход<ный момент> и отказался бы от самовозвеличивания. 67

91

Следует ли состояние Движения в 1933/1934 только истолковывать и подавать как то, «что достигнуто», — конечное состояние, — или оно является только предварительной формой великой будущности народа? Лишь в этом случае, если это так, — а мы в это верим — оно несет в себе залог величия. Но потом возникает вопрос: какие силы разворачивают и создают это будущее? Уж конечно не те, что каждодневно вновь насыщаются предшествующим, но и не те, что сейчас приходят как припозднившиеся и «истолковывают» и все делают либерально-духовно приемлемым, т. е. безобидным. С этой точки зрения, недоверие «старых» по отношению к «новым» не только оправданно, но и необходимо. Но если это недоверие слепо распространять на все духовные усилия и на все издавна уже для этого созревшие *и оснащенные* поиски и всё без разбора забросить в смеситель «интеллектуализма» и «теоретизирования», тогда это превращается в тормоз и искажение творческого свершения. 68

92

Несостоятельность и посредственность неистребимы; <мало того,> они *должны* быть; только нельзя возводить их до уровня высшего образца.

93

Хотя парламентаризм ученого совета и факультетов ликвидирован, но на его месте появилась *система советов*, которая затрудняет до невозможности руководство высшей школой — сегодня еще больше, чем прежде. Определяющие силы, не связанные между собой, все без основной творческой цели, воздействуют в соответствии со своими властными полномочиями на «объект» — высшую школу — и разрывают целое — или же всё начинает напоминать разогретый суп, куда намешали всякую всячину.

69 *Следствие этого состояния* проявляется ежедневно все отчетливее: внутреннюю беспомощность — не распознанную в таком качестве — и отсутствие цели пытаются преодолеть с помощью дополнительных задач высших школ; это слепая конкуренция отдельных <вузов>, подобно рекламному зуду курортов; тут восхваляются самые невозможные вещи; не говоря уже о безвкусице и лживости этой возни.

94

Теперь таким образом учреждена «имперскость» учащихся и назначен «вождь». Позавчера даже обеспокоили по этому поводу самого Фюрера. Знает ли немецкое студенчество хоть немного ту ответственность, которую оно взяло на себя? Думаю, что нет. Ибо для этого нужна способность к духовно-творческой позиции, а также силы и возможно-

сти вести реальную «борьбу». Но то, что тут происходит, есть ведь только уклонение от духовной борьбы; под маской «политической акции». А если когда-нибудь обнаружится безрезультатность подобных действий, тогда быстренько укажут на то, что, дескать, профессеры нас предали. 70

95

Пока суетятся в повседневности, пребывают в иллюзии, будто происходит настоящее событие. Пока повседневность ветшает, ничуть не меняясь, незримо происходит подлинное, что и является уже предопределенным в сокрытом задании. Но было бы неправильно просто возвыситься над каждодневным и блуждать в сказочной стране. <Следует же> держаться в центре бытия и осуществлять в повседневности будущее и искать его.

96

Студенчество и «доцентура» заняты сейчас такой же перепиской о назначении и замещении должностей, которой раньше занимались злые ординарии. Вот только с рядом отличий, касающихся того, что

- 1) сейчас еще больше людей заняты подобными запросами и ответами, 71
- 2) вследствие этого растет произвол в отборе выносящих суждения и невозможность определить их пригодность для вынесения суждения,
- 3) выносящие сегодня суждения гораздо *менее опытные*,
- 4) они еще меньше, чем прежде, ориентируются на всю высшую школу — потому что у них отсутствует широта кругозора,

5) они под прикрытием некоего <рода> сомнительного национал-социализма с ничем не оправданной самоуверенностью изображают из себя судебную инстанцию и тем самым заранее прикрывают полное отсутствие способности к формированию и прямой дорогой идут к «организации» неподражаемой посредственности.

97

72 Самообожествление сегодняшнего «молодого поколения» все еще встречается на каждом шагу — безрассудное, не имеющее собственного мнения и открытое чванство, которое в своем усердии вовсе не замечает, как сильно оно обкрадывает старое тут же, продолжая ругать его, и все выводит на скучный уровень закосневшей «фразеологии»; это, возможно, и производит впечатление на всех безгранично невежественных представителей этого поколения, но в принципе все это отжившая — нами уже десять лет назад разгаданная и никогда не поддерживаемая «социология культуры и анализ <культуры>» самого дурного пошиба.

Когда люди с целью подчеркивания собственной якобы значимости выискивают в качестве предмета сравнения только мошенников и сребролюбцев эпохи упадка, то быть лучше них в действительности не представляет никакой заслуги. Но таким образом только доказывается духовная слепота, которая упускает из виду, что конец XIX века уже давно подготовлен судьбой. Установить этот конец уж давно не является никаким достижением, особенно потому, что не было замечено, как в течение десятилетия 1910–1919 подготавливался чреватый последствиями переворот. Но речь идет не о том, чтобы подобающим образом почитать это старое, но лишь

о том, чтобы знать, на какие силы нужно опереться, дабы будущее не стало дурной копией ближайшего прошлого.

98

73

Уверенность в отрицании еще не гарантирует способность *утверждающего* и *предвосхищающего* решения (*Gestaltung*). А последнее, в свою очередь, не следует оценивать в соответствии с масштабом той способности, но оно имеет свой великий закон в истории — а не только в сегодняшнем «моменте».

99

Вложить все силы в сдержанную мягкость и спокойствие, сохранять глубинное спокойствие решимости для выведения высших потребностей *Dasein* из глубинной нужды и крайне бедственного положения. Непоколебимость простого взгляда на сущностное Единственное — растущая возможность освобождения от всего, где «человек» может быть только «при чем-то».

100

В себе самом образцово добиваться знающей — понятой — разработки того, что базовое желание нового существования (*Dasein*) ищет в сокрытом. Участвовать в поисках в пробуждающемся, но все еще смятенном существе народа.

101

74

Важный опыт, полученный в годы завершающегося ректорства:

Во всех отношениях это неотвратимый *конец* университета из-за бессилия «осуществить» подлинное «самоутверждение». Оно остается последним затихающим требованием, не вызвавшим никакого отклика.

В формах и учреждениях высшей школы — и уж подавно после изменения конституции <университета> — все больше и больше идет на спад пока еще брезжущее прежнее движение. То, что выдавало себя за «новое», оказалось незрелым для выполнения <насушной> задачи; «старое» утомилось и не может найти дорогу обратно, к какому-либо истоку; слишком пугливо, чтобы еще раз подвергнуться абсолютной проблематичности предыдущей научной работы; чересчур привязано к своей дисциплине и области и сфере деятельности и цеху, чтобы могла пробудиться свободная воля следования; бесплодная благосклонность ничего не стоит.

75 Простое реагирование национал-социалистическими средствами власти и соответствующими функционерами, возможно, в состоянии имитировать для внешнего наблюдателя утверждение властного положения; к чему все это там, где все целое само по себе бессильно и ему отказано в притоке новых молодых сил или хотя бы только в сохранении способных преподавателей.

Я вступил в свою должность слишком рано, или лучше сказать: абсолютно напрасно; адекватное эпохе «руководство» должно заниматься не внутренней трансформацией и самовоспитанием, а максимально заметным накоплением новых учреждений или впечатляющим изменением существовавшего ранее. Но при такой деятельности самое существенное вполне может оставаться прежним.

Все это должно закончиться; «зрители» должны зачихнуть от собственной скуки; а между тем копит-

ся сила существования (Dasein) для нового основания немецкой высшей школы.

Когда она возникнет и на каких путях — мы не знаем. Ясно только одно: мы в свою очередь должны подготовить грядущее. Мы не вправе растрчивать себя, продолжая предыдущее, мы не можем искажать скрытое представление о грядущем. Мы также никогда не будем стоять в стороне, где прав<едн>ая воля к чему-то — и умение — берутся за дело. Мы останемся в невидимом фронте тайной духовной Германии.

102

Тот, кто состоит в творческой *утверждающей* «оппозиции», не только рискует тем, что его будут постоянно отвергать; от него требуется выносить и даже желать, чтобы «идеи» и побуждения — пусть зачатую и искаженные — перенимались господствующей элитой и реализовывались как ее собственное дело.

103

77

Против уравнивания и неограниченного использования *принципа вождизма* (Führerprinzip)!

Каким образом вообще *научный преподаватель* может быть «вождем»? *Никоим* образом. (Эта неспособность не является недостатком — она обеспечивает собственную силу и одновременно задачи для тех, кто входит в сферу научной работы.)

Как из ложных целеполаганий и притязаний вырастают ложные и искаженные суждения и оценки?

104

Вопрос о высшей школе может ставиться не в плане только «студентов» либо научно-исследователь-

ских задач «доцентов»; а потому должен пониматься или не пониматься исходя не из искусственного объединения обеих групп, — а из *задачи обеих*, — которая уже стоит перед ними и за их пределами.

Слабо прикрытый «позитивизм» во всей сегодняшней болтовне о высшей школе.

78

105

О нынешней ситуации (конец февраля 1934 года).

1. Действенные, опорные и укореняющие силы имеются у *молодежи*; причем не у студентов, поскольку они, не построив доверенный им сейчас мир высшей школы, только полемически «выросли».

2. Структура народно-государственного существования (*Dasein*) создает Движение в соответствии с организационным методом, определенным солдатами и инженерами.

3. Инстинктивная мировоззренческая базовая позиция столь же надежна, сколь хаотичен соответствующий духовный мир, который повсеместно успокаивает себя, сомнительным образом заимствуя формы XIX века и его позитивистского биологизма, не видя и не понимая, что за 15 лет подготовлена та трансформация совокупного бытия, в которой когда-нибудь должно укорениться Движение, если оно призвано утвердить на планете самобытнейший (*ureigen*) творчески-духовный мир.

79

106

Эту духовно-историческую действительность, видимую лишь немногим, да и то в общих чертах, мы обязаны ради будущего растущей молодежи бросить на пути как бревно строящегося здания. Здесь она должна встретить сопротивление для той борь-

бы, в которой только и воспламеняется великое бытие народа.

При этом нужно по-разному и сбалансированно сохранять значимость следующего: с одной стороны — инстинктивная душевная базовая позиция (со всем накопленным предыдущим <материалом>), а с другой — творчески освоенный и впечатляющий набросок, бытие (со всей кажущейся оторванностью от жизни и мнимым бессилием).

В связи с этим требование к тем, кто здесь *работает*:

1) не давать отвлечь себя от этой долгосрочной задачи философа настоятельностью сегодняшних забот и публичностью «мероприятий»; 80

2) однако не сливаться со стоящими в стороне, но сегодня уже повсеместно вновь востребованными представителями «науки» и «культуры»;

3) не делать предстоящую задачу исключительным масштабом сегодняшних усилий молодежи — но критически подходить к их сомнительности и таким образом нацеливать их в правильном направлении;

4) не хулить и ложно истолковывать превосходство, используя официальные руководящие посты, но возвращать «его» в незаметное существование, быть может, «бесполезных» духовных дел;

5) *никогда* не выпускать из виду сущностного *срединного положения* всякого *духовного* руководства.

Уже давно я пришел к выводу, что в работе по воспитанию к знанию нахожусь на правильном пути, и не соглашаюсь, когда в глупой болтовне зеленые юнцы начинают поучать меня в отношении «нового понятия науки».

108

Преодолевать заблуждение, согласно которому работа *ради* народа и исходя из народа заключается лишь в шумной возне с <участием> организаций, которые могут быть важны для лишенных корней горожан и сегодняшних <граждан>, но не имеют права навязывать свою форму духовно-творческой работе.

Выставлять все в публичную сферу — значит губить всякое действительное существование.

Ведь это все просто с ног на голову поставленный марксизм и, будучи таковым, он тем опаснее, что обман сейчас — духовный обман — более скрытый.

Роковое мнение, будто борьба ведется только там, где шумно и оживленно и где плетутся интриги.

109

Впутываясь в сеть махинаций, мы как бы признаем, что вначале должны измениться сами; притом, что мы все же из-за таких действий как раз и отпадаем от самих себя и истинной задачи. Однако таким образом сохраняется публичная видимость, будто мы относимся к стоящей в стороне «реакции»; притом, что мы все же совершенно по-другому пребываем в самом центре свершающегося существования (Dasein).

Мужество к соблюдению дистанции — нельзя искажать путем мнимых имитаций шумной «деятельности».

110

Организованная сегодня — но пустая — власть студенчества подгоняет к тому, что настоящие «доценты» опускаются до уровня безропотных и привлекаемых по случаю подручных, поскольку они еще

обладают «знанием» — а под ним сейчас явно понимают владение «цифрами» и «данными». *Самонадеянность* студентов оправдана там, где они вопреки старшим ссылаются на надежность своих собственных инстинктивно выбираемых направлений и на свою ударную волю; но она становится смехотворной, когда ее ложным образом перетолковывают, будто теперь и *студенчество* также будет строить грядущий духовный мир. Они *никогда* не смогут этого; не только потому, что у них в настоящий момент не хватает «знаний» в смысле овладения ремеслом — но и потому, что они *по своей сути* еще не вошли в возраст духовно-мировоззренческой творческой зрелости. 83

Полагать, что их нынешняя команда дотянет — когда-нибудь до него — это заблуждение; ибо эта команда всецело попадает в колею предыдущего. Стоит только сравнить, в каких «категориях» все осмысляется и какие вопросы ставятся, — внутренняя духовная беспомощность столь же велика, что и самомнение. И все же этому темному и пронизанному всем предыдущим напором присуща историческая необходимость и значимость.

111

В свое время нам придется дойти до самой последней обыденщины повседневного, повариться в нем, чтобы понять, как повседневность, будучи необходимой видимостью бытия, при всем мнимом отчуждении от неизбежного (время) в своих глубинах все же остается впутанной в него.

В свое время нам придется вообще *уйти* в торгашество, чистое предпринимательство, чтобы познать далекое одиночество *труда* (*Werk*) и всецело взвалить на себя противоречивость бытия и пребывать в ней. 84

112

Прощальная речь (28.IV.1934)

Отзвучали «коллегиальные» прощальные речи, относящиеся уже к прошедшим временам. Мне бы хотелось произнести *товарищеское* слово, принадлежащее нынешнему моменту.

Вы изготовились к прыжку в новое начало.

Я пребываю в конце *неудавшегося* года.

Это выглядит как *противоречие*;

там бодрящая сила грядущего неизвестного;

тут парализующее бремя былого.

Но и то и другое связаны друг с другом — и являются *одним и тем же*; нашим сегодняшним существованием (Dasein), которое мы обязаны ухватить, вооружившись простым твердым пониманием, — чтобы защититься как от слепящего блаженства надежды, так и от не менее ослепляющей досады.

Неудавшийся год — потерянный — если бы *неудача* не была высшей формой человеческого опыта, в которой мы встречаемся с действующими силами мира в их беспощадной способности воздействия, учимся ощущать их игру и расположение.

И, таким образом, базовый опыт этой неудачи в сжатом виде состоит в том, что сплоченная и укорененная сила к самоутверждению *покинула* немецкий университет. Правда, она *уже давно* иссякала в нем; теперь же пустота явилась лишь очень стремительно и всесторонне:

воспитательная сила сбита с толку —

мировоззренческая сила зачала —

научообразующая сила рассеялась.

Вот почему университет должен был мгновенно утратить свое влияние и место в общественной жизни народа; он ведет теперь — вплоть до окончательного финала — «антикварное» существование, выполняя

сомнительную роль заведения, которое в определенных границах еще имеет право максимально быстро и без особых усилий снабжать студентов набором знаний для профессиональной деятельности.

86

Сегодня уже безразлично, насколько «хорош» или «плох» профессорско-преподавательский состав университетских факультетов, — разница тут еще чисто «количественная». Граница «качества», сущностной пригодности пролегает где-то в другом месте.

Не стоит сожалеть о такой судьбе немецкого университета. Куда более роковым является нечто иное: то, что сейчас студенчество, *якобы* стремящееся вперед, и созданная по его образцу — в плане «организации» и «позиции» — доцентура наслаждается господством над поставщиком профессионального знания и исполняют печальный спектакль, выдавая попавшее в их руки вконец обветшавшее здание за взятую штурмом мощную цитадель.

Опасность состоит не в реакции; ибо мнимые «революционеры» *еще более* реакционны, поскольку в критические моменты оказываются еще неопытные и беспомощные «стариков».

87

Опасностью также не является безудержное рвение навязывать извне все мыслимые и немыслимые особые задачи университета — болтовня об окружающем ландшафте — где внутри уже все пусто.

<Одна настоящая> опасность сохраняется: учащаются случаи сокрытия <реальной> ситуации, в результате чего заранее помещаются в не-истинное все планы и мероприятия и всякое подлинное желание вынуждено оставаться вне довольно узких границ доступного понимания.

Остается лишь одно: противодействуя сокрытию, демонстрировать действительное <положение дел>, что означает проведение демонтажа (Auflö-

sung) — исходя из формирующегося желания совершенно иного.

Печально не это завершение — а сокрытие его реальности.

113

Окончание ректорства. 28.IV.1934 — Мой пост свободен, поскольку ответственность уже невозможна.

Да здравствует посредственность и шумиха!

88

114

Мое ректорство стояло под знаком серьезного заблуждения, будто я собирался донести до сознания «коллег» и поставить перед ними *вопросы*, от которых им лучше оставаться *в стороне* ради их благополучия — и пагубы.

89

115

Сохранять молчание и твердость —
будучи сдержанным и строгим —
снова вступая в глубочайшую нужду —
назад в напор далекого распоряжения.
Великое сокрытое событие —
отдаленность от всех сегодняшних.
Близость к глубочайшему призванию народа.
(См. S. 97 сл.)

116

Осуществление возможности Dasein благодаря заботе и в ней как обретение сущности бытия. (См. S. 49.)

117

Из-за неотвратимости «цели» (Bestimmung) существования (Dasein) пренебрегать повседневностью, чтобы, открывая бытие, возвышать все сущее (zum Ragen zu bringen) и воспламенять волю.

118

90

Сегодняшние Многие: торопыги и крикуны,
дельцы и карьеристы,
мошенники и лжетолкователи.

Они ловко используют мелкую и пошлую возбужденность толпы и ее жалкие удовольствия; они ловят рыбку в мутной воде и глазуют на безрассудные выходки.

119

Высокая непреложность (Zwang) земли <проявляется> вовсе не в повседневности и в поступке, а уже в творческой силе вопрошания и миростроительной силе народа.

120

Нужен ли был безумный прыжок в шумную повседневность и в засасывающий водоворот ее махинаций, в ее привычное непостоянство и скрытое отсутствие значимости лишь для того, чтобы была

всецело осознана единственная необходимость; уйти в полное одиночество и дорасти до <своего> труда?

121

Куда заведет такой подход, когда за действительное принимается только *сегодняшнее*, а все, что *против* сегодняшнего, выдается за «реакцию»? С таким же успехом это могло бы быть и указанием на будущее (Pro-duk-tion).

91

122

Видимо, есть такие люди, которые считают, будто «народная общность» — это нечто вроде сюсюкающего единодушия дурацкой посредственности, крики которой они принимают за <выражение> преданности (Gefolgschaft).

123

Попытка: кто может выдержать беспрестанное унижение всего начального и первоисточного — не будучи униженным; кто в силах смотреть на выхолащивание и уплощение всего твердого и плотного, не становясь мастером пошлости.

124

Истина той или иной философии покоится на аллегорической силе ее творения (Gleichniskraft ihres Werkes). Она измеряется силой усмиряющего обуздания накликаемого восстания, с изначальностью и прочностью пробуждающего ввязывания в высвобожденную нужду сущности исторического суще-

ствования (die befreite Not des Wesens eines geschichtlichen Daseins). Из этого творения должна выбиться зажигательная воля к вопрошанию.

Любой уровень достижения, любой ранг притязаний тяготеет к снижению; этому снижению способствует всякое распространение уровня; тогда возникает опасность законченной пошлости, чья пустота создает видимость, будто она является простотой сущности. С этой сущностью когда-либо встретиться <можно> только сильно уклонившись в направлении непривычной неизбежности. 92

125

Сегодняшние <люди> болтаются в пустоте сплошной организованности и потом — в экстренных случаях — ищут за этим убогую *полноту*, которая якобы могла бы наступить, если бы только с «организацией» было все в порядке.

126

От всякой организации и даже от «органического» разнится *творение* действительности. Ведь оно совершается благодаря тому, что созидаящая воля как раз и подвергает себя <воздействию> превосходства и полноты несделанного и стремится *их* сохранить в структуре творения; творение не уничтожает, но освобождает и уполномочивает превосходящее. (См. выше S. 23.)

127

Никакого поспешного приспособления к духу времени!

128

93 Появление *возможного*; вот «оно тут»! Но — ведь они думают наоборот — теперь, мол, действительное в самом деле действительно — шумные слепцы, опьяневшие от мелких результатов своих махинаций.

И насколько они отстранены полностью от трепещущей силы, чтобы выдерживать созвучие удаленности возможного от действительности как настроя (Bestimmung).

129

Просто, жестко, верно и в меру.

130

В эту эпоху, когда не только хотели бы оценивать всякую вещь в соответствии с ее полезностью, но и видеть ее исключительно приспособленной к этому, должно осуществиться требование, чтобы *одно знание было в знающих, которые ради самих себя составляют один народ*; что, по правде говоря, еще дальше от «либерализма», чем злоупотребление всяким мнимым духом. Но это требование мы выдвигаем плодотворней всего через такое существование (Dasein) — особенно если не удастся быть «услышанным», — ведь в конце концов это было бы требованием, противоречащим подлинному смыслу.

94

131

Распространенное заблуждение: прежде всего сделать существенное (das Wesentliche) — пока вообще еще можно уловить хоть видимость его — *общим*

и расхожим для *грубой* сообразительности (называемой характером), чтобы оно таким образом стало общезначимым.

Общезначимым оно станет лишь тогда, когда закрепится как действующая на расстоянии сила тяготения.

132

Теперь выясняется, что мы уже давно живем и еще долго будем жить в мировую эпоху уходящих (*scheidenden*) богов. Познаем ли мы в этом уходе их поступь и тем самым — их движущую-ускользающую близость.

133

Умение ожидать — при внутренней крепости — грядущий духовный голод — после дикого истощения из-за питания плевелами.

134

Поборание Бога — приготовление к <занятию> его места — в существовании (*Dasein*) творчества и мышления.

Только так осуществляется истина, высящаяся как одинокий лесной холм сквозь долины людей.

135

Величайшая нужда без-нуждой эпохи — в забвении Бытия (*des Seyns*), она, шатаясь, мнит себя устойчивой и считает себя деятельной, занимаясь удовлетворением нехваток. Отсюда нетерпимость к творчеству и мышлению — сопротивление все-

му, что требует терпеть лишения (Ertragen des Aus-trags).

Мания односторонности, трусливое ликование там, где только что-нибудь связывается, сковывается и устраняется, — и слепота по отношению к величии незаконного и непонятого и бессильное отвлечение к тому, чтобы выносить это иное и даже возвышать до Бытия (Seyn) и всецело относить его ко внутреннему миру (Innigkeit).

Воинственная трусость перед Бытием в превратной толкуемой регламентации сущего в его ближайшей подручности (Handlichkeit).

136

Обладающие знанием — не ученые — это те, кто участвует в несении существования (Dasein) как такового — укрепляют в себе, чтобы оно могло выдержать бунт истины — в одиночку, укорененные в почве дерева, задача которых — просто стоять <, возвышаясь> к небу и цепко-впивающимся переплетением корней предохранять земное царство от обрушения. (S. 99.)

137

Если в силе «расы» (коренного жителя) заложена некая истина, то утратят ли, должны ли утратить немцы свою историческую сущность — отречься <от нее> — дезорганизовать <ее> — или же им суждено довести ее до крайне трагического результата? Вместо этого плодят близоруких простофиль!

138

Или же нынешнее потрясение есть только предвестник подлинного абсолютного разворота по той

причине, из-за которой запутанность (*Verstrickung*) разрешится в простые *емкости* (*Behältnisse*).

Еще не настраивающе-несущее-будоражающе терпеливые отношения к Бытию, а только умелое набивание (*Pferch*) множества емкостей, причем все загнанные в них ощущают себя в безопасности, в тесноте и в приятности.

139

Кто мы и чьи мы?

140

Не говорить *непосредственно* и даже не писать «о» — Гераклите — Канте — Гёльдерлине — Ницше, — а в сокровенной благодарности *претворять* все в силу и плотность; и лишь — если удастся — отставить их как совершенно чуждых в их великом своеобразии; иначе мы с нашей половинчатостью сделаем их обычными <людьми>.

141

97

Первенцы — истинные — приносятся в жертву, их бросают в огонь; но их не передают друг другу и уж подавно не вознаграждают и не поощряют.

142

Неизбежно дикое впутывание (*Verstrickung*) в масовость, беспредельность, поспешность наличного и его деловитой сплоченности.

Неизбежно выдергивание тайны в упомянутое «мировоззрение» будней. Вот почему еще нужней непреодоленная нужда природы и исторической

дали — не быть атакованным этими силами — а только «знать» их. И в этой нужде кроется исключение из Бытия, а это исключение опять-таки есть захламление (*Verschüttung*) сопротивляющейся глубины (*Innigkeit*) базового свершения.

98 Но та запутанность (*Verstrickung*) оказывается еще более недоступной распутыванию из-за того, что она, *будучи таковой*, остается неведомой, мало того, выдает себя за *близость к жизни*, для преодоления чего требуется «характер» и «мировоззрение». Если бы последнее было лишь бегством от собственной неспособности к знанию и духовного опустошения, <присущего> тщеславной мелкобуржуазности.

Но запутанность не следует распутывать — ведь Бог требует, чтобы ей противостояло — еще больше усиливая и преувеличивая ее — базовое свершение, <ведущее> к погибели или *полному* развороту; но как всегда — наверняка к жертве; при *молчаливом* ожидании осведомленное вопрошание, проникающее в мир осмысление (*das erweltende Denken*) базового свершения вносить в *Dasein*.

143

К истинному *знанию* относится знание его сущностных границ. Незнание их — безошибочный признак как напыщенного тщеславия, так и вопиющей бездарности. Незнание бывает *двух родов*: *во-первых*, *чрезмерные* требования, предъявляемые к знанию, когда полагают, что оно должно непосредственно вести к так называемой практике и, мало того, ее осуществлять, — а *во-вторых*, недооценка его внутренней мощи, когда отказываются от глубочайшей и широчайшей — всегда открытой строгости обоснования и свободной серьезности вопрошания.

Там не понимают того, что *имеет право* быть; здесь — того, что *должно* быть.

99

Для того чтобы знать границы и даже *собственные*, требуется высшее превосходство существования (Dasein), т. е. внутренняя пригодность к рангу и постоянству. (См. S. 95.)

144

Силы напирают во всю мощь только тогда, когда цели (Bestimmung) придерживаются предельно смело и скрупулезно (eigen), а рискованное решение о сопротивлении принимается окончательно; но тогда оно является, возвышаясь при том над всеми сварями, *только* противодействующим.

145

«*Организация*» — это не внутреннее развитие новых зародышей, но сплошная *оболочка* (Verschalung) всех вещей и всего здорового в каждой из них. И все же она остается потребностью при непомерной массе массовидного и того, что унаследовано из прошлого.

Тем самобытнее и решительнее должно стать утверждающее ее противодействие (Gegenwurf) и напряжение, должна быть сохранена возможность еще одной истории и предотвращено организованное погружение на дно (Versinken).

Только то, до чего мы доросли от основания и чем обладаем в его могуществе, мы можем сохранить, представляя как бывшее, и позволять ему выститься перед нами как выдающаяся вершина.

100

Обладая великим наследием греческого существования (Dasein), мы отваживаемся — уверенным духом — на скачок в свободно обязывающее открытие грядущего.

146

Философ *есть* тот, кто, как вопрошающий, испытывает возбуждение от близости богов, — или это не философ. Но даже если он — философ, он способен, например, среди прочего, именно благодаря «философской» учености все ложно истолковать и выхолостить. Он может также обладать призванием нести действительную традицию философии от вершины к вершине и подготавливать трепет будущего своим силою богов вынуждаемым творчеством (Werk).

101

147

Ни половинчатость, ни посредничество не помогут — мы должны полностью вернуться к энтузиазму и таким путем заново испытать дикость и захваченность и их глубину (Innigkeit). Ибо и наша трезвость стала пустотой и сплошными суетными принуждениями, и наша страсть — только вскипанием неглубоких вод, не имеющим ни направления, ни объема.

Мы обязаны полностью вернуться в базовое свершение — если мы должны воспрепятствовать подлинно великому *закату* (Untergang).

148

Культура? Боевой порядок обреченного Бога (gottausgesetzt) исторического существования (Dasein) народа и его предопределения. — Но борьба — <это> πόλεμος⁹.

9. Война (греч.). — Прим. пер.

149

Спасет нас только *разворот* в еще не возникшую — (изначальную) сущность *истины*, чтобы при возврате из нее — почуять истинное и подготовить ему с нашей помощью приход (Eingang) — результат неразвернутого начала.

150

102

Выдержать зияющую пустоту в небывалой чаще. (Не дать жалкой самоуверенности <, свойственной> лишенному корней остроумию, заболтать Ничто.)

Сперва вытерпеть действительное вопрошание и с презрением отвергнуть тех тщеславных менял, которые громогласно предлагают ответы, причем максимально расхожие, которые заранее оправдывают забрасываемые в народ половинчатости тем, что все, мол, находится в развитии.

151

Многие, <то есть> те, кто теперь рассуждает «о» расе и укорененности в почве и в каждом слове и в каждом действии и упущении издеваются над самими собой и доказывают, что они от этого ничего не «имеют», не говоря уже о том, чтобы они с полным основанием *являлись* расово полноценными и укорененными в почве.

152

103

Бранят на все лады интеллектуализм и без умолку болтают — причем употребляя только совершенно случайные и дурные понятия «о» народе, государстве, науке, праве и т. д., не задумываясь и не спра-

шивая о том, неужели мы настолько овладели также и существованием (*Dasein*), что уже долго выдерживаем это последнее и дурнейшее разрушение болтовней. «Позитивизм», т.е. непосредственность действия духа, идет дальше — вот только теперь говорят про «общность» и от сплошной общности <просто> захлебываются. Но господа со всей их бездарностью и нахальством быстрее, чем мечтали, достигают таким образом постов и почетного положения. А *народ*, о котором произнесено было столько речей? В смысле — его глубинная духовная участь? <Этот народ> загоняется в болото и пустыню, каких немцы еще никогда не знавали.

Пресловутая «общность» еще не является залогом «истины»; «общность» также способна заблуждаться и еще больше, еще упорнее настаивать на своем заблуждении, чем отдельные люди. Народные мнения, народные убеждения, взгляды — уже давно не принимаются сразу же за эталон истинности, только из-за того, что они являются господствующими или обретают свободу и пробиваются вперед. И как раз при требовании «общественного» *еще* труднее не только найти подлинные эталоны и различия, но и сделать их господствующими.

Все же нужно иметь ясное представление о сегодняшней массе и ее упадке — длящемся несколько десятилетий, — началось это не с ноября 1919 года, — чтобы ощутить всю тяжесть ответственности, которая заложена в «подчеркивании принципа общности» — в особенности там, где научные связи настолько смутны и по-детски <примитивны>.

Вещи, которые для нас уже давно бесспорны, предлагаются сегодня неопытными бездарями как самые последние открытия и распространяются с непревзойденным отсутствием вкуса. 105

154

Самая истинная общность не снимает груза <ответственности> с отдельного человека, но требует высшей — т. е. чуждой-своему-Я само-стоятельности знания и выдержки.

155

Много шумят против «интеллектуализма», одновременно доводя осознанность и искусственность «знания» до того, что <человек, будучи выходцем> из «народа», должен «сознательно» работать для «народа».

Догадываются ли хотя бы о том, что при таком широкомасштабном (betriebsmäßig) разрушении непосредственности творчества, связанного с призванием, <человек> оказывается перед этими чрезмерными, если не противоестественными требованиями. Разве *мы* в творческом отношении настолько богаты, что можем позволить себе такое организованное сознание и подобную заносчивость? Или все это только выплески разбушевавшейся властолюбивой бездуховности? 106

156

Не стараться штурмовать сегодняшнее или даже опровергать его, но путем создания устроенного (gefügt) будущего устанавливать прежнее *как таковое*, т. е. как имевшее место, и таким образом рассматривать его как творческий закат.

157

Обдуманная отдача и великое одиночество.

158

107 «Наука» — новый «лозунг» — <надо> не говорить об этом, но «практически» трудиться! Сейчас делают вид, будто «простых людей» (man) не было — будто только опять-таки «профессоры» «говорили» «о» науке. Но этот новый «лозунг» лишь доказывает, что прежде столь же мало понимали, о чем идет речь, как сейчас, когда люди недостаточно быстро переходят в сферу «практического» или, столь же практично, варят «наукоучение» для будущих «нужд». Однако указанная «практика» и это «варево» очень далеки от *определения* через <обретение и передачу> знания, которое несет наше историческое существование (Dasein) и которое должно довести до конца его *собственный закон*, независимо от того, что «произошло» в 1933 году, и всецело в-университетах.

Делают вид, будто *совершенно далеко* возможность того, что мы *окончательно* при постепенном угасании «науки» — с <ее> концом — в определенном *творческом* смысле должны будем покончить с «наукой» — как отжившей <отраслью> — <и двинуться> в область Технически-Практического и вовсе *уже не* <в сферу> подлинных наук. (Ср. 112.) Вместо этого благодушно уверяют, что, мол, наукой будут заниматься и впредь, вот только уже не столь «теоретически». Людям неведомо, что знание — в том числе пришедшее в упадок — можно «прикончить» только *обладая знанием*, — что содержит в себе новое вопрошание с новыми границами и *другой* истиной.

Вместо того чтобы продолжать сыпать фразами в отношении лишь подправленного согласно тре-

бованиям эпохи, а по сути отмершего предприятия, необходимо *самоутверждение*, высвобождение сущностных сил. В них знание *как таковое* вместе со своим основанием должно пройти новую проверку, а тем самым поставить перед <необходимостью> решения сами эти силы. 108

159

Куда ведет серьезнейшая, упорнейшая и предельно замалчиваемая работа расспрашивания? То, что мы все больше молчим, все больше способствует накоплению того, что следовало бы оставить в прошлом и всегда еще слишком предварительного — поскольку еще не найдена совершенно простая странность для Того, что необходимо высказывать заранее — если вообще высказывать, — почва и воздух и мост вопрошания и возможности знания из преобразенного Dasein открываются для него.

160

Возможно, удастся вновь когда-нибудь подвести наше историческое существование к ближайшему преддверью властной сферы философии.

Тот, кто не признает, что философия по сути не современна, не встречает отзвука, не приносит пользы, которую можно рассчитать, и сохраняет неизбежную видимость безобидного бессилия, тот пусть осмеивает ее или осыпает бранью, вот только он должен иметь в виду, что ничего о ней не знает. Но именно Такой человек никогда не сможет этого узнать. 109

Всякая «близость к действительности» тщетна, пока она не <sic!> содержится в *дали* от указания Бытия (Wink des Seyns).

161

Одно поколение назад учителя народных школ кормились книгой Геккеля «Мировые загадки»¹⁰ — сегодня они питаются «Криком», — отличие состоит лишь в том, что сегодня впадение в бездуховность и тщеславие развернулось еще шире, так что, если Геккель чего-то и «достиг» в своей «науке», то о Крике этого сказать уже нельзя.

У нас уже *нет духовного мира* (см. S. III), только руины — темные в их происхождении — и прагматическое мышление для грубых целей, в рамках которых произвольно нахватывается произвольный материал. Таким образом, ближайшая цель — создать духовный мир, вообще мир Dasein! Но его-то как раз и не соорудить по заказу, но только из нужды; и чтобы познать эту нужду, необходимо выспрашивание, в котором сначала истина как таковая выстраивается заново, образуя пространство и остов (Gefüge).

110

162

«Науки» — то, что мы так называем, — уже вовсе не суть наука — т. е. развертывание знания и обратная связь с ним, но убежание <от него> в хлопотливую возню, даже приносящую «пользу», — сточные воды, — которые еще и принимают за вольно текущие реки; и это сегодняшняя тупость и нахальство норовят еще раз обкорнать.

10. [Ernst Haeckel: Die Welträtsel. Gemeinverständliche Studien über Monistische Philosophie. Emil Strauß Verlag: Bonn 1899.] <Геккель Э. Мировые загадки/пер. с нем. М.: ОГИЗ; Гос. антирелигиозное изд-во, 1935. — Прим. пер.>

163

Настает время, в котором *сплавляются* все силы и учреждения, все устремления и масштабы, а дело все в том, чтобы мы развели правильный изначальный *огонь* и получили *действительно самородный* металл для новой переплавки и расплавили его в грядущем Dasein.

Огонь сей есть «истина» в ее изначальной сущности, и его полыхающий, всепожирающий и всеочищающий пожар — *вопрошание*. А металл и самородность земли суть *Бытие*.

164

Научное обучение, т. е. знающее преподавание, — что <это>? Знающая — стабильная способность преподавания исходя из сущностного отношения по поводу соответствующей области бытия (Seinsbereich) и окружающего ее мира.

165

111

Как правило, «кафедры» (Lehrstühle) уже давно превратились в кресла (Lehnstühle); последние теперь делаются мягкими и устанавливаются так, чтобы было удобнее их занять.

166

111

Мы все еще пребываем вне новых областей великих духовных решений (см. S. 109):

- 1) полемика и ясная позиция по отношению к *христианству* и всей *западноевропейской философии*;
- 2) полемика с *Ницше*;
- 3) творческое — не только организующее отношение к *технике*;

- 4) новый *Европейский* мир;
 5) *мир земли* — мир как таковой.

Все пять решений суть *единое* решение Бытия, которое тем самым одновременно является как таковое решением относительно всей западноевропейской истории.

Область решений *еще только предстоит* создать.

112

167

Меня постоянно спрашивают, почему я не отвечаю на нападки г-на Крика!

Ответ: те, кто из-за своей мелкотравчатости и тщеславия роется во всем, что было создано и помыслено, — те, кто заслуживает только презрения, никогда не могут быть *противниками*. В борьбу я вступаю только с противником, а не с болтливыми посредственностями.

168

Науки пали до уровня простых технических методов (естествознание, медицина, частично правоведение). А там, где подобное не так легко осуществимо (в науках о духе), царит либо пустое умножение литературы, либо абсолютная беспомощность, <проистекающая> от недостатка вопросов — (здесь также в «принципе», т. е. поверхностно, всё познано). Теперь, правда, существует пред-история и тому подобное, но это лишь переложения традиционных подходов к современным потребностям и материалам, до сих пор мало применявшимся.

Какого-то существенного, изначального подхода к знанию, который вообще мог бы определять «науку» по форме, здесь нет и в помине.

Вопрос: *должна* ли <такая> «наука» продвигаться все «дальше»? (См. S. 107.) 113

169

Почему у людей не хватает мужества видеть университет *таким*, каков он *есть*: множеством профессиональных групп, собранных воедино секретариатом?

Потому, что «люди» в глубине души мыслят «либерально», т. е. будучи ложно очарованы иллюзией «universitas», а особенно потому, что «люди» теперь располагают властью и однажды неведомыми путями, из-за каких-либо «организационных» заслуг получают местечко в этой публично всегда хулимой, а втихомолку страстно желаемой области «университета».

И <этот подход> мировоззренчески подтверждают в его убожестве жалкие уловки мошенников типа Боймлера¹¹, Крика и компании.

Насколько все это «реакционно» и в какой мере мыслить-с-опережением — в *его* смысле — <есть результат> уверенной (*sichere*) деятельности иезуитов, которые с помощью самых современных литературных средств выдвигают «литературу», по сравнению с которой призыв «читайте национал-социалистическую прессу» в свое время будет производить лишь комическое впечатление, — при условии, что <люди> не решатся быть революционными в том числе и в духе, вместо того чтобы сфальсифицировать дух «политически». 114

11. [Альфред Боймлер (Alfred Baumeister, 1887–1968), работавший на национал-социализм философ, который в 1933 г. был приглашен на новоучрежденную кафедру философии и политической педагогики в Берлинском университете им. Фридриха-Вильгельма.]

170

«Наука»: ходит молва, будто она *чересчур* «теоретична» и потому оказывается несостоятельной перед <лицом> действительности. Нет! Она недостаточно теоретична или *совсем* нетеоретична, ибо сделалась бездуховной и лишь чересчур реальной и всецело — политической наукой.

Американизм обывательской ограниченности (Biederkeit) и дурного воодушевления. —

171

Философия: страсть предельного вопрошания в трезвости выстроенного сказывания (in der Nüchternheit des gefügten Sagens).

115

172

«*Мужской союз и наука*»¹², весьма ловко состряпанный фиговый листок, но который, несмотря ни на что, наготу прикрывает не вполне: мужской союз! что означает: полное отсутствие мужественности духа; скопление и поощрение тех, кто иначе были бы обделенными, но теперь все же имеют виды на успех, сделав «университетскую карьеру», на которую постоянно поглядывают (обливая ее грязью), чтобы потом «энергично» опустить все ранговые различия до удобной посредственности. Ибо для чего еще нужен лагерь «единомышленников»! «Вечная женственность» в этом мужском союзе! Что-то вроде повадок жителя большого города в этой мелкобуржуазной «крови и почве».

12. [Alfred Baeumler: Männerbund und Wissenschaft. Junker und Dünnhaupt: Berlin 1934.]

173

Принятое теперь «социалистическое» принижение всего высокого и уникального: то, что не служит народной общности, ни к чему; но как? Каким путем определяется это служение и <как оно> вообще понимается? Разве здесь скрыто не подразумевается: то, что любая овца сразу же и без усилий проглотить не может, и прежде всего — в соответствии с ее мордой и желудком — проглотить *не хотела бы*, это, мол, не служит народу. 116

Здесь подготавливается скрытая уравниловка и тем самым одновременно понижение и уплощение «уровня», — когда и без того «наука» является «демократической». И к этому «служению народу», которому люди, с другой стороны, отдают — или не отдают — свое христианство, притягивают что-нибудь вроде «философии».

В том же духе: задавание вопросов и проявление сомнений считается просто придирадками — как никогда-не-достигающими-результатов (т. е. непосредственных неопровержимых истин), — то есть излишними и к тому же нездоровыми! Дадим же ответы! Оглупление как «высшая цель», и подлинное действие и сила для <противостояния> опасности бесильных колебаний и сплошных-«только»-сомнений.

174

117

Помимо этой мании к застыванию в «нормальном», т. е. посредственном и неменяющемся — «простом», — еще и *ожидающие*:

Католическая церковь — лишь она и «есть» христианство — всегда стремится иметь своих *противников*, — чтобы помериться с ними силами и оставаться деятельной и могучей.

Она *серьезно* относится к противникам, наваливаясь на них, учится у них вплоть до мнимого самоуничтожения, — считает себя гибкой и находчивой, становясь все более опытной и уверенной.

Эти осмотрительные — знание и вопрошание (якобы внимательное выслушивание) противника придают вместе с тем привлекательную видимость духовной свободы <и готовности> к полемике, видимость современности и вносят всю софистику, которая в принципе так же косно, как и прежде, почивает на готовой истине, с прекраснейшими рекомендациями в круг того, что люди как раз ценят и желают.

118

175

А наряду с этим гладкие обновители вечно-вчерашнего, потеющие от <избытка> морального сознания и источающие напускную порядочность, которые успокаиваются после того, как трон и алтарь снова в безопасности перед лицом коммунизма, подвергавшего опасности и собственность и словесное продвижение. Сейчас снова притворяются утонченными и умными господами, которым противостоят грубые мужланы, и — чтобы сразу же чересчур не выделяться — также ведут себя как «социально настроенные». В остальном людьми овладело духовное «безразличие» и доведенное до крайности варварство под маской защитников «науки». Здесь перед нами величайшая неосведомленность относительно того, что происходит.

176

Призывом к «науке, близкой к жизни» слепо проводят *превращение* университета в школу и тем самым разрушение всякого подлинного знания, удушение

любого изначального и незатихающего стремления к познанию, торможение всякой попытки открытия духовного Бытия.

177

119

Эпоха, в которую боксер слывет великим человеком и удостоивается полагающихся почестей, где чисто физическая мужественность в ее брутальности считается проявлением геройства — где <царит> опьянение масс общностью, а последняя выдается за основу всего, — где тут еще пространство для «метафизики»?

178

Рискнем ли мы еще раз <обратиться к> богам, а с ними — к истине народа?

179

«Хайдеггеровскую философию» — в той мере, в какой она существует, всегда *представляют* (vertreten) только другие, т. е. утаптывают (festgetreten) <ее> как точку зрения и совершенно затаптывают (ins Nichtige zusammengetreten).

180

Трудность положения, в котором сегодня находится философия, заключается не в том, что она при всем огромном желании и активности <все же> не добивается успеха в сущностных вопросах, а в том, что убожество мнений столь велико, что становится трудно сказать, в чем, собственно, еще состоит это убожество. 120

181

Люди ожидают выхода в свет второго тома «Бытия и времени»; я ожидаю, что это ожидание закончится и люди сперва займутся выяснением своего отношения к первому.

182

Запутанность «духовной» ситуации — «связана с тем», что она не позволяет проявиться ее самой насущной нужде, — настолько слаба она в своей мнимой силе, что боится нужды, вместо того чтобы ее приветствовать с ликованием.

Вместе с тем требуется — или допускается — позитивное христианство — на базе конкордата и всеобщей беспомощности и потребности в определенной «моральности»; наряду с этим — помимо этих учений — имеются торопыги, которые «религию» превращают в движение; и, наконец, те — которые путают неясную немецкость с еще более разбавленным христианством, — и, наконец, некоторые, кто из простого без-божия формирует для себя определенную точку зрения, и в самом конце большинство тех — просто равнодушных, которые смотрят на это и ждут того, к чему они однажды смогут «примкнуть».

Если все это не является бегством богов — если это не бездуховность, — то не удивляет отсутствие всякого искусства!

Легко-мыслие при занятии позиции.

1. В национал-социализме людям не хватает «духа», а потому они полны страхов и сетований по поводу его разрушения; да, но что понимают

тут под духом? Какое-то неясное призвание к чему-то ушедшему — что в их время считалось важным. Эта неясная нехватка и неубедительная ссылка на себя порождают видимость превосходства и возвышенности — и все же не способны ничего создать; люди легко-мысленны в отношении к происходящему и тому, что «должно» стать «должным». И при этом легкомыслии они все так же легко всякий раз снова находят опору и пищу, чтобы и далее заниматься подобной деятельностью.

2. *Люди просто защищают ушедшее* и уподобляют его происходящему; они совершают ловкую сделку, которая даже выглядит как строительство, и все же это не отвага (Wagen); никакого серьезного отношения к действительному *преобразованию*. Люди коснеют в том, что и без того *само вовсе не создано*, а только было заимствовано; люди вовсе не находятся в положении тех, кто хочет создать грядущее.

Рука об руку с легко-мыслием идет *мало-душие* (Leicht-mütigkeit).

Вместо нужды, которую в самом деле нужно вынести, господствует только нравственно возмущенное раздражение исключенных и узкое и гладкое деловитое довольство включенных.

122

И все же при всей этой отвратительности и убожестве внешнего окружения [?] и неизбывного омассовления изменение происходит. Но оно может восприниматься только как необходимое — но не как достаточное; иначе все останется <по-прежнему> при все более ослепляющем подсчете успехов.

Немецкий католицизм начинает сейчас осваивать духовный мир немецкого идеализма — Кьеркегора и Ницше, по-своему и с помощью ясных и надеж-

ных средств своей традиции ассимилировать его. Он по-своему заимствует существенное и сильную традицию и на этой основе заранее создает для себя новую духовную «позицию»; а в это время в национал-социализме существует опасность — в результате громогласного подчеркивания иного и нового — отрезать себя от великой традиции и заблудиться в беспомощном и половинчатом.

123 Но отказываясь в соответствии с конкордатом от борьбы с католической церковью, не замечают того, что вырастает католицизм как некая сила, каким-то образом сама себя сознательно «секуляризирующая», — которая легко объединяется с остальными силами.

Бороться с церковью бессмысленно — если не восстанет сила того же рода, — но бороться с католицизмом — как с центром, трансформирующимся в *духовно-политическое* «начало», — со всей крепкой внутренней структурой его усиленной церковной «организации» — есть принципиальное требование. Однако эта борьба требует в первую очередь соответствующей исходной позиции и ясного знания ситуации.

185

Знание и «специализация»; вопрос: как ее осуществить и выполнять:

1) как отвлеченное — отчужденное разъединение, которое задним числом оправдывается успехом. *Или*

2) как ответственность важной работы, которая осознает свою важность и отсюда возвышается и продвигается в *Dasein*.

Вариант 1) есть уловка и бегство; вариант 2) есть нападение и стойкость.

186

124

Знание — как полная противонаправленность действию: не погоня в сторону близости к жизни и не шатание как подтверждение всего посредственного и ближайшего и его потребностей.

187

Одичавшие учителя народных школ, безработные техники и дезориентированные мелкие буржуа — вот они защитники «народа» — вот кто будет устанавливать масштабы.

188

Впредь для нас важно: подготовка изначальной надежности выбора и решения по отношению к нашему прошлому! <Дело> не только <в том>, что мы не всё и не в равной мере сможем еще сберечь — уже в силу <ограниченной> способности понимания. Нужно принять решение о взятии на себя и исполнении прошлого в том, что было задано (das Aufgebene); последнее накладывает отпечаток на приданное (das Mitgegebene) и лишь так пробуждает его в его предваряющей определяющей силе.

189

Если бы в том, что называется университетом, еще сохранялась изначальная уверенность и вера духа, тогда он в подобную эпоху должен бы вспыхнуть и сгореть в преобразовании. Вместо этого <налицо> лишь озабоченность тем, что оцепенение может быть нарушено.

125

190

Говорят, что национал-социализм будто бы возник не от мысли, а от действия; допустим, — следует ли отсюда, что теперь мышление принижено и оказалось под подозрением, — или же отсюда вытекает обратное, что поэтому мышление и по давню должно возрасти до необычайной значимости и уверенности?

191

Насколько отсталой и «либералистской» является мнимая новая «философия»; сомнительное «антропологическое» направление, которое в «Бытии и времени» принципиально преодолено, просто заимствуется и наполняется другим содержанием — националистически-расовым (völkisch-rassisch).

192

Растущее мошенничество в отношении того, чем является борьба, причем даже «духовная».

126

193

Что является *соответствующим народу*? То, что народу — т. е. многим и обыкновенным — говорят, подлаживаясь под них, и используют это?

Существует истинно соответствующее народу, что как раз содержит в себе ту сущностную общность, которая не приносится народу; никогда не может и не должна быть принесена.

Двусмысленность «соответствия» носит роковой характер. Народ не является масштабом, но сам поставлен под свою мерку, и ей должно все в сущно-

сти соответствовать, и только таким образом и *возникает* народ.

Если допустить как соответствующее народу, т.е. снятию мерки, которой подчиняется народ, *популярность* и полагать эту народную связь и воспринимать ее как товарищество посредственных, совместно принижающих все великое и уникальное, — тогда все кончится неправдой и чертовщиной.

194

127

Расхожее критическое замечание о произведениях: *«это лишь плод работы за письменным столом»*. Хорошо; остается вопрос: *кто* сидит за письменным столом — мыслитель или просто писарь. Когда последний встает из-за стола и вступает в так называемое боевое сообщество «дискуссий», он ведь еще не становится из писаря мыслителем, разве что крикуном. Это дешевое передергивание с письменным столом в качестве критического замечания может со временем стать роковым.

195

Раса. То, что является <лишь> одним необходимым и опосредованно выражающимся условием исторического существования (Dasein) (заброшенность), искажается не только <утверждением> о его единственности и достаточности, — но и одновременно как то, *о чем* говорится. «Интеллектуализм» этой позиции, неспособность различать между расовым воспитанием и теоретизированием о расе. *Одно* условие возводится до уровня безусловного.

128

196

«Народ» — что же под этим подразумевается? Обозначают ли этим словом представление о слишком многих и обязательно посредственных и непритязательных — и одновременно делают вид, что имеют в виду историческое определение высших возможностей всего исторического существования (Dasein)? То, что справедливо для последнего, неверно для первого и наоборот.

«Популярность» высшего и сущностного не приносит никакой пользы «народу» и вредит сущностному и высшему.

Чего же хотят добиться с помощью такого подлога?

197

Учитель — кто хочет учить, должен уметь учиться:

- 1) уметь все глубже изучать существенное;
- 2) молчать о том, чему собственно надо учить;
- 3) сохранять мягкое превосходство образца и не скатываться к ложному панибратству.

129

198

Почему национал-социализм никогда не может быть принципом философии, но всегда только должен помещаться под философию как принцип.

Почему, напротив, национал-социализм может занимать хорошо определяемые позиции и тем самым содействовать формированию нового базового отношения к Бытию!

Но это лишь при *той* условии, что он познает сам себя в своих границах — т. е. поймет, что он <будет> истинен только тогда, когда <окажется> в состоянии высвободить и подготовить изначальную истину.

199

Отношение к «науке» тройкое:

1) «Новая» наука — это не что иное, как спешная переделка имеющейся под национальные интересы (*völkische Belänge*); при этом еще утрачивается последний остаток строгости и осмысленности и все утопает в причесанной в народном духе пошлости скучнейшего американского прагматизма.

2) За прежнюю «науку» крепко держатся — спасаются ссылкой на ее техническую незаменимость и необходимость сохранения культурного престижа. В принципе колоссальное *наплеватьство* за последние десятилетия. Философия под подозрением.

3) Все ставится под сомнение: через встречные вопросы о науке назад в сущность знания и истины. Дело состоит не в непосредственной пользе и не в простом сохранении прошлого, а в подготовке перехода.

Решение о науке в *Dasein* одновременно <есть> вопрос: чем может быть «мировоззрение», вообще первым или последним.

200

131

«*Политическая наука*». — Взнуздывают лошадь, да с хвоста.

Когда науки были поистине науками — они были в подлинном смысле «политическими» и не нуждались в этой нацеленности. Теперь это делают внешним «образом» — судорожно <цепляясь> за национально-расовую <доктрину>.

И при этом крайне неполитически — ибо то, что эта деятельность уже вне политики — не только в отношении эмигрантов — *натворила*, подсчитать

невозможно; а внутривполитически — это *безнадзорность* и *натаскивание к неуважению* и разведение посредственностей.

201

Теперь мы постоянно *на выдаче*. — Под лозунгом: «Всё для народа!» — все достигнутое прежде и проверенное временем бросается в народ — хорошо.

Но — <при этом ничего> нигде не собирают, не экономят, не *загружают*, не наработывают <впрок>.

132 Совершенно не думают о том, что — именно здесь — должны иметься учреждения и возможности новых приобретений — т. е. исканий и исследований; сейчас пользуются трудом трех поколений — однажды *это* кончится и тогда начнут гнаться за чисто *количественным* — кто больше сможет построить институтов и до бесконечности опытно внедрять — и так во всем.

Что из этого выйдет — если все накатывается <сверху> вниз, — ибо *имеется* низ, несмотря на все и при всей народной общности.

Всё вниз и ничего наверх — <а в награду> только подозрение и еще презрительное отношение.

Что же будет с масштабами.

202

133

Какими путями двигаться? — Думают ли тут, что если нужда существования (Dasein), например, заставит настоящего художника, — то он будет трудиться в силу каких-то других, а не своих народных (volkhaft) предпосылок — именно и только потому, что он — настоящий художник? То есть никакого прока в том, чтобы говорить в национальном (völ-

kisch) духе и вести себя соответственно — и одновременно принижать «искусство» до уровня народных увеселений и образования низших слоев.

Но: требуется *действительное знание* великого искусства и его требований и художественных предпосылок — только таким образом познаваемое и базовое вносится в игру, а главное, постигается как *нужда*; но что — если оно умалывается как само собой разумеющееся и политическая выучка и не является ничем из того, что требует формообразования, — притом, что оно отягощает как незавершенное.

203

134

Университет превращается в профессиональную школу (Fachschule). — Все идет к тому; ибо

1) самому университету не хватает внутренней метафизической силы единого стремления к знанию, исходя из которого он себя *изначально* утверждает как законодатель;

2) мания простого применения и удобства для использования настолько сильна, что лишь это занятие считается «служением народу»;

3) вследствие той пустоты и этого примитивного выхолащивания данное учреждение окончательно превратится в то, чем оно в принципе уже сейчас и является;

4) остается вопрос, <сохраняется ли> еще возможность авторитетного собрания «исследователей» как таковых, которые не только «исследуют», но *стремятся к знанию*;

5) и, наконец, — что еще может сделаться, если только *рекруты и их подстрекатели распоряжаются тем, кем должны быть вожаки или их вообще не должно быть*.

135

Может возникнуть сомнение, а зачем еще раз-

мышлять об этом? Оставить все как есть, а оно само и развалится. Да, действительно, но с этим сочетается иное — простое доведение-до-конца еще никогда не приводило к Другому — в том числе и подавно — к его преодолению.

204

Само-разложение <по полочкам>? Нет. Размышление о работе.

В какой мере люди еще пребывают в дурном саморазглядывании и обсуждении «предпосылок» — случайных условий — существования (Dasein), а не совершают рывок к Бытию. Но этот рывок <возможен> лишь благодаря сильному толчку в Открытой Нужде.

205

Все становится «учением» и «точкой зрения», бойкотируется и иссыхает — знание не делается позицией, а позиция в еще меньшей степени становится риском и взвешиванием (Wagen und Wägen). В чем тут дело? В обывательской ограниченности и незнании великого.

Сплошные потемки и внутренняя скудость целеполагания.

206

Национал-социализм — *варварский принцип*. Это его сущностное свойство и его возможное величие. Опасность представляет не он сам — но то, что его умаляют до проповеди истинного, доброго и прекрасного (как было сказано на одном инструктаже). И то, что те, кто хочет творить его философию, ни-

чего другого для этого не используют, кроме традиционной «логики» дюжинного мышления и точной науки, вместо того чтобы понять, что теперь именно «логика» снова оказывается в нужде и нищете и должна возникнуть заново.

207

137

Меня недавно тут спросили: кто такой Боймлер? <Мой> ответ: профессор — находчивый и умный — «в философском отношении»: поставленный «с ног» на голову *Клагес*. В остальном: это неокантианство, разогретое национал-социализмом. В данном случае подобные эпитеты с употреблением модных слов — дозволяются, поскольку это не настоящее философствование, но лишь игра с заимствованными «позициями» — то, подо что не подкопаешься, как в любом «дуализме»; ведь согласно этому принципу все можно легко определить: если это не одно, то другое. И все довольны. К тому же и карьера сделана.

208

Эпоха перехода; это кажется «не вполне справедливым»; но подобные эпохи — это единственное, что является исторически решающим; в них надо овладевать тем, что находится у власти. *Стоять в самой сердцевине и все же за пределами ее*: то, что является только «новым», остается столь же бесплодным, как то, что просто «старое».

209

138

Народ! Вот где решающий момент — все должно быть поставлено ему на службу.

Народ — ладно, пусть, — но *для чего* народ?

И почему — народ?

Является ли он просто гигантской медузой, переваливающейся в космическом пространстве, чтобы затем, когда достаточно повалывается, быть выброшенной на край Ничто?

Или именно *здесь* начинается подлинное?

Для чего народ.

И *где* этот народ?

210

Народ без <жизненного> пространства! — Разумеется — без сущностного мира и без сущностной истины — в которой он может возвышаться, — чтобы в первую очередь — быть самим собой. (См. л<етний> с<емер>стр> <19>34¹³.)

Но только не «культура» — ведь это только жалкое создание прежнего!

139 Что твердо установлено — это его ценности, которые реализуются в националистическом духе (völkisch).

Мы обязаны, опираясь на более глубокую основу, вырасти над «культурой» — в сущностном пространстве.

Культура — это некая структура — которую уже не следует искать в Da-sein.

Это возможно только там, — где «я», общество, где «сознание» и *субъекты и личности.*

211

Подлинно *неизбывным* в истории является единственное — *неповторимое* — во-первых, *необходимое*; то, что еще может «повторяться» во внешнем смысле, — не *стоит* — но качается и не обладает никакой

13. [Heidegger: Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache. GA 38. A.a.O., S. 30 ff.]

неоспоримой необходимостью. Во-вторых: повторять единственное — т. е. осуществлять подлинно необходимое, — а не высчитывать, например.

212

140

Почему национал-социализм в теперешнем обличье едва ли является «мировоззрением» и, если он в этой «форме» закостенеет, никогда им не сможет стать —

потому что он не понимает основного условия всякого «воззрения» — всякого взирания и смотрения — и в таком непонимании не заботится об этом; мало того, препятствует всем стремящимся к этому — из страха перед своей собственной храбростью.

Он не понимает, что все близкое и действительное видится, обнаруживается только издали.

Что максимальное от-даление Da-sein необходимо и составляет подлинное основание (Gründung) его.

Лишь из него <следует> возвратиться к близи.

Увиденное становится видимым лишь издали, только так — в *таком* видении — становится *мир*.

213

141

Если бы легкомысленные бумагомаратели и крикуны, которые сегодня разбрасываются модными словечками типа «нигилизм», «бойцовский», знали, *насколько* нигилистичны они <сами>, они бы пришли в ужас от самих себя. Но, к счастью, они слишком глупы и трусливы для такого знания.

214

Что мы имеем сегодня:

- 1) просто крикунов (всесторонних бездарей —);
- 2) смотрящих только назад (на их прошлое — сколько прошлым стало — окостеневшее);

3) посредственностей (которые имеют дело и уживаются и с теми и с другими, избегая любого решения, — строго говоря, самая худшая порода, поскольку у них видимость «подлинных»);

4) редкостных (которые черпают знания и действуют из изначальности, но именно поэтому их и ненавидят — кто распознает, — но в основном они вообще не распознаны и призваны к действию);

142 5) равнодушных (этих большинство — они уживаются с тем и с этим смотря по обстоятельствам — и купить их можно задешево).

215

А между тем в способе осмысления вопросов, к которым я прикован, ничего не изменилось. Вот только — ложные истолкования и их возможности стали другими <, как> и методы, опасное — для «покоя» опасное — вопрошание — <следует, мол,> держаться от него подальше.

216

143 *Служение народу.* — Всегда должны быть те немногие, кто знает и может знать, что происходило, например, в работах Канта и *поэтому* произойдет в будущем; этим знатокам не следует себя афишировать; достаточно, если им будет дарована возможность унаследовать наследие — им не нужна шумиха вокруг себя — они несут, как будто не могло никогда быть по-иному, своего рода прафундамент (Urgestein), <заложенный> в существование (Dasein) народа.

217

Пересуды о «целостности»

- 1) чтобы замаскировать цель — т. е. бесцельность и бессилие целеполагания;
- 2) чтобы отрицать отдельных и уникальных индивидов в их необходимости;
- 3) чтобы создать ложное впечатление, будто в принципе осуществление сущностного все же определяется отдельными индивидами.

218

Болтают, будто «средневековье» только сейчас преодолено и закончилось. Думаю, средневековье начинается; средневековье беспомощного атеизма — бесплодного и без какого бы то ни было Аристотеля, что-то перенять у него силы нет и в помине.

219

144

«Самоутверждение немецкого университета» или — небольшая интермедия в большом заблуждении.

Ибо уже десятилетиями подготавливалось то, что стремится стать его целью:

Естественные науки полностью технизируются.

Науки о духе превращаются в политико-мировоззренческие инструменты.

Правоведение становится излишним.

Медицина, как и биологические науки, также превращается в технологию.

Теология утрачивает смысл.

А университет? Нет даже плохонького фигово-го листка, чтобы прикрыть наготу этого неудержимого распада; печальный повод для запоздалых во-ображал.

То — что даже не заслуживает больше этого осмысления.

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

Социализм и католицизм и реакция 115 сл.

Размышления IV
О Da-sein и о Sein (о бытии)

*Вопрос и риск
существой — Сущее!*

Вправе обладать и тем и другим:
Страдание и отброшенность назад
вместе
с силой взлета и просветления —
первое мы вправе предчувствовать
как благодать созидания —
всякие иные «работы» — это лишь
прелюдия.

1934/35 (см. S. 15 сл.)

Немноего просто велико
существенно долговременно строго

Бытию (Seyn) *в понятии*
проложить колею

Из ясного
сохранять темное.

Не желаю ответ вымучивать,
всегда должен лишь охватить вопрос—

ПОНЯТИЕ МИРА

1

1

Привести к мирствованию мир как некий мир означает: еще раз дерзнуть <связаться> с богами.

Но это дерзновение следует замалчивать как рискованное предприятие и заранее надолго положить конец разговорам «о» богах — чтобы привести это к мирствованию, надо просто осуществить это как насильственный поступок.

Однако этот поступок должен быть во втором начале де-монтирующим — вопрошающим — мыслительным внедрением в постигающее говорение, — а последнее же как устанавливающееся в языке вторжение и извержение — Основывающее прилаживание «здесь» (des Da) — все в простом — жестком — отчужденном — замалчиваемом акте.

Умение отречься от многого, о чем можно сказать; замолчанное говорение, которое заставляет умолкнуть еще только брезжущий не-мир.

Второе начало в *высшей близи* к первому.

2

2

Второе начало; только сосчитанное и поставленное внешне по порядку; но этот порядковый номер здесь лишь сокрытие исторического отношения, которое для нас, начинающих, с необходимостью должно оставаться тайной, хотя и не как просто наличествующей — а как источник насильственного поступка.

3

Вопрос обосновывается. Вопрос разворачивается. Вопрос осуществляется. Понятие переходит в наступление	}	процесс
--	---	---------

4

Мы еще слишком продвинуты в бытии-прочь и бытии-от (Fort- und Weg-sein);

мы слишком молоды и неумелы для старого и для служения богам.

5

Подготавливать второе начало — на большее мы не способны, — лишь уловив снова первое начало — после чего оно тотчас должно было закончиться.

6

Второе начало имеет *при себе* первое в круге своей заброшенности и, значит, вместе с тем исторического сокрытия и искажения — и прежде всего удушения его начального характера.

3

7

«Мир» сорвался с петель¹; никакого мира больше нет, точнее: мира никогда и не было. Мы находимся только в <периоде> его подготовки.

1. Die «Welt» ist aus den Fugen — измененная цитата из «Гамлета» Шекспира. Гамлет говорит о времени (акт 1, сцена 5): The time is out of joint... — Die Zeit ist aus den Fugen... (перевод Вильгельма Шлегеля). В переводе П. Гнедича: «Наше время сорвалось с петель». — *Прим. пер.*

8

Потеряв богов, мы утратили мир; мир нужно сначала создать, чтобы в этой работе обеспечить пространство богам; но это открытие мира не может исходить от имеющегося человека, как не может производиться им, — а лишь таким путем, чтобы то, что в принципе основывает и обустроивает открытие мира, — само достигалось для *Da-sein* и возвращения в него человека.

9

Лишь на потерянном посту, <в безнадежном деле>, — где отсутствует всякий отзвук и всякое одобрение со стороны бывшего прежде и обычного, — может быть достигнуто новое положение «здесь» (*des Da*). (См. S. 38.)

10

Мир — как уполномоченность «здесь» (*des Da*); последнее — укрошенное время, без бегства к пустой вечности. Но для того чтобы достичь укрошения, чтобы остановиться, время в его расщеплении должно сначала нахлынуть.

11

4

Мир превозмогает Бытие, но лишь для того, чтобы стать его жертвой; сам никогда не присутствуя.

Мир мирствует, чтобы Бытие бытийствовало, <указывая на то,> чтобы сущее (Seiende) существовало. (Событие.)

Миро-мирствование происходит в обмирщающей (*erweltend*), открывающей прилаживающей силе правления — заботе.

<Это есть> базовый принцип, по которому и в котором «здесь» (das Da) *есть*.

12

Представлять всю странность этих отношений — в их простоте — великой и сущностной. И тем самым

создавать начальную <фазу> второго начала; только лишь строгость, сила простоты; изоляция прежнего из истока начала; укрощающее строительство и говорение.

13

Мир более мирствует, чем сущее существует.

14

Пространство! «Где» есть здесь (das Da), так что оно само есть основа Где? (См. S. 38.)

15

Кто был бросателем этого броска?

Мир — не покров и не проходящая по внешним <рубежам> граница; но и не душа и не внутренний мир — скорее же вибрирующая сердцевина «здесь» (des Da), которая обоснованно *находится* в плену (Fängnis) и связи (Fuge) времени.

17

Не убегать от начала, — но решиться на него; это принуждает ко второму началу, к преобразованию в силу тайно заданного (*der Verwandlung ist kraft des Verborgenen Aufgegebenen*).

18

Философия: говорящее строительство Бытия путем выстраивания мира как понятия.

Но это понятие — предваряющее нападение и противник действия.

19

Как все на земле сейчас развертывается на поверхности — наивно и как бы скрыто позади, а поверх всего — захватывая.

20

Мир как бездонное дно и основание бесосновности. *Dasein бесчеловечно* — как брошенное вторжение, которое ссорится с — сущим (расщепление).

21

6

Сперва нужно, чтобы мир мирствовал как расщепление «здесь» (*des Da*) — лишь так подготавливается час внезапности непосредственного *сверх-расщепления* (*Über-Klüftung*) — прорыв в близость богов.

22

Второе начало в его борьбе с первым. *Сперва* следует <осуществить>: изначальное преобразование

φύσις, λόγος и восприятия — т. е. основание ἀλήθεια <истины>.

Затем <нужно> разрушение ἰδέα — οὐσία — априори и трансценденции (с точки зрения мыслительного обоснования).

23

Это разрушающее преобразование («деструкция») должно предшествовать любой другой полемике с христианским и новоевропейским и с первым «концом», но также с великой интермедией (Кьеркегор — Ницше) — поскольку здесь корни всего.

24

Понятие мира — вопрошание, которое распространяется вплоть до своих границ, где оно познает себя как подверженное наиболее достойному вопрошания (Frag-würdigsten): где «здесь» (das Da) открывается в своей бездонности, где нужда охранительного отстаивания принуждает «здесь» (постоянство (das Beständnis)) и историю, т. е. народ становится самим собой; история есть дерзновенный <выход> богов из мира-для-них; это событие <есть> само по себе единствление (Vereinzigung).

25

Выспрашивать понятие мира = исходя из принадлежности к такой истории мыслительно соосновывать «здесь» (das Da mitgründen); «исследовать» или прояснять не нечто или даже «феномены», доказывать не теоремы и возвещать не «учение», предлагать не точки зрения — но и не «экзистентную» игру со всеми возможностями удержания и установками и картинами мира.

26

История: дерзновение богов велико лишь как гибель или победа; по сути не «дление» (Dauer), но безмерность завоевания — жертва и благословение.

27

Вопрос: возможно ли постоянство события; т. е. как на него отваживаются или предают забвению — как боги в насильственном деянии созидających принуждаются к их оединствлению (Vereinzigung), — и народ существует — как история.

Боги ведь только <боги> народа: нет всеобщего бога для каждого, т. е. ни для кого.

Вопрос: как под-готовить постоянство (сохранение и отстаивание «здесь»); как <подготовить> основание Da-sein?

Учреждается ли и каким образом изначальная принадлежность созидających к открытому ядру народа — лишь в действии, — а не в результате планирования и внешнего запрягания в общие шествия. 8

28

Мир — открытие противоположности дали и близи, прошлого и будущего: боги.

Это событие есть «сущность» Бытия: свершение (Geschehnis) расщепления.

29

Мир: взаимо-просвечивание пространства и времени. Но здесь пространство и время не как не-кажущиеся (Un-scheinbaren) — не как те, которых мы мыслим лишь отвлеченно как некое *снятие мер-*

ки; как то, что мы принимаем за меру и мерную область рассчитывания и перерасчитывания «сущего» (присутствующего) — лишь как «пустые формы».

30

Не-слыханное (Un-geheure) для нас закрыто — хаос (Wirrnis) как изначальный сохраняет для сегодняшних только еле заметную видимость; *наглость посредственности в забвении* даже собственного происхождения.

Но эта видимость великого хаоса поэтому не бес- сильна — но только еще более запутывающая — настолько запутывающая, что она искажает и ослабляет истинный хаос, — сила видимости как смягчение подобного ослабления.

31

Неслыханное как рок (Verhängnis) в двойном смысле.

32

Мир можно постичь как изначальное событие только с помощью искусства; не на основе знания (мышления) или действия (поступка) —

При этом, однако, искусство берется в <его> сущности как поэзия — она сама равно изначальна с мышлением — причем и то и другая зачинаются в *сказе*.

Сказ и событие.

Сказ и «природа».

33

Сегодня Неслыханное <являет себя> в безмерности беспочвенного, массового, стремительного и поверхностного вседостижения и ознакомления.

Тут помогает разве что *величайшее дерзновение* вновь начальной поэзии.

А поскольку мы в познаниях, в незнающем знании нетверды, поэзия (в изначальном смысле) должна подготавливаться с помощью *мышления*.

В чем состоит *процесс* этого мышления? В *прыжке в событие*.

Для этого на долгое время отдельные <люди> 10 <являются> только побуждением.

Отсюда и *искусство* как *побуждение* <к возникновению> *мира*.

34

Философия — не обретет спасения, не <будет> открывать (исследовать), перелагать (задним числом) мировоззрение в понятия, — но вновь узнает о *πόλεμος* — *событие* — <будет> измерять дно — основание и бездну и бездонность и таким образом станет нуждой и принуждением (постигать заданное и покорять приданное) — <будет> приводить историю к сбыванию = еще раз боги дерзают.

Так хотя и открывают не имеющееся в наличии, неизвестное, но — что существенней и изначальней — вынуждают расщепление у закрытости Бытия — преобразуют истину в <ее> сущности.

Все понятия будут заново созданы с начала.

35

Одного только слова уже недостаточно — и все же *говорение* плодотворно.

36

Все сущностное <нужно> для того, чтобы перешагивали за его пределы, хотя и не в продвижении вперед. Хорошо если они вместо того, чтобы <перешагивать> через него, только «шагают» мимо него и вокруг него.

11

37

С познанием Da-sein вопрошание продвинулось далеко за всякое исхождение из субъекта; ибо то, что это исхождение по отношению к оединствлению (Vereinzelung) трактуется как всеобщее, в метафизическом отношении не <является> решающим до тех пор, пока вообще не падет «субъективность». Но как только будет понято Da-sein человека, вопрошание неизбежно наткнется на то, что это — Da-sein — собственно всегда должно быть *моим*, не становясь из-за этого самомалейшим образом «субъективным» и в *субъективном* смысле яйным (ichhaft).

37a

Данная эпоха не потому является обезбоженной, что мы стали чересчур «мирскими», а значит безбожниками, но потому, что у нас *нет мира*, а только хаос Бытия (Wirrnis des Seyns). Миро-воззрение есть лишь подсобное средство и не может не разрушиться, если не станет миро-основанием.

37b

Вопрос о бытии: не копировать «сущее» в привычном и проблематичном ракурсе, — а в прыжке соиздать Бытие.

38

12

Ныне мир сорвался с петель; земля — поле разрушения. Никто не знает, что «называется» Бытием.

Можем ли мы вообще это знать?

А если и так, *следует* ли нам это знать?

А если так, как оно должно *сделаться* доступным знанию?

39

Изложить историю философии как историю великого погружения в одиночество.

40

Решающее базовое движение мыслительного действия: высшее напряжение вплоть до невозможности перепрыгнуть собственную тень — изначально строить из заново заложенной основы.

41

Мы достаточно часто мыслим вопреки собственному намерению и не всегда останавливаемся на должном уровне и оцениваем необходимые последствия.

Следует много упражняться, пока ты не будешь твердо уверен в собственной необходимости.

42

13

«*Мировоззрение*» — позднее слово — и возникло там, где люди оглядываются назад и подразделяют — считаются с «типами». Никакого будущего — только остановка и закрепление — смерть всякого серьезного плодотворного сомнения.

Надвигается величайший злой рок, если задохнется искание и пропадет нужда в непререкаемости исканий. Скрытое блуждание при свете родины! (См. л<етний> с<емер>36, S. 15сл.²); (См. S. 24).

43

Превратный в своей основе взгляд на «немецкий идеализм», как будто из этого «старого» и традиционного можно было бы вылущить что-то «пригодное» — позитивизм, — где вовсе не установлено, дошло ли оно уже до нас в своей сущности — пока мы его не повторяем. Но это повторение требует, чтобы мы не помещали его как «старое» в простой временной последовательности, а знали, что здесь заложен всякий подход непосредственно к Бытию как таковому. Лишь благодаря столь же мощной непосредственности и равной высоте одинокой вершины может быть достигнуто нечто равнозначное; все другое остается учительским посягательством на самую суть мировой истории.

14

44

Там, где положен предел свободе избытка, лицо упадок.

45

Найдем ли мы еще раз <путь> к надежной простоте сущностного слова? Что должно произойти, чтобы мы смогли это сделать?

2. [Martin Heidegger: Schelling: Vom Wesen der menschlichen Freiheit. GA 42. Hrsg. von Ingrid Schüßler. Frankfurt am Main 1988, S. 53ff.]

46

Силой не обладают даже философские заблуждения, — для этого ведь нужна философия, да еще надо кое-что слышать о подлинном звоне оружия.

47

Внутренний злой рок *произведения*: оно должно отказаться от того, что оно само утверждает именно как возможность нового начала.

48

На свете есть вещи, которые ничего не выигрывают от того, что они делались и готовились «ради народа», но из-за этого только впадают в состояние внутреннего разрушения и таким образом обкрадывают народ, лишая его подлинного и тайного достояния. Когда наступит конец бесчинствам этой разбойничьей практики?

ФИЛОСОФИЯ (см. S. 39)

15

49

Почему и в каких границах необходима философия? Где основа и метод ее добротности (*Gediegenheit*)?

50

«Философия» тонет в абсолютном изнеможении. Нефилософия поднимает разнузданный крик и лупит вокруг себя «инструментами», заимствованными у хулимои философии.

(Одно только вы-брасывание!)

51

О чем все это говорит? — Сущность истины и сущность Бытия оттеснены в не-сущность (Unwesen) и таким образом оказались в плену видимости и ее неузнаваемости. Утрачена всякая элементарная надежность позиции и установления масштабов.

Что требуется?

- 1) согласование сущностного базового настроя;
- 2) создание сущностных базовых <видов> опыта;
- 3) основание основателей Бытия в Бытии основы (im Seyn des Grundes). (Событие)
- 4) на-строенное (be-stimmte) открытие сущности истины;
- 5) все это как обоснование Da-sein в понятии. (См. S. 19.)

16

52

Извращение знания (см. S. 23, 52).

«Знание» извращенно подается как простой инструмент, которым можно оперировать и который должен быть под рукой.

Затем сообразно этому требуют соответствующего освоения этого инструмента и его «близости к жизни».

«Жизнь» понимается как Понятная суэта ближайшей повседневности и ощутимой пользы <этой повседневности> и ее насущных потребностей.

Упомянутое извращение знания исходит из еще более давнего <лжепонимания>, — в соответствии с которым знание есть опирающееся на себя отношение к оценке истины как таковой. То самое инструментальное извращение есть лишь следствие этого и предполагает его.

И то и другое не осознают того, что знание есть

свершение (Geschehnis) самого духа — принадлежит к *Da-sein* — «оно не есть» ни отношение само по себе, ни какой-либо инструмент. Определение знания должно быть основано в *Da-sein*, т. е. в основе сущности Бытия и истины. Но для этого нужно изменение базовой позиции в сущем вообще или, если такой здесь не имеется, — ее новое обретение.

Производя на основе инструментального извращения знания суету, сопровождаемую восхвалением «новой науки», люди вслепую пытаются странным образом философствовать без философии. А публика, которая не знакома с философией и не нуждается в ней, получает представление, будто теперь настал час «истинной философии», что громогласно подтверждают газеты и те, кто надоел сам себе, т. е. те, кто никогда не был самодостаточным — учителя народных школ.

Если же эта беспочвенная суета замешивается еще с известной сноровкой и рекламой в подлинное политическое сбывание, то все приобретает вид, будто эта детская шумная возня вместе с тем сбыванием действительно относится к сфере знания. И почему бы в этой суете, которая не знает меры, любому студенту, если он достаточно громко кричит, не выделиться как герою, особенно если он к тому же каждую неделю пишет о героизме.

То, что в политическом отношении правомочно и важно — возвращение народа к себе самому, в мировоззренческом отношении оказывается произвольным и мелким — превращение народа в идол; народ же прославляется теперь как нечто наличное, так как все образуется налично и «органично» и отсюда все возникает также неспешно и само со-

бой, если только обладать «инстинктом». Это националистическое (völkisch) превращение народа в животное и механизация его упускают из виду, что народ «есть» только на основе Da-sein, в истине которого сначала <идут> природа и история, — вообще мир приходит в открытость и освобождает землю к ее замкнутости.

И лишь это Da-sein есть возможное местопребывание нужды — где на опыте познается бегство богов и терпеливо ожидается грядущее.

54

Большое болото так называемого органического мышления и говорения затягивает все, а растворение всего в этой мрачной каше принимают за *единство* мировоззрения, и все это даже встречается аплодисментами, ведь посредственность всегда воспринимает легкое и расхожее как правильное, а правильное — как «истинное».

55

Задача мыслительно-поэтического основания Da-sein преодолевает *вопрос о возможности*. Вопрос о возможности — как нечто возможно? есть последнее завершение математического мышления, а оно — следствие господства <научного> закона как такового, а это господство — следствие обрушения ἀλήθεια <истины>. (См. выше S. 15.)

56

Если возможность воспринимается как цель и ответ на определение сущности — (сущность как становящееся возможным возможное — непротиворечи-

во *мысли-мое*), тогда здесь в качестве *основы* Бытия установлена — приемлемость полной тождественности; но бытие само из *мышления*.

Хотя вопрошание о возможности всегда создает видимость возврата к ис-току <перво-прыжку>³ — и все же оно есть отход в сторону в область мерила, каковым заранее подает себя чистое мышление. Бытие (*Seyn*) вовсе не — определение (*Bestimmung*), и определение нужды и необходимости *того, что* входит в вопрос о возможности, перепрыгнуто. Действительное есть только *complementum possibilitatis*⁴.

Устанавливать границу и право возможности и заново ставить вопрос о возможности исходя из обоснования расщепления в (событии).

Преодолением вопроса о возможности всякая онтология принципиально сокрушена.

Но теперь же основание *Dasein* никогда не сможет избавиться от видимости того, будто оно и есть непосредственный изготовитель того же самого — причем только с помощью мышления. Здесь возникает вопрос

- 1) о неизбежности видимости;
- 2) о незаметном подлинном продвижении настроения (*An-stimmung*) и определения (*Bestimmung*);
- 3) об изначальной остроте понимания исходя из расщепления.

3. *Ursprung* — начало, исток, источник, происхождение, при дефисном написании *Ur-sprung* выявляется исходное значение корня — прыжок (*Sprung*). — *Прим. пер.*

4. Дополнение возможности (*лат.*). — *Прим. пер.*

Но либо продвижение останется всегда лишь средством для того, чтобы позволить другому выступить в открытое пространство и отсюда определять, — либо это продвижение само является входением в сбывание «здесь» (*des Da*); <в этом> творческий характер (*Werkcharakter*) продвижения и *язык*.

58

Мы *вопросаем*, причем мы *спрашиваем* об истине как истинном истинного.

Мы вопрошаем так, причем *мы* спрашиваем об истине народа. И истина народа приводит его к нему самому, освобождает его в его нужду — приводит в *Da-sein*.

Важное дело — возратить народу его честь, но честь есть только <там>, где почтение, а оно только там, где восхищение. —

21 А восхищение только там, где базовый настрой на чудо: Бытие в ис-токе <перво-прыжке>.

« ФИЛОСОФИЯ » В ОБЫДЕННОЙ ОЦЕНКЕ

59

Философия есть говорение о том о сем во всеобщих понятиях обо всех вещах. Это говорение должно совершаться на том же уровне, что и обсуждения погоды и последних моделей автомашин.

Поскольку же в рамках этих житейских пересудов подобная философия *ни к чему не ведет*, возникает практическое соображение — упразднить ее. Великолепно.

Вот только при этом философия не упраздняется, ибо о ней ведь вовсе речь не идет; но создается пространство *для* философии. Так могло бы показаться. Но в принципе это решение «о» философии — уже является недоразумением; ибо она есть тут, если она должна тут быть, пусть даже это неприятно и чуждо тем, кто еще «питается» ее отбросами.

60

Сейчас стараются защищать философию, отказываясь от нее. Это тоже путь — в варварство.

Сегодня дух угрожает сделаться тем, чем он представляется рядовому и одновременно суеверному рассудку: «дух» — это призрак. С помощью этого прежнего искажения борются затем против «интеллектуализма».

Но ссылка на идеализм (философский) точно так же ничтожна, поскольку ведь предпосылок его уже не существует и с ним уже покончено.

Da-sein!

61

Могут ли немцы упразднить философию, причем именно в тот момент, когда они снова должны стать немцами? То есть без философии не могут здесь быть?

А как обстоит дело с «упразднением», ведь философию не только всегда нужно заново осуществлять — но прежде и одновременно и всякий раз заново завоевывать в ее сущности?

—

62

Наши «позитивы» это нужда в истине.

23

63

Можем ли мы еще раз — или впервые путем утверждения (Erstimmung) Бытия (событие) привести к истоку истину сущего?

64

Нужда <из-за> безнуждоты (die Not der Notlosigkeit) в своей основе есть скрытая причина отсутствия необходимости (Notwendigkeit).

65

Каким образом можно в <состоянии> безнуждоты и исходя из него создать нужду в Бытии.

Как устранить забвение Бытия (Seynsvergessenheit) — с помощью какого погружения-внутрь (воспоминания) (Er-innern)?

1) погружение в Da-sein;

2) погружение во внутренний мир (in die Innigkeit).

Но все это <следует понимать> только как деятельность (Werk), <причем> опосредованную, — а вовсе не как непосредственный призыв и тому подобное.

66

Потребность (Not) в том, чтобы больше *не было заблуждения*, — поскольку *блуждание* обойдено; налицо усталость, *нежелание* еще знать; люди довольству-

ются лишь <получением> сведений и <простым> обучением.

67

24

«Мировоззрение» (см. выше S. 13). — Когда-нибудь задавались вопросом, в какой мере оно является *первым* и последним и при каких обстоятельствах оно может быть им, — совершенно безразлично, *какому* мировоззрению тут «обучают»?

68

Трудность: мы не знаем, *где* находимся, и у нас нет этого «здесь» для определения «где».

Da-sein есть бытие блуждания, в котором мы сами заблудились и как заблудившиеся в конце упорствуем в ближайшем как лучшем.

Народ как спасение, где он есть то, что нуждается в спасении.

ВОПРОС И РИСК (*Die Frage und die Wage*)

69

Любой вопрос не только желает ответа, но требует прежде всего *риска*. И овладеть *этим* риском и смочь взвесить — это уже больше чем ответ; ибо он столь же невозможен, как вопрос сам по себе.

70

25

Треснувшая сердцевина всех вещей — ее сборка в *умалчивании* (*Verschweigung*) (сущность истины).

ШАГ К DA-SEIN:

71

Действующее *осуществление умалчивания* и затихания как открытие и перемена местами сущего и бытийствующего Бытия.

Но это требует сущностного *отказа* от разговоров об умалчивании и, например, говорения о сущности языка как *молчания* — если только это не *умолчано*.

72

Новая «логика» есть *логика умалчивания*. Но по своей сущности и цели она совершенно отличается от «логики видимости».

73

Высшее, что необходимо сказать, должно стать предельным умалчиванием.

Умалчивание собственно как *вы-малчивание*.

26 Но разве логика вымалчивания не является предательством всего и Ничто?

Разумеется — если бы она подобно прежней логике «читалась» и если бы ей следовали.

74

Или же мы здесь оказываемся в тупике — так что уже ничто не может двигаться по кругу?

75

Философия сегодня не важна (belanglos)! — Абсолютно верно: для сегодняшних «важностей» (Belange).

76

Истолкование какого-либо произведения схватывает его в его сердцевине и позволяет лучиться его истине; это излучение затем легко распространяется по многим направлениям в неопределенность — и заставляет ее откликаться.

Тогда искусство истолкования заключается в том, что оно *как* излучение создает себе одновременно замкнутый круг излучения и останавливается. Этот круг тогда есть только лучащееся ядро самого произведения.

77

27

Главное не бытие человека, но *Da-sein*, а оно — потому что Бытие.

И это в неслыханной ситуации, где не следует добиваться глубины и темноты — но где, наоборот, через знание Бытия нужно двинуться по пути к основанию. Возможно ли нечто подобное? Оно необходимо.

И путь этот — в осуществлении умалчивания.

78

Выше человеческих возможностей знать все великие произведения мысли исходя из нового основания, быть знакомым со всеми областями сущего, осуществлять бездоннейший опыт *Da-sein*, и тем не менее — все это вначале только как условие и <сквозной> проход и нечто попутное.

79

В нынешней мнимой поэзии начинается дикое подражание «Гимнам» Гёльдерлина — безо всяких оснований и права на это.

Мыслительная настойчивость в сущностном слове Бытия. («Система»)!

Система *вопрошания*, движимого нуждой, — самое достойное вопрошания есть Бытие; оно является самым достойным, поскольку обладает высшим рангом по сравнению со всем сущим, во всем сущем.

Бытие (Seyn) есть эфир, в котором человек дышит.

Бытие (Seyn) как (событие).

Бог ушел; вещи изношены; знание разрушено; действие поражено слепотой.

Короче: *Бытие подверглось забвению* — и видимость сущего отбушевала или спасается бегством в прежнее.

Преодолеть забвение Бытия исходя из погружения-внутри (Er-innening), которое должно *быть* о-внешнением в самое далекое и самое глубокое здесь (Da): как *Da-sein*.

Но это преодоление не только через вопрос о *Бытии* — но это вопрошание затрагивает сущностную истину Бытия — тот исток, который является *прологом* Бытия и один <только> может быть во все-

знающем без-божии: искусство — и это значит: знание о не-обходимости искусства.

85

У своего конца философия всецело окажется лишь тогда, когда ее конец станет и останется тем, что есть ее начало: вопросом об истине Бытия.

86

Бытие есть эфир, в котором человек дышит, без этого эфира он становится просто скотиной и опускается до и ниже нее, и все его дела оказываются унижены до скотоводства.

87

Нам известно слишком многое, а знаем мы слишком мало.

88

Не «близость к жизни» нужна, а *Da-sein* должно вновь научиться смотреть в свою *даль* — так оно выучится почитать свои *основы*.

89

Совершенно иные условия, в которые должно попасть сейчас познание сущности.

О <НЫНЕШНЕМ> ПОЛОЖЕНИИ
(см. S. 33 сл.)

90

1. Абсолютное отсутствие «принципов» в философии и полностью в науках.

2. Мало того, отсутствие потребностей в этом плане.

3. «Националистическое» (völkisch) «мышление» превращает то, что является условием и творческой силой, в предмет и подлинную цель.

4. Эти условия отвоевываются *как таковы* лишь тогда, когда они ставятся перед крупными задачами, пробуждаются ими и испытываются на них.

5. Так они сначала отступают в действительную неизвестность (Unwißbarkeit).

6. Там же, где, напротив, все это делается предметом «новых» наук и «мировоззрений», не только все утрачивается, но возникают препятствия любому подлинному формированию принципов и всякому действительному вопрошанию.

7. Dasein таким образом задвигается в «рефлексивную точку зрения», которая еще почище всякого «интеллектуализма» XIX столетия.

8. *Мировоззрение без мира.*

Миро-*воззрение* без основного условия любого «воззрения» и без предвосхищающего наброска, в котором-то и становится видимым увиденное.

31 9. Там, где народ полагает себя самоцелью, эгоизм разрастается до гигантских размеров, но ничего не выигрывает в сфере влияния (Bereich) и истине — слепота Бытия находит прибежище в пустом и грубом «биологизме», который поощряет словесное бахвальство своей силой.

10. Все это в корне не немецкое.

—

Что делать мыслителям в такую бурную эпоху?

ВОПРОШАНИЕ

91

Настроение людей портится, они даже возмущены этой позицией и требованием постоянного вопрошания. Тем, кто ведет себя *так*, не ведомо, что пресловутый ответ всегда есть только последний шаг в череде многих предшествующих шагов вопрошания.

—

92

<Необходимо> предположить предварительно *понятие* для непостижимого (das Unergriffene); и при этом изменить *сущность* понятия исходя из сущности истины. Изначальное знание в «понятии» обосновывать как *против* чистого *неведения* (Unwissenheit), так и *против* *непознаваемого* (Nichtwißbare).

Во всякой значительной философии ее сокровенный путь и его напор должны проследиваться вплоть до сущностного *разъяснения* — но мы никогда не вправе застревать на высказанных суждениях (Sätze); не то чтобы все разрешалось только в путь, и не то чтобы в философии отсутствовала Сущностная истина, но именно потому что философия не является истиной суждений — или лучше: потому что суждения — сущностные — имеют иной характер, чем только правильные высказывания.

(См. путь Канта к трансцендентальной способности воображения.)

93

Чтобы сделать *большой прыжок*, нужен *большой разбег*. Для такого разбега требуется отойти далеко *назад*. Этот отход назад должен дойти до первого начала — если в прыжке нужно достичь второго начала.

Сделаем ли мы прыжок? Достаточно, если мы освободим существенное на дорожке для разбега и побудим к прыжку.

Прыгун прыжка явится.

Всегда <быть> в <состоянии> перехода и ухода (Verlassen)!

33

94

Истина философии — в том числе и как возможность — полностью исчезла из сегодняшнего существования (Dasein).

Что это означает? То, что никакое *знание* о судьбе больше не держит нас в клещах. То, что мы только колеблемся туда-сюда между примирением (Ausgleichen) и грубой проповедью; нечистое и опустошенное из всех способов мышления — они еще являются неразумными без упорядочивающего закона.

95

Сейчас «делают» так, будто для «истины» уже ничего больше не сделать.

96

(см. S. 30, 35)

1. Все беспочвенно и бесцельно; если вообще почва и цель существуют в надлежащем порядке и ждут.

2. Нам нельзя <возвращаться> назад и уж подавно пытаться найти выход с помощью собранных заплата и лоскутков.

3. Двинемся ли мы вперед — или же будем только съезжать по склону, поскольку у нас слишком малый вес, чтобы падать.

4. Следует ли нам вообще выйти из нынешнего <дерганья> назад и вперед — и куда?

5. Чему служит единство народа — если учесть, что так оно выберется из пустоты и этой безысходности.

6. Не станет ли для *народа* всякое вопрошание еще настоятельнее и важнее и многообразнее — не возрастет ли безысходность и не станет ли пустота еще более пустой? 34

7. Может ли изменение действительно произойти без долгой подготовки?

8. Не должна ли она осуществляться коренным образом, исходя из первых и самых обширных областей решения?

9. Не нужно ли открывать эти области сначала как первые и самые обширные и встраивать в структуру?

10. Не должна ли к тому же утверждаться *мысль* — вопрошающее-созидающее знание как высшее?

11. Бытие (Sein) = время как предчувствие предвещательного этапа подготовки. (См. II Бытие и время.)

12. «К философии»⁵ (см. план от 27.7.36).

13. Полемика с «Бытием и временем»⁶.

14. Начало мета-физики. См. S. 39 сл.

5. [Martin Heidegger: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). GA 65. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1989.]

6. Martin Heidegger: Auseinandersetzung mit «Sein und Zeit». Er-

Не идти дальше по роковой колее, но и *не рваться назад* в более ранний период, — а надо выйти из всей колеи во второе начало — в его закрытость и простоту и «конец».

Da-sein
Земля — Мир
(событие)

97

35 *Продвижение вперед*: простота мыслительно нарицающего, но напоминающего (о первом начале) наброска.

Бросок как беспокойство — сопутствующее (gefügte) — заброшенности в нужду <из-за> безнуждоты: забвение бытия и разрушение истины; запущенность мышления.

ЧТО ДЕЛАТЬ
(см. текущие примечания к I,5⁷.
Поворот разворота)

98

Нужно впрыгнуть в *Da-sein* как в <бытие> историческое. Прыжок этот осуществляется только как *высвобождение приданного* <нам> в заданное <нам>. И это, чему должны быть посвящены все усилия, есть освоение свободного бытия к такому высвобождению и в таком высвобождении.

scheint in: Zu eigenen Veröffentlichungen. GA 82. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann.]

7. [Martin Heidegger: Laufende Anmerkungen zu «Sein und Zeit». In: Ders.: Zu eigenen Veröffentlichungen. GA 82. Vorgesehener Herausgeber Friedrich-Wilhelm von Herrmann.]

Это есть воздействие освобождения (Lösung) приданного и схватывание заданного.

Но что есть приданное нам? Безнуждая нужда (die notlose Not) как нужда <из-за> безнуждотности (все доступно, но истощено — все бездуховно, но как угодно перемещаемо — никакого сущностного напора и никакой страсти вопроса — все доступно переживанию и точно так же лишено загадочности). Где напор, там только слепое брожение, причем внушенное. И во всем этом никакой нужды «здесь» и никакого знания самого трудного. Все «делается».

99

36

А что есть заданное нам? То, что напор сокрытого изначально и просто теснит и что набрасывающее прилаживание схватывается как давно подготовленное произведение (Werk).

Что изначально единство напора и наброска равным образом важно для обоих, стало событием. Что мы не подпадаем <под влияние> видимости жизненного брожения и столь же мало — видимости неподлинного (с поддельной строгостью) мышления.

Что мы осваиваем настроенное мышление и его подлиннейшую остроту, а не возимся с искусственными противоречиями, духом как противником души⁸ /или/ героической наукой (пустым возвеличиванием *бывшего* формального мышления). — Вот что нужно делать:

Свободное овладение нуждой <из-за> безнуждотности — не простое устранение, но освобождение — исходя из (события) и измененной сущности истины.

—

8. [Ludwig Klages: Der Geist als Widersacher der Seele. 4 Bde. Johann Ambrosius Barth: Leipzig 1929ff.]

100

Является ли эта слепота в отношении земли и бессилие в отношении мира — является ли полностью невступление в отстаивание его <мира> спора — является ли все это исчерпанием — или только широчайшим отчуждением и заблуждением?

37 Как нам узнать, что это такое? Это мы и грядущие познаем, только испробовав изменение, причем коренное, — как второе — напоминающее — начало; необходимо ничуть не меньше этого — хотя бы для того, чтобы узнать, что *есть* и что не есть, — как бытие свершается для нас и свершается ли еще.

101

Почему является попранием сущности <всей> философии, когда пытаются обнаружить в какой-то философии ошибку и представить ее частично правильной и частично ложной? Потому что никакая философия никогда не позволяет *опровергать* себя! Почему не позволяет? Потому что она не содержит ничего опровержимого; ибо то, что в ней является философией, это раскрытие бытия — набросок мира; этого нельзя опровергнуть, но можно только заменить и изменить; т. е. всякая философия *остается* и осуществляет соответствующий возврат, который она никогда не дает ни установить непосредственно, ни рассчитать.

Истина философии измеряется изначальностью раскрытия *сущности* истины.

102

«Последний человек»⁹ мчится по Европе.

9. [См. Friedrich Nietzsche: Also sprach Zarathustra. Ein Buch für

103

38

Посреди забвения *Бытия* и разрушения *истины* нельзя ожидать, что вхождение (Einsprung) в Da-sein сделается непосредственно понятным и усвоится. Напротив: *величайшее удивление*. А потому нужно эту удивительность как следует усилить — но так, чтобы в ней одновременно были перекинuty мосты для захвата настойчивости (Ergriff der Inständigkeit) (см. выше S. 3).

104

Продолжительная предварительность для второго начала. Главное — <нужно> сохранять эту *предварительность* — не ослабеть в смысле ложной силы якобы действительного *непосредственного* второго начала. Но как одновременно во всем этом действует неизвестное (Unwissentliche).

Вопрошание — почему вообще есть сущее, а не Ничто? — как *разбег* в удивляющую чуждость «здесь» (das Befremdende der Fremde des Da).

Не успокаивающе-теологически «доказывающее» Бога объяснение — не устранение от-чуждения как чуждости — но удивление всему *родному* (heimisch).

Где есть Бог? Прежде и по существу <надо> задаться вопросом: есть ли у нас некое «где»? И находимся ли мы в нем, так что можем спрашивать о Боге?

Чуждость «здесь» как ожидание «где». (См. S. 4; 8.)

Alle und Keinen. Werke. Bd. VI. C. G. Naumann: Leipzig 1904, S. 19: «Так вот же буду я говорить о наипрезреннейшем, а это *последний человек*.» [Рус. перевод Я. Э. Голосовкера. Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Стихотворения. М.: Прогресс, 1994. С. 37. — *Прим. пер.*]

105

Забвение бытия и разрушение истины вкупе порождают недооценку — т.е. утаивание не-слыханного (*Un-geheure*) — осуществляют отгораживание от «здесь».

39

106

Против этого <направлено> положение: *Da-sein* бытийствует как отстаивание события.

107

От описания экзистентного *Dasein* к основывающему вхождению в *Da-sein*: «метафизика» (события); исторически! То есть по-направлению-к-будущему.

«Философия» всегда есть только где-то и когда-то и для кого-то (немногих отдельных людей), подобно зажиганию света и подземному толчку. (См. S. 40; 82.)

108

Память:

Память *о* первом начале.

Память в настойчивости *Dasein* (*во* втором начале).

Второе начало как основывающее вхождение в *Da-sein* есть «метафизика» — в сущностно новом — начальном смысле. За пределами $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$ — это означает: мы не можем больше начинать с $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$ — ἀλήθεια, — но выброшены за пределы этого начала — не можем возвратиться и должны сперва найти и основать как таковое *открытое место* — [$\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$ (см. л<етний> с<емер> <19>35¹⁰)

10. [Heidegger: Einführung in die Metaphysik. Ga 40. A.a.O., S. 108ff., 131ff.]

не истолковывать ложно в смысле наличности — как в «Бытии и времени» (S. 8 сл.) опасность].

Начинать уже не с φύσις, но все-таки с ἀλήθεια!*

* Но это «истинное» (wahrhaft) — как Da-sein, а не как теория познания и не как «фундаментальная онтология».

Со вторым началом только и может начаться «метафизика» — она *должна* это «сделать» и как таковая должна всегда на-помянуть именно о первом начале (φύσις). 40

Но в самом «названии» ничего не кроется. (См. выше S. 34; 46.)

109

Философия это воз-буждение — т. е. Основывающее основание конкретного толчка — а именно: от-талкивая в сущность Бытия и под-талкивая сущность истины — и во всяком толчке — на что не могут не наталкиваться обычное мышление и деятельность — на чем они испытывают себя как недостаточных и при всей настойчивости всегда познают себя как неудавшихся — познают не в ярком свете знания, но во мраке разбуженного и неохотного *усмотрения* (Merken); «сказать» предчувствия — это уж было бы чересчур, да и слишком возвышенно.

110

Мыслительная поэзия есть подлинное пред-шествующее вопрошание — выспрашивание Da-sein — назначение Бытием. Мыслительное сообщение, выстроенное только в слаженном обучении и построенное как *мыслительное языковое произведение*. Здесь действует в существенно ином — изначальном — смысле

«сущность» языка; не только как средство подобающего и доходчивого «выражения» — но в первую очередь как слаженное выставление Сущностного знания и незнания.

Подобное произведение должно «стоять», чтобы над ним могли пролетать времена и эпохи.

Оно никогда не может сделаться непосредственно осознанным и «нагим», но только в опосредованном происхождении — однако не экзистентной позиции — но сущностного знания — выпрашивания и слаживания бытия и истины (событие).

111

Создать (событие) богов, чьими друзьями мы можем быть, а рабами быть не должны.

112

Философия: любовь к мудрости.

Любовь: *желание*, чтобы сущее *было*, бытие —

Мудрость: господство над бытийствующим *единством созидания* (познавания — обучения — любления) и добра.

113

Философы: те, в которых эта воля волит (в индийском духе), не как *их* воля, а как *Da-sein*.

114

Мы *становимся* тем, чем являемся, *будучи* тем, чем мы становимся; будучи становящимися, мы прилаживаемся к закону становления, ничего не вынуждаем, но и ничего не разбазариваем.

115

42

Мышление мыслителя есть «мыслящее *о*» (*andenkende*) (о первом начале) вы-мысливание (*Er-denken*) (второго <начала>). Вот почему вы-мысливание <является> уже не пустым из-мысливанием (*Aus-denken*); но созидающим на-реканием (*Er-nennen*).

116

Переход от процесса исследования к продвижению как метафизике; *переход* от осново-полагания (подключения (*Dahinterschalten*)) к началу.

Переход как перескок; подготовка, попытки, предварительное-построение — обо всем этом намекалось в лекциях с 1927 по 1936 год, хотя сознательно никогда непосредственно не сообщалось.

Маска «исторических» истолкований.

Здесь, среди прочего, важно: превращение понятия экзистенции из *экзистентного* в мета-физическое. Экзистенция: подверженность сущему. Далее: проталкивание вопроса об истине: снова как открытость закрытости «посреди» как «между».

117

Не при-меривание к существованию как «структуре», но от-меривание *Da-sein* как ис-тока.

Это от-меривание как таковое порождает метафизический момент, как второе начало сущностной истории. Это отмеривание как наступающее отторжение забвения бытия и тем самым эскиз сущности истины.

43

118

Философствование стало трудным делом, труднее, возможно, чем в его первом великом начале, — поскольку необходимо второе. В такие мгновения, которые многие ощущают лишь непосредственно, они думают о том, что философию нужно упразднить; это называется «героическим мировоззрением»¹¹.

119

Первоочередное — это не *то*, что служит *этому народу* (т.е. ему полезно), но то, чему народ должен служить, если он хочет *быть* народом исторически.

120

Никакая *наука* никогда не может требовать усилия и строгости *знания*, а уж подавно добиваться того, что возникает в *философии*, — при том условии, что философия есть.

Но философия не может поэтому быть названа «сверх-наукой»; ведь и в таком случае она еще остается по масштабам включенной в науку.

Сущностное знание должно определяться и настраиваться исходя из сущности истины. Но строгость служит только усилиям по вхождению в исток — отстаивание «промежутка» (Inzwischen).

44

121

В эпоху «громкоговорителей» может серьезно воздействовать только молчание незаметного в маске того, что «не ставится под вопрос».

11. [См. Johannes Mewaldt: Heroische Weltanschauung der Hellenen. In: Wiener Studien. Bd. 54 (1936). S. 1–15.]

Те же, для которых самое разное не ставится под «вопрос», вообще никогда не ставят *вопросов*.

122

«Da»-sein как *самое достойное вопрошания* (Frag-würdigste).

φύσις и *вос-ставание-возникновение богов* (Ent-stehung der Götter); это возникновение подразумевает не изготовление, но приведение в <соответствующее> состояние — восхождение и восставание; не причинное выведение; а также не из ложно трактуемых «аффектов» и их воздействия.

123

Следует ли сейчас пожертвовать всем, что называется образованием, духом, культурой, чтобы спасти глубинную силу народа? Но кто есть «народ»? Так называвшиеся прежде низшие и необразованные слои? Гарантируют ли они, только потому, что они необразованные, глубинную силу — или жертвование всем вышеперечисленным есть лишь более ясное выражение нарастающего упадка в целом — проявление бессилия, которое для духовной борьбы (не противодействия) чересчур слабо [?] и чересчур невежественно.

124

Замолчанная цель другого начала: выстраивать сдержанность сохранения Da-sein как исторический замысел (Anlage) — и тем самым готовность для (события) как историю.

К тому же <относится>: *собрание*. Но не только

как объединение прежде рассеянного и непротиворечивого; не только снятие различий; не середина как посредственность, но собирание: как накопление действительных сил, загрузка их способностей и подготовка к планам — создание весьма *значительного умения!*

Но все это не посредством расточительности и раздачи еще-сохраненного — но с помощью нового действия; умение возникает лишь на основе упражнений; но упражнение — только из дерзновения; дерзновение только в *вопрошании*. Вопрошание <возможно,> только если оно поддерживается и проводится самым достойным вопрошания (*Da-sein*), — а оно <возможно,> только если действует самое изначальное вопрошание, а это — только <там>, где до истока допрыгивают — а это только <там>, где необходимость другого начала схвачена и постигнута; а это лишь там, где глубочайшая нужда приводит к принуждению, а это только там, где нужда познана, а это только там, где открытость высшего свободного знания и действительной борьбы.

Вызреть до серьезного противоборства — не коварное устранение того, что кое-кому могло бы стать в уютности уютным.

Действительная философия всегда и обязательно стоит в стороне.

В-стороне — это откуда измерять? От мнимой много- и всесторонности посредственного и расхожего и непосредственно требуемого. Но на самом деле она стоит в промежутке *Da-sein*, она возрождается «здесь» — для всякого возможного «где» — а также для «всюду» и «нигде» обычного.

В связи с этим изначальное стояние философии в стороне всегда ложно толкуется — как недоста-

ток — как высокомерие, как *обособление* и отрицание «общности».

126

«*Мета-физика*» — это название возникает для <обозначения> знания о сущем как таковом — поскольку последнее есть «физика», в том числе у Аристотеля и именно у него. И это — в преемственности к началу — однако как невозможность-больше-удерживать.

Лишение власти φύσις <природы>; вот почему затем <идет> ἐπιστήμη φυσική¹² и в соответствии с этим: μετὰ τὰ φυσικά — т. е. то, что должно прилагаться к физике — то, что к ней относится. (См. S. 55.)

127

Само бытие находится в нужде; нужда как отсутствие родины и очага бытийствования бытия. Когда мы постигнем *эту* нужду? То, что самое единственное должно вынудить самое глубокое! Быть Da-sein! В глубине созидания и созидającego сохранения. Отсутствие родины бытия — проявляется как раз в *направленности* на «мышление» — представление или еще какая-либо «способность»! проявляется в отсутствии всякого вопроса о нем — если только это не «онтология».

47

128

Философия: вложить бытийствование бытия в это слово.

12. Знание природы (греч.). — Прим. пер.

Ну а как <понимать> слово? Как мыслительное наименование; как вторгающееся говорение Da-sein (здесь-бытия). Опасность этого говорения!

Сейчас философию объясняют с «авторитетной» стороны как «дадаизм» и тем самым как излишнюю и как чепуху — это обозначение философии правильное, чем могли бы заподозрить ее защитники. Оно затрагивает философию — так как она должна изображаться с точки зрения исключенных. Оно дает лишь отблеск ее сущности в самой крайней не-сущности. <Нужно> внести бытие в слово: дадаизм. Где мы находимся, когда подобное становится возможным и это «понятие» философии руководит строительством «немецкой культуры»?>

129

Крик души о Сущностном поэте и основание его места (Da-sein).

48 Нужда в мыслителе — который захочет преобразовать вопрос о бытии, <причем> без путей организации этого знания, — в историю.

Крик души о мета-физическом поэте; мета-физическом — т. е. поэте другого начала.

Гёльдерлин как «переход».

130

Мой основной опыт: Бытийствование бытия — уловленное сначала как понимание бытия; с этим <связана> опасность «идеализма»; но всякий раз <возникает> сопротивление пониманию — как брошенное набрасывание; это как Dasein. Но это же и ложный путь; он тем не менее позволяет именно теперь осуществить темный поначалу основной опыт изначальное и чище — лучше <сказать>: изготовиться

в высшем прыжке в сверхмогущую сдержанность выдерживания в бытийствовании бытия к вопросу о нем. Но все это сохраняя глубочайшую и внутреннюю память о первом начале и его передаче.

Основной опыт бытийствования бытия не допускает установления *одной* области сущего как определяющей — или опорной; ни «дух» — ни природа («жизнь»); он также не считает решающей открытость и членение обычно традиционных областей сущего — но пребывает в сокрыто-раскрывающем «между» — как готовность к другому началу. 49

131

Основной опыт бытийствования бытия сам по себе является мыслительным, поскольку <он есть> впрыгивание в Dasein и его первое основание. При этом основной опыт не прекращается и не отменяется, — но он сам — в сущности единственно и первоначально — испытывает и завоевывает *испытания*.

132

С упомянутым ложным толкованием бытийствования бытия как понимания бытия и его условия возможности совпадает отождествление бытия человека (Menschsein) и Dasein («Dasein в человеке», «О сущности основания»¹³); хотя <оно> и подразумевает различие, но тем не менее привязано к месту Dasein и не возникает как то, что должно возник-

13. [Martin Heidegger: Vom Wesen des Grundes. In: Ders.: Wegmarken. GA 9. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 2/1996, S. 164.] Рус. перевод В. В. Бибихина. М. Хайдеггер. О существе основания // М. Хайдеггер. Что такое метафизика? 2-е изд. М.: Академический проект, 2013. С. 172–228. — *Прим. пер.*

нужь лишь основывая место (время-пространство);
но <это> не «идеализм».

(См. перепрыгивание и впрыгивание.)

133

Бытийствование бытия как неизбежность *Da-sein*.

50

134

Опыт и основание будущего «где» исторического
человека:

«промежуток» Великого случая (события) в бы-
тийствовании бытия — основывая существовал
и прочно сохранен как *Da-sein*.

135

Не законодательство, но сперва определение места
и основание места; не обобщение, а пред-шествую-
щее учреждение «истины» готовности — обнаруже-
ние колени.

136

Вопрос о бытии как основание *Da-sein*; вхождение
в *Da-sein* как открытие бытийствования бытия.

137

Сможем ли мы истинно высказывать (*ersagen*) *Da-
sein!*

138

Осмысление! Осмысление? Оставьте делу его пра-
во, но станьте благодаря ему сильными для изна-

чального осмысления открытой сокрытости бытийствования бытия.

139

Осмысление: настойчивость поступка.

140

51

Не «нужда» — но постоянная решимость (*Entschiedenheit*) в необходимости *Da-sein*.

141

Настоящее вопрошание — вопрошание как процесс — могущественнее, чем ответы. Вместе с ответом прерывается *Da-sein*.

142

Всякий раз, как мышление и действие по осмыслению оказываются за пределами поверхности повседневности и попадают под воздействие страхующих инструментов сегодняшних измерений и оценок, — вокруг всякого деяния веет бесперспективностью любого оправдания. Тогда должно прийти — как призыв — воспоминание и принести те подозрения, в силу которых мыслительный вид *Da-sein* возвращается в крайнее одиночество, приводящее, подобно неведомому избытку, к тому, что только редкие и немногие делают запрос об *Одном*.

143

Вопрошать? — <Это значит:> в абсолютной дали во-вне, за пределами не-существенного и обычного,

повстречать подлиннейшую сущность — как призыв к борьбе за постоянство великой истории *Da-sein*.

Наука есть разъяснение сущего*.

Философия есть прояснение бытия.

Наука должна стремиться во все более ясное как <в> знакомое и привычное.

Философия возвращается к сокрытому как непонятному и удивительному.

Наука *передает* (*vermittelt*) истинное (через правильность).

Философия разыскивает (*ermittelt*) истину.

Наука принимает *Da-sein* за основу.

Философия *есть Da-sein*.

Сказывание (*das Sagen*) науки есть высказывание (*Aussagen*).

Сказывание философии есть проговаривание и оповещение (*Ersagen und An-sagen*).

Наука подтверждает —

философия потрясает.

Наука приобретает <фактические> знания; она выстраивает.

Философия ориентирует на знание; основывает основание.

(О «науке» см. л<етний> с<емер>стр> <19>37, S. 71¹⁴ работы по теме 37/8¹⁵; см. Размышления V, S. 92).

14. [Martin Heidegger: Nietzsches metaphysische Grundstellung im abendländischen Denken. Die ewige Wiederkehr des Gleichen. GA 44. Hrsg. von Martin Heinz. Frankfurt am Main 1986, S. 120ff.]

15. [Martin Heidegger: Die Bedrohung der Wissenschaft. Hrsg. von Hartmut Tietjen. In: Zur philosophischen Aktualität Heideggers. Bd. 1. Philosophie und Politik. Hrsg. von Dieter Papenfuss und

* Дополнение (Gegenstück) — т. е. относящееся к науке — есть *вы-ведение* из ключевых принципов и в соответствии с ними; «базовые» положения <, принципы> («Grund»-sätze) — нечто иное — поняты как положения-основания (*Gründungssätze*).

145

Решимость — понятая мета-физически, — в сфере мысли есть *изначальное вопрошание*.

146

53

Следует освоить и сделать для позиции определяющим вот что: мыслительное сказывание (*das denkterische Sagen*) никогда не приводит к понятному и на основе этого никогда не может быть подтверждено и доказано, — оно обращается к не-понятному, не-проходимому не для того, чтобы превратить *его* в понятное, а чтобы возратить человека туда (*da-hin*) — в странность бытия. Если идти привычным путем и действовать ходовым — перегруженным одобрением — образом, то никогда не будет понято, что выспрашивание наиболее достойного вопрошания — решимость к этому *признанию* <достойного> (*Würdigung*) и основанию — должно послужить ответом мыслительного *Dasein*.

147

Не моральная («экзистентная») озабоченность, а мета-физическое превращение в *Da-sein*.

148

Выспрашивание сущности Бытия всякий раз «нужно» лишь тогда — необходимо из сущностной нужды, — когда достигнута уникальность истории — уникальность нашей ситуации.

54

149

Входим ли мы с другим началом в «последнюю главу истории мира»^{16?}

150

Пережить эту грустную осень, которая не дает даже деревьям блистать в их умирающем золоте, можно только с помощью работы. Когда она сама становится внутренним светом сердца, а не простой маотой. Мы не в состоянии вызвать этот свет усилием <воли>, но мы можем его дожидаться. Но это ожидание нельзя превращать в бездействие, ожидание всегда должно становиться готовностью, чтобы произошло то, что превосходит простое усилие. Хорошие часы приходят лишь благодаря самой работе, ее отдельным неудачам и временным перебоям. Так работа оказывается единственно подлинной возможностью, благодаря которой мы подставляем себя лучу просветления. Умение так подставить себя и есть тайна работы.

Хорошие и пустые часы позволяют познать это на опыте и укрепляют способность ежедневно оставаться вблизи вещей, как в первый день.

16. [Heinrich von Kleist: Ueber das Marionettentheater. In: Ders.: Gesammelte Schriften. Bd. 3. Hrsg. von Ludwig Tieck. Georg Reimer Verlag: Berlin 1859, S. 311.]

151

Метафизика: история бытийствования бытия (Wesung des Seins);

«метафизически»: бытийно-исторически.

Но тем самым преодолены название и понятие.
(См. S. 46.)

152

Красота: метафизически необходимое искажение (Verirrung) сущности истины, поскольку это бытийствующее первоначально должно было распасться по линии излома.

Философия: путем вопрошания превращать бытийствование бытия в событие.

153

Философия: есть обоснование и исследование словоупотребления, но поскольку она по большей части не дорастает до сокрытой истины и силы истины языка, она впадает в видимость простого разговора о вещах, которых нет.

Эта видимость только подтверждает — для знающих — ее (философии) подлиннейшее бытие.

154

Допущение бытия сущего (Sein-lassen des Seienden) есть *Da-sein*. Это «допущение» — не безразличие вялого попустительства (Lässigkeit) и не трусливое ни во что невмешательство, но внедрение в «сущность» — борьба настойчивости — вопрошание наиболее достойного вопрошания.

Самое малое, что доступно «этой» философии, есть

<признание> бытия достойным вопрошания; это са-
момалейшее и есть ее единственное наивысшее.

56

155

Заброшенные вперед и потому обязательно ото-
рванные от жизни и, будучи заброшенными вперед,
выпытывающие —

выпытывание как выпрашивание (das Versuchen
als Erfragen).

Оторванность философии от жизни является
не оторванностью простой удаленности от сегодня-
шнего дня, но оторванностью отдаления как ис-
пытующего продвижения вперед, — оторванность
не цель, а следствие сущности.

Уникальность необходимости нового знания для
разведывания Da-sein.

156

Чем изначальное — значительнее — вопрошание
в мышлении, тем больше видимость произвола, тем
сильнее странность. Эту видимость приходится пе-
реносить как неизбежную.

157

Болтовня о бытии без *вопроса* о бытии — будь
то в форме онтологии, будь то в форме «экзистенц-
философии», разрастается до невыносимости.

158

Понять бытие, т. е. не обладать сведениями о ка-
ком-то «понятии» — а понять схваченное в поня-
тии, т. е. сознательно подвергнуться атаке бытия.

Но как же бытие может атаковать? Атака и (событие).

159

57

Нигде больше <не ведется> борьба за масштабы, никакого продвижения вперед к новым колеям.

160

Мета-физическое мышление есть *вы*-мысливание (*Er-denken*) — реализация в мысли — изменения бытия. Значимость мышления следует оценивать в соответствии с видом и рангом этого изменения и желания изменения.

161

Тайна философии заключается в вопрошающей способности к выжиданию, пока простое событие не придет безусловно к ясности и не создаст себе свое место и основание.

162

Опроверг ли когда-нибудь один мыслитель другого? Является ли опровержение присущей им формой преодоления; да и вообще, нужно ли здесь преодолевать? А может быть, наоборот, один принимает вызов другого, причем так, что они в этом занятии позиции изменяют «только» бытие, специально не включив предшествующее изменение.

58

163

Всякий крупный мыслитель мыслит *одну* мысль; эта последняя всегда есть *единственная* — о бытии;

но мыслить эту *одну* мысль не подразумевает, чтобы в монотонном однообразии *одного* представления можно было уйти на покой, который, возможно, замаячил вначале; это также не означает всего лишь «применения» этого пустого «того же самого» к разнообразным областям. Но: плодотворное начало этого мышления об одном состоит в том, что единственность этого пути становится все более странной и проблематичной и тем самым разворачивает полноту простоты — немногое — в изначальных связях — в образ (Gestalt).

Где эта простота единственного способна вырваться из себя в богатство сущностного и изменяться, там <проявляется> значимость мышления. (См. S. 59; 66.)

164

Начинать с малого и при этом осмыслять большое.

165

59 Мои лекции, которые относятся к этому малому, *все они*, даже там, где высказываются о самих себе и о задаче, — это все еще, причем *умышленно*, передний план, а в основном даже прикрытые.

Как с точки зрения воспитания дозволительно и возможно высказать то, что хочет собственное воление?

166

Всякое подлинное понятие философии — *как понятие* — чревато решением.

167

Каждый серьезный мыслитель *мыслит* всегда о решающем прыжке изначальное, чем *говорит*; и в *том* мышлении он должен быть понят, *его* невысказанное — должно быть высказано (см. S. 66). Вот почему он нуждается в истолковании.

168

Чем однозначнее и проще, исходя из решающего вопрошания, возвести историю западноевропейского мышления к ее немногим существенным шагам, тем больше вырастет ее обязывающая и предвосхищающая сила, причем именно тогда, когда требуется ее преодолеть. Тот, кто полагает, что мог бы освободиться от этой истории в приказном порядке, будет незаметно повержен ею сам, причем ударом, от которого он никогда не сможет оправиться, поскольку удар будет ослепляющим, — это ослепление считается изначальноным, хотя оно только подмешивает традиционное, да и то в неосвоенном виде, к якобы иному.

Чем масштабней будет переворот, тем сильнее он будет посягать на свою историю. (См. S. 69.)

169

Преодоление нигилизма: следует постичь нигилизм сперва в его сокрытой глубине — как забвение бытия и как крушение ἀλήθεια — и лишь потом выведется основание нашей истории.

Но как тогда <быть с> основанием?

Что будет, если мы это *узнаем*? Возможность *почитания* — самоперерастание в <сферу> великого и простого.

170

Единственное, что необходимо: осмысление (Besinnung) и еще раз осмысление, а прежде — *воспитание к осмыслению*. Ибо осмысление есть не что иное, как «разум» и расчет: оно есть почитание чуда *бытия*, есть учреждение аристократии великого Da-sein.

61

171

С помощью работы мысли довести рывок к Бытию до порыва, и в этом скрыто накапливать ударную силу. Обосновать в движении и в покое удаленное положение Da-sein; удерживать это единственное и благодаря этому вымыслить (erdenken) событие.

172

Переворот к Da-sein как осуществление истины бытия — мое единственное желание.

173

<Следует> взять на себя высшую ответственность исходя из нужды <из-за> безнужности для подготовки готовности к подверженности (Ausgesetztheit) себя бытию.

174

62

Мыслить вперед в будущее и вглубь него, не имея возможности услышать от него хоть какой-то отзвук; все это, похоже, повлечет за собой сплошной произвол — и все же: здесь высший закон дает указание, сам исток; ибо даже некогда начавшееся, если его можно было бы предсказать и как бы заранее зата-

щить в современность, никогда не в состоянии быть подтверждением истинности мышления; Бытие никогда не доказывается через сущее, а наоборот. Однако истина бытия трудно и редко поддается познанию, в ней всякий раз связывается в Единое вся история — с начала и до конца.

Мы слишком привыкли к тому, чтобы переписывать и считать истинным лишь то, что приносит день, будь это то, что мы утверждаем или выбираем в качестве цели, — ее происхождение нас совершенно не трогает.

175

Плутарх сообщает об изречении Катона Старшего: ὡς χάλειπὸν ἔστιν ἐν ἄλλοις βεβιωκότα ἀνθρώποις ἐν ἄλλοις ἀπολογεῖσθαι¹⁷. Как трудно, принадлежа к одному поколению, защищаться от другого. — (См. S. 94.)

Что же тут делать? Приспосабливаться или уклоняться? Ни то, ни другое, — но посмотреть на то, что подлиннейшая задача развивается и устанавливается из изначального основания, будучи неисчерпаемой для позднейших поколений.

176

63

Ницше как-то — в конце своего жизненного пути — дал в «Ессе homo»¹⁸ жуткую «дефиницию» немцев —

17. [Plutarchi vitae parallelae. Aristidis et Catonis et al. Recognovit Carolus Sintenis. Teubner: Leipzig 1911, cap. 15, 4/5.] — «Тяжело, если жизнь прожита с одними, а оправдываться приходится перед другими». Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Марк Катон. Глава 15. Рус. перевод С. П. Маркиша. — *Прим. пер.*

18. [Friedrich Nietzsche: Ecce homo. Der Wille zur Macht. Erstes und Zweites Buch. Werke. Bd. XV. Kröner Verlag: Leipzig 1911, S. 113.] —

что свойственно «немцам»: «нет никакого желания разобраться в себе». Тогда нужно было бы заняться поисками немецкой сущности на пути, противоположном тому, что блуждает в предыстории, — на пути *грядущего* желания разобраться, добиться ясности — в которой все сущностное будет поставлено перед крайним выбором, где, как первый шаг, задающий закон любому движению, следовало бы осуществить *вопросание*. Но какой ведьмин котел бурлит тут — если еще есть хоть какое-то бурление, — христианство, «позитивное» христианство, немецкие христиане¹⁹, исповеднический «фронт»!, политическое мировоззрение, выдуманное язычество, беспомощность, идолопоклонство перед техникой, обожествление расы, поклонение Вагнеру и т. д., и т. п.

Люди *не хотят* разобраться в себе, а сколько речей о «воле».

177

Бояться могут (*Angst haben*) только бесстрашные (*Furchtlose*).

Рус. пер. Ю. М. Антоновского. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 760. — *Прим. пер.*

19. [«Немецкие христиане» — группа протестантов, которые в период с 1932 до 1945 гг. примкнули к национал-социалистическому мировоззрению. «Исповеднический фронт», или «Исповедующая (Исповедническая) церковь», в 1934–1945 гг. представлял собой движение сопротивления протестантской церкви национал-социализму.] <Лидерами Исповедующей церкви были Мартин Нимёллер, Дитрих Бонхёффер и др. Это движение исповедовало Иисуса Христа как Своего Господа, не считая (в отличие от «немецких христиан») церковь орудием проведения национал-социалистических идей. — *Прим. пер.*>

178

Подлинная «пред»-история: та, что идет перед нами — или нет.

179

64

Встретят ли нас новые боги?

Или погибнем?

Или другое начало есть наступление времени *последнего Бога*?

180

Следует развивать энергию вопрошания — т. е. желание разобратся, желание ясности.

181

Повторение XIX столетия идет полным ходом: историзм — лишь переложенный на пред-историю и др.

И сейчас люди не хотят обрести ясность существенных решений и то, что могло бы принудить к подобной ясности, — вопрошание.

Но предпринимаются попытки протащить в эти представления наполовину парализованного Ницше, и, наконец, все делается с безудержным привлечением всех технических средств.

182

Полная утрата какого-либо представления о тех предпосылках, на которых покоится существование (Dasein) созидателей, вообще ведет к ложной оценке в постижении сущего.

65

183

То, что шумит, не светит. А то, что никогда не светит, не может приводить к прояснению (*Verklärung*).

Лишь то обладает силой, что проясняет.

184

Философия? — Измерение глубины действенной основы (*Spielgrund*) бытия в мышлении; что означает здесь «мышление»?

185

Незаметный, но действенный путь к мельчанию — не позволять больше ничему расти.

186

Стиль сдержанности и последний Бог. (См. S. 70 и 72 сл.)

187

Медленно учусь в самом странном у великих мыслителей познавать их подлинную близость <мне>.

188

Ты должен выучиться стремительному устареванию, чтобы быть еще в состоянии оставаться у истока.

189

К истолкованию философии Ницше. — Поскольку, наконец, приходит понимание того, что учение

о вечном возвращении одного и того же не только в самом деле *есть* базовое учение метафизики Ницше, но и *должно* им быть, усилия в этом направлении исходят из круга «Бытия и времени». Здесь в первую очередь вообще становится зримой область для понимания базового учения Ницше. Но *все* истолкования недостаточны — поскольку они не осознают вопрос «Бытия и времени» как *вопрос*, т. е. не раскрывают его. Наконец, выход из положения обнаруживается в том, что Ницше якобы возвращается к началу западноевропейской философии; но это как раз его <Ницше> конец. И только теперь должен торжествовать лозунг: *Incipit principium!*²⁰

66

190

Если существует нечто вроде катастрофы в творчестве великих мыслителей, то она состоит не в том, что они «потерпели фиаско» и не продвинулись дальше, а в том, что они продвинулись — «дальше», вместо того чтобы *остановиться* у истока их собственного большого начала. История западноевропейской философии будет когда-нибудь усваиваться в этой перспективе. (См. S. 59.)

191

Наша гордость и благородство: вопрошание в области предельнейшего и глубочайшего и еще и прежде всего в «и» — в бытийствовании самого бытия. Это вопрошание бесполезно, мало того, для обычной деятельности просто помеха и, если оно разгорается, — опасность. Но наше вопрошание также, не

67

20. Начинается начало (лат.). — Прим. пер.

смотря ни на что, как вопрошание еще пред-варительно — оно только подготавливает. <Цель—> лишь снова сделать видимым царство достойного вопрошания; *основатели* должны быть более великими.

192

Слепцы и хлопотуны! Вы полагаете, будто «Ман»²¹ «здесь-бытия» (des Daseins) заменен теперь на народ — или может быть когда-либо заменен; посредством «народа» «Ман» только возвращается усиленным, а значит, и более завуалированным. А в остальном, однако, вопрос в «Бытии и времени» не имеет ни малейшего отношения к становящейся все более привычной в науке болтовне о «народности» (Volkstum).

193

Существенные моменты в «Бытии и времени» до сих пор еще не устарели, они пока еще не были «новыми», но их смешали с устаревшим и расхожим, сделав безопасными.

194

«Исследование <жизненного> пространства»²² — это что, новая базовая научная форма? Возможно, не плохо было бы когда-нибудь заняться также иссле-

21. Человек, люди (вообще), неопределенно-личное местоимение.

Используется Хайдеггером в «Бытии и времени». — *Прим. пер.*

22. [Имперское рабочее сообщество по исследованию жизненного пространства («Reichsarbeitsgemeinschaft für Raumforschung») было основано в 1935 г. как подразделение Имперского управления по региональному планированию («Reichsstelle für Raumordnung».)]

дованием *времени*, пусть и лишь в смысле обдумывания проблемы того, что в наше *время*, собственно говоря, с нами происходит. Или обрести ясность в этой проблеме никто *не хочет*?

195

68

Гёльдерлин — у меня тут вкралось некоторое упущение. Было бы достойней, если бы мы в следующие сто лет еще не произносили и не печатали в газетах это имя.

196

Как мало мы знаем о загадке и сущности *возможности*?

197

Важные мысли вновь и вновь прогонять через самые трудные вопросы.

198

Гордость — это возросшая решимость держаться в собственном сущностном ранге, который проистекает из <поставленной> задачи: уверенность в том, что себя-ни-с-кем-не-перепутаешь.

199

То, что мы вносим в предельную ясность простейшего и труднейшего формообразования (*Gestaltung*), может привести только к одному: возвышению сокрытого и усилению завуалированности в ее глубине. И чем прямее мы направляемся к ясности, тем увереннее за нами приходит и через нас уходит

69 сокрытое. И когда это «*через нас уходит*» поступает незатронутым в формообразование (*Gestaltung*), высшее достигнуто — (событие).

200

Постоянно в ходе решающих размышлений заявляет о себе один и тот же опыт: *нам слишком многое известно (kennen), а знаем (wissen) мы слишком мало*. Известно ли нам так много, потому что мы так мало знаем, или же мы знаем так мало, потому что нам так много известно? Или одно отношение попеременно поглощает другое, и что *тогда* здесь происходит; придем ли мы еще <в движении> по этому кругу к какому-либо свободному осмыслению?

Оставим известное и возьмемся за знание!

201

Мы ослаблены *историографией* (*Historie*), сделались нетворческими и малодушными и внешне подражательными — спастись мы можем только тем, что в своей лживости вызывает у нас отвращение [?], — *историей* (*Geschichte*) — и поэтому мы должны сделать ее лишь предварительно воздействующей силой. Это само по себе созидание, которое в истории — а не только в прошлом — позволит засиять новым солнцам. (См. S. 60.)

202

Кто смутно сознает кое-что о том величии воли, которое в изначальной сдержанности вынуждено сдерживать себя? Кто может еще постичь, насколько изначальна эта сдержанность должна быть передана (событию)? (См. S. 65.)

203

Быть может, новая *сущность* истины должна на длительное время сделаться сущностней, чем нечто истинное и то, что принимают за истинное; ибо сущность истины разворачивается только как *Da-sein*.

204

В той ситуации, когда все духовные цели исчезли, всякая воля к достижению цели ослабла, всякое мышление сделалось ненадежным и неясным, где все силы пребывают в сумятице и все уровни смешались и любая позиция кажется невозможной, — нельзя исходить непосредственно из какого-либо отдельного вопроса и целеполагания. В такой момент неизбежно осмысление <текущего> положения в широчайшем и глубочайшем смысле — это может выглядеть как окончательные похороны, невозможность-удержаться на ближайших мероприятиях и полях зрения, но одно это движение может дать основу для возросшей способности-к-остановке; что это за корень, который отмер и только торчит в земле, вместо того чтобы постоянно искать свою <глубинную> основу и все время заново промерять <ее>, все изначально захватывая <вглубь> — в темноту и непроходимость; только роя и углубляясь, он позволяет стволу <достичь> наибольшей высоты и быть готовым уверенно встретить бурю. Разумеется, не все есть для каждого — большинство, довольные или недовольные — всегда будут, однако, спокойно сидеть на ветвях, не ощущая соков, которые каждый миг поднимаются вверх по стволу благодаря корневому движению и беспокойству глубины.

205

В самой дальней поездке,
с самым строгим взглядом,
через самое простое слово,
в ладнейшей постройке,
к самой искренней игре,
для начального (события).

206

Необыкновенные эпохи, пусть их необычность и является лишь мерой упадка, нуждаются в самом странном.

72

207

Стиль есть самоуверенность «Da-sein» в его созидательном законодательстве.

К будущему стилю относится предельное осмысление стиля; само оно уже *есть* стиль, если совершается в пробных решениях и продвижении вперед. (См. Размышления VII²³, S. 76.)

208

Стремление рассчитать, чего философия может и вправе достичь, есть праздное занятие, если прежде *нет* философии; а потому имеет значение лишь *одна* забота, заключающаяся в том, чтобы она *была*; если когда-нибудь <это произойдет>, она останется наистраннейшей и притом наиболее ложно толкуемой в отношении способа ее воздействия.

23. [Martin Heidegger: Überlegungen VII–XI. GA 95. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2014, S. 53.]

209

Самый твердый, но и самый надежный оселок, свидетельствующий о мыслительной серьезности и силе мысли философа, — познает ли он немедленно и основательно в бытии сущего близость Ничто. Тот, кому это недоступно, стоит окончательно и безнадежно вне философии.

210

Вот что следует обеспечить для начала как *другого*: основательно знать все существенное первого начала и его истории и именно это тем не менее преодолеть; преодоление в принципе удастся лишь такому знанию, оно никогда не удастся путем одного лишь игнорирования; ибо *таким образом* мы попадаем, в бессилии отданные на откуп унаследованному, не только в пустоту, но прежде всего в подчинение к продолжающему свое воздействие *не-преодоленному*, теперь и подавно под видимостью само собой разумеющегося и само-очевидного. 73

Другое начало возможно только исходя из глубочайшего *исторического* мышления, которое преодолело всякую историческую науку (Historie). Но наиболее таинственное основание вопрошания вопроса о бытии как *исторического* лежит в том, что сейчас бытие как самое единственное и уникальное познается из (события) и основывается на нем.

211

Удастся ли изначальноейшее *освоение* (события)? И если это еще суждено грядущим эпохам, оно может удалиться только в *сохранении* (Bewahrung). Этим словом называют *действие по удерживанию* (das Han-

74 deln der Verhaltenheit), далекое от всякого усталого цепляния за доставшееся по наследству, но отдаленное и от всякого пустого продолжения только что схваченного. Сохранение есть в настоящий момент наивысшая сила, пока заданное лишь начинает <к нам> обращаться, а приданное толкает к столкновению. Сохранение есть тайна созидания. Сохранение обозначает то, что нами только *удерживается* в истории из (события), если мы сами являемся *удерживающими*, — сохраняя сплывание (Fug) и держась сегодня и так настойчиво в бытии.

Сохранение только как *Da-sein*.

Сохранение осуществления и история *удерживания*.

Из последнего получается первое.

212

Единственность бытия и необычность сущего — как они в их внутренней глубине из истины — просветляющего сокрытия (*der lichtenden Verbergung*) поднимаются в укрытое (*Geborgene*).

Как защита укрытого и тем самым поднятие происходит в сохранении как осуществлении удержания *Da-sein*.

213

Сохранение и забвение бытия.

Сохранение как собирание бытия во владение его единственности.

214

Насколько обычен и мелок сегодня воскресный день в городе; своеобразную смесь этой обычно-

сти и мелкости можно передать, собственно, только иностранным словом «ординарный».

215

В философии не *об*-основывается истинное лишь путем доказательств, но основывается сущность истины. Но что это за основание? До сих пор оно оставалось скрытым и появлялось лишь в искаженном виде и в ложном толковании «науки».

Основание как *Da-sein*; но последнее есть настоячивость в (событии).

216

Мыслительное усилие <для достижения> *другого* начала:

Темные, запутанные, непрорубленные ходы под землей; это вовсе не простой путь через поле весенним утром.

217

Там, где открывается великое как массовое и гигантское, там малое *настолько* мало, что даже не может *быть* малым, поскольку оно не видит истинную величину.

218

«*Бытие и время*» — это не «философия о времени», и в еще меньшей степени учение о «временной природе» (*Zeitlichkeit*) человека, но ясно и четко — *некоторый* путь к обоснованию истины бытия; *самого бытия*, а не сущего, а также не сущего *как* сущего. Руководящим является выступление в «тем-

поральность», ту, где изначальное время совместно бытийствует с изначальным пространством как развертывания сущности истины, ее отталкивающе-притягательных просвета и сокрытия.

Однако в первой редакции пришлось уничтожить неудовлетворительный 3-й раздел I части, посвященной «времени и бытию». Отзвуки этого, поданные в историко-критическом ключе, сохранились в лекции л<етнего> с<еместра> 1927 года²⁴.

219

Бесчисленное множество всего «случается» теперь ежечасно и сразу же публично оглашается бесчисленному <множеству людей>, чтобы в следующий миг быть забытым и замененным самой последней новостью, т. е. подлежащей забвению. Многое «случается», и возня вокруг планеты, которую они еще называют Землей, есть простой и единственный такой «случай», который беспрерывно пожирает себя и снова превращается в корм.

Многое «случается» (passiert) — и ничто больше не *свершается* (geschieht) — т. е. больше не принимаются решения, которые поверяются истиной Бытия, если только в этой области не отваживаются еще на полную жертву, чтобы в настоящей гибели узреть перед собой величие Бытия.

Но если бы только это разразилось — то, что все лишь случается и ничего больше не свершается, — как свершение (Geschehnis) и тем самым как *эта* нужда! *Первое* при этом *снова бы свершилось* (geschehen) — и история (Geschichte) сбежала бы из области

24. [Martin Heidegger: Die Grundprobleme der Phänomenologie. GA 24. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1975.]

случаев с их грандиозным видом в тихие средоточия непревзойденного великого.

220

Справится ли Запад с другим началом? Или он должен действительно сделаться Страной Заката, в сиянии видимости, как будто это утро, которое позволяет забыть хаос ночи и броситься в мнимый день?

221

Почему у меня в фамилии две буквы «G»? Разве не для того, чтобы я постиг, что остается постоянно значимым:

Добро (Güte) (не сострадание) и *Терпение* (Geduld) (т. е. высшая воля).

222

Если грядущей истории человека еще суждено быть историей, а не гонкой друг за другом самопожирающих случайностей, которые можно иногда удержать на миг лишь в оглушающем шуме, если история, а значит, стиль существования (Dasein), еще должна быть нам дарована, то это может быть только сокровенной историей великой тишины, в которой господство последнего Бога откроет сущее и придаст ему форму. Таким образом, нужно следующее:

Сначала над миром для земли должна воцариться великая тишина. Грядет она только из серьезности спора между миром и землей, пока серьезность отстаивания этого спора будет настроена на сдержанность как базовый настрой Dasein.

223

79 Кто сейчас не постигает, что *благодаря* его творчеству и *ради* него должно возникнуть и шириться одиночество, «жизнь» того <человека> не привязана к какому-то месту на этой земле, но всегда зависит только от перемещений разворачивающегося предпринимательства и связанных с ним обстоятельств и все больше нуждается в подстегивании посредством так называемых успехов для прикрытия беспочвенности и защиты от ей вызванного головокружения.

224

Действительная причастность к обновляющей воле немцев состоит только в растущем признании нужды и изначальном принятии предельных задач.

Ложная мера надежности: если этой меры достигают на основе внешнего единогласия в отношении распространенных в настоящее время учреждений.

Нет необходимости, чтобы те, кто в своих аферах и махинациях находят удовлетворение, а в своих «сообществах» — свое утверждение, еще что-то предчувствовали или даже знали о той изначальной чуждости к любой яйности (*zu allem Ichhaften*), которая должна заключаться — не как следствие, а как условие — в созидательных страданиях индивидов.

225

В чем мы нуждаемся в первую очередь? В понимании того, что только длительная готовность и растущее осмысление создают пространство и возможность для колеблющейся внезапности творческих мигнов.

226

80

Начальное мышление должно двигаться своим путем *без всяких* <указательных> знаков (*zeichenlos*). Только тогда, когда сохранение истины в сущем *выпадает* мыслительному основанию сущности истины, это мышление становится историческим и превращается в огонь силы истинного.

Само по себе оно ни на что не способно и должно выгореть, если не явятся те, кто снова раздует тлеющий жар. В этом смысл бесполезности философии.

227

Что необходимо сделать сейчас для философии? — Это следует из ее назначения к начальному мышлению и из осмысления ее теперешнего состояния (см. Подача²⁵.)

228

Только предельная будущность созидательного базового настроения в бездоннейшем «пространстве» земли и мира дарует поручительство большой истории. Всякая изначально созидаящая способность равно существенна для ее подготовки.

229

Тайна есть источник той истины, которая гарантирует нам великую широту принадлежности к Бытию и дарует неисчерпаемое. То, что перед этим казалось известным и покрылось пылью привычно-

81

25. [Heidegger: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). A.a.O., S. 167–224.]

сти, внезапно пронизывается волшебством сокрытой сущности сущего.

Скудость наших отношений к сущему, их подвластность всем поспешно <созданным> и предсказуемым (erregchenbar) учреждениям имеет свою причину в растущей неспособности к великому почитанию, которое исходит только из силы воспоминания. Но воспоминание никогда не является направленным назад застреванием в прошлом, а исходит из той будущности созидания, которая отвергает всякое пустое увековечение и находит в конечности своего назначения единственность сущности; она поистине переживет все лишь одно и то же и-так-далее и в свой час вновь возродится к единственности. Лишь однократное может оказать такое воздействие, что снова возродится единственное. Это глубочайший закон Бытия.

230

Не *провозглашение* учения относительно имеющихся в наличии людей, но *перемещение* сегодняшнего человека в скрытую от него нужду <из-за> безнужности. Это перемещение есть первая предпосылка для создания заново вообще какого-либо основания.

Философия никогда не может непосредственно руководить и предлагать помощь; она должна исторически подготавливать и находиться в готовности. С помощью чего и для чего?

С помощью важных областей вопрошания, решения и сохранения истины в сущем.

Для воли, которая подготовлена благодаря всему

упомянутому и сознательно стремится в виде истории к своему назначению.

И поэтому, видимо, философия *должна* исчезнуть из круга публичных и привычных притязаний и потребностей.

232

Философия есть бесполезное, причем господское (herrschaftliche) знание. (S. 39.)

233

Как хорошо, что ничтожное число <людей> столь редко хоть как-то догадываются об истине Бытия.

234

Не является ли безмерным и поэтому едва ли заметным заблуждением стремление возвысить существование (Dasein) и историю человека с помощью учреждений в их назначении и даже величии? Это заблуждение, ибо лишь формируемая (gestaltbar) вспышка единственности и странности Бытия в труднейшем приступе может закинуть человека на его высоту и сбросить в его глубину, чтобы так открыть ему время-пространство его «здесь». Все иное, что не имеет этого характера события, остается за пределами возможности обосновать сущностную историю; чем более колоссальным оно предстает, тем отчетливее оно является только затуманивающим оттягиванием давным-давно предопределенной неизбежной гибели (Untergang), которой недоступно стать переходом (Übergang).

83

Но какой должна быть гибель, чтобы она могла стать переходом?

235

Мы не только не обладаем истинным (что такое сущее и как оно есть, а мы — *кто?* сущие — посреди него). Прежде всего, мы не знаем *истину*; ведь мы даже *не хотим* знать сущность истины, ибо люди противятся вопрошанию; люди не доверяют ему как некоей колее в не-определенное и ссылаются на здоровую близость к «действительному» и к «жизни». И это, пожалуй, — самая коварная форма нежелания, <направленная> против сущности истины, и упорнейший вид оставленности бытием (*Seinsverlassenheit*). (См. S. 94.) Вопрошающие.

84

236

Ясность как поспешная прозрачность пустого и поверхностного или <же> ясность просветления — т. е. как воля к богатству и к глубине сокрытого — вопрошание как воля к борьбе за масштабы.

Растущее недоверие к вопрошанию подхлестывается скрытым страхом, что на пути вопрошания, возможно, пришлось бы встретить собственную неосознанную беспочвенность.

Вопрошание, однако, есть «самообезглавливание» — а именно беспочвенных, которые отшатываются при виде крепко стоящих на почве. (См. S. 93, 94 сл.)

237

Куда мы рушимся? Или это уже не обрушение, которое предполагает <наличие> высоты и глубины и может иметь собственное величие и даже свою победу — при условии, что рушащиеся в результате обрушения вновь приходят в себя, располагаясь

пред истиной Бытия. Уже не обрушение, а только еще занос песком и превращение в пустыню? Кто хочет определить направленность движения нашей истории? В последнюю очередь те, кто лишь цепляется за свое прошлое.

238

85

Кто мы есть? Знать это представляется ненужным, и лучше знать только, что мы *есть*. Но быть означает здесь быть-самим — опираясь на самость, ее терпеть; а потому наше бытие бытийствует всегда как у-себя или от-себя-прочь; во всяком случае в присвоении (*Zueignung*) себе, к чему и относится передача (*Übereignung*). Знать, *кто* мы есть, настолько необходимо, что без этого знания мы никогда не сможем решить, «есть» (*sind*) ли мы или только придумываем себя в не-сущем и там обнаруживаем как данность, подобно тому, как в *cogito — sum!*

239

Каково предельное решение? Принадлежим ли мы Бытию, т. е. <находимся ли> на повороте, бытийствует ли истина Бытия так, что это Бытие нуждается в нас — как в переменчивых основателях *Dasein*?

240

Подлинная *философская критика* всегда является осмыслением масштаба (истина Бытия) и только им. Ее никогда нельзя близоруко воспринимать как принижение, осуждение или даже выискивание ошибок.

241

86 Не подобает подлинному мыслителю пробивать дорогу своим мыслям и замышлять <для этого> соответствующие махинации, он должен обладать высшим мужеством оставить их, в полном порядке, такими, какие они есть.

242

Нельзя считать философией ту, что выносит в сознание лишь существующее и свершившееся, — она не может быть философией в век перехода, где должно осуществляться осмысление предельной необходимости решений — о принадлежности к бытию, а перед этим — об истине Бытия и сущности истины. Поскольку у нас вследствие духовного упадка слишком мало сил для этого осуществления и нам больше неведомы высшие масштабы, указанное осмысление должно быть сперва подготовлено. И так как для <принятия> подобных решений нужно время и они не могут быть рассчитаны по потребностям, необходима высокая историческая ясность, чтобы не вынудить <появление> преждевременного. Тот, кто приносит себя в жертву подобной подготовке такого осмысления, находится на переходе и, вероятно, забежал далеко вперед и не должен ожидать от сегодняшнего, как бы непосредственно насущно это ни было, никакого непосредственного понимания — во всяком случае только противодействия.

87 Но в осмыслении и через него неизбежно происходит то — все-еще-другое, — что собственно и нужно подготавливать, но что никогда не находило бы мест события, если бы не было просвета для сокрытого.

243

Точно так же, как подлинная философия никогда непосредственно не воздействует на «жизнь» и с точки зрения последней стоит в сторонке без всякой пользы — то ли как экстравагантность представления, то ли как тренировка сообразительности, — так же никогда не станет непосредственно постижимо, когда и как она действовала своим подлинным образом. Ибо, если это происходило, его сущностное неизбежно должно было между тем сделаться отчасти само собой разумеющимся; и сейчас философия и подавно оказывается излишней, поскольку само собой разумеющееся лишено памяти. Вот почему лишь немногие могут догадываться, что происходит в этой сокрытой истории Бытия.

244

88

Нарицания базовых позиций философского мышления всегда двусмысленны.

Таковыми можно было бы назвать мои усилия (см. книгу о Канте, заключительная глава) — <применительно> к «*Философии Dasein*». Однако это может только говорить о том, что в этом мышлении впервые подготавливается основание Da-sein и что само это мышление уже из этого основания — Da-sein — развиваясь, растет.

Но Da-sein и его основание требуются исходя из другого начала самой философии, из вопрошания ее базового вопроса об истине Бытия и сущности истины; лишь поскольку и если мои усилия, *таким образом* вопрошая, являются философией в другом начале, она есть философия Da-sein, которая требует оставить все прежние представления,

прикрывавшие это слово (наличие, действительность, экзистенция (Existenz) в значении existentia).

89 Поскольку в первой попытке способ *быть* *Da-sein* <здесь-бытием>, существовать, был теперь назван «экзистенцией», — не в последнюю очередь потому, что с помощью другого толкуемого слова *ex-sistere* можно было бы указать на ускользающий характер «здесь», — эта попытка получает название «экзистенцфилософии» в смысле Ясперса, который кьеркегоровское понятие экзистенции, понимаемое в моральном смысле, ставил в центр своего философствования (коммуникация и апеллирование).

Принципиально отлична от этого направленность «Бытия и времени». Понятие экзистенции хотя и является вместе с тем моментом *экзистентного* (вот почему забота), соотносится тут с *Da-sein* и только ставит его со стороны вопроса об истине бытия. Это вопрошание стоит в то же время существенно по-иному и изначально в совокупной истории западноевропейской философии.

245

90 Ни выдвижение «идей» и принижение их до «ценностей», долженствующих приносить пользу, ни сомнительный союз со слепой «жизненной действительностью» не принесут «обновления» философии. Она нуждается в необходимом другом начале. И эта необходимость — вынужденная глубочайшей и широчайшей исторической нуждой необходимость изменения сущности истины. Это изменение совершается подготовленным в мыслительном основании *Da-sein*, которое <основание>, в свою очередь, остается включенным в структуру вопроса о бытии как базового вопроса.

246

Философия в другом начале есть прежде всего основание (Gründung) без-дны как сиюминутного места <пребывания> истины бытия.

247

Чем огромней становится человек, тем меньше должна становиться его сущность, пока он, уже не видя себя, спутает себя со своими махинациями и таким образом еще «переживет» собственный конец.

Что это означает, что масса людей больше не удастаивается даже того, чтобы быть уничтоженной одним ударом; есть ли более сильное доказательство оставленности бытием?

Кто способен услышать отклик последнего Бога в таком отказе?

248

Может показаться, будто в эпоху перехода обзор предшествующего и грядущего также предстает яснее всего, поскольку знание об этом <дается> легче всего. Но верно обратное, при условии, что перед нами действительный (действующий) переход, а не такой, который только расчлняет «текущую ситуацию».

В действующем переходе предшествующее уже находится под ударами грядущего и еще несет с собой унаследованное. Здесь налицо единственная в своем роде давка и толчея прошлого и будущего; то, что осмысление (самого перехода на службе его воздействия) узнаёт о переходе, никогда не является тем, что в нем собственно происходит. И все же это осмысление — если оно действительно наступательное, участвует в этом происходящем.

И если это осмысление дойдет до предела и поставит перед решением сущность самой истины, то его воздействие потребует долгого времени и пойдет путями, которые само осмысление постепенно сделают неузнаваемым и излишним в его начальной форме (Aufbruchsgestalt), — но когда-нибудь оно вновь станет светочем того начала в немногих великих сердцах. <Все> начала (Anfänge) ускользают от любого желания их поймать; ускользнув, они оставляют <после себя> только зачин (Beginn) как свою маску.

92

249

«Мировоззрения» остаются за пределами области творящего мышления (философии), равно как и большого искусства. Но они представляют собой способы, посредством которых философия и искусство непосредственно созданы — т. е. приспособлены для использования, а значит, для злоупотребления со стороны первого встречного. Вот почему философия никогда не может быть «мировоззрением», как и не вправе даже думать о том, чтобы занять его место; ведь философия не может даже определить то или иное мировоззрение как таковое — но должна лишь терпеть то, что ею пользуются — или же ее обделяют.

Так называемые теоретические обоснования мировоззрений всегда являются поэтому своеобразной смесью полуфилософии и полунауки. Тут не хватает и серьезности мышления, и строгости исследования. Оба они заранее замещаются стремлением к непосредственному внедрению «мировоззрения».

А потому всегда остается ложный путь, когда подобные обоснования мировоззрения измеряются по меркам философии или науки, причем обе они коренным образом отличаются друг от друга.

93

Свою ценность они <обоснования> имеют лишь в пригодности для той пользы, которой мировоззрение как таковое служит. Но философия сама по себе бесполезна; а «наука» имеет по сравнению с «мировоззрением» хотя и определенную, но ограниченную пользу.

250

Исключительное не может бросаться в глаза, самое внешнее должно быть самым внутренним (das Äußerste muß das Innerste sein).

251

В сдержанности заложена молчаливая отвага.

252

Каким ужасным может стать рабство, возникающее из непосредственной зависимости, к которой обязательно приводят всякое соперничество и борьба?

Как обстоят дела с уверенностью народа в самом себе, если он утрачивает возможность охранять свое наиболее подлинное назначение как самое достойное вопрошания и, созидая, <все> переносить? (См. S. 84.)

253

Все меньше становится сил для великого одиночества как места учреждающего раскрытия бытия и тем самым также основы созидательной принадлежности.

Но если бы одиночество было лишь простым уходом в сторону, то не нуждалось бы ни в какой «силе» и никакой основе для себя.

254

Кто есть человек? Лишь животное, устанавливающее ценности, или только оболочка для «души», улетающей в вечность, — или единственное место истины бытия и отношения к сущему?

<Человек есть> то единственное, которому эта единственность так редко бросается в глаза и которому становится основывающей собственностью.

255

Вопрошающий ли ты? Один из рода тех, кто не колеблется и жаждет нового, кто в без-дне знает дно и стоит крепче, чем все, кого лишь убедили? (См. S. 62, 83/4, 102.)

256

Эти вопрошающие устанавливают новый ранг принадлежности к Бытию. Их союз — сокрытый от них самих — не знает числа, не нуждается в учреждении и подтверждении.

95

257

Полагают, что моя *Ректорская речь* не относится к моей «философии»; при условии, <разумеется,> что у меня такая есть. И все же в ней высказано нечто важное, причем именно в тот момент и в тех обстоятельствах, которые еще совершенно не соответствовали сказанному и спрошенному. Однако серьезная ошибка этой речи заключается в допущении того, что в пространстве немецкого университета имеется скрытое поколение вопрошающих, — в сохраняющейся надежде, что их мож-

но привлечь к работе по внутреннему преобразованию. Но ни прежние, ни за это время пришедшие не относятся к этому поколению. Самое наглядное свидетельство того, что они остаются исключенными из него, имеется теперь у каждого под рукой: они договорились между собой и нашли <друг друга> и прежде всего — занимались при этом своими делишками. Главный недостаток данной речи состоит в том, что я в ней этого не предполагал. Вот почему она также не могла быть понята. Кто мог бы мыслить настолько далеко вперед, чтобы понять, что само-утверждение — возврат само-бытия — необходимо основать на вопрошании о наиболее достойном вопрошания. Можно ли, как полагает простой рассудок, строить свой дом в расчете на бурю, на то, что лишь снесет его?

96

Технический характер — заложенный в сущность новоевропейской «науки», которая лишь опосредованно связана с греческим «знанием», — «технизацию» всего, в том числе наук о «духе», по сути никогда нельзя остановить с помощью каких-либо попутных «мероприятий». И здесь также кое-что катится или, лучше <сказать>, ползет к своему концу.

258

Родовая последовательность поколений может держаться столетиями, возможно, долгое время представляя таким образом в массовом количестве человеческие экземпляры, — но для этого не нужна история и нет необходимости быть народом, — ибо глубинный формирующий закон исторического народа сам ограничен во временном отношении лишь промежутком эпох. Знание о формирующем смысле кратчайшего пути не приводит к «пессимизму» —

97

совсем наоборот: высшая воля — вытянуть себя самого в высшие возможности, чтобы они переросли тебя.

259

Подняли ли уже вопрос о безысторичности, будь то с западноевропейской или с «всемирно-исторической» <точек зрения>? Если да, то вопрос этот по крайней мере следует поднять в виду наиболее громких и самых блестящих обстоятельств; безысторичность как нарастающее бессилие в отношении истории — происходя из нее и к тому же питаемая ею — мобилизует все, чтобы сознательно устроить небывалую демонстрацию историчности. Обсуждаемая безысторичность когда-либо меньше всего будет знать о себе и признаваться себе в этом. Но именно эта мнимая — в самом протекании частично еще принимаемая всерьез уверенность в себе — есть жутчайшее свидетельство того, что уже готовится та ясность опустошения, которая может рассчитывать на долгие периоды времени.

98

Или же видимость начинающейся безысторичности есть только признак исторического вступления в эпоху *перехода* к новому историческому дню Западной Европы? Когда осуществляется *переход*, любая воля к собиранию и любой шаг к осмыслению будут приниматься, какими бы предварительными и темными и слишком окончательно уверенными в самих себе они ни были; эпоха перехода, как ничто другое, требует широты исторического взгляда и понимания надвигающихся опасностей.

Не должен ли переход — для которого неизбежны извилины колеи, — с неперменной уверенностью в себе придерживаться своего дела, чтобы создавалось впечатление, будто это не переход, а уже сама

наступившая вечность. Разве не требуется эта уверенность, чтобы в целом выдержать переход? Разумеется, — но тогда требуются в той же мере, а может, в еще большей — пусть уже другим способом и образом — те, кто живет в полной неуверенности, подготавливающей будущее — в котором заранее осмысливается время-пространство великих решений. 99

В эпоху перехода, которая по своей сущности столь богата и столь темна, как никакая другая, — в такую эпоху предельные противоборствующие силы и явления должны объединяться исходя из более глубокого основания и нуждаться друг в друге: это уверенные в себе <люди>, которые пробуждают и осуществляют ближайшие и доступнейшие условия исторического существования (*Dasein*), как будто это и есть вообще главная задача, и вопрошающие, которые мыслят далеко вперед и подготавливают базовые условия созидания, в результате чего для объединенного народа только и устанавливается эпоха существования (*Daseinszeitraum*). Многие, которые как равные собираются для такого же дела и сотрудничества и взаимно поддерживают друг друга в своей незаменимости, — и немногие, которые в одиночестве приносят себя в жертву ложному истолкованию и тем не менее благодаря принадлежности к будущему подготавливают историю и осуществляют переход.

В подлинном и высшем историческом осмыслении перехода познается, что эти противоположности так же часто поочередно побеждают друг друга и должны, поскольку они по сути взаимосвязаны — правда, всегда только опосредованно, — достигать единства. Напротив, любая попытка соединить эти необходимо противоположные вещи и из противоположности создать единство через уравнивание оказывается не только ложным пониманием 100

исторических сил, но прежде всего их ослаблением. Единственное, что должно требоваться, это путь и своего рода осмысление, в котором эта противоположность понимается настолько широко, что ее не тормозят и не разрушают внешние меры с одной стороны и отстранение — с другой. (См. «О событии: Отзвук: оставленность бытием»²⁶).

260

В чем тут дело, почему вопрос об истине Бытия не находит понимания? Потому что его не принимают всерьез, а это — потому что нет никакой причины относиться к нему серьезно; и нет никакой причины, потому что доступ к этому, эта бездна, — не открыт — т. е. <в этом> нет *нужды* — сейчас время безнужности.

261

Неужто *знание* сегодня столь бессильно, как кажется, и главное — только «дело» (Tat)? Или же видимость бессилия знания является только прикрытием необычной разнузданности *мнения*, того полужнания, которое якобы проникает в суть вещей, и одновременно всякий <человек> все же легко избегает принятия первых решений, спасаясь при этом бегством либо в дела, либо в учительскую проповедь. Полузнание допускает только это «или — или» и проявляет себя ненавистью ко всякому вопрошающему осмыслению. Оно не знакомо с изначальными областями решения о принадлежности и непринадлежности к Бытию.

26. [Ebd., S. 108ff.]

Полузнание выглядит одновременно как подлинная «вера». А в конце концов оно необходимо как базовая форма, уводящая от подлинных бездн.

262

Более трудным, чем свершающееся мысленное вопрошание, является знание о том, что оно есть и должно оставаться.

263

102

Кто эти <люди>, которые учреждают Бытие и мыслят истину Бытия? Чужаки в сущем, странные для каждого, хорошо знакомые только с тем, что они ищут; ибо в искании есть бездоннейшая близость к находке, к тому, что в сокрытии себя лишь манит нас. (См. S. 93 сл.)

264

Кому под силу по-настоящему совместно обдумывать, например, тему бытия к смерти²⁷ и работу «О сущности основания»²⁸, а ту и другую — с докладом «Гёльдерлин и сущность поэзии»²⁹, т. е. постигать изначальные и невысказанные связи — между сущностью *Бытия* и ее основанием в *Da-sein*, — тот выйдет на путь к тому, на что направлены мои поиски в дальнейшем. — Внешнее сопоставление использованных понятий не особенно поможет, оно,

27. [Heidegger: *Sein und Zeit*. GA 2. A.a.O., S. 314ff.]

28. [Heidegger: *Vom Wesen des Grundes*. GA 9. A.a.O., S. 123–176.]

29. [Martin Heidegger: *Hölderlin und das Wesen der Dichtung*. In: *Erläuterung zu Hölderlins Dichtung*. GA 4. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1981, S. 33–48.]

вероятно, предоставляет желанную возможность вычислить противоречия. Никогда нельзя предустанавливать результаты для здравого человеческого рассудка и его вечности, но отыскивать *путь* через бездну — и идти.

Упрекать «Бытие и время» в том, будто в книге не приведены и даже вообще не названы «народ» и «народная общность» как «смысловой центр», равносильно, примерно, тому, как доказывать, что какая-нибудь елка не обладает мощностью спортивного автомобиля. В конце концов, елка сама по себе все еще обладает такой способностью, которая совершенно недоступна спортивному автомобилю, сколь бы шумной и мощной ни была его езда. Так и «Бытие и время» стремится к тому, чтобы, оставаясь в тиши, захватывать гораздо дальше, чем всякая болтовня о «народе» в «мнимой философии», внезапно с излишним рвением превратившейся в «националистическую» (*völkisch*).

Какое будущее принесет «философии» давно уже длящийся очевидный упадок мышления: какое-то время будет здесь разглагольствовать шайка развязных (*zuchtloser*) мнимых философов, изолированная от всякой подлинной традиции, но без разбору ворующая все достигнутое; лишенная уверенности, которую дает профессиональная деятельность, без всякого стеснения и способности к почитанию; не считаясь ни с чем, падкая на мишуру собственного тщеславия; уносимая облаком шумной болтовни. В этой пустыне тихий рост будущих немецких мыс-

лителей должен, возможно, скорее всего найти себе защиту — благодаря своей неузнаваемости — и стать готовым к повторному вхождению в великие истоки и начала, с которыми никогда не соприкасались упомянутые мнимые существа. 104

267

Нашего знания всегда хватает лишь настолько, насколько настойчивость в *Da-sein*, способность к сохранению истины проникает в оформленное сущее. Кантовская «Критика чистого разума» пред-восхищала эту связь, не имея возможности ухватить ее как таковую и даже привести к основанию (поворотное (*kehrtigen*) отношение *Da-sein* и бытия).

И поскольку это основание не было основано, данная критика осталась без-основательной и вынуждена была испытать, как вскоре через нее и с ее помощью в немецком идеализме было продолжено движение к абсолютному знанию.

268

Мое вопрошание: только усилие основать *Da-sein* как основу истины Бытия. Но остается лишь указание на необходимость и пути такого основания.

В свете этой задачи прежняя история философии сосредоточивается в ясную простоту немногих шагов. И все же насколько искажено и напластовано беспорядочными «проблемами» это сущностное. Найдём ли мы еще раз <дорогу> туда? Является ли неохота к мышлению и отвращение к нему только вдохом перед новым прыжком? Тогда нужно будет выдержать опустошение, пусть оно и подтачивает силы. Жертвы этой победы не нуждаются в памятнике, они должны оставаться примером ве- 105

ликой тишины, в которой во времена, неподвластные нашему измерению, некогда вновь закрутится «колесо Бытия», чтобы затем опять надолго остановиться.

269

Мы не можем *знать*, что в принципе с нами происходит; подобное знание еще никогда не было даровано ни одной исторической эпохе. То, что подразумевается под знанием, есть всегда совершенно иное по сравнению с тем, что происходит <на деле>. Но мы должны схватывать двоякое и понимать в его единстве <следующее>:

во-первых, утрате корней в Западной Европе (des Abendlandes) <следует> противопоставить противодействие и затем одновременно подготовить высшие решения исторического Da-sein. Указанное 106 противодействие по типу своего наступления и своих притязаний совершенно отлично от этой подготовки. Оно нуждается в непосредственной вере и несомненности (Fraglosigkeit) вмешивающегося встречного действия. Последнее должно стать изначальным вопрошанием, весьма предварительным и почти — с той точки зрения — бесполезным. Нет необходимости, да это, видимо, просто невозможно, чтобы и то и другое одновременно совершалось исходя из высшего знания. Причем вероятно, что в поле зрения противодействия, считающего себя новым основанием, всякое вопрошание должно будет отвергаться как устаревшая позиция.

И все же — лишь когда подготовка предельных решений создаст себе основанное пространство — как поэзия (Dichten) и вообще как искусство, как мышление и осмысление — лишь тогда грядущая история будет чем-то большим, чем только про-

должением родовой последовательности поколений в более или менее сносном «жизненном» кругу.

270

Конец истории. Сама история по своей сущности конечна, поскольку относится к Бытию. Конец истории разражается тогда, когда она гибнет из-за себя самой. Это происходит тогда, когда относящееся к истории лицедейство обращается на нее саму. 107

Коварство театральной эпохи (ср. эпоху позднего Рима) состоит не в том, что все обращается в показуху и шумиху, что на пути через это только и делает себя значимым «действительное», — но в том, что на этом пути предусмотрительно заботятся о том, что одно только имеет право оставаться в исторической «памяти» — именно все, что удовлетворяет <требованиям> этого «театрального действия».

Лишь когда подорвана всякая изначальная и еще ставящая под вопрос память и когда тем не менее столько говорится об истории и ее вечности, как никогда прежде, история устремляется к своему концу.

Или же в этом происходящем (Geschehen) вновь имеется другое начало — эту возможность мы не только должны оставить открытой — но осуществлять и вопрошать, ибо мы не можем дерзновенно полагать, что исчерпали сущность истории?

Не относится ли к историческому существованию (Dasein) и то, что мы отстаем от истории?

271

108

Отставать от времени (Zeit) — да, конечно, вот только как и где? Тот, кто оценивает «время» только по соответствию своему современному, а потому об-

ращается к предыдущему своевременному и там застревает, становится несвоевременным. Но тот, кто остается *там*, <где лежит> основа «времени» и своевременного, — идет впереди времени. Он не беспокоится из-за видимости «реакционера», которую легко приносит с собой подобное отставание, но не возвещает и притязания на то, чтобы быть подлинным носителем будущего, — а остается по-своему в сфере того основания истории, которое <еще> надо создать, — ведь мы никогда не можем заранее знать, какая форма публичной истории выростет из скрытого основания.

272

Быть вблизи богов — будь эта близь отдаленнейшей далью невозможности решения относительно их бегства или прибытия — это нельзя относить на счет «удачи» или «неудачи». Само постоянство Бытия несет в себе свою меру, если оно вообще нуждается в какой-либо мере.

273

То, что «наука» теперь делается «политической», есть лишь следствие ее глубиннейшей новоевропейской, т. е. *технической*, сущности. (См. S. 116.)

274

Слишком ли мы стары для уже нового
или слишком новы для еще старого?
Или же мы находимся между всеми как переход?

275

Что такое исток? То, что мы не знаем — ни его «откуда», ни его возраста?

276

Если сегодня мы еще можем решить, что́ есть собственно сущее, то вопрос о собственно сущем становится для нас нуждой (Not)? Существует ли вследствие этого еще возможность великой судьбы, или же все катится в нерешимости, одурманивающей саму себя махинациями, навстречу концу, для достижения которого, возможно, еще потребуются столетия?

277

Многие считают, что уравнивание и нивелирование и вместе с этим понижение всех уровней в общее обыкновенного (in das Gemeinsame des Gemeinen) действует благодаря избытку «организации». Это заблуждение.

Организация сама в своем виде и форме осуществления всегда только следствие знания и желаний сущностного. 110

Не-желание сущностного и единственного — вот причина упадка. И это нежелание и отвращение по отношению к любой ясности в первых решениях уже на целые столетия старше, чем все, на что способна современность.

Для преодоления и преобразования этого отвращения понадобится поэтому и в будущем несколько поколений и смен поколений, если только оно <преодоление> вообще может вновь начаться.

111 *Машина и махинация* не знают ни памяти, ни даже воспоминания. Там, где царят махинации — а они сильнее всего господствуют и лучше всего скрыты там, где существование (Dasein) должно поддерживаться и продвигаться вперед с помощью «мировоззрения», — будет поэтому скорее всего распространяться *иллюзия* исторического воспоминания. То, что это только иллюзия, проявляется в том, что пред-история значима точно так же, как история, подобно тому, что заимствовали из XIX века, изменив практическое применение. *Воспоминание* же встречается лишь там, где прошлое любят, т. е. желают и знают как еще бытующее, чтобы поставить под вопрос будущее и приложить к нему мерку.

Но тот, кто — «реакционно» по отношению к будущему — выступает только за «традицию», испытывает такое же отвращение к осмыслению, как те, которые слепо верят в новое и достаточно утверждают уже достижениями в сравнении с прежними.

Вечно вчерашние и вечно завтрашние совпадают в главном; в том, что они с непревзойденной уверенностью уклоняются от всякой проверки в решающем — в вопросе: основано и обосновано ли Бытие и где именно.

112 *Молодое поколение* вправе называться молодым лишь в том случае, если оно запретит себе это уклонение исходя из своей глубочайшей воли к существованию (Daseinwille). Если оно не способно на это, если оно даже не способно услышать и воспринять указание и принуждение к этому, то его старческая природа непреодолима и может быть лишь слегка прикрыта хвастовством в кругу тех, кто хочет только «покоя» либо подтверждения своего «прогресса».

279

Убеждения (*Gesinnung*) без организации (*Einrichtung*) бессильны, организация без убеждений — деспотична.

Убеждения и организация должны изначально вырастать из *осмысления* (*Besinnung*), из того вопрошающего знания, которое, будучи сущностным знанием, уже есть воля — но остается бесполезным в сравнении с желаниями махинатора (*Wollungen des Machenschaftlichen*).

Нашей эпохе не хватает силы и дисциплины осмысления, а также спокойствия и умеренности. Почему? Потому что она в глубочайшем, скрытом от нее самой основании больше не хочет осмысления? Но осмысление восходит к истине Бытия, требуя, чтобы более изначальная сущность истины обосновывалась как первое, вновь решающее Истинное (*Wahre*).

Но разве это не дерзость, желать обосновывать сущность истины изначальнее и снова? Не принимает ли сущее, которое теперь увязло в махинациях, свое неумолимое течение, вне зависимости от своей истины?

Не обрушилось ли на Запад последнее умирание богов? Лишь тот, кто задумается об этой предельной возможности, способен измерить нужду, которая кроется за сегодняшней историей, где, кажется, бессильное и деспотичное одновременно определяют закон движения.

113

280

Пробудить осмысление, вторгнуться в него, подготовиться к нему — только это важно, чтобы нисхождение-гибель (*Untergang*) стало переходом

(Übergang). Отбросить назад все прочее ради этого одного: *осмысления*.

281

Был ли прежний путь от зарождения «Бытия и времени» (1922) чем-то кроме поиска и развертывания территории и перспективы для предельного осмысления — истины Бытия? И чем иным может быть для нас грядущее, как не осмыслением в *той же самой* позиции с усиленной изначальностью, пусть и вплоть до изнурения; ибо мгновения осмысления уникальны. Если пропустить его исторический час, то все откатится в слепоту само собой разумеющегося, и это — самая жуткая бездна.

282

Кто предвидит еще ликование и ужас принуждения со стороны той нужды, которая забросила человека как забрасывателя истины Бытия в будущее?

Какой благодатью является растущее презрение к любой философии — к осмыслению истины Бытия!

Не повергнет ли это однажды некоторых немногих в безмерный ужас и не выгонит ли на край бездны, чтобы постичь кое-что о возможности основания и таким образом быть принужденными к вопрошанию — поиску основания?

283

Слишком мало задумываемся мы об участи тех одиноких, которые на передовых постах, якобы ничего не произведя и не совершив, пали без озарений и просветления. И насколько велико их число и на-

сколько забыты их имена и жертвы, в частности. Чего здесь требовал от народа Бог нашей истории? И все же — сколь редки в сравнении с этими павшими великой войны те, кто пал одиноко на пути осмысления, бросая наброски в *πόλεμος* <за> истину. Или тех немногих уже слишком много для нашей слабой памяти и сохранения их сущностного преобразования? Как нереальны и далеки от истории все исторические сообщения о наших поэтах и мыслителях и тех единственных среди них, которым суждено было пасть на кратчайшей колее? Удастся ли нам поставить грядущее поколение перед <образами> этой исполненной тишины и одиночества истории нашего народа?

115

284

Мышление мыслителя есть *размышление* <о чем-то уже имеющемся>: он мыслит вослед Тому, что перед этим сочиняет поэт. Но творческое решение размышляющего мыслителя заключается в том, чтобы найти *того самого* поэта и так понять его, чтобы он предстал как тот, о котором нужно размышлять. Но это размышление, в свою очередь, не состоит в переводе-на-язык-понятий того, что перед тем было изложено поэтически, — как размышление <вослед> оно должно следовать по указанной колее, т. е. сначала проложить и основать эту колею и тем самым одновременно возвратить поэта и его произведение в ее неповторимость. Я говорю о Гёльдерлине. (Сегодняшние добродушные — зловредных предоставим самим себе — полагают, что мое высказывание о «Гёльдерлине и сущности поэзии» следовало бы воспринимать как давно ожидавшуюся пробу того, как «мою» философию» можно применить к литературоведению и вооб-

116

ще к наукам о духе и искусствоведению. Бедные — Гёльдерлин как подопытный объект для «философии» и ее службы «науке»! До чего мы дожили, если подобные мнения еще являются доброжелательными?)

285

«Философия» никогда не унижится до задачи и претензии на то, что нужно, мол, создать «мировоззрение», а господствующее надо «обосновать» и «сформулировать». «Мировоззрение» лишь в том случае имеет о себе ясное представление, если в философии — причем в настоящей — видит *противника*, к тому же сущностно необходимого для нее.

Учителя мировоззрения и мировоззренческого писателя не следует путать с философом. Философия должна всегда представлять опасность для «мировоззрения» (ср. Средневековье); но философская *ученость* не должна вредить мировоззрению своими глупыми претензиями. Соперничество философии и «мировоззрения» есть на глубоком уровне их взаимная сплоченность (см. S. 99), при условии, что оба они не искажают свою сущность извращенными целеполаганиями.

286

Почему *переходящие* (совершающие и подготавливающие переход) должны быть *погибающими, нисходящими*? Потому что дуга перехода, которая должна парить над прошлым и грядущим, не терпит прямолинейного движения на длинных отрезках пути, но как элемент кривизны нуждается в изогнутой краткости постоянного изменения и тем самым в кратчайшей колее.

287

Ищущий утешения приуменьшает и ложно толкует <свою> жертву.

288

Если только немногие однажды противопоставляют здесь-бытию (*Da-sein*) *последнего Бога* как место мига, в котором Бытие вновь нуждается в сущем для труда и жертвы (*zu Werk und Opfer*), конец истории отбивается назад в величие ее начала. Вот почему всякое осмысление должно быть значимо для одного: подготавливать этих немногих — опосредованно и долгими окольными путями, — в ком истина Бытия собирается в тихий свет сдержанности.

Всегда кажется, будто историю мыслят более великой и сильной те, кто уверенно сулит ей вечность, а то и не одну. И все же таким образом они похищают у истории внутреннюю сущность единственности и неизбежно ограниченную длительность. Они лишают ее конца как уникальности собрания в <не-что> последнее. Люди сулят себе некую пошлость <постоянного> продолжения — «и так далее». Но это представление отвечает только желаниям масс, которые лишь таким образом могут «мыслить» за пределами-себя, да и должны это делать для обеспечения постоянства <своего существования>.

118

289

Наша история идет к концу или уже приблизилась к нему, если только вновь не придут к власти те *немногие*, которые *само Бытие* и его *истину* знают лишь ради него самого и претворяют <это знание> в *произведение* (*Werk*). Но поскольку люди хотят опре-

делять знание исходя из узкого горизонта «науки» и поскольку они, что вполне нормально по отношению к уже «технизированной» науке, «науку» делают политической, то *не-желание* прихода того изначального знания к власти кажется началом подтверждения конца, который как таковой, однако, еще может иметь «будущее», продолжающееся столетиями (см. Китай). (См. выше S. 108.)

119

290

Бесконечная «политизация» всех «наук» и их «мировоззренческое фундирование» (*Unterbauung*) вполне нормальны, при условии, что люди не желают более слышать о *сущностном* знании и уклоняются, ведомые сплошным «героизмом», от того, что наиболее достойно вопрошания.

Но кто из знающих удивится тому, что сейчас только «служащая народу наука» считается «близкой к действительности» и, наоборот, всякое вопрошание, особенно о наиболее достойном вопрошания, презирается как бесполезное, а то и вызывает подозрения в разрушительности? Ибо — что принимается за «действительное»? Что является «действительным» на простой — якобы неиспорченный вкус человека, который каждую неделю ходит в кино?

291

То, что сегодняшняя «наука» вообще *может* быть превращена в «политическую» науку, предполагает *технический* характер новоевропейской науки. Превращение науки не преодолевается этим превращением, но, напротив, лишь тогда и вступает в свои права и доводится до конца. Вот почему в *сущностном* смысле «новое» в науке не может больше воз-

никать, новое есть только направление применения. И даже если применение вдруг прекратится и снова будет осознана необходимость «теории», эта «теория» больше не принесет изменений в науку, в том смысле, что сущность знания формировалась отсюда изначально, поскольку имеющее силу «действительное» в целом не ставится под вопрос, но используется как бесспорное. 120

Чего может добиться и что еще должно делать *философское осмысление* в пределах университета, стоящего на службе только науки? Чем «научнее» становится университет, тем окончательнее должен он упразднить «философию». Философская ученость, однако, все еще может иметь некоторую пользу, поскольку она ведь не философия, а сродни «науке», — в связи с чем сейчас «ученые в области педагогики», не имеющие никакого касательства к философии, вполне «нормально» «представляют» («vertreten») «философию» — чтобы не сказать растаптывают (zertreten), ибо тут уже нечего разрушать; и однажды прежние и теперешние «представители философии» придут к единодушному мнению; ведь ничто так не способствует тесному объединению, как одинаковая защита от того же самого, что здесь еще могло бы представлять угрозу, — философского *осмысления*. И вот всё со всех сторон в университете успокаивается, и нужен только честный человек, который однажды воспримет это учреждение как то, чем оно *является*, — как объединение профессиональных школ с направленностью и *уклоном* — universus — к одному — пользе. 121

Насколько далекой от мира и невозможной кажется теперь попытка вернуть «университет» к задаче исконного обоснования знания как основы науки, привести его к необходимости изначального вопрошания? Как могла еще возникнуть вера в то,

что подобный «институт» *стремится* осуществить само-утверждение знания и может даже стать законодателем?

Почему же стала возможной такая ошибочная самооценка? Потому что не хватило мужества для того, о чем я уже знал, для серьезного отношения к «Бог мертв», к оставленности бытием в сегодняшней видимости сущего, ибо мужество для того, что мы уже знаем, как говорит Ницше, очень редкó.

122

292

И все же — сущностное нашей истории, удаленнейшая близь последнего Бога, всем этим, сколь бы оно так или иначе ни «развивалось», не затрагивается. И поэтому высшее обладание, а также ищущее пребывание в его близости и указующая подготовка готовности будущих <людей> для последнего Бога, остаются недостижимыми. Любой шаг мышления и любое сказывание относится только к этому указанию, и скорее всего там, где дозволяется хранить молчание о сущностном.

И что можно было бы сказать уже в этой предшествующей области подготовки Бытия, если бы тут были немногие соучастники сказывания, которые благодаря требованию высшей дисциплины знания разжигали вопрошание. Но где они? Сколь великим должно еще стать одиночество? И это не нытье и не жалоба, но только знание о необходимости. И даже те со-вопрошающие появились бы, если самое предварительное указание на наиболее достойное вопрошания не должно было бы сперва отбрасывать на каждом шагу засыпающее всё бремя традиционного, чтобы таким образом истощиться в разгрузке, расчистке. И наконец, можно было бы добиться и этого, — если бы в конце на всё не обруши-

123

лось и не разрушило извращение и ложное толкование глубиннейшего желания, перетолкование <всего> в «психологическое», неспособность освободиться от «переживания» и выдержать *Da-sein*; <а также> жажда всё представить только как «личное» достижение (или же как неспособность) и всё свести к явной зависимости от прежде «уже» помысленного. Это самое жуткое. Исходя из этого решительнее всего, ибо незаметнее всего, любому труду заранее отказывается в рабочем бытии. Если мы захотим вновь найти дорогу к истине Бытия, все будет определяться отказом от переживания и вхождением в *Da-sein*.

Но как бы ни бушевала разнuzданная фальсификация всего, знающему еще остается первозданный покой гор, спокойное сияние ранней мессы, безмолвный полет сокола, светлое облако в огромном небе — то, в чем уже высказалась великая тишина отдаленнейшей близи Бытия.

Источник у комнатной вазы

124

Чистое истечение ручья из сокрытого основания горы.

единственно задача —

не беспокоясь из-за злоупотребления —
не обращая внимания на ложное толкование
с безразличием к безрезультатности.

Поодаль от всякой возни
никаких попыток непосредственно помочь

оставаться непроницаемым; маска.

5 июля 1936.

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

Истина 70, 83

История 106

К философии. О событии (Beiträge zur Philosophie.

Vom Ereignis) 61

«Метафизика» 39, 46

«Мировоззрение» 92, 116.

Наука 52, 118

Переход и начало 90 сл.

Поэзия и мышление 115 сл.

Стиль 65, 70, 72, 78

Философия 39 сл., 82

Философия Dasein 88

Размышления V

*Намеки,
продолжающие
ранее намекавшееся*

Прилаживаясь к ладу Бытия (in die Fuge des Seyns),
пребываем в распоряжении богов.

Осмысление истины
Бытия это первое заступление
на пост стражи,
<охраняющей> тишину прохождения
последнего Бога.

Последний Бог — не конец, но *другое* начало безмерных возможностей нашей истории.

Ради него не должна околеть дрящящая до сих пор история, а ее следует довести до конца, т. е. ее просветление должно быть сопряжено с переходом и готовностью.

Последний Бог: подготовка его явления есть предельное дерзновение истины Бытия, в силу этого дерзновения только и удастся возвращение сущего человеку.

Принадлежа ему — осуществить *другое* начало...
(См. S. 30/31.)

Эпоха полной безвопросности (*Fraglosigkeit*) всех вещей и махинаций началась. Поток «переживания» нарастает.

Философия: вопрошающее выкликание наиболее достойного вопрошания (Бытия) становится самым странным.

А потому она является самым необходимым, если должно прийти *другое* начало.

Мощнейшая форма (Gestalt) необходимого — простое.

Дерзнем подготовить простейший вопрос об уникальном — о Бытии.

С исторической точки зрения так начинается преодоление «метафизики» в пользу истины Бытия.

1

3

Что происходит? Разрушение земли — поочередное взаимо-подкарауливание народов и обдeldывание делишек без всякого смысла и цели — *без воли* <к достижению> какой-либо цели, — ибо самосохранение народа не может быть целью, но должно всегда быть только *условием*; и даже оно лишь тогда в состоянии быть условием, когда воля <к достижению этой цели> — истины Бытия — находится раньше и стоит на первом месте и сияет как изначальное долженствование, а не осуществляется как нечто сотворенное. Также нельзя сказать, что вначале надо обеспечить выполнение условия, а затем наступает очередь целеполагания, — нет, борьба за цель есть первый и обязательный <момент>. Иначе все усилия <по созданию> «культуры», являющейся по сути уже поздним явлением, чистой махинацией, и суета, которую мы «проживаем», — «недели культуры» — отвратительное, неосознанное или сознательное подражание «неделе скидок» в универмаге. Разрушение земли в видимости *гигантской*, каждый день новой небывальщины, преодоления любого сопротивления; исчезла любая способность робеть перед скрывающимся.

4

2

Где мы находимся? На краю предельного отчаяния? Да — но для того, кто это место на мгновение выдержит, здесь и только здесь есть еще полный свет свечоточа Бытия, в котором укрывается последний Бог.

5

Является ли Da-sein только мимолетной зарницей, которая промелькнула над землей, вылетев в некий мир из бездны, спорящей (streitet) между миром и землей —

или таинственнейшая земля и предельно открытый мир становятся сущими лишь в «здесь» Da-sein —

или же ни то, ни другое или же оба, так что мы никогда в достаточной мере не познаем истину Бытия, уносясь (как мечта о призраке) в нашем желании основывать —

или это — этакая робость перед потаенным внутренним обращением к сущности вещей — нежнейшая <суть> Da-sein и сияние намека на отдаленнейшую близь Бытия?

6

В чем основа аристократического благородства, если не в прирожденной уверенности в возможности быть только тем, что издавна является нашим предназначением? 3

7

Когда белые башни из облаков вырастают в просторы небес.

Когда мрачные дни отпугивают всякое сияние просветления и вся ширь сжимается в скудость узости привычного, тогда сердце должно оставаться источником света и простора. И самое одинокое сердце совершает самый дальний прыжок в центр Бытия, когда вокруг шумит видимость не-сущего.

8

Другое начало есть в первую очередь и только лишь пробуждение воли к *вопрошанию* и решимость пасть на этом участке вопрошания. Когда немцы, наконец, захотят понять, что эта тяжелейшая борьба им все еще *предстоит* и что для этого еще не выковано даже самого примитивного оружия. Но люди снова пройдут мимо предостережений (Mahnmal) великих вопрошателей — ведь люди бодры и веселы из-за обладания «истиной» и могут держать от себя подалеже вопрошание как сомнительный признак слабости или вообще отказаться от него.

9

Если бы удалось воспламенить *вопросом* об истине, т. е. о бытийствовании истинного, тех немногих, которым дано — как поэтам, мыслителям, художникам, <разного рода> деятелям, — вырвать немцев в пространство, где истина является наиподлиннейшей (die Wahrheit das Wahrste ist).

Если бы только удалось вызвать — в несколько этапов — отдаленный толчок к этому вопросу.

Но кажется, что имеются только два лагеря: в одном болтаются многие, держащиеся за свою веру, будто они пребывают в абсолютном облада-

нии истинным, а все остальное нужно делать только для распространения и укрепления этой веры; в другом влачится множество, погружающееся в пустую раздражительность и нетворческое ожесточение и лишь цепляющееся за прошлое.

Но где же те немногие, для которых глубочайшая нужда сущего превращается в ликование от изначальной принадлежности к Бытию, потому что они *знают*, что всякий исток должен быть мощным и что мощь столкновения во всем Бытии есть источник высшего спора? (См. S. 106 сл.)

5

Лишь тогда, когда *это знание* превращается в произведение художника, в высказывание мыслителя, в слово поэта, может еще раз явиться некий Бог, которому *нужен* народ, чтобы основать Бытие на истине сущего.

Значит, нужны такие люди, кто размышляет об этой необходимости и дает толчок для осмысления и не мучается из-за ложных толкований назначения их краткой колее.

Лишь *тот* народ, который берет свое начало из такой необходимости, и есть народ. (См. S. 35.)

10

Великие эпохи истории никогда не «имели» «культуры» и не «делали» ее, они молча переносили необходимости творчества, сопряженные со страданиями.

«Культурная политика», если вообще «культура» может считаться мерилom исторического существования (Dasein), является признаком бескультурия (Un-kultur). «Культурная политика» — последнее прикрытие варварства.

6

11

Почему сейчас повсюду на земле отсутствует готовность к знанию <о том>, что мы не обладаем истиной и снова вынуждены вопрошать?

12

Притязание и доля в формировании вещей сегодня распределены странным образом — является ли это признаком того, что протаскиваются лишь махины гигантских масштабов, причем осуществляется много полезного и такого, чего прежде не бывало и как минимум не могло быть осуществлено? Но является ли это свидетельством о <наличии> творческого духа?

13

7 Тот, кто пожелает приблизиться к великому в деле, самопожертвования и деянии, должен прежде постичь свободу всякого величия; а это означает: он должен прочувствовать необходимость, которая являет себя только из понимания самой сокрытой нужды, а последняя подстегивает страданиями и болью к просветлению и подготавливает к осуществлению. (См. S. 17.)

14

Мать — мое простое воспоминание об этой благочестивой женщине, которая без всякой досады выносила путь сына, *якобы* отвернувшегося от Бога, <многое> предвидя и предчувствуя.

15

Самые ранние, по направлению к кому мы созидаем, являются поколением, *следующим через* одно после нас. От них исходит новая будущность, поскольку *они* в то же время и впервые осуществляют вновь великое творческое вспоминание нашей сущностной истории. Подготовить ради этих следующих-через-одно — возможно, будущих <адептов> Последнего Бога — <хоть> малый толчок — вот что придает сегодня Da-sein его необходимость.

16

8

Скоро будет *праздноваться* 50-летие <создания> «торпедного катера». Что же тогда будет с предполагаемым мероприятием по поводу, например, 100-летия со дня смерти Гёльдерлина, если даже эта дата <50-летие «торпедного катера»> несет в себе нечто двусмысленное и неудачное? А вскоре наступит 50-летие <создания> «мотоцикла» — какие изменения произойдут в памяти людей и ее «празднования» (seiner «Feiern»). Но изменения *не могут не произойти*, поскольку всякая способность памяти иссякла или отвердела и на долгое время вперед в ее тишине должны сформироваться в сокровысти Бытия новые корни — там, где эта способность не умерла.

17

Зрелость — для незаметного и сохраняющего самообладание, — которая одна достаточно сильна, чтобы быть постигнутой содержащимся в них сущностным. Но не бывает зрелости без ожогов от жаркой боли.

18

9 Научиться живо радоваться малым вещам — это подлинное искусство пре-образования Da-sein.

19

Более обильные плоды, чем исполнение, приносят готовность и ожидание.

20

Повороты. — Кант в истолковании человеческого опыта, а тем самым отношения человека к сущему, доступному прежде всего в повседневности, совершил «коперниканский поворот»: впредь не познание согласуется с предметами, а предметы — с познанием. Здесь изменяется взгляд на сущность познания и заодно с этим понятие предмета (оно обретено только теперь). Тем не менее сохранена *направленность* (Sichrichten). Однако поворот — это не просто изменение направления (Umdrehung), но включение предыдущего онтологического знания в сущность точно так же изначальнее — трансцендентально — понимаемого ego cogito: включение платонизма в сущностную структуру сознания.

10 *Ницше* осуществил поворот самого платонизма: «истинный мир» сверхчувственного стал иллюзорным — но необходимым для обеспечения постоянства (Bestandsicherung) «жизни»; «иллюзорный» мир чувственного стал «истинным» миром в смысле реально действующего, творящего, стремящегося выйти за свои границы. Этот поворот также должен был совершаться как изменение «чувственного» и «истинного». Но если этот поворот, в конце концов (потому что с самого начала) все же за-

стрял в платонизме, в противоположности «бытия» и «становления», то он все же, при условии, что будет прослежен в его сущности, обладает ударной силой для осмысления того, не следует ли поставить под вопрос само основание платонизма и тем самым исходную и неплатоновски понятую доплатоновскую философию.

Но более решающим, чем эти изменения, совершающиеся еще *в пределах* путей предыдущего <этапа>, является предстоящее нам, а потому по необходимости подготавливаемое нами изменение: оно идет против всей прошедшей истории философии от начального восприятия и собирания сущего как такового (в νοῦς и λόγος — Парменид — Гераклит) вплоть до включения «сущего» как постоянного, прочно установленного в «жизнь» как становление (воля к власти). *От отношения к сущему*, оставшемуся, несмотря на его многообразие в ходе истории, не основанным исходя из единственно возможного основания (из истины бытия), *к вопрошанию о самом бытии*. Этот поворот совершается в узревании и основании *Da-sein* как сбывания истины Бытия. 11

Этот поворот по сути дела больше не поворот, а переход в совершенно другое начало, которое как другое изначально возвращает в себя первое Единое — ἀλήθεια τῆς φύσεως — и как раз *не* отрицает <его>.

21

Философия в другом начале — появляется как необходимая исходя из нужды <из-за> оставленности бытием, ближайшую форму которой Ницше постиг и исследовал как нигилизм. Однако, чтобы поставить другое начало и его вопросы перед серьезнейшим решением, мы должны еще задуматься о возможности того, что это начало, несмотря на всю

его необходимость, — лишь маскировка завершающего конца философии. Ибо еще ничего не решено, даже не задан вопрос, не пришла ли в теперешнюю эпоху «философия», а равно и «искусство» в соответствии со своей *сущностью* к своему концу. Пусть об их формах «заботятся», а «культура» как средство политики используется и впредь, причем еще многие столетия, — и все же здесь больше не правит необходимость, поскольку сноровка в смешении и подражании прошлому, как и все другое, может возрасти до гигантских размеров, так что постоянно мельчающий человек еще может тешиться мнением, будто здесь перед нами творческое величие, хотя перед нами только проявление гигантского бессилия.

Состояние земли в грядущей истории может так измениться, что все станет лишь пустым прохождением мимо застывших знаков-жестов (*Winken*) умерших богов.

Но *если* эта возможность истории сохраняется — а многие признаки указывают на это, — то будет важнее знать о ней, чем обманываться, имея дело с мнимыми образованиями. Но само это знание лишь тогда обладает исторической силой, когда оно возникает в *необходимом вопрошании* (*Fragenmüssen*), которое *тем не менее* отваживается на другое начало и его подготовку. Допустим, что философия близится к концу, — допустим, что вопрошание ее изначального вопроса ей не дано в том смысле, что нужно еще основать историю; тогда философия не может просто прекратиться, а должна *философски* приблизиться к своему концу, и его придется выстоять, пусть это будет в разрушении *τόλμα*¹ дрого начала.

1. Смелость, дерзость (*греч.*). — Прим. пер.

22

Может кто-либо стать *побуждением*, если его произведение (Werk) извлекает его из всякого непосредственного соприкосновения с расхожим и отставляет в сторону? *Только так* может он <стать им> — в эпоху, в которую всё — и прежде всего последнее (das Letzte) — растекается в равную доступность для каждого.

23

Не достаточно ли мы уже размышляли о том, что с тех пор как западноевропейская история в ее глубочайших осмыслениях предчувствует, что она подкатывает к концу, происходит нечто чудесное: те, кто это осмысление выстрадал и создал и тем самым уже нес в своем знании Совсем Другое — в совершенно различном виде и в различных пространствах, — Шиллер, Гёльдерлин, Кьеркегор, Ван Гог, Ницше, — рано были вырваны из бодрствования существования (Dasein)? Были они только сломлены, как могло бы показать поверхностное суждение, или им была пропета новая песнь, которая вовсе не терпит <продолжения> «и так далее», — но требует жертвы <, состоящей в> кратчайшем <жизненном> пути? 14

Где и как можем мы сберець неприкрытый, никогда не затухающий жар сокровеннейшей глубины (Innigkeit)?

Серовато-белый облачный след растворяется над одинокими горами в голубом воздухе ветреного летнего дня.

24

У того, кто занят осмыслением, не возникает искушения сделать философию «практической», ведь задача мышления состоит в том, чтобы сделать «практику» философской. Но как с этим соотносится речь о «Самоутверждении немецкого университета»? Она не является некоей аберрацией, ибо не стремилась, как многие полагали, применить «мою» философию к «университету» и его организационному оформлению, но, наоборот, желала вывести университет из <данной> колеи и ввести в колею *его* задач по осмыслению.

Тем не менее речь и позиция, заявленная в ней, были ошибочными: университет больше *не хочет* осмысления и не может его хотеть, не потому, что кто-то ему это запрещает, — но потому, что новоевропейская наука достигла той ступени заложенной в ней технизации, на которой в результате осмысления может затормозиться «прогресс». И во что превратилась бы эта «наука», если бы она больше не смогла «прогрессировать»?

25

«Философия», открыто или скрытно стремящаяся приобрести политическую значимость и «мировоззренческое» значение, только *называет* себя «философией» и отделена безднами от того, что это имя скорее скрывает, чем раскрывает.

16

26

Лишь тот, кто из глубины выстрадал оставленность бытием и наряду с этим предчувствовал Бытие с той же высоты и, предчувствуя, прошел действи-

тельные отрезки пути вслед за Ницше, способен передать Ницше будущему. При этом самое трудное в понимании есть, возможно, задача, не принося подлинную волю Ницше, выйти из почти что дьявольской безысходности, которая в форме современного внедрилась в колею Ницше, искажая многие сущностные <моменты>. Там, где всем якобы заправляет грубейший «биологизм», на свободу вырывается нечто другое — но первое легче ухватить, и оно оказывается впереди сущностного. Но такое неверное соотношение имеет место — лишь иным способом — в любой философии, так что даже в традиционном «образе» истории философии преимущественно господствует передний план — и только немногие знают о сокрытой истории мышления.

27

Летний день с пышными облаками в вышине на фоне голубеющих просторов над первой нарождающейся зеленью альпийских лугов после сенокоса, раскинувшиеся дугой между ними — как безыскуснейшие мысли — <крестьянские> дворы с широкими круто ниспадающими крышами в благороднейшем сиянии их серебристой приглушенности. 17

28

Произвол — рабство случайного.

29

Могут настать времена, когда нужда, из которой в творчество приходит необходимость, должна будет особо быть *выраженной*. Если тут еще дол-

жна оставаться непосредственность произведения, то обеспечить ее сможет только *высшая* и лишь безмерно большая созидательная сила.

30

Не желает ли мышление в другом начале, — мышление, которое, вопрошая, пытается основать истины Бытия, — *невозможного*? Но что было бы с истинным сущим, если бы *этого* желания больше не было? Желать возможного — разве это *желание*? Но желание означает для нас знание и тем самым терпение выносить намеченную принадлежность к самому бытию, которое в нас нуждается, используя нас.

18 Эта «нуждаемость» и «используемость» осуществляется вне малых масштабов, с которыми ставят цели и задачи, оценивают и вычисляют пользу.

В свершении, которое здесь имеется в виду, нами — теми, кому это суждено, — овладевает Бытие (*vom Seyn ereignet*). Вот почему жертвование теми великими является не исчезновением в не-сущее, а при-своением (*Eig-eignung*) и таким образом самим бытием. (Событие.)

31

В противоположность этому все становится «желанием», которое — якобы единственно «разумное» — «хочет» только «возможного», всегда себя этим подкрепляет и прикрывает. Оно избегает сбытия — и тем самым Бытия. И все же оно предстает всегда как «подлинно действительное», которое приходит к чему-то.

И это желание и осуществление даже необходимы — чтобы *нужда* в жертве стала возможной. Но об этой необходимости любое честное и обы-

вательское занятие и действие не должно ничего знать; более того, оно может радоваться своей якобы свободно выбранной готовности и усилию в отведенной для него области, а всепожирающее пламя вопрошания должно оставаться от него далеко.

Но с другой стороны:

Те несчастные крикуны, которые в каждом действительном *вопрошании*, выбрасывающем нас из мнимой безопасности, усматривают «нигилизм», считая его преодоленным их мнимой «близостью к жизни». Они безнадежны, поскольку их «здравая уверенность» как раз в том и состоит, что они *не желают никакой* ясности и все же претендуют на то, чтобы в отличие от непосредственно работающих быть или хотя бы зваться «философами». Всякий вопрошающий должен знать, что и почему подобные кажимости неизбежны, находят свою «публику» или получают ее. Но *никогда* ни один из вопрошающих не должен соблазняться тем, чтобы начинать полемику с подобным мнимым существом (Scheinwesen) или поддерживать ее; ибо тем самым он бы уже признал, что на него напали, хотя он — если уж на то пошло — только оплеван; он должен будет унизиться до «уровня», до которого никогда не вправе опускаться, если, конечно, он сознает возложенное на него, пусть и окруженное густой тьмой.

19

32

Немногое — сущностное сделать необходимым для отмеренного времени. Сможет ли созидающий человек еще раз возвратиться в простоту необходимо-го и в ней продержаться?

20

33

То, что тогда мыслительное основание снова превратится в нечто вроде сборника изречений, хорошо защищенного от пересудов и неуязвимо для всех поспешных ложных толкований, что тогда двадцати- и более -томные собрания сочинений вкупе с приложениями — вынюхиванием подробностей из жизни и высказываниями (я имею в виду обычные «биографии» и переписки) исчезнут, а само произведение явится достаточно сильным и защищенным от напасти, состоящей в разъяснениях <путем> приложения «личных материалов», т. е. растворения в общей массе (Vergemeinerung).

Но какое изменение человека этим предполагается? Не столь ужасно, что человек, возможно, уже не в состоянии осуществить это изменение, а что он уже не хочет его; что там, где его, возможно, еще подталкивают побуждения, он так и остается стоять, вместо того чтобы именно здесь раскрыться для Другого — им еще не освоенного (Bestandene), — чего, однако, не может быть там, где люди *еще* усерднее кичатся своей собственностью и без всякого почтения учитывают все в соответствии и несоответствии с ней (я имею в виду «христиан» и их «христианство» — поскольку они с его помощью поддерживают «культурную деятельность»).

34

Великое оцепенение. — Уже давно прекратилась борьба истинных осмыслений — более того: господствует *страх перед осмыслением*, не распознанный большинством, дрейфование и протискивание от ближайшего к <следующему> ближайшему. И тогда отсюда вытекает тот произвол в суждении, который нико-

гда не боролся за критерии, а всегда только спасался бегством на торных <путях>. Что означает, что молодые люди сейчас высказывают свое мнение о произведениях Рильке и находят, будто он чуждался «народной общности» и был «индивидуалистом»?

Что означает, что преисполненные «христианским смирением» безмерно раздувают свою непогрешимость и заявляют — будто они это <точно> знают, — что безумие Ницше якобы есть кара и усмирение наглеца со стороны христианского Бога?

22

Что означает, когда две эти главные мировоззренческие группы нашего народа, «политически» «мыслящие» и «христиански» «мыслящие», таким образом «вершат суд» над чистейшими источниками нашей будущей истории? А если равнодушные и нерешительные среди них при случае будут прославлять еще какое-нибудь отрицание? И лишь немногие цепляются еще за то, во что верили раньше? И если при всем том зачастую примешивается еще много доброй воли к действию и даже соответствующего умения, то можно ли сказать, что то, что было сделано, «неплохо»? Разве именно не из-за еще встречающихся «порядочных» <проводится> блокада областей и потока важных решений? Человек постоянно мельчает.

35

Создается впечатление, что слова *Гёльдерлина* о немцах в конце «Гипериона» носят характер окончательного <приговора>².

2. [Friedrich Hölderlin: Sämtliche Werke. Bd. 2. Gedichte — Hyperion — Briefe. Hrsg. von Friedrich Seebass. Propyläen-Verlag: Berlin 1923, S. 282ff.] Рус. перевод Е. А. Садовского: Фрид-

23 Что сокрыто в них? То, что немцы остаются теми, кто величию творцов уготавливает жесточайшие страдания и таким образом — всегда привносят *сущностное* условие судьбы. То, что в результате возникнет «несчастье» и постигнет злой рок, если этот народ однажды будет <принудительно> воспитан во всё понимающую, ибо всё умаляющую посредственность. Величайшую опасность представляют не варварство и упадок, ведь эти состояния могут вылиться в нечто внешнее и тем самым вызвать нужду. Величайшая опасность — в посредственности и соразмерном распоряжении всем, будь то в форме пустейшей суеты, будь то в виде благопристойной — но ничем больше не укрощаемой пошлости.

Если вдуматься в слова Гёльдерлина, то они не являются обвинением или даже руганью в обычном смысле, это название того самого неотвратимого противоположного (*das unabwendbare Widerwendiges*).

24 Тот, кто когда-либо задумывался об этих необходимостях, черпая отсюда сущностное знание, не будет разражаться бесплодной руганью по поводу отвратительных ситуаций и случаев. Все возражения могут всегда иметь один смысл — усиление необходимости утверждения отвратительного. А это означает: держать открытым вопрос об основании споров, а исходя из этого основания, сохранять побуждения к созиданию. (См. S. III.)

36

Почему человек постоянно мельчает? Потому что он отказывает себе в <свободном> пространстве для

рих Гёльдерлин. Гиперион. Стихи. Письма. М.: Наука, 1988. С. 423 сл. — *Прим. пер.*

вырастания вверх, для достижения величия, и препятствует основанию этого пространства. И каково это пространство для действий? То — что мы называем *Da-sein*, то место, в котором неотвратимое сохраняется в робости и таким образом развертывается к свободе на путях созидания. А где признаки этого препятствования? Самым отчетливым из них является *страх* перед вопрошанием при одновременной подозрительности к любому «страху»; а самым жутким признаком является *нетерпение*, избегание предназначения: быть переходом.

Вместо этого там, где некогда еще можно было произносить слово «философия», пребывают в союзе пустое нахальство и шумная пошлость, затягивая все во мрак и произвол.

37

О том, что мы давно вступили в эпоху *полнейшей безвопросности*, меньше свидетельствуют те многие, которые *категорически отвергают* вопрошание, чем, напротив, те, кто в мнимом «обладании» неопровержимой «истиной» («христианской») еще к тому же *действуют так*, будто они вопрошали, когда без умолку говорили о «дерзании» и «решении». Они и являются подлинными искусителями данной эпохи, не желающими, чтобы она была тем, что она есть. И эти искусители являются по сути теми, кто *не* вопрошает, ибо несут перед собой <, как цит.,> *видимость* «борьбы» за истину.

25

38

Существенная разница, оказывается ли человек-созидатель пред Богом или он выставляет в счет только «религию» как полезное для его целей учреждение.

То, что в «Бытии и времени», а также, проходя красной линией в моем мышлении, подразумевается под *историей*, является пред- и над-историческим. Свое основание история имеет в *Da-sein*. Но поскольку здесь для нас сегодняшних уже давно разрослась «жизнь» <под видом> множества кажущихся «естественными» потребностей и стремлений, которые никогда не были изначальными, мы не можем положиться на эту так называемую естественную «жизнь» и ее потоки, как не имеем права погрузиться в простую растерянность и сомнение; а должны — из высшей воли к Бытию, т.е. вопрошая, — продвинуться в предельную нужду сущностных решений и, стало быть, признаний в том, что истины у нас нет.

Необходимо отвергнуть историческое всезнайство и сравнение и подсчеты, поскольку это парализует и ослепляет созидание. Однако мы сильно заблуждаемся здесь: простым отвержением еще не гарантируется свобода творческой силы; ибо она сама может между тем быть искажена из-за упомянутых полученных слишком расчетным путем «образов» «истории» — под воздействием «историзма» — или даже подорвана, так что несущий нас непосредственный азартный порыв все же не исходит из истока. Вот почему отвержение «исторического» (ср. «деструкция» в «Бытии и времени») существенно, только когда оно поддерживается и руководится деятельным осмыслением; а это означает для сущностного мышления <следующее>: когда базовая позиция человека посреди сущего в целом делается решением, когда задается вопрос об истине Бытия и в этом вопрошании познается: *что человек обязан стать хранителем истины Бы-*

тия (Wahrer der Wahrheit des Seyns), что единственность Бытия требует от него неповторимости тех немногих, кто, творя, претворяет истину в сущее и его тем самым лишь доводит до сияния, требуя от него структуры образа, — пусть он <образ> только вставлен в произведение или пусть он раскрывается по-новому в творческом познании.

40

Философия как думающее осмысление истины Бытия имеет только одну задачу — для немногих, т. е. творящих, заранее создать пространство знания и основывающего высказывания. От того, понимает ли кто-то эту сущность философии и делает ее необходимостью для себя как нечто одного ранга, производное, зависит его принадлежность к немногим — принадлежность, которую нельзя ни выбрать, ни обеспечить себе, но которая возлагается на каждого как тяжелое бремя. 28

41

Думающее осмысление истины Бытия есть *в первую очередь* основание *Da-sein* как основы грядущей истории.

Da-sein как отстаивание спора мира и земли. Но это отстаивание бывает различным в зависимости от того, развивается ли сам спор как относящийся к открытости для самосокрытия и выставляющийся ли «здесь» (das Da) как без-дна.

Da-sein для всех предшествующих «живущих» и продолжающих его должно оставаться странным (befremdlich).

42

29 «История» философии — о ней знает лишь творящий мыслитель, но никогда — «историк» (Historiker): для того чтобы мышление Бытия могло долгое время вновь спокойно двигаться по одной колее, нужны толчки, которые с-двинут (ver-rücken) на другую, более высокую и вместе с тем более глубокую колею. Но как человеку вынести одновременно и то и другое: выдержать этот толчок и передать его дальше остальным и потом еще одновременно самому спокойно бежать вместе <с другими> по открытой и общей колее?

Здесь нужно выбирать — «или — или»:

или жертва выдерживания толчка и его умалчивающего выражения, когда якобы всегда говорится только о прежнем, а мыслится все же совсем Другое второго начала —

или дар непосредственного бега по указанной колее.

У того и другого есть собственное величие и малость. И все, стоящие здесь под предназначениями, должны знать, что у них нет выбора, а скорее они отмечены тем, что принадлежат каждый к своему неотвратимому <предназначению> и сохраняют ему верность.

43

Мы никогда не ухватим *начальное*, оно должно постоянно уклоняться, чтобы не сделаться имеющимся в наличии ставшим и таким образом утратить себя. Вот почему начало никогда не удастся изложить, его можно только осуществить, — а именно в закате отступления, чтобы тем самым уклонение действительно *оставалось*.

(См. доклад о произведении искусства³; и з<им-
ний> с<еместр> <19>37/8, S. 12⁴.)

44

30

Кто будет грядущим человеком (см. S. 34, 47), при условии, что он еще заложит основу какой-либо истории? Ответ: страж тишины прохождения последнего Бога — закладывающий основу хранитель истины Бытия (*der gründende Wahrer der Wahrheit des Seyns*).

Но откуда и каким образом появятся эти стражи тишины? Можем ли мы их «разводить»? Нет! Страж обязан быть способным сторожить и к тому же быть самым бодрствующим, а значит самым пробужденным. Но бодрствование для этой тишины — это не просто некое состояние в наличном человеке, ведь то бодрствование ради истины бытия требует такого преобразования человеческого бытия, чтобы оно в своих высших возможностях стало не меньшим, чем основание истины, а это осуществляется как *Da-sein*.

Но вместе с тем к сущности этого преобразования относится уже и скрытое отношение к самому Бытию; нападение (*Anfall*) Бытия должно ударить по *Da-sein*. А потому появление стражей зависит от подготовки, возможно весьма длительной и во многом <еще> не признанной в ее целях. Эта

-
3. [Martin Heidegger: *Der Ursprung des Kunstwerkes*. In: *Holzwege*. GA 5. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 2/2003, S. 1–74, а также Martin Heidegger: *Vom Ursprung des Kunstwerks: Erste Ausarbeitung*. In: *Heidegger Studies*. Vol. 5. 1989, S. 5–22.]
 4. [Martin Heidegger: *Grundfragen der Philosophie. Ausgewählte «Probleme» der «Logik»*. GA 45. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1984, S. 39 ff.]

31 подготовка должна в то же время предварительно продумать Бытие и Da-sein в их поворотном (kehrig) отношении и таким образом достичь места тишины, которое созидатели занимают в работе и деле и только так обустроивают на воле. Простое разведение обладающих такими-то и такими-то свойствами человеческих экземпляров есть заблуждение, мало того, абсолютное заблуждение, ибо *основание отношения человеческого бытия (исходя из его основы) к истине Бытия* должно быть первым и оставаться им, причем всякое воспитание будет у него на службе.

45

Явятся ли те более *сильные*, которые перед этим мыслительно освоят тайну самого бытия *таким образом*, что грядущий человек найдет в нем свою сердцевину? Мы, находящиеся на переходе, должны зачастую нести пустое бремя прошлого и *в нем* обнаруживать скрытую значимость, поскольку *простое отбрасывание* традиционного соблазнит неподготовленных только на то, чтобы принять их случайное сегодняшнее за вечное само по себе, хотя, возможно, налицо лишь весьма слабый отросток неосвоенного прежнего. Но та искомая сердцевина, что она как не *промежуток* (Zwischen), в который пребывающие в разладе Бог и хаос входят и противопоставляются друг другу?

32

46

Вот и сущностное мышление, да именно оно, нуждается в долговременном *опыте*; и коль скоро оно благодаря этому опыту становилось все более сущностным, то так развилась и сила и надежность изначального возмездия. Но этот опыт касается не не-

посредственных повседневных вещей, а лишь того, что нужно помыслить в этом мышлении: истина Бытия — *ее* история, которая никогда не схватывается историографически (*historisch*), — должна быть пройдена во всех ее потаенных закоулках. И поэтому сущностное философии остается закрытым для простого «остроумия». История истины Бытия имеет в виду тот способ, каким человек берет на себя открытость для самосокрытия, — уклоняется от нее, увязает в предданном — или даже ставит лишь на себя самого как на некое сущее, более или менее расширяя его до общества, до народа и тому подобного, чтоб отсюда и туда обратно обустроить все другое сущее. Таким (названным последним) способом он *полностью* уклоняется от Бытия, полагая (ошибочно), что крепко держит в руках, под ногами и во рту «сущее» — «действительность» и «жизнь». В таком состоянии он прочнее всего застрахован от того, что к нему нагрянет некий Бог или отвернется от него; он даже застрахован от знания об этой исключенности из первого решения, через которое он должен был бы пройти, чтобы попасть на место возможного величия и созидания, *необходимого* за пределами всякой пользы.

33

47

В истории истины Бытия имеет место борьба — но и отсутствие борьбы — между *человеком*, *Бытием* и богами. В зависимости от состояния этой *борьбы* мир и земля пребывают в *споре*, и в зависимости от вида этого спора сущее в целом раскрывается, делается доступным, подчиненным, почитаемым или пренебрегаемым. Но крайнее пренебрежение проявляется там, где, по всей видимости, наоборот, установлена близость к «жизни» как «принцип»

человеческого бытия и в качестве высшей цели провозглашено простое сохранение этой «жизни».

Но само место указанной борьбы никогда не имеется в наличии, его само надо всегда добывать в борьбе и в борьбе же основывать.

Мы обязаны усвоить знание о том, что Бытие как основа сущего не опирается на сущее и не может быть достигнуто исходя из этого сущего; что, однако, и простая воля так же не в состоянии принудить «Бытие» — и даже его истину. Для этого необходимо то глубочайшее: решимость (готовность), которая одновременно является обратным ростом в опору заброшенности (*Zurückwachsen in das Tragende der Geworfenheit*).

Бытие (*Sein*) — это не *ἰδέα*, но и не ее кажущаяся противоположность — «жизнь», так что же??? Мы знаем только одно: что мы вступаем в тот момент истории, в котором впервые истина Бытия становится необходимостью, мало того, нуждой и истоком совершенно другой необходимости — и этот момент требует от нас готовности к его подготовке — и эта готовность требует от нас сущностного преобразования — человеческого бытия в *Da-sein* — новую ответственность, — а не ответ на вопрос: кто мы? (См. выше S. 30.)

Но все это подготавливающее мы молча почитаем как намек-знак (*Wink*) самого Бытия, который нуждается в человеке.

Народ — осмысление нас самих и нашей истории находится сегодня в двойственности этого названия.

Если мы когда-нибудь отставим в сторону всю коварную многозначность этого слова, которая обуславливает не только, скажем, неточность речи, но и многоплановость позиций и продвижения вперед, нам предстоит продумать следующее:

не образует ли при массе людей в 65 миллионов некий *предел* уже одно это число как число возможного оформленного (*gestalthaft*) вида? Так, что народ в этом числе принадлежащих <к нему> невозможен? Или же так: не должно ли при *этом* масштабе числа быть соответственно необычным то, что только и позволяет «народу» быть народом, — *переход-через* (*Übersteigung*) в несущую и развивающую его истину Бытия. Не должен ли здесь — при такой численности, причем с точки зрения оформленности это почти несчетная уйма (*Unzahl*) — *переход-через* иметь *завышение* (*Übermaß*); и не должно ли — дабы это *завышение* можно было измерить и сделать в масштабе — число созидающих быть скорее малым, чем большим, — <с учетом> единственности самого единственного? (См. S. 52.)

Но как должна быть именно эта, приведенная к себе «самой», уйма с ее притязаниями и мерками приведена к тому, чтобы не только признать тех самых единственных как самых будущих, но и принять участие в их подготовке. Если мы не хотим уклониться от сущностных решений, то необходимо осмыслить базовые условия бытия народа — но *это* осмысление есть ведь только *одно* излучение еще более изначального на основание и истину западноевропейского существования (*Dasein*).

Нельзя поддаваться характерной иллюзии — будто при легко возможном для каждого понимании биологических условий разведения «народа» затрагивается сущностное, — хотя господство этого биологического образа мысли, по своей природе грубо-

го и расхожего, как раз и задерживает осмысление базовых условий бытия народа. — Знание и даже создание этих условий требует *завышения перехода* (Übersteigung) народа через самого себя, освобождения от всех расчетов на <извлечение> пользы — будь то личная или общая польза. Сколь первостепенно необходимо это требование, столь же мало затрагивает оно необходимости подлинного существования (Dasein) народа, — которые опять-таки не достигаются через простую ссылку на христианские церкви, но лишь искажаются.

Остается решающим, устоит ли эта масса не-народа (Unvolk) — особенно в условиях жесткого внешнего напора — при переходе к базовому настрою, который следует по-разному настраивать в его группах и сословиях, настрою, из которого вырастают благоговение и воля к готовности для перехода-через повседневное; переход тут не доходит до потустороннего и не остается в посюстороннем, — но похоже, что он открывает доступ в истину Бытия — как со-бытия, — во внезапном явлении (Anfall) или неприходе (Ausbleib) последнего Бога решается, каким решением будет длительная история и тем самым народ будет отброшен в его основы и бездны.

Каждый должен непосредственно на своем опыте познать эту нужду и устоять и сделать этот опыт доступным любому другому вместе с ним. Признание этой нужды <из-за> оставленности бытием есть первое освобождение, ибо оно является уже приходом-в-близь к предельной дали спасающего; однако это спасение означает не успокоение и отзывание-в-сторонку — но *о-своение* (Eig-eignung) в преобразующем возврате сущего.

Но как долго нужно терпеть, чтобы добиться избытка робости перед Бытием посреди разнуздан-

ного беснования одного лишь обустройства сущего для внешнего состояния (Bestand).

Насколько неверен тот расчет, который сначала стремится укрепить внешнее состояние, чтобы другое — возможно — наверстать потом.

Когда ведь единственно важным является завоевание и основание истины Бытия, — пусть это «лишь» для того, чтобы придать гибели ее величие.

50

Глубочайшая основа для сегодняшнего западноевропейски устроенного мирового состояния <, состоящего в> лишенной цели, запутавшейся в себе самой, беспощадной, гонящейся от одного прогресса к другим «мобилизации» наличного и подключения к этому всего человеческого бытия, — это *оставленность бытием* — прохождение мимо истины Бытия; но это предварительно образовано в первом начале, которое прежде всего должно было возвести сущее как таковое в опыт (знание и организацию (Gestaltung)).

Вследствие этой позиции дело доходит до «культур», а после разрушения «культур» — до «культурной политики» в расчете на ту «мобилизацию».

51

39

Одинокое стоит <настоящий> поэт — *Гёльдерлин* — и он отторгается назад в его одиночество еще больше, когда его превращают «в ходе» «культурной политики» в актуального — без всякого нашего осмысления: для чего сейчас нужны *поэты*; его полное предчувствий творчество есть поэтому: поэзия (Dichtung) поэта. Но должен ли это определять тот, кто одновременно не познаёт до глубины нужду <из-за> оставленности бытием?

Что получится, если мы исходя из этой глубочайшей основы не станем основателями ее преодоления? Если мы не станем открытыми и достаточно доверительными, чтобы осуществить и то, и другое: это изначальнейшее и ближайшее в преодолении непосредственных бедствий?

52

Как долго уже отсутствует в философии первичное вопрошание <, заключающееся в> сущностном вопросе, который в своей единственности обладает способностью (*Eignung*) основать новую историю мышления? Ведь все <, что мы имеем,> есть только подправление уже начального ответа при нарастающем забвении опорного вопроса.

53

Почему теперь ни одна вещь не имеет права больше покоиться в себе самой и своей сущности? Почему все объявляется надутым и поддельным и по меньшей мере «культурным фактором»? Что здесь происходит? *Уклонение* от собственной значимости сущности вещей, от необходимости стать зависимым от нее, а не одурманивать себя в махинациях.

Сколь немногие знают, какой степени достигло разрушение земли и какой хаос кроется за якобы надежно управляемыми достижениями «техники»?

И снова — какое завышение перехода через сущее требуется, чтобы обуздать махинации и разнужданные силы одурманивания и приобщить к истине Бытия?

Сегодняшний человек внушает себе, будто продолжение безумствования в неизбежно *неспособной* на целеполагание махинации есть сила и мощь и представляет собой овладение «жизнью». Как мало он может знать о том, что для пробегания кратчайшей колеи <, ведущей к> гибели, необходима *существенно более высокая* и даже *творческая* сила, — поскольку выдержать это возможно только благодаря решимости <постичь> тайну самого бытия — из скрытой робости перед сущностью Бытия. 41

Как должен затронуть нас, ожидающих, намек-знак Бога, если мы обожеествляем антибожеское? Но как нам отказаться от таких действий, если Бог не является? Должно одновременно явиться и начаться и то, и другое — Бог и хаос — и чтобы *это* произошло, свободное пространство *такого* явления должно прежде завоевать уникальную ширь и глубину открытости — т. е. *истина Бытия* должна быть постигнута на опыте и готовность к ней пробуждена — мы должны в уникальной нужде войти в тот *промежуток* (*Zwischen*) для Бога и хаоса — сперва, конечно, открыть и основать <этот промежуток>, — тем самым, пожалуй, на нас возложено самое трудное, что когда-либо в истории человека предстояло ему сделать.

А тот промежуток есть истина как бытийствование Бытия — как события. 42

Ибо, когда мы говорим о переходе через сущее, это напоминает о «трансценденции», тогда как это предполагает опыт сущего как наличного, а «трансцендентное» подразумевает относящееся сюда «божественное» сущее.

Переход через сущее, однако, подразумевает вхождение в истину Бытия — которая, все же, настолько

мало *есть* Бог или хотя бы только гарантия его <существования>, что именно бытийствование Бытия прежде должно стать местом решения о неприходе или внезапном появлении Бога и надолго им оставаться. Переход-через подразумевает преодоление твердо установленной сущности человека, которая, не предприняв сущностного изменения, кроит «себе» свои цели как по заказу. Это происходит и там, причем именно там, где слишком громко говорят о «самоотдаче», где, однако, она остается только своей временной гарантией окончательной безопасности.

55

43 Как нам быстрее всего распознать сегодняшнюю запутанность «мышления» и бессилие вопрошания? По тому, что <люди> болтаются в несовместимом, превращая всё в какую-то забаву.

Преподают грубейший платонизм («идеи», ценности), а одновременно «переживание» и «экзистенцию», что сообразно времени приукрашивают с помощью речевых оборотов (если уж не мыслей) Ницше. Притом что Ницше был как раз противником всякого платонизма. Но, пожалуй, подобное смешанное «мышление» можно извинить, поскольку самому Ницше не удалось преодолеть платонизм. Но тогда надо бы это знать — и знать, в каком смысле эта борьба не закончилась победой и почему. Но чтобы знать это, нужно понять, почему Ницше еще сам принадлежит к истории платонизма, — потому что он не смог через давно ставший расхожим ключевой вопрос о сущем выйти к базовому вопросу. Если бы те, кто хочет отрицать всю философию, попытались сделать это не с помощью беспочвенной мнимой философии, их можно было бы все же назвать более честными в отли-

чие от «политически» безупречной «философии» с ее надутым чванством. Но обе группы связаны друг с другом. Поскольку сегодня и уже давно всякий мыслительный шаг прежде всего подвергается опасности из-за того, что ему недостает пространства и атмосферы, всякое подлинное вопрошание о ситуации в философии должно ясно осознаваться, чтобы не угодить на ложный путь, когда подобные действия, к примеру, расцениваются как враждебные выяснению. 44

56

Немец *еще ищет* свою цель. — Ищет ли он ее в действительности? Ведь если он все же *искал бы* ее по-настоящему, он бы ее нашел, ибо его цель — сам *поиск*. Но только расчетливый и преследующий пользу <человек> может думать, будто тем самым бесконечная бесцельность делается целью. А что, если поиск был бы *самым постоянным* бытием-в-близости к скрывающему себя, из которого нам выпадает всякая нужда и воодушевляет нас всякое ликование? Если бы наконец к нам пришло *это* постоянство, а не было бы *разрушено* через опять-таки мнимо *утверждающую* позицию участия, даже по большей части вполне искреннего.

Где тот сказитель (Sager) и художник (Bildner), который впервые сделает это — как самый глубокий закон немцев — слаживанием их существования (Dasein)? Когда явится мыслитель, который истину Бытия, нуждающегося в нас, ищущих, возведет в основанное будущее и свяжет в простое слово? Лишь эти грядущие творят будущее, и их величие в том, что они останутся *будущими*. 45

Поиск как цель — поиск, конечно, в высшем смысле, поиск истины Бытия. Но таким образом человек

делает целью не сам себя, но тот базовый настрой своей сущности как *Da-sein*, который приводит человека хотя и к нему *самому*, но в этой самости именно в промежуток для хаоса и Бога.

Но почему человек должен иметь какую-то *цель*? В чем причина необходимости целеполагания? В том, что он в своей основе является *ищущим*? Можно ли считать это ответом?

Да — ибо здесь заявляет о себе *поворот* — так что человек, если он действительно *является* упорно ищущим, принадлежит повороту, а это означает: он при-своен *событием* (*er-eignet vom Ereignis*) как бытийствованием самого Бытия. Но здесь мы догадываемся, что и «цель» и «целевое» также *не* являются высшим, да никогда и *не* будут им, но всегда будут только передним планом — это, однако, в том изначальном смысле, что передний план стал бездной «промежутка», в сердцевине которого кроется и так «является» то, что мы называем намеком-знаком Бога и натиском хаоса. Но что никогда не может быть принижено до некоей цели. Цель — в глубочайшем и широчайшем смысле — обнаружить и сохранить теперешнее место бес-цельности — самого сокрытого, не поддающегося расчету неотвратимого.

Указанный *поворот в обосновании цели* (см. S. 55) можно вкратце описать следующим образом: коль скоро человек является искателем (см. S. 30), цель необходима. Поскольку имеется необходимость цели, высшей целью является *поиск*. Необычный образ мысли и странный для каждого, кто мыслит только словами и при этом не осуществляет вхождение в бытийствование Бытия — в поворот (события), чтобы постоянно по-новому осознавать, что Бытие нуждается в *Da-sein* человека и что *поэтому* истина Бытия как раз *не* дело рук человека. В этом *не* бытийствует контр-удар поворотного (*der Gegenschlag*

des Kehrigen) и одновременно намек-знак, что здесь ни рассчитывающему мышлению, ни «диалектике» понятий делать нечего; первому — потому, что оно вообще движется только в «сущем» как наличном, а второй — потому что для нее важно лишь выстраивание *единства* противоречия как представленного и представляемого, — важна истина как «идея», а не как о-своенная открытость для самосокрытия.

57

Где еще есть величие? Простота существенного, <идущая> из способности связующего просветления? Мне видится только гигантское, и это даже не малое, ведь оно всегда может соотноситься с величием, тогда как гигантское разрушает всякую возможность величия, полагая, что оно само и есть великое. (См. S. 106.)

Что может еще получиться из человеческой массы, которая должна не видеть пропасти между великим и гигантским, и что должны <делать> зрители, когда повсюду гигантское и карликовое одинаково пусты? Где <плоская> равнина (das Platte) может когда-либо еще обеспечить размеры (Ausmessungen) пространства, в котором просветляющее возвышение и унижительный провал являются главными полюсами решения?

58

Нет великих духовных искусителей — тем многочисленнее посредственности. Одним из серьезнейших и прежде всего искуснейших является, например, теолог Гвардини⁵. Он разыгрывает все возможности

5. [Романо Гвардини (Romano Guardini, 1885–1968) препода-

духа на примере великих фигур поэтов и мыслителей, никогда не унижаясь до плоскости и не снижаясь до грубой католической <пропаганды> — <действуя> всегда под видом «модернистской» «борьбы» за истину и с помощью всех средств современного мышления и высказывания. Но <он> *нигде не отваживается на <постановку> сущностного вопроса* и даже не поставил ни одного не поставленного до сих пор вопроса; он постоянно лишь перекладывает уже надежный багаж ответов для тех, кто хочет убежать от всех вопросов. Это позволяет даже среди посредственных ленивцев мысли и усталых создать видимость «творческого», и все же это не что иное, как умелое подражание тому, что в своем роде уже «практиковали» отцы церкви и апологеты первых христианских столетий. Однако теперешняя «духовная жизнь» настолько страдает отсутствием ориентации и критериев, что не только удовлетворяется подобной писаниной, но и считает себя даже превосходящей по сравнению с прошлым.

59

Гёльдерлин — могли ли бы мы снова полностью убрать его из сегодняшнего <дня>, чтобы всецело измерить и спасти *фрагментарное* из его самого важного наследия (Werk). Для восприятия его наследия *таким образом* как фрагмента необходимо высшее напряжение сил; ибо это не подразумевает, чтобы мы вычислили незаконченное и отрывочное и тем

вал в 20-е годы предыдущего столетия «католическое мировоззрение» в университете Бреслау <ныне Вроцлав, Польша> и в Берлинском университете им. Фридриха-Вильгельма. В 1939 году он был принудительно эмеритирован. Он автор, среди прочего, книг о Гёльдерлине (1939) и Рильке (1941).]

самым установили «негативное» — но под фрагментами (Bruch-stücke) мы подразумеваем предельные порывы и напряжения для *вторжения* в совершенно новую — на Западе еще совершенно неведомую — область и *вскрытие* ее в соответствии с ее существенными сферами и *дробление* первых существенных форм. Это не нечто незаконченное — но высшее, что глубочайшим образом может быть достигнуто в творении истины Бытия. Элементы разрыва, *прорыва* тяжелого оцепенения и растерянности и это в якобы бессильном *слове*. Сколько же нужно тут переучиваться, чтобы освободить творчество этого поэта к его сокровеннейшей истине. Сколько всего прежнего и якобы достоверного <нужно принести> в жертву. Какой требуется отказ от лишь с трудом устранимых сравнений и форм сравнения с другими поэтами. Сколько сил необходимо, чтобы уловить в неизбежной дани современности прорыв самого будущего. Какая воля нужна, чтобы из того, что кажется ничтожным в наследии, забил родник высочайшего богатства.

50

60

Если философии удастся неизбежное другое начало, то мыслительное вопрошание должно решить и выдержать тяжелейшую полемику с самым простым. Сегодняшнее легковесное обсуждение мнимого богатства всеобъемлющей «философии культуры» есть просто маскировка бессилия вопрошания. Но к какому воспитанию мы должны прибегнуть, чтобы вооружить следующее-через-одно поколение по крайней мере для простоты великих вопросов, для долговременного мужества, чтобы пребывать в ней и выдержать всякую тщету, для серьезности слова, чтобы мельчайшие мыслитель-

51 ные шаги делать вновь и ответственно, для *правильного* выслушивания друг друга, которому стала чуждой любая поспешность всезнайства. Воспитанию этих мыслителей мы должны сегодня положить незаметное начало, и моя преподавательская деятельность стремится не к чему другому, как к незаметности наведения на простое и постоянное.

Тот, кто хочет заняться здесь подготовкой, должен знать, что, возможно, лишь на долгих окольных путях и к тому же в его происхождении совсем уж не различимо, начинают действовать отдельные <побудительные> толчки. Но как быть, если сопоставление прежних мнений во всех областях преподавания и сноровка в этих пустых сваливаниях в кучу возрастают, причем одновременно снижается уверенность взгляда, распознающего в этих действиях пустоту и лишенность корней? Тогда и лишь тогда должны появиться те, кто станет покорным неисчерпаемости простого.

А что есть самое простое, что не терпит никакой путаницы и осложнений? Вот что: то, что *сущность Бытия нуждается в человеке* — но в сквозном вопрошании этого отношения определяется главным образом только бытийствование Бытия как события и человеческого бытия как Da-sein.

52 Но простое мы развиваем в его собственном богатстве, когда нам удастся все проще высказывать его сущность. Самая роковая и всегда легко прирешивающаяся видимость простого есть *пустота*. Коварное побуждение уклониться от простого есть мнимо подлинное требование «учитывать» многообразия.

Простота того отношения Бытия и существования (Dasein) — для которой бытийствование самого Бытия есть событие — содержит в себе *наибольшее завышение* перехода через все лишь «сущее» путем

подъема в место мгновения, <когда принимается> решение относительно богов. (См. S. 35.)

61

Как только *философия* достигла вопроса о бытийствовании Бытия — и лишь тогда она является впредь полноправной носительницей этого названия — она должна необходимо мыслить против своей эпохи. И если философия чем-то *не* является и чем никогда не может быть, то вот этим: «выражением» своего времени, схваченным в мыслях.

Эта неизбежная вражда против своего времени никогда не может стать прибежищем для тех, кто привязан к своей эпохе только через предшествующее и прошлое и запутывает и парализует волю к формированию будущего, навязывая ей в качестве мерила время ставшей нетворческой традиции. 53

Упомянутая вражда философии против ее времени проистекает не из какого-то недостатка и какого-то неурядка эпохи, но порождается сущностью философии — и тем настоятельнее, чем прямее и подлиннее стремление в будущее обретает форму и направление во времени. Ибо все еще и тогда, и притом сущностным образом, вымысливание истины *Бытия* предшествует любому устройству, спасению и возвращению *сущего* — всему непосредственному созиданию и работам. Вот почему философия также никогда не может — при условии, что она является таковой, — презрительно именоваться «политической», ни в утвердительном, ни в отрицательном смысле. «Национал-социалистическая философия» — это не «философия», не служит она и «национал-социализму», — но просто волочитя вслед за ним как обременительное всезнайство — каковая позиция уже достаточно доказывает неспособность к философии. 54

Сказать, что некая философия «национал-социалистическая» или не является таковой, означает ровно столько же, что и высказывание: треугольник мужествен или же нет, т. е. труслив.

62

Всякий *переходный*, совершающий переход *мыслитель* обязательно пребывает в сумерках присущей ему двойственности. Все кажется указующим в прошлое и оттуда поддающимся расчету, но вместе с тем все является отвержением прошлого и произвольным установлением некоего грядущего (Künftiges), в котором, как кажется, отсутствует будущее (Zukunft). Ему негде «пристроиться» — но эта бесприютность является его непонятой принадлежностью к почве в сокрытой истории Бытия.

63

55 «Так говорил Заратустра» Ницше — это выкрик, а может, крик — «призывающий» тишину Бытия? И это потому, что здесь осуществляется переход — единственная арка моста, опоры которого невидимы, вот почему разлет арки еще размашистей тянет свою колею.

64

Мышление в другом начале это не целе-полагание как пред-ставление некоей «идеи» — но *обоснование цели* как вторжения в основу необходимости поиска; эта бездонная основа есть само Бытие, которое осваивает для *себя* (*sich er-eignet*) охранную «функцию» (Wächterschaft) Da-sein и таким образом человека как искателя Бытия. (См. S. 46.) Целеобоснова-

ние есть установление найденного как присвоение его. Цель здесь не стоит перед или над человеком как «идеал», а находится за и под ним как основополагающая основа и осуществление. (См. S. 65.)

65

Великие времена созидания никогда не проводили «культурной политики», не делали они и «мировоззрения» из осмысления «наследственности» (Erbe) и тем более расовых основ. Все это есть не что иное, как доведенный до массовости «субъективизм», последний отпрыск cogito, ergo sum, плохое прикрытие творческого бессилия, а прежде всего — и это является единственно важным, поскольку затрагивает будущее: *сдерживание и подрыв* всякой возможности великих решений: можем ли мы еще понять истину в сущности, может ли для нас отношение к Бытию еще стать нуждой. 56

66

Чем дольше я здесь на второй родине (Wahlheimat) худо-бедно занимаюсь своей работой, тем яснее становится для меня, что я *не* принадлежу к алеманнщине (Alemannerei), судорожно и бездарно ведущей себя здесь в верховьях Рейна, и не могу к ней принадлежать. Моя родина, село и «крестьянский» двор моей матери, насквозь продувается ветрами и пропитывается источниками *Гёльдерлина*, вполне обладает крепостью и чеканностью (Prägsamkeit) и бездонностью *гегелевского* понятия и управляется тем рвущимся далеко вперед «спекулятивным» напором *Шеллинга* — не имеет ничего общего с лживым бахвальством, которое чувствует здесь себя как дома, производя много шума. А потому для zde- 57

сных «алеманнов» весьма характерно мнить себя исконными местными жителями и отмежевывать-ся от «швабов».

Однако — если оставить в стороне распределение племенной принадлежности и родственных связей, — решающим остается не то, принадлежит ли действительно человек <к тому или иному племени>, т. е. не «олицетворяет» ли он просто общеизвестные свойства данного племени, но то, представляет ли он своим поведением и своими делами нераскрытые задачи и новые возможности, что делает излишними разговоры — даже сочувствующие — о племенной принадлежности.

67

58 Мелкотравчатости и соответствующему чванству эпохи отвечает распространенное мнение, будто посредством менторского «ретроспективного осмысления» прошлого и «биологических» основ <можно> установить начало того, что устарело еще в идее, — «культуры», вместо того чтобы действительно дерзнуть и вступить в будущность и принять настоящие решения — т. е. принять без-божие большевизма, как и отмирание христианства, в качестве великих признаков того, что мы действительно и сознательно вступили в эпоху оставленности бытием. Вместо этого все пребывает в большой лжи: будто вскоре победят большевизм во имя «христианства», будто вскоре преодолеют христианство с помощью учений, никогда не достигавших области решений, которые надо принять, — поскольку, например, раса может быть лишь условием, но никогда не безусловным и сущностным какого-либо народа.

68

Как мало людей достаточно ясно сознают, что не принимаются важные решения; этому соответствует то, что в небывалой до сих пор безответственности кто угодно болтает всякую чепуху по поводу самых существенных вещей. Может ли подобная эпоха быть «великой» — эпоха, которая обеспечила себе «величие» уже пропагандистски? Что означает быть «элитой» насквозь разложившейся массы? Как легко дается затертое, но столь же трусливое исповедание христианства, чтобы казаться «лучше»? 59

Эпоха эта ни в чем не будет великой, — но жутким и неповторимым является сокрытое свершение (Geschehen), к которому она должна прилаживаться со всеми своими махинациями. Величие содержится в этом Сокрытом: *что история подталкивает к концу, а для перехода нужен мост*. Но первой опорой, чтобы перекинуть первую арку моста, должно быть уходящее вглубь осмысление действительной нужды <из-за> *оставленности бытием* — просто и безмолвно это осмысление должно непреклонно стоять вбитым в его новое основание — истины Бытия — и выдерживать весь отлив нанесенной мути — для жертвенной подготовки тех, кто в основном — с помощью очищенного воздуха подлинного знания и уважения — переводит к другому началу дугу арки. А сегодня, в шумном отсутствии решений, <считается> в «порядке вещей», когда этих будущих <подготовленных немногих> клеймят даже как предателей народа и неблагонадежных.

Только знание о сокрытом и жутком величии исторического момента дает силу, чтобы какое-то время выдержать это уникальное <мгновение> и никогда не считать важной «критику» сегодняшнего положения — сколь бы необходима ни была она для 60

осмысления. Здесь следует: *смотреть на*: сегодняшнее стремительное минование того, что действительно происходит, *и все же не видеть* — т. е. исходя из надежности знания совершенно другого — грядущего — внести терпение в игру и испытать необходимое на примере его части. Однако всякий вид «оппозиционного настроения» и позиции немедленно утопает в низине обыденного — т. е. они как раз препятствуют понять подлинный хаос как то, что намного превышает всяческие махинации сегодняшнего <дня>, будь они полезными или губительными; ибо и *осмысление хаоса* нуждается в аристократии и будущности в образе мысли.

И потому всегда тщетно объяснять <носителям> ходячих мнений и оценок, чем является сам хаос бытия, что он принадлежит к его <бытия> бытийствованию и поэтому может быть познан только
61 из изначальности, которая требует стойкости истины Бытия.

Знание и название хаоса остается незатронутым всеми недостатками, плохим настроением и мрачностью и всяким нытьем. Проясим это исходя из сферы представления <, характерного для> прежнего объяснения сущего: *Бог должен быть кем-то, чтобы мы знали, кто есть дьявол.*

69

То же самое. — Толпе, чтобы постоянно освежать ее всегда мимолетные «переживания», необходимо еще-никогда-не-бывалое. И поэтому то же самое для простого рассудка есть то, что он отодвигает от себя, замечая — «ничего нового».

Однако «то же самое» — простое в его всегда изначальной сущности — есть тайна, у которой созидающие в долгу.

70

Возможно, труднее всего быть философом, являясь «профессором философии». Если кто-нибудь в этой должности оказывается мыслителем, ему лучше всего при этом спрятаться; ибо его воспринимают как «профессора».

62

71

Достойное вопрошания (Fragwürdiges) — существенно иное, чем *сомнительное* (Fragliches). К последнему относится неопределенность: колебание. Первое вызывает восхищение, связывает и упрочивает в подобной связующей силе свое скрытое постоянство и величие. Сомнительным может стать все что угодно, достойным-вопрошания — только редкое и существенное.

Достойное вопрошания в то же время дает <возможность> вопрошанию развиться до ранга уникального знания. Сомнительное живет только за счет уже уверенного в себе самом и расхожего вида вопрошания.

72

То, что совершается сейчас под именем (но уже не «во имя») *философии*, есть изменение традиционных учений в рамках твердо установленных дисциплин, но в соотношении с сегодняшними потребностями, — и тогда это есть «новое» и тем самым одновременно уже устаревшее.

Нигде <не предлагается> прорыв из самых собственных необходимостей философии и ее начала — нигде нет ощущения нужды, в которую сперва должно вернуться мышление, чтобы воспринять

63

глубочайшие толчки и тем самым только определить ситуацию выхода для другого начала.

Теперь не нужны «системы» и тем более дешевые общие изложения, которые своим объемом делают вид, будто в них содержится изначальное вопрошание. (См. S. 144 сл.)

Если бы только мы располагали ближайшими путевыми знаками для начального хода будущего вопрошания и к тому же знанием о необходимой «предварительности» этого хода!

<Нужны> лишь путевые знаки, чтобы в решительной ориентации на них воодушевлялось само движение мышления.

Если бы мы *только* знали, *что* пришло к концу, *каким* должен быть переход и *каким* другое начало. Знание это было бы само по себе <настоящей> философией, не просто нашего времени, а такой, которая наше время уже преодолела, не будучи в этом действии признанной и признаваемой.

Но форма этой философии должна была бы быть весьма многогранной и неповторимой. И, возможно, требование такой <философии> сверхчеловечно — в том числе и в том, что она с необходимостью должна была бы проходить мимо всего современного важного и уважаемого и желаемого и известного и не могла бы никак соприкасаться с ними, чтобы именно так и действовать в будущем. —

Но нам задано только *еще* более предварительное — пробуждать воспоминание о том, что пришло к концу, что как бывшее еще бытийствует, — не для того, чтобы каким-то образом еще раз сделать его авторитетным, но чтобы подготовить для созидającego преодоления. И вот в это направление должно также и только так повернуть всякое философское воспитание, не имея права отвлекаться ни на какие мимолетные повседневные потребности. Но многие ли выдер-

жат такую задачу, не зайдя в тупик в своей деятельности как самоцели и не утрачивая *также* будущее.

Где тот, кто всецело исходя лишь из внутренней необходимости философии мыслит и вопрошает, чтобы мы могли внимать ему и участвовать в беседе с ним. Все пребывает в безмолвии. А то, что еще производит шум, это два с виду враждующих, но на самом деле сотрудничающих брата. Те, едва ли достойные упоминания, кто зако- 65
нел в прошлом и делает из философии <занудное> менторство и якобы превосходит все написанное прежде «народными философами». И те, которые, точно так же не имея никакого понятия о сущности философии, низводят ее до «служения» «народу» и представляют собой смесь заимствованной прежней философии и политических высказываний и прикидываются современными. Те и другие едины в том, что хотят приобрести авторитет и давно уже знают, что нужно «делать».

Те и другие согласны в том, что нужно сопротивляться любой попытке высветить хрупкую почву этих «позиций», без того, чтобы даже удостоить эти «позиции» какой-либо «дискуссии».

Кто может еще удивляться, когда тут исчезают всякая изначальность и всякая серьезность мышления, а бесконечное писание книг дико распространяется, как никогда прежде.

Отсутствуют все цели — не потому, что ни одна не поставлена, но по более глубокой причине, поскольку *обоснование цели* не познано как необходимость. (См. S. 55.)

Двойственность всякой привычки, до которой мы лишь с трудом и всегда по-новому дорастаем.

Во-первых, она создает подлинную и нужную укрытость действий и достижений. Во-вторых, однако, она именно благодаря этому делает все «привычным», отнимая у него силу истока, — даже если мы наше существование (Dasein) основали на истоках, которые всегда остаются не-привычными.

Иметь возможность постигать, добиваться и соединять то и другое — охраняющую благосклонность привычки и овладение привычным исходя из непривычного, это «счастье» — но и тогда, как это было ведомо Гёльдерлину, <его> труднее переносить, чем несчастье.

Но что той сущности, которая стоит внутри в подверженности сущему, привычнее, чем сущее? И что ей поэтому непривычнее, чем само Бытие.

67 Всё трудное должно быть превращено нами в толчок и таким образом в выталкивание в непривычное. Это является пространством для близости и дали Бога.

74

Если настанет такое время, что самая собственная работа делается ареной для «диссертаций», тогда и наступит тот момент, когда на долгое время постижение и прежде всего воля к этому будут отсутствовать. Этот момент обязательно придет.

75

В отличие от великого произведения искусства к сущности философии и подготавливающей ее поэзии относится то, что ее поймут впервые и самое раннее *спустя* два и три поколения. Тот, кто тут заботится о понимании в настоящем, сам себя делает *историографическим* (historisch) — т. е. отчасти

прошлым, хотя он все же должен быть всецело *историческим* (geschichtlich) — т. е. будущим.

76

Технику не следует ни понимать «метафизически» — в истине и неистине Бытия, ни тем более овладевать ею, определяя ее как «тотальное» предназначение существования (Bestimmung des Daseins). То, что она должна этим сделаться, заложено в ее сущности — но как это преодолеть? Простым признанием? Нет, тем самым мы хотя и избежим фальшивой романтики, которая только стремится назад, но не получим никакого вида на целеполагание — в особенности если не будем серьезно относиться к возможности, что благодаря «тотальной мобилизации»⁶ технического даже все закроется к своему концу, полностью, если нигде не откроются источники возможного преодоления этого сбытия (Geschehen). Чтобы это стало возможным, мы должны в *историческом* осмыслении отойти назад довольно далеко — к взаимосвязи τέχνη, ἀλήθεια и οὐσία.

Лишь из вопрошания о Бытии и его истине возникнет для нас *пространство* полемики с техникой — пока же мы движемся только в убаюкиваниях или простом признании ее самой. Мы еще мыслим метафизически слишком убого, чтобы здесь запустить настоящее осмысление и привести его к власти.

77

Техника как продвигающаяся в своей собственной бездне махинация, мнимо поддерживаемая и под-

6. [Ernst Jünger: Die totale Mobilmachung. In: Krieg und Krieger. Hrsg. von Ernst Jünger. Junker und Dünnhaupt Verlag: Berlin 1930, S. 9–30.]

тверждаемая «природой», — махинация человека, блуждающего в оставленности бытием, может только, если вообще может, стать сверхмощной исходя из «события».

Но событие является более изначальным, поскольку более начальным, чем всякая «религия», — сбывание истины Бытия как совершенно иное возвышение человека и как открытие другой бездонности.

78

Все мои «историографические» (historisch) лекции и «интерпретации» представляют собой *исторические* осмысления (geschichtliche Besinnungen), а не историографические размышления (historische Betrachtungen). (См. 3-имний <семестр> <19>37/8, S. 12⁷.)

Историческое осмысление позволяет по-настоящему постичь происходящее (Geschehen) — а именно в его *начальной будущности*. Вот почему историческое осмысление, которое всегда есть плод созидательного мышления, должно постоянно *предоставлять* прошлому *пред-данное* (Vor-gabe), т. е. показывать в нем больше и более изначальное; а потому оно всегда ложно в историографическом плане, хотя истинно в историческом. Для мелких «вычислителей» отсюда следует отрадный момент, что ведь Платон и Кант и т. п. все уже всё знали. Они ничего не знают о благоговении перед великим, лишь благодаря которому мы сами подготавливаемся к величию. Историческая истина исторического осмысления состоит не в том, чтобы правиль-

7. [Heidegger: Grundfragen der Philosophie. Ausgewählte «Probleme» der «Logik». GA 45. A.a.O., S. 39ff.]

но изложить прошлое само по себе, но в том, что будущее в прошлом, даже когда — и именно когда — оно оттеснено и *не* освоено, проявляется в своей предвосхищающей, но невысвобожденной силе, т. е. становится для нас задачей, но никогда не предметом расчета.

Но позднее непременно явятся кое-кто из многих, кто поймет, что историческое осмысление означает для нас переходное (*Übergehende*).

Оно есть преодоление историографии и историзма, а не позорное бегство в безвременность и ложно понятое «вечное», под которым одни «понимают» только простое бесконечное продолжение, а другие просто остановившееся готовое в себе.

Неадекватное, ибо внешнее, отношение к истории, в том виде, как оно развилось в сегодняшней историографии, приведшей к историзму, нельзя преодолеть бегством из истории, но только с помощью изначального вхождения [в] сбывание истории (*das Geschehen der Geschichte*).

Разумеется — историческое осмысление требует предельной строгости, от которой далеко отстают историографическая «точность», поскольку она относится только к научной форме и определяемому отсюда содержанию.

Вот почему историческое осмысление на больших отрезках так отличается от историографического размышления. Это необходимо — но еще более необходима способность к длительному усилию и дальновидение, чтобы за «историографическим» никогда не терять историческое. Поэтому является вводящим в заблуждение и вредным методом, когда историческое осмысление «конфронтирует» с историографическим исследованием и, естественно, — признается слишком слабым и прежде всего «насильственным». Все это указывает на полное от-

сутствие культуры мышления, на глубокую неспособность различать стадии вопрошания и придерживаться критериев.

Поэтому полемика с подобным непониманием исторического осмысления также будет бесплодной, а главное — отказом от собственного уровня.

Ученики понимают учителя всегда только историкографически, он для них еще немного присутствующий в настоящем (*Gegenwärtige*), но все-таки уже нечто преходящее и прошедшее, за которым следуют *они*. Чтобы понять учителя *исторически*, нужно быть *не-учеником*. Правда, не-учениками являются также все те, кто никогда не учился в школе, и вот им как раз не хватает даже предпосылок, чтобы понять то, что говорит «учитель», хотя бы только «историкографически».

На деле не-ученик есть тот, кто не *просто* ученик, но сам снова — *само собой* — стал по сути учителем. Но такие встречаются редко. И поэтому, к примеру, некая философия будет творчески постигнута *самое раннее через* 100 лет после своего возникновения. Мы, немцы, только начинаем подготавливаться к постижению Лейбница. А что совершалось в промежутке и вообще гораздо раньше него?

Тем не менее историографы философии, конечно, все это знают в точности, даже для большинства <материала> у них приготовлены названия и ярлычки; так, моя попытка якобы относится к «экзистенцфилософии», и последующие историографы с удовольствием воспользуются этим ярлычком — ведь современники этой мнимой «экзистенцфилософии» должны лучше всех знать, что там было *в действительности*.

Таким образом историография есть постоянное, и к тому же неизбежное, искажение и разрушение (*Verschüttung*) истории.

Лишь тот, кто «делает» историю, способен ее также и пробуждать.

79

73

С чем связана безрезультатность философии? Предварительным вопросом нужно было бы решить, а есть ли у нас вообще какая-нибудь философия. Но это лишь в том смысле, что начинается сущностное вопрошание, раскрывающее совершенно иные сферы и поэтому относящееся к другим позициям, — но одновременно сохраняется невосприимчивость ко всему этому — отвращение, которое невозможно объяснить простым невежеством. Здесь, видимо, должна действовать другая сила, которую мы не встретим и тогда, когда укажем на избыток практико-технических «интересов»; ибо эти интересы суть прежде всего следствие изменения, которое, возможно, должно постигаться и испытываться как абсолютная *оставленность бытием* — как ее решающее начало (Ausbruch).

В поле этого начала, которое есть поле сущего в целом, ничто не может надеяться на пощаду.

80

Возможно ли в эпоху дичайшей мании спешной публикации и фабрикации всего для всех — *воспитать* некий народ, чтобы он стал народом, т. е. воспитать к сдержанности по отношению к его предназначению? Например, в сфере писательства — чтобы писалось и говорилось лишь самое существенное и только после продолжительной подготовки на основе подлинной зрелости. Откуда взять силу для такой самодисциплины? И как могут немногие, которые-то и способны на это, совладать с массо-

74

востью и махинациями, особенно при том, что они должны отказаться именно от путей и средств, используемых теми, — должны, потому что иначе их наиболее собственное обратится в свою противоположность.

81

Что это — бегство, трусость и слабость, если мы отказываемся непосредственно ответить массовости и махинациям теми же средствами? А не является ли это <выражением> долготерпения, которое нужно, чтобы незаметно и неоцененно работать над подготовкой тех, кто тут появится, когда достигнет своего неостановимого конца <массовость>, чтобы ее действительно только тогда и преобразовать.

75

Конечно, опасность полного разрушения этим не предотвращена, она будет всегда сохраняться и тем сильнее давать толчок для подготовки к другому; ибо у исторического формирования свой собственный закон: то, что меняется, т. е. должно стать другим началом, — никогда не может идти параллельно с тем, что нужно преодолеть. *Другое начало должно предшествовать, и поэтому оно нынче должно принять видимость того, что отстаёт и позволяет вещам идти своим чередом.*

Но как мало тех, кто это понимает, а как редки среди них те, кто в подобной подготовке не становится снова лишь простым хранителем прошлого из-за пресыщения современностью?

82

Почему у нас столько писателей, есть и весьма умелые, среди которых есть очень хорошие, а среди последних — весьма серьезные; почему только пи-

сатели — и ни одного поэта? Потому что «люди» («man») больше не могут хотеть поэтов. Но <подлинный> поэт мог бы быть без всего этого в своей необходимости; и он уже давно *есть* — Гёльдерлин — вот только мы делаем его сейчас историографически соответствующим духу <своего> времени и вновь надолго лишаем возможности — исторически — сделаться изначальным сбыванием нашей истории. 76

83

Базовый опыт моего мышления: Сверхвласть Бытия над всем сущим — бессилие сущего, <т. е. невозможность того,> что из него придет исток; однако Бытие <понимается здесь> не как предмет мышления и представления, а сверхвласть — не как априори в смысле условия опредмечивания; все это есть только передний план и отдаленное следствие первоначального — но заметно снова тонущего Бытия. Сверхвласть Бытия, бытийствующего в изначальной истине, — из которой сперва и в которую из нее (aus der erst und in die heraus) лишь возникает всякое сущее. Бытие бытийствующее в без-дне времени-пространства.

Этот базовый опыт — не «переживание», но вхождение в историю, лишь через которое ее скрытое сбывание приходит к действию и требованию; прежде всего как вопрос о первом начале — но сверхвласть Бытия одновременно требует уполномочивания и выделения человека — но как? Не как человека, а <как что еще?> — именно об этом нужно было бы выспросить в самом начале. И первый ответ гласил: человек как Da-sein — как основатель истины Бытия — основатель, который принадлежит к без-дне. 77

Но этот базовый опыт при всей скрытой определенности впутан в прошлое, в нем распылен, им

омрачен и искривлен, во всяком случае, когда он хочет обрести собственную форму. И было бы обманом более высокого рода, если бы возникло мнение, будто первый подход в «Бытии и времени» преодолел опасность. Впутанность сейчас еще опаснее, поскольку самоутверждение укрепляется в достигнутом. (См. S. 106.)

84

Только из принадлежности к Бытию вырастает согласие сущего и <другого> сущего. И принадлежность к Бытию больше не возникает для нас, если только мы не пройдем сквозь бездну истины Бытия.

78 Не «пере-живать» сущее, а дарить себя в Бытие. Все «пере-живают» всё и никто не дарит себя в единственное — ибо нигде не осуществляется обязательная работа решения.

85

Тирания *техники* — там, где она сама по отношению к себе настолько не защищена, неустойчива и переходяща; мгновенно обгоняет сама себя, причем без уверенности в том, что подобное может господствовать и очаровывать, — какой человек нужен для этого? Насколько далеко уже должна зайти утрата корней, чтобы увлечься чем-то подобным; ведь речь не идет об отдельных <людях>, которые, возможно, еще романтически обороняются, но все же будут перемолоты вместе с <остальными>.

Техника может удлинять, тормозить, так или этак воздействовать в области измеряемого, — но она никогда не может преодолевать — т.е. основывать; она сама все больше становится постоянно преодолеваемой, и именно так она держится

длительное время — хотя не дает никаких гарантий, в особенности там, где противостоит себе подобным.

86

Историческая утрата корней и разнузданность данной эпохи отчетливо проявились в моде на Гёльдерлина; ибо люди ошибочно причисляют Гёльдерлина к «отечественному» либо открыто или тайком проносят его в <область> «христианского». Таким образом, решение, которым он *является* (*die er ist*), не только обходится, но вообще не выносится в <сферу> знания. Но всякий раз сохраняется видимость, будто его творчество якобы измеряется по высшим <меркам>, хотя они сформированы лишь историографически (*historisch gemacht*) и связываются с какой-нибудь пользой.

79

87

Техника и утрата корней. — В то время как радио и всевозможная организационная деятельность разрушают внутренний рост, а значит, постоянное вращение в традицию в селе, и тем самым разрушают само село, создаются кафедры по «социологии» крестьянства и пишутся горы книг о народном духе. Этот процесс писания о ... — точно такой же, как навязывание радиоаппарата крестьянам в расчете на потребности горожан-чужаков, которые все больше наводняют село.

Но самым роковым является то, что эти процессы вообще не хотят замечать, не говоря уже об их сходстве и их общей основе.

80 *Техника* и ее сестра-близнец — «*организация*», обе являющиеся противоположностью всему «органическому», действуют в соответствии со своей сутью, <направляясь> к собственному концу, подрывая себя самих. А что делаем *мы, увлеченные*, т. е. захваченные и очарованные, а также уносимые этим процессом — что делаем *мы*? Мы вооружаемся в техническом и организационном смысле (короче: мы снаряжаемся для махинации). Мы приготавливаемся, направляясь к концу, чтобы — потом в конце быть не подготовленными для начала, а перед этим — для колоссального опустошения и потрясения всего.

Готовятся к концу и те, которые, например, желают выращивать народ на манер «биологического» разведения, — ибо, несмотря на видимость противоположного, — это разведение и настаивание на нем есть лишь *следствие* того, что натворили прежде, — следствие несомненного господства махинаторства самого по себе (в смысле непреодоленной «либеральной» идеи прогресса).

81 Будущих <людей> в сущностном смысле можно распознать по тому, снаряжаются ли они для конца или готовят начало и переход. Между ними своим самым губительным ремеслом занимаются те, кто якобы готовится *как* для техники и сегодняшнего, *так и* для «другого», — те, кто желает спасти только прошлое, будь то из неприкрытой жажды власти и ненависти ко всему созидаемому, или же из неспособности к созиданию, — что в принципе одно и то же.

Вот почему будущих трудно распознать, особенно потому, что они, если они такие, помалкивают.

89

Будем ли мы вопрошать об истине Бытия, чтобы обосновать изначальную принадлежность, — или продолжим объяснять сущее из сущего и «овладевать» им? Каковое «овладение» (не господство, а плохо прикрытое рабство) таится внутри процесса, который стремится к своему концу.

Для чего нам нужно удерживать то, что стремится к своему концу? Но конец никогда не является чем-то последним (*das Letzte*), пока мы под концом понимаем простое затухание (*Auslaufen*) так и не покоренного начала. Последнее же (*das Letzte*) в своей необходимости есть высшее просветление первого.

90

«Культура» — сама по себе она вообще-то относится к эпохе начала Нового времени — является сегодня просто довеском техники и служит с одной стороны для прикрытия неизменной тирании техники, а с другой — для одурачивания массы, которую нужно подкармливать прежде недоступным ей «культурным достоянием». Следствием этого бывает, например, что на спектакле «Гамлет», который рекомендуется к обязательному просмотру, соотечественники кашляют, сплевывают и дремлют, а также смеются в самых неподходящих местах — и это называется «народной культурой». Сам по себе это вполне незначительный эпизод, и все же, если заглянуть в суть, это признак безмерной лжи и беспомощности — не «народа», разумеется, а тех, кто пичкает его «культурой». А это в свою очередь есть только проявление всеобщей махинации, в которую человек втянут — где он должен пребывать без

связи с сущим — поскольку истина Бытия не становится нуждой.

91

Платон: когда мы лишь пересказываем прежнее, непонятое и ложно истолкованное и требуем установления «идей», это не ведет на вольный простор; столь же мало это ведет на вольный простор, как запрет идей в качестве сверх- и не-чувственного по отношению к чувственному как тому, что требует утверждения. Всякий раз это *не* подлинная мыслительная полемика с Платоном, которая начинается лишь тогда, когда мы достаточно сильны для вопроса: что происходит в том, что *ἰδέα* устанавливается как *οὐσία*, а *νοεῖν ἰδέα*⁸ делается базовым определением сущности человека? В какой мере это является еще последним развитием *не извлеченного на поверхность и неопрошенного* сбывания (*das ungehobene und unbefragte Geschehen*), на которое греки, назвав его *ἀλήθεια*, скорее указывали и его маскировали, чем овладевали им?

Упомянутое сбывание, которое только и открывает и основывает пространство вокруг человека и позволяет ему впервые взглянуть на себя самого, — это сбывание, до сих пор никем не понятое, но за которое мы раньше всего хватаемся, когда говорим о *Da-sein*. Нечто — более начальное, чем первое начало, и более будущное, чем его конец?

Платон своим «учением об идеях» в той же мере спас *ἀλήθεια*, в какой вместе с тем окончательно пресек вопрошание о ней, так что и Ницше еще благодаря Платону проложил путь, который не дал ему возможности совершить прыжок на простор.

8. Мыслить идею (*греч.*) — Прим. пер.

92

Собираются еще раз очертя голову броситься обратно в человека (в концепцию человека), который сейчас вершит конец последнего человека: человека как animal rationale.

Восхваляют «мировоззрение» как наделенное высшей истиной, поскольку оно «разумно»!

И осуществляют разведение animal как раба этого «разума». И вот отсюда грядет спасение Запада? 84

93

История философии: что важнее — вопрошая, прокладывать пути изначального вопрошания или излагать ее, <эту историю>? Но даже изложение никогда не смогло бы быть изображением лишь достигнутого — оно должно было бы пуститься в обновленный путь и таким образом, как всякий <путь>, углубить — основательнее и бездоннее — уровень предыдущих.

Какими путями должен двигаться переход, чтобы достичь той растущей выросшей основы, откуда возможно будет совершить прыжок в другое начало?

Здесь следует сказать о Бытии как самом странном — высказывание должно не только сохранить эту странность, но и усилить ее, — и тем не менее сказать все это в безыскусной простоте. Кто отважится на это? Кто достаточно подготовился и щедр на избыток?

В этой области постыдными будут все те уловки и расчеты, с помощью которых сейчас фабрикуется нынешняя, соответствующая духу времени «философия». 85

Растет число молодых людей, которые с помощью ряда нахватанных «книг по мировоззрению», за которые они не отвечают, начинают «свысока» опровергать прежнюю историю философии. Действительную историю, конечно, подобной писаниной не остановить. Но стоит задуматься, ведь если теперь, к примеру, Декарта опровергают мелкие приват-доценты, которые никогда ни одну свою идею не выстрадали в ее необходимости и даже не помыслили, не говоря уже о *той мысли*, которая дала бы право *рассуждать* о полемике с Декартом и о подготовке — *философской*, имею я в виду, — не литературно-деляческой — такой полемики. Это заставляет задуматься о том, что уже нет учителей, которые воспрепятствовали бы подобным дерзким выходкам, более того, с помощью правильной прививки почтения, не допускали бы таких попыток. Вместо этого — как кажется — продвигают данный вид ограбления трупов в рамки «историографии» (не истории) философии, чтобы таким путем достичь «философской» плодотворности «мировоззрения». «Борцы» этого рода без колебаний займутся такой деятельностью, поскольку это лучший и надежнейший способ вступить на «свободный путь достойных людей». Куда ведет все это?

Но, возможно, все это подпадает под закон о необходимости посредственного и чересчур шумного — закон, диапазон действия которого мы все еще слишком сужаем, впадая таким образом в ложное ожидание того, что на пустыре за ночь заколосится хлебная нива.

95

Кто из сегодняшних предчувствует тот *другой* закон, что самое сущностное сначала добывается в *том* облике, который требует от него прежде еще раз вернуться назад в сокрытое как <пришедшее> *слишком* рано? И наконец: кто дерзнет <пойти> этим окольным путем в эпоху, где во внимание принимается только конкретное «дело», т. е. польза и успех, — где ищется вовсе не истина, а значимость.

Когда придут те, кто прокладывает окольные пути <пришедшему> слишком рано? (Сначала трубят лишь трубачи слишком запоздавшего, и они трубят беспрерывно, заглушая себя, поскольку уши для <восприятия> шума становятся все больше и многочисленнее — ведь в конечном счете люди больше ничего другого не *желают* слышать, кроме одурачивания через организованное лишение корней.) 87

96

*Если бы сегодняшние и особенно профессиональные ученые-«философы» кое-что понимали в отношении того факта, что Ницше говорил, то немедленно прекратились бы писание и разговоры о философии и молчание на целые годы должно было бы возвестить: немцы начали постигать своих мыслителей самого далекого будущего. Вместо этого до небес растет «литература», — а почему бы и нет, ведь чем больше *цифры* тиражей, тем громче можно твердить о растущей «культуре». Но мы снова оказываемся в области закона о шуме, не знаящем меры.*

97

- 88 Воспитание теперь — в эпоху техники — стоит перед задачей: «выявить» новый «тип» людей; подобно тому, как предприниматели «выпускают» новый тип «мотоциклов». И этим воспитательным предприятием занимаются еще даже «греки».

98

Что получится, когда проторговавшиеся приказчики и неудавшиеся инженеры займутся «культурой»? *Что*, если, напротив, люди будут только сопротивляться, когда кто-то захочет вновь повысить авторитет «Прошлых трудов»? *Что требуется*, чтобы положение здесь изменилось? Будущие и невидимые «поколения», которые в состоянии задуматься о великих начинаниях в прошлом, никогда не подвергаясь опасности опалы как «непризнанные» и все-таки зорко наблюдая за всем сегодняшним, чтобы увидеть, что тут не просто случайные события, а история; ибо у этого сегодняшнего будет, видимо, много времени впереди и оно под многообразными обличьями будет по-новому распространяться — ибо оно желает видеть *себя* опять-таки лишь как «новое время» и остается таким образом продолжением всякого «Нового времени» — отрезком его окончания.

- 89 *Сегодняшнее* — под этим мы имеем в виду не какое-то особое политическое «мировоззрение» или какую-то «культурную политику», — а общеевропейское состояние в его движениях и контр-движениях.

И здесь решающим является следующее: то, что всюду начинается возврат к прошлой «метафизике» и человек как *animal rationale* — как разумное живот-

ное — вновь возрождается (раса и разум). (См. Лекция 37/8, S. 36 сл.⁹) С первоначальной исторической точки зрения это означает увязание в предшествующем, несмотря на все стимулы и усилия в отдельных областях и позициях. Все это должно неизбежно оставаться нетворческим, поскольку нет отваги для принятия решения исходя из начального и не подготавливается пространство для решения — ведь подготовка не желательна.

Тот, кто не видит этого неприкрытого возврата в распродаваемые остатки общего достояния — западноевропейского понимания мира и человека, кто не видит, что здесь заложено собственное сбывание сегодняшнего и завтрашнего, тот вообще не занимает какую-либо определенную позицию, чтобы вопрошать по-философски, т.е. так, чтобы это вопрошание могло хотя бы отдаленно сравниться с великим мышлением Запада, чьи нахлебники позволяют себе убогое высокомерие «продвинутых».

Все нападки на христианство — мнимая борьба, поскольку в принципе <люди> хотят ведь того же самого, но только другим способом.

Все ссылки на античность — пустая самонадеянность, поскольку не желают или не могут вообще *соответственно* вопрошать.

Инертность историографического знания и писательская ловкость в смешении всего —

безудержное разграбление всего не достигнутого одиночками —

ссылка на «переживание», т.е. лень мысли —

все это создает атмосферу, подобную той, что возникает над болотом и вызывает кажущуюся пышность растительности.

9. [Там же, S. 140 слл.]

Гибнет всякая способность к различению. А там, где она еще сохранилась, определяющей остается тем не менее всеобщая атмосфера. Романтики-слабаки, как и бесцеремонные дельцы (в «духовной области»), дышат ею.

91 Но даже на это можно бы не обращать внимания, если бы это не происходило всецело в направлении и в виде движения к *концу* и тем самым, что является решающим, мешало пробуждению для подготовки другого начала.

То, что у нас, немцев, в особенности наряду со многими проявлениями доброй воли и предельной силы, действует не в мыслительной и не художественной и не поэтической области, делает ситуацию *еще* более достойной вопрошания — ведь рано или поздно возникнет вопрос: для чего? А если не окажется тех, кто своевременно и достаточно долго воспитывался для того, чтобы взять на себя этот вопрос? Если выяснится, что *новые* «интеллектуалы» уже даже не владеют «интеллектом» (т. е. подлинным мышлением), но являются лишь шарлатанами, одержимыми зудом писания и, возможно, даже еще и «в трезвом уме и твердой памяти»?

99

С удовольствием дергая за ниточки своих махинаций и расчетов, они полагают, что делают историю и только содействуют последнему отлучению от великих богов. Как слову о Бытии найти здесь внемлющее ухо?

92

100

Наука всегда является дистанцией по отношению к предмету, а тем самым и подавно к сущему, а по-

тому, чтобы убрать дистанцию, необходима организация махинации и расчета. Научное знание поэтому весьма условно, а значит, вовсе не «принудительно».

Знание в собственном смысле есть *принадлежность* к Бытию и требует вхождения в истину Бытия. Основанием принадлежности является Da-sein как история.

101

Чем дальше <заброшен> набросок Бытия, тем изначальнее спор в <этом> осуществлении; чем глубже спор, тем сверхмернее избыток проникновенности (Innigkeit).

В наброске всегда <присутствует> отставание и излишнее.

В брошенности издавна <заложены> и опережение и прохождение <определенного расстояния>.

102

Если важно передать нечто великое в переходе, мы должны двигаться очень медленно и непрерывно, не заботясь о насущных потребностях и не щадя самих себя; ибо кто хочет сначала щадить себя ради <достижения> чего-то великого, вместо подготовки себя к «жертве», уже *отрекся* <от великого>.

Надо сказать, что «жертва» *звучит* несколько хвастливо и по-христиански. А в виду имеется другое.

Сегодня, когда успех выше истины, не нужно удивляться, когда первые позиции в знании и незнании тут же оцениваются таким образом. Но это означает, что в эпоху перехода <господствует> полное непонимание уникального, а потому только не-

многим становится доступным, что в ходе перехода даже свершается несравненная истина. В век перехода больше, чем в другие периоды, все срывается с петель и все ищет какой-нибудь <точки> опоры и все претендует на <обладание> истиной единой для всех — и именно здесь истина Бытия сияет лишь в немногих, чья принадлежность есть неведение-себя в познании того, что подобные существуют, чтобы подготовить другое.

И все же: опять нам попадается это «все же»! Ибо любая работа сама по себе, сколько бы она ни замалчивала свое происхождение, есть только обломок того разлома, которого требует великий мятеж в человеке — его <положение> «между» бытием и видимостью.

94 Подобно тому, как мы встречаем самих себя в различных обличьях в зависимости от ступени бытия, на которой мы в состоянии держаться, так обстоит дело и с обличьем <людей>, принадлежащих к нам. И богатство <разнообразия> обличий осваивается лишь исходя из растущей глубины существования (Dasein) и приносится в свободную игру его просветляющего воздействия.

103

«Воля к власти» Ницше — т. е. то, что мы знаем под этим названием как «произведение» (Werk), — является не фрагментом, но именно *произведением* того, кто *установил конец* западноевропейской философии на ее первом этапе. Поэтому все усилия — даже усилия самого Ницше — в направлении обычного выстраивания произведения ведут к ложному толкованию; ведь сущностный конец (как и начало) не может быть чем-то законченным — он должен оставаться неохватным, а потому — неисчер-

паемым. Вот почему все усилия, связанные с этим произведением, были нацелены на то, чтобы констатировать самую подлинную «незаконченность» в ее исторической форме, чтобы всюду проявлялись одновременно многообразие уровней и переплетение траекторий взглядов, вместо того, чтобы все это растворилось в единообразии определенной схемы. Лишь медленно мы продвигаемся в своей работе в сторону того времени, когда <будущее> поколение немцев достаточно созреет в силе вопрошания и строгости осмысления, чтобы это последнее произведение могло остаться как побуждение к другому началу. Вплоть до этого времени, однако, надо также преодолеть все еще опасно нарастающее «биографически-психологическое» вынюхивание личности Ницше; ибо *оно* как раз притворяется, будто люди знают кое-что об этом произведении, коль скоро известна <его> психологическая подоплека. Но это невозможно, поскольку никто из современных мыслителей столь чрезмерно не принуждал себя упразднить собственную «личность» с помощью закона мысли и осмысления. То, что Ницше, с другой стороны, как никто до него, постоянно говорит о себе и только «себя» выражает в публикациях, это свидетельствует *не против* сказанного, а за него — ибо все это было лишь подготовкой к преодолению; но то, что она должна была высказать, только выдает, сколь насущной была задача; столь насущной, что отдельный человек не может остаться с ней наедине, а должен ее выкрикнуть. Но насколько ошибочным будет принимать этот крик за подлинно сказанное и за то, что должно быть сказано, когда он представляет собой лишь эхо в собственно заданное для осмысления: коренное преобразование «действительности» и создание предпосылок для этого.

95

96

Путаницу в отношении Ницше поэтому почти невозможно распутать, если мы обратим внимание на то, как в писаниях и «трудах» наудачу выискивают «места», которые потом выстраивают в соответствии с каким-нибудь подверстанным планом. В то время как подлинный «труд» восходит к «простой» трактовке сущего в его что-бытии (*Wassein*) как воли к власти и в его как-бытии (*Wiesein*) как вечном возвращении того же самого, и вопрос об основании взаимосвязи этих областей наброска есть единственно важный, т. е. «только» оставленный Ницше в наследии, — «в это время» бушуют речи и писания о Ницше по поводу всего, что как-то порождено каким-либо замечанием по поводу какого-либо явления. Задумаемся о том, какую очистительную работу нужно здесь провести, и заметим попутно, как то и дело кто-нибудь упорядоченно «исследует» и решает все вопросы в своем «труде», который не может быть менее 600 страниц толщиной, тогда станет ясно, что в области мыслительного осмысления мы не продвинулись еще ни на шаг после «литературы о мировых загадках»¹⁰ — в последние десятилетия прошлого столетия; вот только все «состряпано» гораздо ловчее, уже не так грубо, не так односторонне, — но поэтому тем коварнее, хотя и в какой-то степени менее действенно, поскольку слишком много тех, кто в скучнейших вариантах выносит на обозрение всю эту безвопросность всех вещей, создавая видимость того, что обсуждаются «жгучие» проблемы.

В такое время, которое в мыслительно-формирующей области лишилось всех масштабов и всякой позиции и защищается только ловкостью, по-

10. [Haeckel: Die Welträtsel. Gemeinverständliche Studien über Monistische Philosophie. A.a.O.]

мочь может лишь одно — снова внести в нашу среду самое чуждое, самое простое, самое великое из греческого мышления, не для того, чтобы его обновить, но чтобы освободить нас от устаревшего, т. е. ставшего привычным и расхожим, и дать возможность почувствовать масштабность. Лишь тонкая цепь такого изготовится прежде всего, чтобы отважиться на штурм наиболее упорствующего: распространения привычного, быстроты мельчания всего существенного, связанной с этим ссылкой на «богатство мысли» и «духовные ценности». 98

Ницше мог бы только — если бы он должен был сегодня осуществлять свое *Da-sein* — высказать то же самое *еще* жестче и *еще* более страстно. И все же за это время должно было бы совершиться более изначальное осмысление начала нашего мышления: вопроса о Бытии — больше не загроможденного «теорией познания» и «номинализмом» — и уже не выхолащенного «онтологией».

Но, возможно, это более изначальное вопрошание может прежде всего послужить тому, чтобы обеспечить трудам Ницше поле зрения в будущее, чтобы лишь оттуда постигать его труды в их историчности — в той связующей силе, которая изначально объединяет бывшее и будущее, чтобы из этого истока, <первопрыжка>, перепрыгнуть прошедшее.

Однако различие между скрытой формой произведения и ясно выраженным усилием <по его созданию> никоим образом не согласуется с известным разделением сочинений, опубликованных самим Ницше, и «наследием», как будто «наследие» содержит запланированный труд. Более того, это различие проходит как через опубликованные сочинения, так и через заметки из наследия. 99

Скрытая форма произведения *настолько* реальна, что она подстегивает все чувства и попытки и даже

прямо принуждает к преждевременным сообщениям, в которых лишь иногда молнией сверкнет нечто, <похожее на> произведение. (См. особенно «По ту сторону добра и зла»; например, «Об истине»; «О религиозной жизни»¹¹.)

104

100 Беспокоящий разлад царит во всех мыслительных усилиях по преодолению. Прежде всего это преодоление, исходящее из того, что следовало преодолеть (например, из метафизики), и мысля *против* нее, должно рассчитывать как раз на все свои ресурсы (Bestand) и различия и понятия и таким образом указывать вовне на другое. Но как только это удается, всякое преодоление через предшествующее откручивается назад, как с помощью вóрота, и не выпускается на простор. Лишь когда то, на что преодоление предварительно указывает, само по себе достигнуто, так что это позволяет <создать> собственную область основания, осуществляется преодоление; но тогда оно одновременно сбрасывает то сомнительное и ложно понятое, как будто оно является только враждебностью и страстью к опровержениям и манией к новшествам, хотя оно все-таки в действительности хочет освободить то, что нужно преодолеть, прежде всего от того, что к нему пристало, и вернуть его к его собственному величию и необходимости и исходя из них вновь установить его. Лишь существенное достойно подобного преодоления. Несущественное и расхожее гибнет от своей собственной пустоты.

11. [Friedrich Nietzsche: Jenseits von Gut und Böse. Vorspiel einer Philosophie der Zukunft. In: Werke. Bd. VII. Kröner Verlag: Stuttgart 1921, S. 7–37 и 67–90.]

105

Скажи мне, *какого* мыслителя и *как* ты избрал в качестве «противника», и я скажу тебе, насколько далеко ты сам продвинулся в область мысли.

106

Сегодня нигде не прилагается ни малейшего усилия, которое свидетельствовало бы о желании и прежде всего об изначальном принуждении набросать в основных чертах, обосновать и укрепить базовую позицию вопрошания, выросшую из мыслительной задачи; на что указывает эта пустота? Что нет никого, кто обладал бы знанием о сущностной задаче другого начала, мог и хотел бы им обладать. Как иначе можно было бы объяснить то состояние, что повсюду началась погоня за максимально быстрой и расхожей фабрикацией «философий», нацеленных на то, чтобы заслужить похвалу за «политическую благонадежность» и обрести значимость? 101

107

«Мировоззрения» и их возвешение появляются лишь тогда, когда «мир» сорвался с петель и страстность набрасывания мира парализована и все должно оставаться только эрзацем.

Воля к непосредственному «действию» предстает как «естественная» в окружении привычных типов поведения, задач и махинаций человека. И поэтому, пожалуй, «мышление» также хотело бы достичь подобного образа действия, и тем больше, чем дольше, будучи «голым» мышлением, оно сначала должно оставаться без подобной практической полезности. В свете этой воли к действию должно

тогда «болезненно» восприниматься то, что все попытки утопают в ложном истолковании, в сегодняшнем и в модном.

102 Но почему я никогда не воспринимал этот процесс «болезненно»? Да потому, что смутно осознавал то, что сейчас знаю яснее: ведь именно это ложное истолкование всякой работы (например, как «экзистенцфилософии») есть лучшая и надежнейшая защита от преждевременного изнашивания сущностного. И так и должно быть, поскольку все-
му сущностному мышлению чуждо всякое непосредственное действие и поскольку ему должно быть запрещено делаться в его истине «познанным» и «понятым» в современном мире. Ибо это означало бы, что мыслительно-выспрошенное снижается до уже расхожего.

Вот так все в лучшем порядке — т.е. все хорошо упрятано и ложно истолковывается и ускользает от грубых пальцев и перетирания с помощью понятного. Однако будет все же ошибкой, если бы кто-то поверил, будто это знание о необходимости ложного толкования, как любые сведения, просто хранить и легко нести; но то, что сюда попадает тяжелого, касается лишь того, кто должен это нести, чтобы благодаря этому стать твердым по отношению к себе самому и мягким в отношении ко многим, которые хотели бы иметь право «опровергать» и объявлять «преодоленным».

108

Сильнейшая борьба разгорается в рамках задачи (*zwischen der Aufgabe*), которая становится необходимой *из-за* первого произведения (*Werk*) *против* него самого. Если обоснование этой задачи удастся — если вопрос об истине Бытия вынудит пово-

рот к вопросу о Бытии *истины* и если лишь в *этом* вопросе об истине слышится вопрос о бытии, тогда пробуждается настоящий спор вопрошания, и внутреннейшее спокойствие гарантируется прежним, и подготавливается принадлежность к единственному, и начинается другое начало. 103

109

Какую картину сегодняшней эпохи сознательно и бессознательно передадут подкупленные и неподкупные авторы будущим потомкам, вероятно, все более мельчающим?

110

<Авторы> *историографических* описаний «мужей» и «эпох» сейчас из честолюбия отождествляют свое занятие с «*журналистикой*», а газетная писанина дошла до уровня *плохих школьных сочинений*. Куда угодит историография на этом пути? Почему нигде не видны усилия по «обретению» необходимо-го изначального стиля?

Потому что никакие необходимости не познаются, они только «переживаются», и все сейчас пришедшие к «власти» речи и писания соответствуют по стилю *позавчерашнему* дню и себе самим поэтому кажутся новыми; ибо вчерашнее остается еще в слишком короткой памяти.

111

104

Что произошло с «наукой» в ходе развития, которое уходит далеко в прошлое и теперь только ускорилося? «Наука» охватывает здесь науки о природе и о духе. Одни превратились в «*технику*», с пока

еще необходимым дополнением под названием «теория». Другие стали «журналистикой», с пока еще необходимым дополнением под названием «сбор материала».

И «техника» и «журналистика» обладают «преимуществом» «близости к жизни», а прежде всего, они больше не ставят всех тех, кто теперь занял руководящие должности, перед каким-либо решением, теперь главное — только погоня за новым и опережение <его> с помощью самоновейшего. А поскольку обе, «техника» и «журналистика», теперь объединяются, что стало весьма легким делом — ведь у одной отсутствует то, чем обладает другая («душевное переживание» и машинное принуждение), — вырастает новый вид «духовности», которую можно, как минимум, назвать ужасающей.

105

Самое *каверзное* во всем этом не то, что создалась такая ситуация, а то, что теперь отсюда — все более и более заметно — возникает претензия потягаться с прежними эпохами духа и даже их восхвалять. Если бы вместо этого все явилось в своей голой пустыне, то по крайней мере создалась бы ясная ситуация, и наряду с этим было бы подготовлено неизбежное решение. Но так как это бессилие сочетается с прошлыми целями и масштабами и притязаниями, пусть это делается с <помощью> *ловкой* техники журналистики, подкупленной собственной бездарностью. Это европейское состояние есть в настоящее время единственно постоянное в ежедневной чехарде «политических» отношений.

112

Пройдет еще немного времени — и *Ницше* станут хоть и не опровергать, ибо для этого нет подходящего оружия, но вытеснять в прошлое. Ужасающее

господство безликого человека (das Man) в эпоху народной общности состоит в том, что им сознательно управляют; и в том, что в этом управлении сохраняется та наиболее роковая <народная общность>, которая заботится о том, чтобы об определенных произведениях и их творцах уже больше не говорили. Сознательное воспитание забывчивости — как защитная мера в пользу посредственностей и боящихся своей собственной пустоты; осмысление этого — не такого уж нового — но только уникального в своих размерах процесса вносит хороший вклад в объяснение поговорки: «„Мужи“ (Männer) делают историю».

106

113

Что такое величие? — коренящееся в себе самом благодаря самоосновывающейся основе устройство Бытия, из которого должно выйти то, что будет сущим и останется побуждением для не-сущего. (См. выше S. 47.)

Почему мы осмысляем великое? Потому что мы малы и желаем преодолеть <свою> малость. Тогда основанием для шага в великое была бы только малость? Этого не может быть, ибо малое и великое и их господство в деятельности и страданиях людей являются уже *следствием* изжившего себя, массового. А массовое? Происходит ли оно из *избытка* как его освоение и единственное удержание? А избыток — где царит он, если не в сущности самого Бытия? Но как высказать его сущность? Событийность (Ereignung) человека в здесь-основании (Da-gründung); в событии (Ereignis) как основе истории Бытие застигает исходящее из него сущее, причем само Бытие должно снова сделаться странным. Избыток Бытия вынуждает сущее к самозащите, и эта схват-

107

ка учреждает себя в соответствии с Dasein как спор мира и земли, который по-разному бывает необходимым и ведется в соответствии с собственным рангом в сохранении истины Бытия — в произведении, слове, жертвовании, мышлении. (См. S. 5, 76.)

114

Da-sein, в которое должен войти грядущий человек, есть строящееся (строительство подразумевает здесь устроение Бытия в сущем) охранение для прохождения Последнего Бога. Это прохождение *сбывается* в том времени-пространстве, которое определяет просвет «здесь» (des Da). А оно может сбываться лишь тогда, когда *событие* бытийствует как сущность Бытия — и это свершается тогда, когда истина Бытия первоначально основана; это происходит лишь тогда, когда сама истина и ее сущность становятся нуждой и забвение Бытия ослаблено. Кто сможет оценить, сколь далеко мы находимся от начала этой истории, как непрерывно растет опасность того, что «успехи» и «прогрессы» «нового времени» (*опять* «новое время») оттеснят нас от начала и принуждения к нему?

Когда Пруссия находилась в глубочайшей нужде и враг глубоко вклинился в страну и исчезла всякая воля, а прежде всего всякое знание о том, что необходимо «делать», король распорядился изменить военную форму и головные уборы в Восточной Пруссии, усадив за работу всех портных. Нечто подобное происходит теперь с немецким университетом и «наукой». Враг — «в лице» «техники» и журналистики, занятия вещами, не вызы-

вающими вопросов, — глубоко вклинился в «страну», — а всякое знание о сущностном и достойном вопрошания отсутствует; вместо этого создают профессорские кафедры по «народо»ведению и «социологии крестьянства», <люди> занимаются исследованием <жизненного> пространства и несут «знание» в «народ».

Проходим ли мы сейчас через глубочайшее моральное разложение или нужно еще большее опустошение с одновременным усилением маскировки, чтобы некоторые пробудились. Но, возможно, уже так далеко зашло окаменение и омассовление общего состояния, что никакой штурм пробудившихся и разбуженных уже не поможет. Здесь также — и по-прежнему — остается только возможность другого начала, вследствие которого только и могло бы измениться нечто подобное существу университета.

Осмысление науки может еще иметь смысл, чтобы познать «науку» как то, чем она должна была стать, подчиненной техникой, которая по своей сути не может иметь собственного будущего, но только сама собой распадется и тем самым станет частью человеческого поведения. Эта будущая несущность науки, однако, не означает, что ненаучность можно приравнять к незнанию; ибо сущностное знание никогда не может сначала завоевываться и обосновываться через «науку».

109

116

Базовое состояние сегодняшнего человека — отрицание всякой *истории*, в которой господствуют в первую очередь нерассчитываемое и сверхвластное и любая необходимость должна возникать как мгновенно-свободно-созидающая. Вместо этого сейчас у власти полностью само себя выдумываю-

щее беснование *махинаций, распоряжений, процедур*, которые только и определяют, что включено в их цепь, чтобы единолично предписывать, что в праве быть значимым, а что нет. Это крайнее следствие *оставленности бытием*, где сохраняется видимость, будто над «сущим» все же и прежде всего господствует нечто другое — пожалуй, «другое», но оно есть только скрытый потомок Бытия, выродившегося в само собой разумеющееся, — Бытие, которое берет начало в сущности (Seiendheit) как ἰδέα и тем самым уступает первенство определенному существу.

110

117

Безудержное насилие махинационного начала нарушается не тем, к примеру, что все, кто ему подвергся, ссылаются, кроме того и время от времени, на «*провидение*»; ибо это «*провидение*» принадлежит к махинационному началу, подобно тому как прекращение шума как мнимый покой принадлежит к шуму. Ссылка на данное «*провидение*», которое упоминается только мимоходом и «апеллирует» к «*переживанию*» масс, есть сильнейшее подтверждение беспомощного доверия к разумному, а с «*подключением*» воли — к осуществлению.

Такой же результат ожидается от восхваления «*личности*»; ибо она провозглашается «*идеалом*», когда в очередной раз хотят заболтать неспособность высвободиться из запутанности в мероприятиях. И то и другое, «*личность*» и «*провидение*», суть приманки и мнимо высокие «*духовные*» названия, с помощью которых оформляют пустейшие подхлестывания пустых настроений для достижения «*незабываемого*» «*переживания*», — от него уже через час не останется и следа и оно потому по-

стоянно нуждается в новых поводах для «переживания»; потребность, которую наверняка будут удовлетворять тем, что и «переживание» будет подчинено распоряжениям и предписаниям.

118

111

Ты должен вытерпеть до конца, если хочешь подготовить другое начало. В конце же много чего — неудача, угасание, беспорядок — но вместе с тем и отблеск противоположного. А потому вытерпливание до конца должно многое отвергать, так что может показаться, будто все растворяется в бесплодной «критике». Однако и «нет» и всякое выявление недостатков проистекает из *сопротивления* голому концу эпохи, а также *уже* из подготовки начала и служит только ему.

Исходя из начального вопрошания все, что называется «сущим», становится не-сущим, поскольку истина Бытия уже сияет и требует превращения не-сущего в сущее и принуждает <двигаться> по скрытой колее. (См. S. 23 сл.)

119

Мышление в начале должно отказаться от отдыха в некоем завершенном «произведении», что позволяет — и чего требует — *середина* исторического пути и движения (Gang). Начало должно всегда — скрывая себя самого — *воз-вышаться* над любым почином (Beginn) и его наступлением. Это возвышение достижимо только в восхождении. А потому начальное мышление всегда остается подъемом (и падением), который сперва дает возвышаться перед собой и над собой возвышающемуся, — в результате возникает гора.

112

Мышление в другом начале есть восхождение в избыток Бытия (понятый как событие основания «здесь»).

120

Начальное мышление — не «произведение», не «метод» — но движение (Gang), которое исчезает при ходьбе и все же *остается* как прошедшее неподражаемым и полным указаний, — *остается* — однако лишь в том упорстве, которое всякий раз находит свое место в новом прыжке вопрошания.

121

113 В долгом замолчанном осмыслении нужно пройти туда и обратно по нехоженой тропе, ведущей к сокрытому *местоположению* «Гимнов» Гёльдерлина. Всякое <однозначно> установленное слово является здесь ложным истолкованием, поскольку это местоположение в его власти и напористости, основывающей время-пространство, может быть занято только в говорении-указании, когда блоки к его фундаменту мысленно высекаются и приволакиваются; ибо того *Da-sein*, которое поэт осуществляет как тот, кто основывает себя самого, мы никогда не сможем достичь через пресловутое «сопереживание» (*Nacherleben*), но лишь таким образом, что мы в нужде собственного движения когда-нибудь созреем для того *Da-sein*, в котором единственно была бы достигнута одновременная открытость (*in einem Zumal das Offene erwirkt würde*) для пребывания и прохождения мимо, для бегства и непрехода богов. Значит, мы должны постоянно отказываться говорить о поэзии этого поэта, несмотря на все побуждения сообщить, нащупывая, хоть что-

нибудь — высказывания и указания, которым потом во всяком случае суждено где-то также быть учтенными среди прочей «литературы о Гёльдерлине». Разве всякий вид умалчивания не свидетельствует о подлиннейшем отношении к этой поэзии? Не то, что должно быть сказано, обязательно должно быть особенно «значительным» и «полным результатов», — но это <данное творчество> *слишком* просто и слишком уникально и только требует преобразования сегодняшнего человека. Затем остается еще выход — сказать кое-что скрыто и, скорее, в форме обычного и вообще весьма осторожно подготавливать к вхождению в эту поэзию. Так, обновленная переработка первой редакции лекции Гёльдерлина (Истолкование гимнов «Германия» и «Рейн»¹²) могла бы сослужить определенную службу, причем были бы учтены все ложные истолкования и прежде всего слишком поверхностное мышление (Zu-kurz-denken).

114

122

Мы слишком прочно привязаны к длинной цепи происхождения, а оно, кроме того, чересчур заслонено историографическими знаниями, чтобы можно было выдвинуть сущностное мышление к его собственному основанию и прямо из него дать возможность расти. Вот почему другое и заданное в форме приданного нужно не только высказывать, но и подвергать вопрошанию. (Лекция о «Шеллинге» или о «Платоне» хотя и есть то, как она названа, и все же она «есть» нечто совершенно другое.)

12. [Martin Heidegger: Hölderlins Hymnen «Germanien» und «Der Rhein». GA 39. Hrsg. von Susanne Ziegler. Frankfurt am Main 1980.]

Это значит, что мы сами в этой переходной работе нуждаемся в содействии тех, кто высвободит наше сущностное из этого сцепления и поставит в качестве масштаба другое во всей его простоте.

115 Но здесь велика опасность того, что руководящей остается только форма приданного, а сказанное возвращает в уже известное и, возможно, фиксирует как определенное изменение. Если бы при этом на карту была поставлена только «оригинальность», пусть бы она была причислена к известному. Но речь идет не о «личности», а о других возможностях истины самого Бытия и, значит, о Бытии истины.

123

Мы все еще движемся в эпохе *прогресса* — вот только некоторое время к нему стремились как к международному благу, а сегодня провозглашено нечто вроде конкуренции наций: «лучшие» фильмы и «быстрейшие» самолеты — «надежнейшие» средства, чтобы нигде больше не останавливаться и не прирастать к чему-то, — но внезапно всем в одном завладеть, и что потом? болтаться в глубокой пустоте и перекрикивать друг друга.

116 Прогресс, специально призванный к конкуренции, превращается теперь в еще более острые клещи, которые зажимают человека в его пустоте. И что тогда, вообще говоря, прогресс? Продвижение вперед и устранение сущего и того, что этим считается, из уже самой по себе достаточно скудной истины Бытия. Посмотрим же на это открытыми глазами и спросим, куда, например, продвинулась новоевропейская наука о природе? Можно было бы сказать: в течение трех столетий <она продвинулась> так далеко и так стремительно и тороп-

ливо, что нельзя не заметить этого движения. А что произошло по сути в отношении знания о природе? Оно не продвинулось ни на шаг «дальше», и оно не могло и не имело права это сделать, если упомянутый прогресс должен был быть осуществим; ибо еще есть природа: время-пространственная взаимосвязь движения материальных точек — что бы ни говорила атомная физика и т. п.

Да, поначалу эта природа еще была включена в порядок сущего — теперь же и это исчезло с растущим бессилием христианской веры, и [на] место <природы> пришла «личная» «чувствительность» естествоиспытателей, которые, разумеется, в отличие от гораздо более честных и порядочных «материалистов» прошлого столетия соглашаются, что «наряду с этим» — «рядом» с их областью занятий — «имеется», мол, еще и «внутреннее».

Прогресс покоится на растущем забвении Бытия, в основе чего лежит все более находчивая и произвольная расчетливая эксплуатация «природы»; скоро дело дойдет и до живой природы, так что она попадет в клещи планирования и будет разрушаться. Но этот процесс не имеет значения потому, что он — будучи направлен на разрушение — всегда приносит одно и то же, ибо то, что он способен делать, уже было исчерпано в его начале: путем использования перевода природы в расчет и перемещения человека в позицию самогаранта (*das Sich-sichern*). Обеспечение-только-еще-себя при росте масс и снабжение их *panibus et circensibus*¹³ рассматривается, кроме того, как культурное достижение, так что прогресс культуры с этих пор может считаться гарантированным. Вне зависимости

117

13. Хлебом и зрелищами (лат.). — Прим. пер.

от того, что происходит в этих рамках, это, однако, всегда оказывается опустошением, <связанным> с уже давно осуществленным выкорчевыванием сущего из Бытия.

Что должно произойти, чтобы действительно снова сбывалась история?

124

118 То, что во всей сегодняшней <обстановке> запутывает и тормозит, настаивает на оговоренном, избегает всякого однозначного почина (Ansatz) — состоит в том, что тут и там познают подлинное, знают о важном, делают содержательное и требуют неизбежного — и что все это остается разрозненными островками и мгновенно вновь заслоняется случайными событиями публичной сферы.

Собирать все это достигнутое так же бесперспективно, как было бы мелко отрицать его «ценность». Или же мы еще не настолько дальновидны, чтобы распознать это как принадлежность перехода и, несмотря ни на что, держаться от него подальше и, мало того, требовать более сущностного — начального? Откуда постоянно возникает искушение: выдвинувшееся далеко вперед начальное наконец-то уже смешать с сегодняшним то и это обещающим и тут же стать с ним наравне?

Начало лишь тогда есть начало, когда оно *исключительно*; но остается величайшая опасность — что его перепутают с изрядным остатком конца, полагая, что нашли у того прирост.

119 А если соблазн к этому исходил бы из страха, — то как в исключительности начала и во всей его невероятности остаться одному? Но чем было бы все время заново совершающееся вхождение в начало без этого страха? — Едва ли просто игрой, при

которой нельзя рассчитывать добиться чего-либо в будущем.

И вот мы должны смириться с тем, что в области мышления все минуют сущностный вопрос с помощью сулящей сегодня успех уловки: придуманное до сих пор перекрашивать в «политическую» философию — с переменной ловкостью и различной «степенью» назойливости. Но зачем об этом опять говорить, ведь только следующее через одно поколение, самое раннее, сможет дозреть до созидательного мышления? Затем, что и это будущее поколение — и оно особенно — нуждается в длительной подготовке, — а если вместо этого будут проигрываться только заимствованные обрывки мыслей? Значит, дело и в сегодняшних «людях», поскольку именно по отношению к ним бесперспективно надеяться на сущностное уже только потому, что связи с прошлым гораздо крепче и потаеннее, чем предполагают эти «новые» философы.

Но что же тогда делать? То, что ты издавна уже должен был делать: непреклонно упражняйся в простом ремесле истолкования великих мыслителей, в привычке к длительному мышлению и думай сам — в глубине души — о твоём самом необходимом.

120

125

Почему возможная ударная сила древнейших греческих мыслителей (Анаксимандра, Гераклита и Парменида) столь неисчерпаема и чем дальше они от нас отходят, тем больше она возрастает до загадочного единственного? Потому что мы располагаем не их «полными собраниями сочинений» и прежде всего «переписками» и копаниями в их «душах» и «личностях», но только голым, жестким словом, не допускающим других выходов и лазеек

в «психологическом», но всякий раз по-новому требующим одного и того же простого продумывания. Сможем ли мы благодаря тому, что тайна истории оставляет нам только фрагменты, наконец чему-то научиться для того способа, каким мы продвигаем вперед мыслительный труд и должны передать его дальше, грядущим <поколениям>?

121

126

Почему сегодня слово и даже просто нечто нарицающее-говорящее-вопрошающее настолько бесильно? Почему его еще достаточно только для сообщения, для обращения, для призыва? Почему оно больше не в состоянии пробиться в сущее и в истину его Бытия и царить там как основа изначальной простой позиции (*Stellung*)? Почему? Может быть, потому, что болтовня и злоупотребление словом в любом возможном отношении выросли до гигантских размеров? Нет! Ибо данное состояние само есть уже отдаленное последствие собственной причины. А может, потому, что «образ» и «звук» и непосредственно — мгновенно и убедительно и вместе с тем опять-таки мимолетно — воспринимаемое взяли верх над словом? Нет! Ибо и это есть также только следствие той собственной причины. А она есть обрушение *истины* в ее сущности, а значит полная закрытость отношения между словом, истиной и Бытием — отношения, бытийствование которого, однако, нуждается в другом человеческом бытии как месте его истории, так что и приоритет образа и звука отнюдь не может указывать на пробуждение необходимостей искусства в этих областях.

122

Но как нам прийти, да и придем ли мы еще когда-нибудь к простоте основывающего слова? Это

будет долгий путь, и вначале придется сделать много предварительного — и во многом отказаться от привычного и обычного.

И в первую очередь нужно заранее выстроить долгое — созидательное — *молчание* нового пространства для будущего произведения (Werk). И это молчание само должно быть выросшим — не сфабрикованным и лишь вынужденным — и к тому же оно должно быть обосновано и наделено силой саморазвития и надежности. Где же рассадники подобных сил — если им придется еще взять на себя двойственную <задачу> через слово подготавливать к молчанию?

127

Никто до сих пор действительно не расспрашивал, что греки постигли и развивали как сущность сущего. Но то, что я сообщил об этом осмыслении в своих работах, и прежде всего в лекциях и упражнениях, между тем проникло в полчища переписчиков — как нечто само собой разумеющееся; и в один прекрасный день я попаду в положение «плагиатора», использующего эти заново провозглашенные открытия. Но это приходится выносить. Но почти невыносимым является то, что эти деловые новые знания ни к чему не *приводят* (bewirken), но что ими только торгуют вразнос и с их помощью обделывают свои делишки. Что доказывает, что люди, несмотря на быстрый и ловкий способ ухватывания, не поняли их и — не поймут. А потому мы можем спокойно продолжать раздаривать остальное для торопливых переписчиков.

Это неизбежное побочное явление любого умалчивания, которое ведь всегда должно решаться на говорение.

128

Но если философия действует лишь тогда, когда она *значима* (*wenn sie gilt*), она не является <философией>; ибо она должна быть в состоянии действовать, *не* будучи значимой, опираться только на себя саму и в своих величайших <достижениях> еще быть способной почитать более великое и все же не «преклоняться» <перед ним>!

129

124 Что такое человек сегодня? То, чем он считается. А он считается тем, что подытоживает ответы на многие кружащие над ним формуляры, — человек есть результат гигантской, раскинувшейся над ним системы расчетов, — жертва картотеки. Может ли еще этот человек наткнуться на Бога или более четко спросить: хочет ли вообще Бог еще проникнуть в чадную атмосферу этих людей?

130

Основывающим-историю является то, что *способно* дольше всего ждать. Но что дольше ждет своего навёрстывания, чем *начало*? Ибо оно должно одновременно выносить злой рок — то, что через него и исходя из него устраняется и продвигается вперед.

Навёрстывание начала сбывается реже всего и в первую очередь *через* другое начало и только через него.

131

Ничто уже нас не спасет / не в постоянстве, которому все равно, но / в нечто великое — разве толь-

ко простое основание уникальности необходимости Бытия.

132

Историографы — подлинны рабы их каждый раз конкретного «сегодняшнего положения». Обращая взор в прошлое, они полагают, что они выше нее и являются ее наставниками, а то, что они открывают, есть — всегда только их сегодняшнее, которому они изо всех сил замуровывают будущее.

Прогулка по прошлому «освобождает» от весьма сложной задачи вникания в бесцельность их сегодняшнего дня — который «политически» и как-то еще иначе обладает «целями» и все же по сути не знает, что делать. Как хорошо, что «сегодняшнее положение» — и в особенности сейчас — стремительно меняется; ибо как еще сохранится возможность прогресса?

125

133

Философия: ее собственное и всегда невысказанное — открыта только немногим, и она пользуется ими и использует их. Поверхностный и широкий взгляд философии есть только по необходимости длинная тень, следующая за ней, в которой многие ищут отдых и духовное развлечение или какую-нибудь пользу. И в этой области легко и удобно всегда иметь под рукой «философию», которой каждый может заниматься и делать ее предметом так называемой полемики. А к тому же имеется богатая и хорошо обеспеченная и предлагающая данные на любой вкус «история» философии, из которой в любой смеси можно составить мнения, но без того, чтобы когда-либо действительный *вопрос* вы-

126 нудил обратиться к действительной истории, к той истории, в которой очень немногое происходит весьма медленно и редко, где в принципе всегда одно начало восстает против другого, чтобы затем познать себя как то же самое, единственное, редкостное и опознать противника как лишь поверхностное подспорье. Выдержать на мгновение истину Бытия и сделать огонь зримым в угасании — это то, что никогда не может стать доступным всякому обычному расчету и быть «понятым». Но это также не является чем-то, что лишь те немногие исходя из себя могут заболтать, чтобы найти в этом свою отстраненность и презируемую всеми «христианами» гордость, — но это есть бытийствование самого Бытия — его временность, то, что время от времени в его самосокрытии должно выходить на свет того огня. Какой жалкий вид и, прежде всего, какая низкая, но шикарно разряженная деловитость свойственны тому *summum ens*¹⁴, которому все отвратительное должно стократно заплатить и которое *потому* претендует на то, что оно подлинно сущее. А если этого *summum ens* нет, то это другой идол в этом роде.

127 Всякая «культура» есть все же именно та погруженность в заботу о сущем, для которой все Бытие может стать только дополнением.

134

Те, кто полагает, что в без того уже погибающих университетах необходимо упразднить «философию», заменив ее «политической наукой», в принципе абсолютно правы, хотя ни малейшим обра-

14. Высшее сущее (Бог) (лат.). — Прим. пер.

зом не ведают, что они делают и чего желают. Хотя в результате этого философия не будет упразднена — это невозможно — но кое-что, внешне напоминающее философию, будет устранено, — это в некотором отношении избавит последнюю от опасности быть искаженной. *Если бы* дело дошло до упразднения, то философия была бы с этой стороны «негативно» застрахована, — впредь стало бы ясно, что *суррогаты* профессоров философии не имеют к философии никакого отношения, несмотря на всю свою видимость, — *в том случае*, если этот суррогат не погрузится еще больше в видимость философии. Философия исчезла бы из публичного и педагогического «интереса». И это состояние отвечало бы действительности — ибо философии тут вообще нет — именно тогда, *когда она есть*.

Почему же тогда мы не участвуем еще в этом упразднении? Мы уже делаем это, препятствуя по возможности образованию молодежи (никаких больше диссертаций). Но это только попутное, и прежде всего: это явится уже слишком поздно. Уже любят снова ту профессорскую философию, уже записываются «новые» кандидаты для этого дела — люди, которые еще приносят с собой необходимую «политическую» сноровку, и вот теперь по-давно, будучи «новыми», подтверждают и укрепляют бывшее в его бышести. Ибо все они еще больше далеки от всех вопросов и «взялись» за *sacrificium intellectus*¹⁵ куда большее, чем средневековое; ведь Средневековье вообще не знало никакого изначального вопрошания и его необходимости — и не могло ничего познать из того, что Ницше вознес в сферу знания. Но Ницше есть и для сегодняшних только

128

15. Жертвование разумом (лат.). — Прим. пер.

вспомогательное средство и в случае надобности — сокровищница, а не то, что могло бы принудить их к полной серьезности и хотя бы только к его осмыслению.

129 Ведь мы «имеем» истину. Доказательство: сейчас ведут себя так, будто необходимо «исследование». Всякий раз тогда и лишь тогда, когда считают, что уже обладают истиной, значимым делается утверждение «науки». Никогда еще «науке» не было так хорошо, как сейчас; потребовалось только какое-то время ругани в адрес «интеллектуалов», пока не достигли позиции и численности достаточной, чтобы занять их места. Не будем заблуждаться относительно необозримого прошлого «новой» науки — как не будем заблуждаться в отношении ее беспочвенности и отдаленности от всякой философии. И мы знаем, что знать — это всегда есть только нечто побочное, поскольку мы знаем: история истины Бытия сбывается в ее собственной области и имеет свою собственную «хронологию».

135

Кто из нас, переходных (относящихся к переходу), является *переходящим*? Кто способен переставить первое начало перед другим, а его — перед тем, чтобы оба они, принадлежа друг другу, возвышались изначальное, первоначальнее? Только тот, кому дано исчезнуть в расселине между двумя вершинами — то есть: создать «между» расселины.

130

136

Лишь немногих можно отнести к *вопрошающим*. Большинство желают только ответов, или, скорее: они хотели бы быть отвечающими и за это получать

вознаграждение — пусть это будет только их слава (*кем они хотят «славиться»?* — спросим между прочим). Немного таких, кто на длинном мосту раскачивает единственный пролет и в этом качании держится, не обращая внимания на опоры, — немного таких, кто знает и любит раскрывающе-основывающую силу вопрошания и презирает бессилие замыкающего и тормозящего ответа. Немного таких, для которых самым истинным и источником всякого богатства является *наиболее достойное* вопрошания.

137

Вот чему нам надо научиться: что требуются очень долгие и основательные усилия для того, чтобы освоить ремесло мыслителя и владеть им играючи. Ибо только *в этом случае* мы можем дерзнуть помыслить какую-либо существенную мысль и тем самым попасть в колею *истории*, а значит и будущего мышления. Надо сказать, что ученые сведения из историографии философии бесполезны и обременительны, если только они сразу же и постоянно не переплавляются в *исторические* необходимости, — *а это предполагает*, что мы подходим со стороны исторической нужды мышления — несмотря на все повседневные «нужды». Таким образом, в повороте (Kehre) ремесленное дело и принуждение, исходящее из высшего, *взаимосвязаны*. Ни одно из них не способно на нечто существенное без другого.

131

Но как быть, если сегодня нам не хватает ни того ни другого? Что, если подлинный напор к этому был бы задушен мнимым всезнайством и легковесным изложением всего? Что должно тогда произойти для выхода из этой ситуации? Преклониться перед великими образцами? Разумеется — кто может это сделать? И прежде всего, где эти *гла-*

за, которые в состоянии видеть подобные образы, и где пространство, в котором еще могла бы развиваться *необходимость* мыслительного вопрошания (а не просто подражание тому же самому в «мировоззренческой писанине»)?

138

Где находится человек? — При организованном переживании как переживании организации — и это положение нужно понимать как общее состояние, которое *до* <занятия> всякой политической позиции и за ее границами определяет сегодняшнего человека.

139

Великое (*das Große*) никогда <не выступает> как величина (*Größe*), определяемая через «так» и «столько». Через величину великое только ложно истолковывается и задерживается. Все «превосходные степени» только понижают великое. К великому относятся: изначальность истины Бытия и выдающееся — то, что пребывает в своей самодостаточности и является замкнутым законом свободных, в чем они находят свою необходимость. Когда мы задаем вопрос, что такое «величие»? мы отрекаем-ся от всех «величин» и их исчисления.

140

Многие забывают за сущим, которое для них при этом еще становится не-сущим, Бытие. Созидающие знают сущее исходя из Бытия, помещая истину Бытия в «произведение», а его подчиняя сущему, чтобы оно (сущее) рядом с ним становилось более

сущим (seiender). А потому для многих всегда должно быть <несколько> «религий», — но для отдельных — есть *Бог*.

141

Историческое осмысление есть подлинное отделение от историографического.

142

133

Если твои усилия в публичной сфере и для нее получили вывеску («экзистенцфилософия»), самое время испариться из публичной сферы. Прочь ложный зуд поддерживать свежесть этого сомнительного именованья попытками не отставать от сегодняшней «философии» с помощью «развития» и «прогресса».

Скрытое признание *собственного времени* (Eigenzeit) каждого сущностного шага. А какой из мыслительных шагов был бы сущностнее и уникальнее, чем шаг *вопрошания об истине Бытия* в противовес всякой метафизике, для которой Бытие есть несомненное (das Fraglose) — прямо-таки как истина — и для которой главное — объяснение сущего как такового исходя из ясности этого несомненного.

Последнее следствие бессилия «метафизики» в отношении себя самой — полнейшая неосведомленность в том, что должно произойти, — проявляется в весьма честном, но все же лишенном всякой ремесленной созидательной силы выходе из униженного <состояния> «метафизики», <сведенной> до роли игрушки для «переживания».

Ясперс — это, пожалуй, предел того, что в настоящее время может быть выдвинуто в противоположность моим единственным усилиям (в отношении

134

вопроса о Бытии). Но то, что его и моя «философия» сливут «экзистенцфилософией», предоставляет впечатляющее доказательство отсутствия идей у эпохи.

Удивительно — что так мало знают о *стиле* — чтобы не угадывать уже во всем отношении к *истории* философии глубочайшее различие. Но мелкотравчатость сегодняшней писанины проявляется еще и в том, что она — если бы можно было продемонстрировать ей эту непреодолимую противоположность — никогда не была бы в состоянии полностью понять, что между Ясперсом и мной имеется нечто «общее» — *мышление, побуждающее к решению*, в противовес всякой философской учености с одной стороны и «отточенной» мировоззренческой схоластике с другой — обе они, прежде чем начались, уже отказались от мышления. Но это «общее» есть настолько широкое и широчайшее условие мышления, что оно допускает предельные противоречия и ведет к тому, что мышление Ясперса всецело относится к *заключительной стадии* завершения «метафизики»; Ясперс, как никакой другой мыслитель до него, *нуждается* в «метафизике» — из-за «экзистенции». Без «метафизики» все рассыпалось бы в пустую «психологию» — что, возможно, и имеет место *тем не менее*. Для моих усилий — *преодоление* «метафизики» как таковой — вопрошание в направлении этого преодоления — базовая предпосылка.

Где в *первой* работе Ясперса, которую также еще определяет «философия», в «Психологии мировоззрений»¹⁶, можно найти хотя бы след *вопроса о бытии?* Ясперс просто отвергает «онтологию»; не преодолевает ее, вовсе не понимая, что «фундаментальная онтология» есть первый *сознательный*

135

16. [Karl Jaspers: Psychologie der Weltanschauungen. Julius Springer Verlag: Berlin 1919.]

(wissentlich) шаг к этому преодолению — сопряженный со всем достойным вопрошания, что должно быть присуще такой попытке.

Наиболее резкое возражение в адрес его «мышления» относится к объемистости его писаний, в которых не ставится ни *одного* сущностного мыслительного *вопроса* — где, напротив, с целью «апелляции», речь идет только об исторически данных ответах и позициях как о чем-то готовом. И все же серьезность этой попытки перекрывает всю прочую ученость и полностью — мировоззренческую схоластику.

143

136

Сквозь сколько умолчанных заметок и окольных путей должна пробиваться сущностная мысль, чтобы достичь своей простоты, но и тогда остаться невысказываемой (unsagbar).

144

Почему сущностное мышление утратило основывающую, формо-порождающую силу? Потому что ему недостает *истины* как сущностного свободного пространства (Spielraum), в котором связывающие и плодотворные отношения к сущему его (сущее) устанавливают для его мировой сущности и представляют <на произвол> земли. Поскольку основание *сущности* истины до сих пор не удавалось, из-за господства *правильности* распространились махинация и «переживание», способствуя мировому обнищанию и разрушению земли как подлинному прогрессу. Вот почему все зависит от основания сущности истины. Но истина есть — как открытость самосокрытия — бытийствование самого Бытия. По-

этому другое начало истории — когда оно наступит — придет из вопроса о Бытии (но уже не о сущем).

137

145

Те, кто сегодня еще искажает последние остатки философии, превращая ее в мировоззренческую схоластику, чтобы подавать себя как созвучных времени, должны бы по меньшей мере вложить еще столько понимания и прямоты мышления, чтобы достичь высоты, которая позволила бы им избрать *святого Фому Аквинского*, единственно им соответствующего, своим покровителем, чтобы у него научиться, как с большим размахом быть нетворческим и все же весьма мудро ставить сущностные идеи на службу вере и быть способным придавать ей решающую базовую структуру. Почему этого не происходит? Потому что даже при такой щедрой несамостоятельности мышления отсутствует сила и прежде всего уверенность мастерства. Сумятица настолько велика, что <люди> даже не понимают, что эти «политические» и «связанные с народом» философии суть жалкие имитации *схоластики*.

138

Гротеск будет полным, если ко всей этой путанице добавится еще и «борьба» против католической церкви — «борьба», которая даже еще не нашла своего противника и не может найти его, пока она столь кратко и столь мелко толкует то, что составляет основы этой церкви: трансформированный <вариант> метафизики западноевропейского мышления вообще, в которую эти «мировоззренческие борцы» настолько впутались, что даже не подозревают, насколько они разделяют ту же непрочную почву [безвопросность бытия, безосновность истины, сущностное предназначение человека] со своим «противником».

146

Но дерзновеннейшее знание созидателя таково: с тем, что он еще понимает, с тем сущностным и другим, он помогает выйти на свет тому, познать которое остается для него неизбежно запрещенным. Поэтому созидатель должен преодолеваться созидателем, чтобы постоянно имелся бы кто-то, кто выступает на свет запрещенного и об этом свидетельствует и бросает замолчанное слово в одинокий разговор одиноких.

147

Нам еще предстоит в «духовной» «культуре» — то, что позавчерашние «духовные» «властители дум» будут «углублять» свои «переживания» путем злоупотребления Гёльдерлином, т. е. самым существенным — еще совершенно недоступным и постигаемым лишь на далеких окольных путях, после долгого созревания, — что они покروют все это слизью своей «насыщенной переживаниями» говорливости. Эти спасители «культуры» еще более фатальны, чем все ставшее обязательным варварство, «культуры» они не понимают и дорастут до нее только с помощью бегства.

139

Как если бы каждый болтливый и наторевший в переживаниях стихоплет ставил себя на одну доску с Гёльдерлином и выдавал себя за его завершителя.

148

Кто из знающих может еще отважиться произнести слово, когда любое слово затерто не только газетами — но и «духовными», — когда мнимо неизбежное спасение нашей духовной традиции все же только

вырождается до снижения в литературно фабрикуемом «переживании», когда больше не *выносят* знания о том, что мы не обладаем «истиной», и еще меньше — ее сущностью. Но не должны ли знающие тогда уж и по давню «высказаться» — даже при опасности стать лишь предметом какого-либо «переживания? Для чего? Чтобы только снова «занять» этих лжетолкователей? Нет — знающие знают *свое* время и должны суметь выждать в *своем невысказанном*, пока современники не отживут свой век.

140 <А что поделатъ с> теми наивными простаками, кто видит в Гёльдерлине «незавершенность», и каким-нибудь стихоплетом, который украл у поэта его сноровку в обращении со словом и желает его завершить; это же просто глупые и нахальные «эстетические» расчеты. —

Что может быть более законченным, чем это дохождение-до-края у поэта вплоть до пространства решения о бегстве и приходе богов, — что может быть более законченным, чем выстраивание этого едва ли мыслимого пространства. И *не должно* ли произведение, которому было дано этого достичь, оставаться в той форме, которая всем «эстетическим» судьям от искусства обязательно кажется «незаконченной», — лишь потому, что в «законченности» своих внешних критериев и «переживаний» они видят предел и таким образом ничего не могут знать о том, что совершается в произведении.

149

141 Человек в своем безудержном омассовлении ступает все дальше по своим дорогам и благодаря этому всегда по-новому и все увереннее изобретает свои цели и успехи и удовлетворения. Он будет все меньше знать (а однажды — и вовсе нет), что он ненаро-

ком отказался от возможностей сущностной истории — или должен был отказаться?

Что прежде было необходимостями высших дерзновений в отношении сущего — трепет в сопряжении с самим Бытием и Χάρις¹⁷, перемещающая его в сердцевину сущего, — все это давным-давно позабыто и превратилось в предмет благодушной учености, затычку для иногда еще вызывающей зевоту пустоты с ее уловками, <находящими выход> во всяком «переживании».

Масштабы сущего становятся все мельче, успехи — все больше, самообман — все полнее, умение — все расчётливее, и все это в то же время становится все более публичным и всеобщим. Или это всегда было обычной не-сущностью (Unwesen) человека — вот только мы это до сих пор слишком неотчетливо видели, мы были недостаточно трезвыми, чтобы включить ее в историю человека как необходимое, вместо того чтобы оценивать ее с мнимых вершин отдельных эпох. Тогда также нельзя судить о том, не суждено ли западноевропейскому человеку все же и именно при таком избытке не-сущности — нечто будущее и единственное еще в его истории — <причем>, возможно, величайшее: прохождение последнего Бога, весть о чем, быть может, никто никому не в состоянии послать, так что в простейшей тишине в промежутке между миром и землей Бытие в его светлейшей глубине затрепещет и все сущее — как событие — <устремится> к нему самому и так свершится Бог. Самое необходимое проистекает от того, что для этого есть подготавливающие и <нужно> из прежней долгой растерянности освободить вопрос о бытии, <вернув его> в его изначальность, а для этого все великое достигнутое вернуть в его сущность и опять принести

142

17. Милость, благодатный дар (греч.). — Прим. пер.

грядущим. Но для этого необходимо также, чтобы решительность отказа от всего половинчатого и нивелирующего была достаточно жесткой, и она не может опасаться ожесточения и гнева из ложной заботы о давно ставшем дутым «благородстве» во всех обычных «трактовах» «духовного».

143

150

Возможно, только мои *заблуждения* еще обладают силой толчка в эпоху, перегруженную правильными вещами, у которых издавна отсутствует истина.

151

Всякая история создает себе свою историографию или допускает это. Можно ли сказать: чем историчнее история, тем она неисториографичнее, чем неисторичнее — тем историографичнее?

Короче: чем меньше история, опускаясь, достает до основания (*Gründung*) Бытия и <проникает> в изначальное формирование человека посредди сущего, тем больше и шумнее и обширнее будет историография. Но преувеличение <роли> историографического равносильно самовозвещению и восхвалению современности, которая может быть обусловлена тем, что вообще все еще направлено лишь на своего рода опредмечивание, а не на основание Бытия, — поскольку Бытие уже оставило все сущее и препоручило ему самому его махинаторское опредмечивание.

144

152

Сегодняшняя «философия», если можно злоупотребить этим названием, есть

1) ученая педантичная переработка прошлого в смысле все улучшающего и исправляющего прогресса;

2) немощная романтика имперской «идеологии» в духе Георге¹⁸ вперемежку с наполовину понятным ницшеанским гуманизмом.

3) Безудержная, но тактически осторожная — всецело питающаяся «достигнутым» в прошлом партийная *схоластика* в многообразных вариантах; тут, как прежде, и томисты (однако без Фомы Аквинского) и скотисты (правда, без Дунса Скота), — но во всяком случае ловкие дельцы, которых ничем не столкнешь с места, поскольку они сами себя только желают поставить на места — и ставят.

В этом общем состоянии сегодняшней «эпохи» приходит всеобщая ловкость и увертливость, позволяющая справляться со всем чем угодно и даже внешне примазываться к великим мыслителям прошлого времени. В результате усиливается видимость того, что развивается «духовная жизнь», до сих пор, понятно, «неслыханная». О нужде ничего не узнаешь, а необходимость оценивается по той пользе, которая так же, как общая польза, оставляет еще достаточно пространства для собственной пользы.

Но в принципе для массы лучше, если она во всем этом не разбирается, но однажды тоже будет доведена до состояния, когда станет восхищаться этими философами.

Однако для знающих это означает: никаких бессмысленных попыток защиты и даже опровержения того, в чем ничего нет и не было.

Как долго господствовала средневековая схоластика и даже, как говорят, «сопровождалась» бо-

18. Имеется в виду Штефан Георге и его «Круг». — *Прим. пер.*

готовой духовной жизнью? Насколько мне известно: несколько столетий — и она тем не менее, пусть и крайне поверхностно, превзошла Платона и Аристотеля? Сегодняшней схоластике, слишком слабой в мыслительном плане, именно поэтому потребуются, вероятно, для того чтобы превзойти нечто подобное, господствовать еще дольше. Хорошо, что истина Бытия этим не затрагивается. (См. S. 62 сл.)

146 Непосредственные нужды удовлетворения потребностей приводят сейчас к пониманию незаменимости «науки». И всюду звучит хвалебная песнь ей, и повсюду идет, поспешает она, чтобы вовремя добраться до своей обмазанной клеем палочки для ловли птиц и там приклеиться — причем эта возможность приклеивания тогда «переживается» как подтверждение права «этой» науки. И всюду царит единство и радостное оживление, и великолепнейшие времена эпохи грюндерства будут далеко превзойдены в новой форме — и необходимость гибнущих, которые подготовят переход, становится больше, чем была, — а «люди» об этом едва ли догадываются.

153

С ужасом замечаю, что быстрота сегодняшнего «переживания» уже дошла до «уровня» «сбывания» (Geschehen), а «сбывание» удачно возвысилось до «переживания».

А потому и это слово «сбывание» больше нельзя употреблять там, где должно говориться о сущностном. Но *нужно ли* об этом еще говорить?

154

Историографы мыслят в основном неисторически, если они вообще мыслят. Поскольку они обозре-

вают все в развитии, то есть для них: в последовательности предшествующего и последующего — они могут и должны всё сводить ко всему, и при этом от них ускользает единственность сущностного, созидającego-историю в <категориях> «раньше» и «позже» неизбежного случайного (Beiläufig). Но это необозримое, однако, они принимают вместе с тем за «живую» историческую действительность. Если же они хотят эту действительность схватывать как целое, — что тогда называют философией истории, — то набредаешь на «идеи», согласно которым история осуществляется в *психологии* установок и «типов» народов и личностей. А почему для историографа история оказывается закрытой? Потому что он не созидатель, а только регистратор прошедшего.

155

Вот что нельзя путать: «философию» как ученое педанство и *освоение мыслительного ремесла*. То есть цель, а это — средство, но средство, которое превратилось в то, что нужно созидать, — что часто может быть только положением (Satz) или изречением.

156

Посредством «онтологии» ничего не решено и ничто не поддается решению относительно истины Бытия, ибо она не знает и не может знать вопроса об этом, а пути в том направлении закрыты и там, где она натывается на эти <препятствия>, по необходимости ложно толкует <данный вопрос>. Нельзя отвергать «онтологию», одновременно утверждая при этом «метафизику», — ведь обе они покоятся на том, что вопрошается о сущем как таковом в це-

лом, а этой постановкой вопроса сущность сущего устанавливается уже в качестве дополнения.

Но, возможно, эпоха забвения бытия (<эпоха> махинации и переживания) вполне сможет использовать именно «метафизику» и «онтологию» — пусть и в другом обличье, поскольку эта эпоха происходит из «метафизики» и только тут может сохранить определенное положение. Поэтому скрытый разворот в обратном направлении истории истины и человека и Бытия становится еще настоятельнее и продолжительнее, чем мы — находящиеся уже в <стадии> перехода, — хотели бы признать. *Гёльдерлину* еще долго ждать своего будущего, и это есть знак, который тем яснее указывает, чем реже его замечают.

157

149

Мы пребываем в *двойной опасности*: во-первых, потому что историографическая наука обновляется и еще больше берет верх, коль скоро по-новому подтвержденная ученость использует эту возможность «утверждения» как «средство» распространения. Во-вторых, потому что там, где ученое «только-знать» и «уметь-все-объяснить» отвергается, это происходит не на основе знания об истории, а все переводится в мнимую мифологию, которая тогда неизбежно занимает место историографии. Что здесь подвергается опасности? Возможность того, что нас в будущем еще постигнет простое и мы натолкнемся на сущностное. То, что у нас высокая чувствительность к простому окончательно пропадает, а момент упорствования в сущностном не наступает.

158

Новоевропейская «наука» только сейчас возвращается к себе самой: ибо она теперь становится близкой к жизни и одновременно может больше, чем прежде, держаться за свое прошлое. Она сейчас ухитряется проделывать такой фокус: одновременно быть «близкой к жизни» и «одинокой» — и оба состояния с растущим восхвалением необходимости подобных мастеров расчета, которые, вероятно, могут довести это до уровня «гигантских» достижений.

Но как быть, если больше не будет «жизни» (т. е. здесь: сущностных отношений к самому существу), — что поделать тогда с «близостью к жизни» и «отдаленностью от жизни» и с фокусом по их объединению? 150

159

Опасность для «науки», если она в этом качестве будет еще представлять известную ценность, состоит не в том, что у нее отнимается «свобода» и, значит, изменяется только форма принуждения, но в том, что она сама уже не в состоянии больше собраться с силами, чтобы постичь, что ее впаивают в процесс махинации, где она и пропадет. Но опасностью для нее является не этот процесс, а все еще не желающее отступить непонимание этого процесса, что сильнее всего проявляется в том, что люди стремятся придать новый смысл чему-то, что уже не «существует», не говоря уже о сомнительности придания-смысла вообще. «Науке» не хватает мужества <к тому>, что она как новоевропейское явление уже *есть*.

151 Часто может казаться, будто всюду напирющую вперед массовость и ее все более окостеневающее устройство и боевитость уже нельзя преодолеть в направлении раскрытия времени-свободного-пространства (des Zeit-Spiel-Raums) для самого Бытия, которое принуждает к изначальным творениям. Но если это *так* кажется, то мы все еще принимаем в расчет «ценности» и меры махинационного — и забываем, что здесь вообще расчет вытеснил всякое осмысление. Ибо Бытие и его истина не поддаются расчету, — но это только требует готовности — возможно, весьма продолжительной, возможно, многими способами прерываемой. Что еще могло бы привнести в историю человека движение и ранг, как не эта подготовка к занятию поста стража (Wächterschaft) истины Бытия? В чем другом должна иметь прежняя западноевропейская история свою скрытую черту (Zug), как не в попытке с помощью ее первого начала, которое позволило человеку стать animal rationale, привести неизбежно убывающую последовательность к созидательному результату, чтобы в конце предвидеть оставленность бытием сущего и в ней в скрытой форме — знак-намека <в сторону> сущности Бытия? Нам нужно не какой-нибудь задний «смысл» вложить в историю — мы просто должны достаточно постичь историю в ее основной черте, чтобы знать, что она принесет еще неустроенному будущему.

152 Одним ударом тогда все прежнее мышление повергается в бессилие и вся голая передача <знаний> и нивелирование не находят опоры и, опьяненные всезнанием, не слышат редкий и простой отзвук истины Бытия, который — отказывая в себе — предписывает людям единственный пост стража.

Постичь сверхсилу этого предписания! И таким образом раскрыть богам время-свободное-про-

странство — немногие, кто способен на это, будут беззащитными в общественной <сфере>. Ибо вся их сила расходуется в *вынужденной обороне*, в результате которой она — защищаясь от нужды <из-за> предписания — позволяет вспыхнуть нужде <из-за> оставленности бытием. Для них Бытие будет полностью необъяснимо как отказывающее о-своение, поскольку оно <Бытие> заранее запрещено как тихое сияние самосокрытия, которое высвобождает высшую силу созидательного раскрытия и превращает человека из только разумного животного в основателя Da-sein.

Но то, что нужно созидать — в особенности то, что мы называем *произведением искусства*, — само созидает великое решение об *искусстве*, так что, когда оно — решение — справедливое, слово «искусство» становится недостаточным и простым напоминанием об *animal rationale* и его τέχνη. Ибо:

иное дело, является ли «созданное» только уже наличным (<что касается> знания и веры), которое стремится считать себя окончательным, — и подтверждает, подкрепляет и вообще «выражает» и «свидетельствует», — и иное дело, открывает ли произведение только неисчерпаемое и создает область удара еще не предвиденной грозы.

160

Как — если бы это удалось, — сказать о Бытии в наипростейшей простоте и в прекраснейшей связности?

И когда истина Бытия из еще непонятого слова и еще кажущегося странным произведения высвечивает всякую заботу и сказ, не должно ли обрушиться перед этим «сущее» махинации и «переживания» и потонуть как не-сущее?

Но что является достаточно простым, чтобы казаться нам слишком странным?

154

161

«История» философии: в великолепнейшем, давно подготавливаемом, ставшем совсем свободным выступлении к другому началу и из него, — пасть и таким образом вновь забрать с собой несущностное знание в сокрытое того самосокрытия, которое лучится как Бытие.

Когда-нибудь, и тогда неизвестно в его отношении к этому удаленному, должно возникнуть то знание, превратившись в произведение.

В такой истории сбывается часто меняющееся уединение великих одиночеств и в нем подготавливается та неслышанная тишина, которая еще даже поглотит гром от прохождения Бога. (См. S. 18.)

Как хорошо и глубоко Бытие (событие из этой тишины) остается скрытым и защищенным во всем сущем.

Мыслитель?

Большой ребенок — который задает великие вопросы.

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

- Бытие (das Seyn) 34, 51 сл., 106 сл., 141 сл.
 Величие, величина (Größe) 47, 106 сл., 132
Гёльдерлин 14, 22, 49, 75 сл., 78, 112 сл., 140, 148,
 Греческие мыслители 120
 Da-sein 107, ([N^o] 124, 122, 149, 150)
 Искусство (Kunst) 153
 История и историография (Geschichte, Historie) 69
 слл., 103, 25 сл., 124 сл., 143, 146
 Наука (Wissenschaft) 104, 92, 108 сл., 149, 150
 Начало (Anfang) 124, ([N^o] 60, 69, 71, 72, 73)
Ницше 87, 94 сл., 105
 «Онтология» 147 сл.,
 Оставленность бытием (Seinsverlassenheit) 38, 59,
 109, 143, 150
 Переход (Übergang) 92, 129
 Платон 83 сл.,
 Прогресс (Fortschritt) 115 сл.,
 Сегодня (das Heute) 85 слл., 117 сл., 130, 144 сл.
 Техника 67 сл., 78, 79
 «Трансценденция» 41 сл.,
 Философия 50 сл., 52 сл., 62 сл.,
 в другом начале 125, 133, 147
 Фома Аквинский 137 сл.,
 Хаос (Wirrnis) 60 сл.,
Цель (Ziel) 44 сл.,
 Человек (der Mensch) 30, 51, 152
 Ясперс 134

Размышления VI

Тишина сущностной власти вещей.
Трезвость страстной способности вымысливания.
Решительность охранения Da-sein.
Прямодушие отречения исходя из знания.
Отречение как готовность к отказу (Verweigerung).
Отказ как дарование Бытия.

Бездонно уникальное в страсти
мышления есть корень для убедительной
простоты сущностного шага.

Нужно дойти до крайности, чтобы обрести мужество прервать молчание о самом близком (Бытии). Но и при этом сказанное остается самым дальним, которое никогда не сможет стать мнением.

«Творение» того, кто в данное время должен стать созидателем, не может быть произведением, но только подготавливающей место связностью другого мира-«произведения» («Werk»-welt).

Все светлее стоит сущее во мраке слаженности Бытия; все проще становится упорство в этом просвете, в котором высвечивается то, что принадлежит не нам, но сущностной мощи сущего, все необходимое отречение становится базовой формой готовности к странности единственного: к Бытию — тихий огонь в очаге в покинутом и разрушенном доме «сущего». Темнее всего — огонь и жар.

Освобождение от «*богов*»: короче, от идолов, к которым относятся все «цели» (Zwecke) и «причины» и «причинители», все формы и «цели» (Ziele) махинаций: «эта» наука, «эта» техника, «эта» общая польза, «этот» народ — «эта» культура.

К чему это освобождение и откуда оно вытребовано? Из истины Бытия, чтобы всякое сущее сна-

чала вновь возвратилось в свое простое основание и во всем этом открылись бездны Бытия, которых вполне достаточно как мест решения о том, обеспечивает ли только Бытие существо существу или оно само еще возвышает себя для трепета от самого неведомого: от прихода или бегства последнего Бога.

3

Бытие. — Бьющее из него возвышение самого Бытия мы, переходные, познаем в отказе.

В этом возвышении возникает свободное пространство промежутка, который дает о-своить (er-eignen) отказ как указание Da-sein. И в указанности «здесь» (как истина Бытия) выходит за предел отказа в принадлежащую ему <отказу> бездонность трепета.

- 2 <Необходимо> исходя из *основы* народа, из его истории и из основы его истории, из Da-sein, говорить *против* народа — никогда не ведавшего истины. Только так он обретет свое «пространство»! Под ним, однако, мы подразумеваем в первую очередь лишь *место*, на котором смогут распространиться многие стиснутые <в массу>. Но как быть, если это место будет нам однажды возвращено, а нужда в пространстве сохранится, а возможно, только усилится. Если народ имеет целью только бытие народом, остаться тем, что как наличное уже «есть», то у этого народа нет воли стать народом без пространства, т. е. без области наброска, в безднах которого он только и обретет высоту, чтобы себя перерасти, и глубины, чтобы пускать корни в темноту и иметь скрывающее себя как опорное (в самом деле <как> землю)? Или нам позволительно думать, что едва только будет обеспечено «место», тогда само собой народу привалится пространство? Жалкое

ослепление? То «место» для слишком многих, все более возрастающих в числе, должно было бы и по-давно придушить всякую нужду в пространстве и тем самым возможность созидающей историю почвенности (Bodenständigkeit). Вот почему далеко за пределы этого должно идти осмысление немногими сегодняшнего потрясения, чтобы подбросить им издалека долговременную цель и защитить их от ослепления сегодняшним. (См. S. 30 сл.) 3

4

Нам нельзя пасть жертвой пустых классицизмов, которые внушают себе, что обладают «новизной», опираясь на гигантский размах и сплоченность средств. Нам нельзя становиться невосприимчивыми к хорошо прикрытой пустоте и к отсутствию всякой бросающей силы и объемности при всех гладкостях и натяжении гигантских форм. Последние благодаря легко возрастающей ловкости в овладении все более усваиваются, а странное больше нигде не находит лазейки для вклинивания. «Вкус» «улучшается», а умение пробовать — способность к предчувствию еще непредчувствованного — встречается реже.

Как нам предчувствовать прекрасное, если сущностное основание красоты — истина как истина Бытия — таким образом полностью уклоняется от осмысления, в особенности потому, что к осмыслению питают отвращение и ему препятствуют из-за безвопросности обладания «истиной»?

5

4

Голая враждебность к историзму приводит, самое большее, к неисторичности махинаторского «пере-

живания», но никогда — к основанию сущностной истории; ибо наполнять грядущее время случайностями и трактовать их как «сбывание» не значит основывать историю, поскольку нужда к тому же является принуждением к более изначальной истине, которая изменяет человека, т. е. впервые помещает его во время-свободное-пространство Бытия.

6

Мышление — остается обреченным на то, чтобы постигать само себя и таким образом отнимать у себя размах броска в само Бытие? Или мышление есть истина Бытия того созидającego мышления, которое уже не требует у себя своего понятия, поскольку оно, перед тем как стать, уже должно было отбросить его от себя? Но не подразумевается ли это уже самим этим вопросом?

7

5 «Психология» в смысле «проекции» всего на «переживание» охватывает сегодняшнего человека в его целостности, так что достаточно еще только шага в преобразование человека, чтобы всецело обозреть всемогущество «переживания». Это господство «психологии» не только не преодолевается «биологическим» способом мышления, но и усиливается, ибо огрубляется и теперь уже делается доступным каждому. Как следствие этого образа мышления, всякое «произведение» также попадает в потную атмосферу народов и личностей. Всякая предпосылка для возможности воздействия действительного произведения таким образом исчезла — ибо произведение ведь непосредственно добывается — если воздействует — перемещения в совершен-

но другое, им лишь самым основанное пространство. *Но всякое пере-живание есть противодействие такому перемещению и претензии на него.* «Пере-живание» невысказанно ссылается на «эту» «жизнь», уверенную в себе и в своих неприкосновенных масштабах и областях. А что является к тому же более «действительным», чем такая «жизнь», которая сегодня усердно заботится о том, чтобы люди были увлечены ею. Возвышение «жизни» до «все-жизния» есть произвол и вместе с тем необдуманность. Насколько роковым оно может сделаться, показывает Ницше, который был настолько далек от биологизма, насколько его биологически-физиологический образ мысли в его способе выражения, кажется, подтверждает противоположное. 6

8

Всякий «смысл» обесмыслился — если под словом «смысл» понимать «идею», «ценность» и тому подобные подлинные и неподлинные платонизмы. Почему? Потому что основы этого образа мысли, т. е. вся западноевропейская метафизика как таковая поколеблена. Или же «смысл» всегда уже был бессмысленным — пока истина *ιδέα* как определение сущности сущего остается невопрошенной? Бессмысленность смысла и Бытие как самосокрытие суть еще нераскрытые сокровища истории западноевропейской метафизики, размещенные во многих кладовых и сделанные неузнаваемыми с помощью многих изменений в их простоте.

9

Лишь немногие выносят бессмысленность смысла как великого светила, которое возвещает другой

восход. Напротив: все ревнители яростно протестуют против «нигилизма», потому что он, достаточно грубо и превратно истолкованный, представляет собой удобнейший фон, на котором даже отсутствие мыслей может выглядеть как мировоззрение.

7 Нигилизм перестал быть опасным там, где он подает себя как грубый «материализм» (см. S. 12). Еще вовсе не признанная, а уж тем более не преодоленная, форма нигилизма есть, как ясно понял Ницше, всяческий *идеализм*. Его роковая разновидность это, пожалуй, «героический реализм»¹, если мы будем ставить во главу угла махинации и процессы, а не «названия» и «лозунги».

10

Многое улучшается «снизу», приводится в порядок. «Уровень жизни» повышается — «народ» развивается «снизу» «вверх». Но сверху вниз ничего не происходит. Потому что *на*верху ничего не может произойти, и потому что этот «верх» и «низ» все же остается той же самой вечной предварительностью. Но, возможно, все это становится общей подготовкой к некоей истории, которой мы не знаем, так что повсюду, где взбудораживание и принуждение приводит к зарождению решений и начинает действовать, требуется «*да*» от сегодняшнего поколения.

8 Одно, причем ужасающее, во всем этом приходится выносить: то, что ближайший грядущий человек все *еще* ревностней и *еще* поразительней впутывается в непрерывные «сенсации» своих махинаций, что его «переживания» должны делаться все более возбуждающими и что все это становится са-

1. [Ernst Jünger: Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Hanseatische Verlagsanstalt: Hamburg 1932, S. 34.]

мым подлинным обладанием собственного достижения и в «жизнь» подобным образом закладывается некое удовлетворение, так что отсутствие потребностей усиливается и вместе с тем делается все непризнанней, — если принуждение к <вхождению в> неизмеримость Бытия вообще может называться потребностью.

Любая «жизнь» прикрывает себя собственными скрытыми границами и проживает саму себя всякий раз по-новому и сначала и неповторимо. Но является ли «жизнь» Бытием? В особенности, если Бытие — не потустороннее жизни и следующее за ней, но одновременная с ней бездна. Но бездны — самое уединенное царство. Носителями их оказываются самые странные странности, которые в этой «жизни» как бы и не нуждаются. Вот почему мы также никогда не освободим «сущее» *непосредственно* от махинации и не защитим его от назойливости переживания. Лишь на долгом окольном пути через бездну Бытия сущее — которое только еще является «предметом» или «сущим в себе», вновь становится сущим — колеблясь в Бытии, пронизанное его вибрацией и выносимое в расщепление. (*Отсутствие потребностей <в> жизни и долгий окольный путь.*) 9

11

Сущее — и то, что им считается, — можно забыть, но <при этом нужно> осмыслять Бытие, — а не застревать на противоположном: <т.е.> заниматься сущим и тем, что им считается, а Бытие забыть.

12

Техника. — Желая снабдить ее собственной «философией», делают чересчур дешевое <противопостав-

ление» «или — или»: либо человек подчиняется технике, либо овладевает ею. Как будто сама техника является чем-то вроде «машины» или даже инструмента, а не наоборот — сущностным следствием базового отношения к сущему, отношения, которое распространяется в оставленность бытием сущего и ее специально ориентирует и закрепляет. Как будто здесь речь могла бы идти о подчинении и господстве «человека», когда сам этот человек целиком находится под властью того основания и той бездны, из которых проистекает техника.

10 Этому становящемуся все более распространенным «решению» «проблемы» техники соответствует в таком случае та «журналистская» привычка объявлять технику естественно «непосредственным» кружением вокруг Бога, чтобы не признавать мнение, будто техника родилась из пользы < ею приносимой>. Однако она и не возникает из пользы, и не является кружением вокруг «Бога», — или же если она есть одно, то вместе с тем и другое, но оба всегда лишь поверхностно.

Она коренится в обрушении сущности истины, в результате чего истина низводится до правильности представления, а сущее до предметности, но это нисхождение воспринималось как возвышение, а позднее развилось до прогресса. А то обрушение есть первое потрясение сущности самого Бытия в начале его истории. Как глубоко вниз приходится нам спускаться, чтобы постичь «технику» и одновременно принадлежащего ей человека и создать предпосылки для перехода, который есть нечто иное, чем «овладение», тем более что оно сводится всегда только к самоослепляющему рабству. Однако мог ли бы сегодняшний <человек> когда-либо поверить, что этот гигантизм техники — а не только ее «продукция» — может быть

обойден — хотя бы только в принципе? — К этой вере относится как ее основа — *знание*, взвесить которое можно на весах сущего и Бытия.

13

11

Глубочайшее непонимание философии: мнение, будто мы могли бы и должны были бы непосредственно и постоянно селиться там, где она раскрывает бездну. Поскольку это тут же не удается, мы считаем философию — «а с ней и» бездны Бытия — опровергнутой. И все эти бездны являются, однако, основой всех первых и последних оснований, между которыми мы худо-бедно спасаемся и защищаемся и успокаиваемся. Но что должна предоставлять нам философия? Непосредственно — ничего. Мы вполне удовлетворяем «ее запросам», если избегаем всяких лжетолкований и тем самым предчувствуем бездонность Бытия в сущем — «т. е. если» мы готовы для нее «философии», если задача созидания, в какой бы то ни было области, ляжет на нас.

14

В *истории* решает не то, что сбывается сначала, а то, что достигается последним и заключает в себе все прежнее и просвечивает через него. Это последнее только раскрывает начало, а значит, самого себя как его вторжение (*Übergriff*). Ибо подлинное начало устанавливает предел соответствующего ему конца и препятствует простой кончине.

12

15

К S. 7.— Перестал ли нигилизм быть опасным, выступая в грубом обличье материализма? Разуме-

ется — в той степени, в какой люди *ему* больше непосредственно не подвержены, но ощущают свое превосходство. Однако нет ли здесь большей опасности — той, что сейчас это превосходство воспринимается слишком легко, что «высота» превосходства всегда измеряется от уровня преодоленного. Что все в этой «борьбе» застывает и только из противоположности выходит другое, и выходит лишь так далеко и так долго, как хватает противника, — пока во всем этом полностью не потускнеет смысл для более изначального, предшествующего противоположностям, и не уйдет в неизведанное. Чем далее мы мыслим, тем острее должны мы видеть *эту* опасность, опасность заваливания хода в другое начало, которое никогда не может явиться из формы вражды, хотя как будто бы в ней должно подготавливаться.

13

16

Бездонная печаль, которая пронизывает творчество *Гёльдерлина*, — является ли она лишь отзвуком еще сокрытого от нас начинания, или, что еще существеннее, есть предзвучание базового настроя, который мы не можем распределить на привычные «регистры», — того настроя, который возвышает Бытие как замолчанную сферу решения относительно богов в колеблющуюся истину? Или этот отзвук есть только то предзвучание — созвучие, которым мы еще не владеем, поскольку мыслим исходя из преодоленного? Насколько Гёльдерлин сам еще, как кажется, пребывает в «метафизике» немецкого идеализма, настолько существенна его поэзия <как> первое преодоление всякой «метафизики». Но это мы постигнем лишь тогда, когда мыслительно преодолеем сущность метафизики.

17

Бытие (das Seyn) — отказ как трепет божественного (des (Götterns) <y> последнего Бога. Трепет есть открытие — и даже открытое времени-свободного-пространства «здесь» (Offene des Zeit-Spiel-Raums des Da) для Da-sein.

18

14

Бытие (das Seyn) — просвет ширящегося следа божествления (Götterung) бежавших богов. Этот просвет высвобождает отказ как указание Da-sein, благодаря чему основывается просвет, человек изменяется, а сущее становится сущим. То следование божествлению, которое само по себе и есть это указание, надо понимать как свершение (Ereignung). — Называть Бытие — означает: «мыслить» *о-своение* (Er-eignis).

19

Мышление в другом начале — не для общности. Последняя встречает «философию», если она вообще уделяет еще этой бесполезной вещи какое-то внимание, с ожиданием, что какой-нибудь ответ как залог и подтверждение желания натолкнется на «удовлетворение». Для обыденного мышления нет ничего более чуждого и подозрительного, чем шаг в *незащищенное*, поскольку тут — по обычному расчету — можно рассчитывать лишь на потери. Незащищенное в просвете отказа — это *буря*, которая бушует в самом Бытии, — само событие <о-своение, Er-eignis> указывает на бурю. — Насилие — укрощение и разлом и гибель — это знаки Бытия. Но эта буря события есть глупина (Innigkeit) Божествления в трепете Бытия.

15

Если грядущее мышление *не* вооружится к пе-

ренесению *этой странности* его задачи (основания Da-sein), то у него отсутствует все, чтобы хотя бы самые предварительные вопросы об истине Бытия внести в прилаженное слово и ожидать возможности быть услышанным немногими и оставить в стороне все окольные пути.

Что этим сказано о возможном сообщении <кому-либо> этого мышления?

20

Лишь тогда историческое существование (Dasein) будет подчиняться нашей политической воле и возвышаться над ней, когда оно *поэтически-мыслительно исходя из себя* найдет свое другое начало. Любое простое попутничество с политической волей недостаточно и никогда не соответствует уникальности нашего послания. Но из какого запутанного хаоса отживших традиций мышления и представлений должны мы сначала освободиться? И как может удалась это освобождение, если не путем предшествующей привязки к совершенно Другому начала (in das ganz Andere des Anfangs).

21

Принадлежность созидающих к заданному им тем глубже, чем более собственным образом исток конкретной творческой области находится в *своем* начале и развивает свое господство. Господская природа созидания есть только возросшая гарантия для его готовности к служению — в том случае, если такую вообще еще нужно мыслить и требовать.

Но обычно под «служением» понимают только подчиненность и повиновение. Чистое служение есть господство.

Но что должно править более властительно, чем *Бытие*, в котором сущее только и становится сущим? Как человек основывает это господство? Основатель должен стать преобразившимся.

22

«Наука». — Ей уже не избавиться от лакейской роли своей деятельности. И этот характер есть следствие ее новоевропейской сущности (обретение рассчитываемости и объяснимости всего). Лакейский характер будет развиваться тем сильнее, чем больше сейчас вновь становятся «успехи» и «престиж» — а чего еще ищет лакей? Размер же «успехов» и «престижа» гарантирован, ибо лакей поступил на весьма перспективную службу: естественные науки работают для извлечения технической пользы, а гуманитарные науки вынюхивают следы «немца». Во всяком случае люди служат «народу» и, естественно, при сохранении чисто «теоретических» задач и с возмущенным отвержением всего специального знания (*Fachschulwesen*) и с уверением, что, кроме того, вскоре вернуться к чисто теоретическим «проблемам».

И в самом деле вскоре явится, пожалуй, необозримое количество «результатов» — и знание будет делаться все более несущественным, поскольку в ново«заведенном» предприятии, которое в принципе возникло в 1890 году, — люди снова благоденствуют, в особенности потому, что сейчас открыты вещи, о которых и не подозревали «либеральные» господа предыдущего поколения. Что еще в такой атмосфере делать мыслительному вопрошанию? Еще никогда из «науки» не возникало «философии». Но откуда же? Из нее самой. И о чем заставляет нас задуматься этот исток?

23

Кто стоит как созидающий в то останавливающееся время длительных переходов между редчайшими моментами воссияния всей странности Бытия?

24

«*Временность*» («Темпоральность», *Zeitlichkeit*) — как все еще они полагают — есть начало в смене и рабство в последовательности.

И все же она есть *овладение* этим «временем» без бегства в застой пустого и всегда одного и того же. И овладением она является как настойчивость в раскрытии истины Бытия.

Время — прилаживающееся к слаженности — как просвет самосокрытия, бытийствующий трепет Бытия. (См. S. 13.)

25

В чем причина того, что ничто *редкостное* больше не может существовать и что для редкостного не хватает сильных? Потому что все прежде было рассчитано на посредственность, потому что все делается доступным; потому что все изготавливаемо и мгновенно становится повсюду известным каждому.

Однако это перечисленное есть только следствие неспособности к готовности для редкостного, — которое зачастую и надолго отказывает в себе и в отказе все же указывает обратно на себя. Неспособность измерить значение указания (*des Winkes*) и в этом измерении двигаться без защиты и следовать указанию. А еще существует редчайшее во всем и каждом — Бытие — еще более странное, чем Ничто,

поскольку оно само только отбрасывает Ничто как свою самую собственную тень.

26

<Нужно> считаться с возможностью, что историография уничтожит историю, то есть: что она удушит то, что она одна еще позволяет считать достойным представления, удушит то притязание на принадлежность к сокровитному и единственному в истории: что *история погибнет* и начнется китайщина махинации и переживания, выхолащивание всего сущего и невообразимое нарастание ловкости, <позволяющей> забыть этот процесс гибели истории. Может ли история быть там, где, едва что-либо произойдет, оно историографически сразу провозглашается величайшим «событием» всей предыдущей истории? Эпоха гибнущей истории по своей сути будет, видимо, крайне продолжительной — настолько, что она сделает всецело излишней всякую память и снова возвратится к «хронологии», к регистрации неслыханного ряда неслыханных переживаний. —

Не Западная Европа погибает, но ее истории грозит гибель, а ей самой — махинационное безысторичное прозябание, которое может тем менее опостылеть, чем мельче, все менее нуждающимся в памяти и способным к осмыслению становится человек.

27

Как долго еще будут считать *Гёльдерлина* «классикой»? До тех пор, пока полагают, что классика есть нечто высшее, и прежде всего это подтверждается возможностью установить связь с Грецией. У этих глупых культурных расчетов совесть нечиста, ведь

сегодня «гуманизм» отвергается, а потому пришлось изобрести реалистический классицизм. Если бы дело было только в этом несерьезном противопоставлении «культурных типов», то об этом не стоило бы упоминать. Но эта «духовно-историческая» (грубо подражающая Дильтею, причем только с грубым изменением знака) «морфология культуры» есть только следствие того образа мысли пресловутого XIX столетия, который, как говорят, мы уже оставили в прошлом. Поскольку *вместе* с дерзостью подобных историографических расчетов и предсказаний одновременно нарастает историческое неведение, то для указанной деятельности открывается простор, особенно если она своевременно прикрывает себя себя «политически». (См. S. 22.)

28

То, что сегодня нужно многим пожертвовать в существенной традиции, пожалуй, неизбежно, но это не обязательно злая судьба. Жутким является, напротив, другое: то, что возможность задуматься еще раз о величине этой потери, а также о неспособности и отвращении ко всякому осмыслению, уменьшается и наконец исчезает. (Гибель истории из-за историографии, причем сейчас вследствие якобы единственно «правильной» историографии.)

Исчезновение этой возможности есть появление избытка закосневшей и грубой историографии. И это оцепенение есть опять-таки следствие скрывтой оставленности сущего бытием.

«*Морфология культуры*» — наследие XIX века, в ходе которого полагали, что могут выдвигать саму

по себе систему культурных типов и даже вывести ее; сейчас считают себя более рассудительными и причисляют себя к определенному культурному типу, составляя на основе этого мнение о других <типах> и против них. Это выглядит «реалистичнее». Но в принципе прежний недостаток сохранился: избегание всякого сущностного осмысления. И для этого есть извинение, которое выдается за превосходство: отвергают «методические» рассуждения и оценивают при этом «методическое» согласно представлению о «методе», которое сформировалось в «методологии» «теории науки» неокантианства и позитивизма. Никто не ведает, что «метод» как путь обоснования истины есть важнейший элемент всякого осмысления предмета — иными словами, предмета философии — т. е. самого Бытия.

30

«Эпоха» (eine «Zeit») становится — особенно в своих собственных глазах — тем более великой, чем мельче делаются современники и чем незаметнее и стремительнее происходит измельчание. Необходимым следствием этого процесса является то, что всякое осмысление — как возражение, как простое обдумывание и даже враждебность — «переживаются». Там, где эта оценка возводится в принцип, всякая посредственность и безмозглость обретают свое надежное прикрытие и безотказное оправдание. Осмысление теперь есть признак слабости и просто мания сомнения. Одновременно заимствуют достигнутое прежним осмыслением как нечто само собой разумеющееся, если не изобретенное самими. И подлинное величие эпохи прежде всего утрачивает всякое свободное пространство для развития сво-

ей образцовой силы. Но важно опять-таки не установление этого — а познание того, как здесь формируется собственная атмосфера для самого себя очаровывающего махинаторского «переживания», в которой с самого начала всякая другая «жизнь» внезапно удушается, — познание того, что все это не происходит в результате случайной неудачи сегодняшнего человека, что здесь, напротив, столетия подходят к своему концу, вот почему только лишь отрицательная оценка этих процессов привела бы к величайшим заблуждениям.

Вопреки данному мнению, это состояние должно быть распознано в своей сущности и понято как та неопровержимая исходная позиция для каждого шага перехода.

24

31

Чем «философия» сейчас еще является:

1. Нагромождением историографической и систематической *учености*. (А как иначе должно было наконец сложиться «правильное» «творение» весьма ревностного менторства, если не путем устранения всех ошибок традиции мышления за два тысячелетия.)

2. «*Схоластика*» — но, конечно, охватывающая самое новейшее апологетическая переработка «совокупности идей» самого случайного происхождения — *на службе христианских церквей* — мешанина относительно приличного «уровня» как принцип суммирования.

3. «*Схоластика*» — но еще в поисках своего Аристотеля — *на службе политического мировоззрения* (принцип сокрытия и отрицания всех «источников» этой философии). «Сообщество» как воровской принцип: выбор максимально не испорчен-

ных образованием — читай простаков — в качестве «публики». Организация взаимных восхвалений.

4. «Философия» как *ругань в адрес философии* и ее переработка в отсталый мировоззренческий вздор. (Принцип: мнимая борьба против христианства — вместо того, чтобы самим быть христианами и пробивать себе дорогу в спорах.) 25

5. Журналистская ловкость в переработке всех видов «философии» с различной дозировкой в зависимости от обстоятельств (остатки литераторов из «Франкфуртер Цайтунг» и других газет).

Сплошные проявления равнодушия — взятые по отдельности; но в их не случайной *взаимосвязи* (которая доходит до явного согласия) все эти извращения (Un-arten) «философии» все же являются сущностным элементом «духовной» и «культурно-политической» ситуации. Все они в совокупности имеют общий (то различный, то сходный плохо скрываемый) интерес: задержать действительное вопрошание, которое пробивается к первым решениям и осмыслениям, и закрыть глаза на всю достоинство вопрошания Бытия и на всякую незащищенность сущего. А потому это «товарищество» не-философии стоит «сомкнутым строем», готовым для «действий» на службе по укреплению оставленности сущего бытием и предшествующей ей формы — нигилизма.

Но все это было бы не только слишком высоко, но превратно оценено, если бы кто-нибудь из-за этого соблазнился на бескомпромиссную непосредственную борьбу, тем более что эта «философия» остается незаменимым средством посредственности. Всякая посредственность, у которой нет веса и которая никогда не может пустить корни, время от времени нуждается в навязчивом подтверждении своей незаменимости, чтобы стать таким образом еще более посредственной и полезной. 26

То, чем сейчас все еще является «философия» в названных видах, свидетельствует лишь о том, что она уже десятилетия назад была выброшена из великой колеи своей первой истории и уже не может отважиться, свернув на эту колею, вступить в сущностную полемику, в которой ей укажут на ее беспочвенность (что ключевой вопрос о сущем, — если он вообще ставится, — не имеет основания, если только не вырастает из базового вопроса об истине Бытия).

27 То, что, однако, возникает вместе с этим вопросом, побуждает к преобразению человека и требует единственного и высшего всей философии, чтобы она в основании истины Бытия сама черпала из него и тем самым отказалась от всяких костылей и опор и всякой поддержки. Понять это труднее всего: вымысливание Бытия отваживается на исток из Ничто (тени Бытия): сущее в целом как сущее. На Бытие нужно отважиться — преобразает ли человек, основывающий истину Бытия, себя самого в это основание и его сохранение — т. е. развитие. Взять на себя эту задачу и подготовить ее — главное дело философии.

Обратиться к философии в этой задаче означает: отказ от всякой попытки к непосредственному примирению с еще значимым и осуществляемым или также только исходя из этого и из противоположности к нему. Кроме того, с точки зрения общеизвестного и его защитников, этот отказ создает видимость досадного отступничества и своемыслия.

Отказ не может показать свое сущностное и первое и опорное: изначально совершающийся поворот к истине Бытия — настойчивость *Da-sein*.

Для всякого будущего созидания *единственной* судьбой творений Гёльдерлина остается их единствен-

ное предопределение к принадлежности истории. Ибо эти сочинения натолкнулись не просто на обычное непонимание или простую неспособность справиться с их трудностью — напротив, этим произведениям как таковым присуще единственное: заложить в далекое будущее область решения и именно поэтому для всякой расчетливой современности быть отставшим и как <представителю> прошлого среди других оказываться жертвой меняющихся толкований, созвучных времени. 28

33

Введенные в заблуждение избытком *историографии*, которой занимаются из-за простой мании к <получению> сведений, мы видим в истории только ход и прохождение историй (случаев). Мы не в состоянии предугадывать вперед-идущее в сбывании и исходящее отсюда долгое и скрытое отставание сущностного и из этого пространства брать меру для <определения> исторической величины (из пространства вперед-идущего отставания). (См. S. 102.)

34

Насколько сильным должно быть *произведение*, чтобы постоянно из себя самого (не вследствие неспособности тех или иных современников) оставаться *несвоевременным*? Эта «несвоевременность» есть условие всякого подлинного, т. е. всегда невидимого и косвенного «воздействия». Сила произведения измеряется тем, насколько оно в первую очередь опровергает своего творца — т. е. основывает нечто совсем иное, чем то, в чем он сам также находился и не мог не находиться. Вот почему все «биографии» и «психологии» и «биологии»

и «социологии» ничего не значат для произведения и его «воздействия». Последнее состоит вообще не в процессе понимания, если под этим иметь в виду следующее: объяснимость из круга понимания какого-либо времени.

«Инструментом» произведения часто считают то, что в произведении люди узнают себя и находят исполнение своих идеалов (*Wunschbilder*) и преобразовывают себя в соответствии с ними. Произведение как *зеркало*. Зеркало становится тем, чем оно есть, благодаря тому, кто принимает произведение за зеркало. Таким образом произведение принижается до задающего мерку пере-живаемости.

Что значит созреть для истины произведения? Произведения, которые показывает нам «историография искусства», что и каковы они *есть*? «Только» еще в памяти? Или память есть единственное пространство вырастания до величия? Имеем ли мы право ориентировать все только на «величие»? Задаемся ли мы вопросом обо всем этом, потому что повсюду «произведения» не оправдывают наших ожиданий, а это потому, что подражание обрело размеры великие и безграничные? И еще больше <получаем> удовлетворения от этих достижений, которые делаются тем более выдающимися, чем мельче нам кажется история.

35

За всем тем, что сейчас происходит, если это не просто политический новый порядок, видимо, готовится нечто, что нам не известно и откуда должны определяться все созидательные решения: изменение сущности истины.

36

«Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» [Мк 12, 17]. Этот «лозунг» становится сейчас «политическим», но он ведь христианский. На место «кесаря» встало народно-политическое мировоззрение, а Бог должен все еще быть христианским — читай, церковным — т. е. римско-католическим. Это разделение притязаний и «властей» на «земное» и «небесное» есть ведь уже само по себе — по своей структуре — христианское. Кто согласен с ним и ориентирует на него свое поведение, должен — при условии, что за ним еще стоит решимость, а не просвещенческая лживость, — вопреки всему стоять на позициях «позитивного христианства». Иными словами: возможность изначального созидания совершенно другого «мира» и истины тем самым окончательно отрезана. Но, возможно, подобная перспектива не принесет ничего странного — ведь народно-политическое мировоззрение в свою очередь понимает себя как «вечное» и окончательное. На стороне «кесаря» и «Бога» и в самом различении — всюду мы имеем перед собой «истину». Все проблемы решены, на все вопросы получены ответы. Начинается эпоха полной безвопросности. Всякое вопрошание — «проблемы» — перемещаются всецело в поле осуществления, учреждения, распространения, укрепления «мировоззрения» и «веры» — области «созидания» в смысле «искусства», поэзии выполняют соответственно только роль выражения, подтверждения, засвидетельствования и потому уже защищены. И здесь имеется только одна «проблема»: как можно все «единым образом» поставить на службу «народу» и внести в «народ»?

Полная безвопросность есть основная черта, причем необходимая для «мира», в котором должна

господствовать посредством. Однако посредственность никогда не достигает господства своими силами, она нуждается в соответствующих ей великих достижениях, имеющих в себе то отличие, что они самые сущностные решения (о бытии и истине и Dasein) обязательно оставляют нетронутыми — более того, напротив, держатся в привычной области предания (Überlieferung).

Эпоха полной безвопросности должна исходя из себя самой напирать на «вечность» — ибо что иного для нее остается, кроме *постоянства* ее самой, которое всем позволяет *то*, что известным образом в каждый момент времени и в любой ситуации еще делает возможной «будущность».

32 Но эта эпоха может быть подготовкой, против своей воли — полного переворота в новое начало. Почему? Потому что христианская вера — несмотря на серьезность отдельных <людей> — лишилась всякой творческой энергии или энергии для воздействия подобных сил (в результате вековой тактики приспособления и защиты) и потому что, с другой стороны, политическая чистка и сплочение сил создает почву, из которой в противовес безвопросному и за его пределами другое может стать нуждой. Никто не знает, что ждет впереди. Но в одном можно быть уверенным: позицию компромисса в отношении полученного из традиции, разделение «истины» (с христианской точки зрения) на земное и небесное нужно разрушить, если *истина* вновь должна стать *истиной*.

Во всяком созидании существует правило: мало да хорошо, а хорошее труднодоступно; а не так: много, дурно и дешево. Ну а что, если сейчас нашли

новое и, как кажется, окончательное, ибо все уравнивающее, правило: много да хорошо и все дешево.

Это в самом деле возможное требование. Если оно завоеует исключительную значимость, то *редкостное* будет подорвано. Редкостное — имеется в виду не только временной аспект — как то, чего нет в течение длительного времени. Редкостное есть прежде всего необычное и трудное и доступное немногим. Но откуда берется посредственное хорошее, если не из *невозможности-достичь* редкостного? Это хорошее всегда остается только «не-плохим» — и тем самым необходимо добавление чего-то уникального, распространенное на дешевое и часто встречающееся.

33

Требование: много, хорошо, дешево — как принцип «жизнеустроения» и «жизненной» «позиции» — лишит себя собственной возможности, если оно одновременно захочет отрицать редкостное и единственное. Но не должно ли оно быть таким, чтобы самому оставаться авторитетным? Разумеется. И эта нетерпимость по отношению к хорошей и лучшей посредственности ведь также необходима, чтобы редкостное и трудное могло бы оставаться одновременно труднодоступным. Эти «законы» созидания и его воздействия имеют свое основание в сущности самой *истории*, которая основывается в созидании.

История: чуждые друг другу начала всегда отсутствующего (см. S. 19). Сама чуждость порождает связность истории. Всегда отсутствующее — это не пустое одно и то же, — а неизмеримое богатейшей основы Бытия, в центре которого сущее, затронутое Божественным Бога и оставленное. Эту сущность истории мы познаем лишь тогда, когда забываем историографию — напрочь отвергаем ее как способ мышления и рассчитывания.

34

38

Существуют два пути достичь *истории* (не только прошлого) — как еще не разведанного и для нас еще вполне странного — как бездны редчайшего и единственного Божественного еще не решенного Бога богов: полный переворот сущего и преобразование Бытия. Но во всяком случае вместе с этим решает еще сила *Da-sein* человека — способ, каким она позволяет настроить себя и предопределить через переворот и преобразование, счастье, что она вообще участвует в процессе.

Путь переворота краток и внезапно обрывается со всей опасностью скорого опустошения при восхвалении только «нового» и «неслыханного».

Путь осмысления долгов, сокрыт, внешне всегда неэффективен.

35 А может быть, оба пути необходимы — и так, чтобы они ни разу не могли пересечься? И что тогда означает это — зависимость обоих путей друг от друга? То, что мы сегодня уже вполне за пределами истины и Бытия следуем лишь унаследованному и доступному расчету, когда необходимы переворачивающие *и* преобразующие события, чтобы еще раз поместить человека *перед* тихой сущностной силой вещей и *в* способность страдания при созидании и обосновать это открытое как «здесь» просвета отказа — и таким образом достичь бездны.

39

Подлинное превосходство есть излучение, и причём невидимое излучение *ранга*. Ранг — по сути взятый без степеней — относится к *самому Da-sein*. Ибо оно одно в состоянии придать вещам величие их сущностной силы и испугаться их сияния. Под-

линное превосходство исходит поэтому из силы увеличения вещей; под увеличением мы понимаем здесь: придание величия и допущение его (см. S. 83). Неподлинное превосходство живет уменьшением вещей, предпосылка которого — неизменность посредственности. (О величии см. Размышления V, S. 106.)

40

36

Где мы находимся? — Если мы ставим такой вопрос, то спрашиваем *напрямик* о «месте» внутри якобы известного и обозримого пространства истории, которое якобы имеется в наличии. Ложность этого мнения возможна для эпохи, которая все еще воспитывается с помощью «историографии» и «психологии» (в измененных формах), лишь с трудом и медленно уясняет, какие ограничения «духовной», «политической», «культурно-политической» «ситуации» времени прежде всего имеются в наличии и послушно выдают разнообразную мешанину того, что достойно изучения. То, что в этой «психологической» и «культурно-агитаторской» географии уже одно — вероятно, даже весьма жалкое, — предвзятое мнение об «истории» и «ситуации» остается определяющим и делает все подобные расчеты сомнительными, есть самое малое, что здесь должно быть немедленно обдуманно. Но, пожалуй, скорее всего может быть поставлено перед глазами половинное, а потому совершенно недостаточное и вредное и мнимое это вопрошание: где мы находимся? Однажды на мгновение *остановить* его устремление к «где» и его определению. Эта остановка удастся благодаря простому размышлению о том, что здесь еще остается выспросить другое: где находимся *мы*? «Мы»? Кто мы? Созда-

37

ется впечатление, будто это ясно и решено и будто нужно лишь только указание местоположения для «нас»? Чего только не заложено в этом незапрошенном «мы»? Возможно, и ответ на искомое «где» нашего положения. И тогда наш вопрос, который обычно создает вокруг себя видимость такой вдумчивости и глубокомыслия, не был бы всерьез вопросом — но только последним знаком утопшего в «историографии» человека, полагающего, что он господин истории.

Если в связи с этим здесь следует задать вопрос, то он должен попасть в такую колею: кто мы такие, что не можем разгадать определение «где»? Но этот вопрос отбрасывает нас в еще более изначальное: почему *мы* должны спрашивать о себе, в форме вопроса с вопросительным словом «кто» (Weg-frage)? Что уже открывается в наброске такой формы вопроса? Ответ: самость (Selbstheit) того, о ком спрашивают. Но что такое самость и в какой мере относится к ней «где». Не есть ли самость (Selbst) «выражение» «личности», а последняя «духовна» и тем самым чужда пространству?

Но подразумевает ли «где» обычное «пространство» и есть ли самость не выражение, а скорее основание «личности» — это настолько важно, что, когда самость постигнута, также осуществлено уже преодоление «лица» (Person) и «личности» (Persönlichkeit) и тем самым мышления в различениях тела, души, духа?

Кто мы такие, если на нас давит определение «где»? Основатели Da-sein? *Являемся* ли мы ими? Или же мы пытаемся сделать первый шаг основания, преобразуя тот вопрос: где мы находимся? Догадываемся ли мы в этом месте, например, о силе броска и силе преобразования действительно разработанного вопроса?

«Кто мы такие, если на нас..?» Это другой вопрос, отличающийся от непосредственного: кто мы? Но позволяет ли этот вопрос, в любой форме, вообще спрашивать с перспективой получить ответ? Иными словами: знает ли себя та или иная эпоха? Или она познается только потомками? А что означает здесь слово «познавать» (*erkennen*)? Вопрос вопрошает — при правильном понимании — вовсе не о человеке, каким он есть или был, и его характере. Этот вопрос настолько своеобразен, что он только должен вопрошать о том, о ком следует вопрошать, и только это *вы*-спрашивает. Однако это указывает на необычное положение человека, описать которое изолированно невозможно. Где мы находимся? Находимся ли мы вообще? — если находиться как обозначение существования для человека означает больше, чем иметься в наличии? Если «находиться» означает осуществление и выдерживание настойчивости в *Da-sein*? — Мы еще не находимся, но цепляемся за живую сущность и разумность *animal rationale*.

И кто бы стал спорить, что при этом не многое «сбывается» и что успехи будут такими гигантскими, что сделают нас не нуждающимися в достижении целей и полностью даже в достижении истины истинного (*die Wahrheit des Wahren*). (См. S. 84 слл.)

41

«Ветренный» ветер <приспособления к> духу времени сейчас все больше и больше уходит из парусов «работы» над наследием *Ницше*. Это хорошо. Но этого недостаточно, чтобы освободить само наследие и явить его истину.

Возможно, это наследие должно после освобождения от шумихи еще пройти через <период> за-

40 бвения, чтобы затем прийти к обновлению. То, что Вагнер и Чемберлен² сейчас одерживают победу над Ницше, не может удивлять и должно рассматриваться как начало защиты наследия от публичности.

42

Всякий созидающий, будучи созидающим, неизбежно находится во вражде к любому виду «мировоззрения». Но эта вражда именно поэтому для него всегда неважна — и никогда не является побудительным стимулом, не говоря уже о цели.

43

Националистическое (*völkisch*) мировоззрение в кругу задачи исторического собирания имеет свою собственную необходимость. Оно может в соответствии со своим кругозором сделать свой «тотальный» характер непосредственным и легко узнаваемым и понятным — в особенности в отношении ко всему созиданию. Народ есть *почва*, на которой происходит всякое созидание; народ в отношении созидания как процесса есть даже *корень*, из которого он вырастает и на котором стоит. Народ есть, наконец, *цель* и *сфера* воздействия созидания.

41 Каким бы окончательным все это ни казалось, столь же несомненно оно остается передним планом — до тех пор пока то, вокруг чего кружит это мировоззрение, — народ — не помещен в *истину*, не поставлен в вопрос о Бытии и таким образом

2. [Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927), автор «Основ XIX века» (1899), с 1909 года женат на Еве, дочери Рихарда Вагнера, антисемит; оказал идейное влияние на Гитлера.]

не *выводится* в случайность его сущности. Характер «народа», делающий его способным к несению «тотальности» (в многозначном выше названном смысле), если он сознательно выдвинут как единственный, таит в себе опасность того, что сам народ в его отдельных <лицах> больше не способен терпеть достоинство вопрошания самого себя и запутывается в своей «тотальности» и так замыкается от «целого» Бытия и тем самым делается ненадежным для <принятия> решений, которые в этой области, возможно, некогда будут востребованы. (См. выше S. 2 сл.)

44

Что будет, если справедливое порой недоверие к определенному «интеллектуализму» неожиданно укрепится в безудержный рост неспособности к сущностному мышлению и знанию? Что будет, если исчезнет предчувствие тихой силы бездеятельного осмысления? И что уж будет тогда — если дело дойдет до того при одновременно новом и усиленно начинающемся *утверждении* «науки» как необходимой формы техники? Так что наука прежде всего распространяет ложное понятие (Unbegriff) знания и сильнее всего препятствует обновлению сущностного мышления. 42

Но кто будет решать, не является ли эта остановка сущностного осмысления необходимой и не создана ли ему даже единственная возможность еще раз приступить к работе. И ко всему прочему — кто мешает мыслительной работе? Никто; она мешает — в своих более слабых попытках — только себе самой из-за жажды ложной публичной значимости.

Позволит ли себе сущее в целом преобразиться через вымысливание сущности истины? На что

способно голое «мышление» перед лицом череды сменяющих друг друга случайностей и поступков? Почему «мышление» не должно быть ни на что способным, если оно, как и прежде, мыслит сущностное и по-новому обосновывает истину. Что было бы с таким еще богатым воздействием и осуществлением, если бы у них отсутствовала область их целей и претензий и суждений и оценок. Но откуда берется эта область? Из лежащего далеко в прошлом, давно забытого и сегодня многими уже не вспоминаемого основания сущности истины. Даже Ничто как голое Ничто не смогло бы втянуть в себя отчаяние, не будь истины.

Исток вымысливания сущности истины всегда незаметен; его невозможно описать — ему отказано в непосредственном возвещении, причем отказано неизбежно, и потому все мышление, чем существенней мыслимое, создает видимость полного бездействия. Опасность грозит мышлению не извне, ему угрожает оно само через утрату необходимой ему уверенности в себе в отказе от непосредственного.

Сущности Бытия и вымысливанию его истины не удастся в их сущности стать осознанными многими и доступными выговариванию. Утрата уверенности в себе проистекает, однако, всегда из того, что мышление вы-прыгивает недостаточно далеко вперед, слишком мало отваживается на странное и слишком рано начинает опираться на понятность.

44

45

Нам нужен новый Бог! Нет! И «нет» не потому, что старый Бог еще годится и может быть Богом, — но потому что Бог вообще не то, в чем мы нуждаемся. Другой Бог нуждается в нас. Это не простое

переворачивание предшествующего отношения — но знак полностью странного, Божественного, для области структуры (Gefügebereich) которого бывшие Боги — «античные» и христианский — не помогают, если мы их как таковых возьмем в привычном истолковании.

Мы есть — грядущие должны быть — теми, в ком нуждается <Бог>, — теми, кто, основывая открыто и настойчиво и в развитии, *держит* Бытие в истине его сущности — Бытие, которое открывается как о-своение Da-sein, в результате чего и осуществляется то, чья истина («здесь») сама его основывает. Бог нуждается в нас — но не только сегодняшних и только имеющих в наличии людях, как они существуют, но и не только в людях вообще в каком-либо сплочении и улучшении — но в «нас», *этих* людях, которые свою сущность позволяют себе выбрать только в преследовании истины Бытия исходя из этого — так что здесь имеется в виду не другой и более высокий «тип» человека, — но возникшее из предельного отношения к самому Бытию, прежде необходимо замкнутое основание человеческого бытия (как Da-sein).

Другой Бог нуждается в нас — эту фразу можно перевести в такую форму: Бытие, выходящее в свою истину как о-своение, будучи промежуток для Божественного и таким образом «сущего», вынуждает человека переместиться в Da-sein и стать его стражем. Будет ли человек достаточно «силен», чтобы стать этим вынуждаемым, — то есть, обратится ли он еще к без-донности Бытия или будет до конца упорствовать, застряв в своем «собственном» — «махинациях» и «переживаниях»?

Быть нужным (gebraucht) здесь выше, чем «нуждаться» (Brauchen) (benötigen). Другой Бог нуждается в нас: он *нуждается* (benötigt) в основании

Da-sein и расточает его в кратчайшей колее упрятывания сущего в простоту его структуры.

46

46 Вот так уже «одиночество» созидающего также сделалось расхожим выражением, а что остается еще чисто и хорошо защищенным в кругу воздействия Бытия? Но — то, что речь об «одиночестве» становится общим местом, затрагивает ли это само одиночество? Да — в той мере, в какой оно сегодня *еще* более одинокое и становится послушно недоступным. Одиночество возникает и существует — как известно — не в *отсутствии* надлежащих, но <в чем>? в приходе другой истины, в нападении полноты только-странного. Вот почему никогда нельзя одиночество «устранить» извне, как бы ни желало и ни могло оно уйти.

Но какое одиночество должно быть там, где считается, что надо упразднить метафизику и из истины Бытия прийти к сущему — лучше сказать: исходя из нее заставить сущее прийти?

47

47 Признаком *величия* (см. Размышления V) никогда не является гигантское как чистая количественность совершенных по приказу достижений, а — неповторимая простота решений. В области *мышления* эти решения являются существенными, а потому редкими *вопросами*, чтобы обосновать тишайшие дерзновения, самоутверждение человека в отношении достоинства вопрошания Бытия. Задумаемся о редкости подобных вопрошаний — столетия питаются критикой уже поставленного и тем самым погашенного <вопроса>, — и осмыслим, что,

пожалуй, только круг света от вспышки подобно-го вопрошания может когда-либо снова сделать видимым — причем лишь немногим — что есть философия, — и тогда мы не будем удивляться, что мы — даже еще при избытке историографически-философского всеумения — настолько полно и, видимо, еще на долгое время закрыты от философии. Исходит ли из этой участи наивность в отношении Бытия и пресмыкание и танцы перед сущим (перед действительностью среднего человека)? Являются ли поэтому все сегодняшние «мыслители» в самых скрытых формах лишь «психологами» — антропологическими толкователями прежде помысленного — будь эта антропология «биологической» или «духовно-исторической» — и будь эта история духа дильтеевской или «националистической» (*völkisch*)? Исходит ли отсюда ошибка в расчислении истории и ее сил и форм по «типам» и характерным чертам? И не зависит ли от всего этого липкого и бессильного ко всякому вопрошанию и потому беспрепятственно занятого и «творческого» то, что каждая попытка осмысления остается простейшим шагом, как в болоте, без твердой опоры и потому сама прежде всего втягивается во всеобщее опошление?

48

48

«Идеи» — воспринимаемые как истины Бытия — тогда являются «лучшими», когда они *не* «реализуются» непосредственно.

«Идеи» как представления долженствующего быть, напротив, сами по себе всегда бессильны <и безвластны>. Истина Бытия, однако, не нуждается во власти, поскольку она в себе власть — основа всякой власти — при условии, что мы сущность вла-

сти не ищем нигде, кроме самого Бытия, чтобы затем узнать, что сущность Бытия уже не нуждается в названии власти.

49

Мы довольно мало видим пространств и колеи и троп, в которых реет, бушует, растет, выскальзывает, обрушивается и застревает основание Da-sein, осуществляя в отрицании свое величайшее <дело>. Что делать здесь искуснейшим сведёниям и ошибочным расчетам (Verrechnungen) «психологических» и «физиологических» «данных», «внешних» и «внутренних» жизненных обстоятельств и влияний? Что должно означать указание на «творческую» суть поступка? Но разве не в порядке вещей, что все эти объяснения терпят неудачу? А если они не воспринимаются как таковые, но, напротив, в них «переживания» самого человека должны быть перенесены в чистое пост-«переживание». И почему эти объяснения должны быть ошибочными? Разве человек не является «разумным животным» — разве вся «биология» и «психология» и «мораль» как таковые не скроены в соответствии с этим? Разумеется — но эта «психология» и питающее ее господство переживания есть, напротив, одновременно *водоворот*, в который любая концепция человека все больше втягивается и таким образом в себя саму вворачивается и коснеет.

Что здесь коварного, что древнейшее определение человека укрепляется и сохраняется? Является ли оно древнейшим — и является ли его истоком полнота знания человека или неудача этого знания? Откуда приходит к человеку его собственное истолкование? Когда у него возникает в конце концов глубокое недоверие к этому? И как он приходит

к источнику этого неизбежного недоверия — вопросу об истине Бытия, которая одна может быть местом сущностного истока человека? 50

50

«Переживание» — не то нужно считать коварным, что это *слово* сегодня затрепалось и превратилось в простой оборот речи. Это затрепывание есть лишь следствие того, что на деле только еще *пере-живается*; что человек сейчас собирается в наиболее плоской форме *cogito me cogitare*, что сейчас, — и это в самом скрытом виде — достоверность переживания сделалась мерой действительности, а значит, истины. Из этого следует, что вскоре, возможно, уже на смену «переживанию» придет «сбывание» и что так при постоянном нарастании все ссыпается в жернова переживания и перемалывается и что это все больше считается действительностью, по меркам которой набрасывается «все-жизние» (*All-leben*).

Пожалуй, это словоупотребление («переживание») участилось до невыносимости — но на это не следовало бы обращать внимания, не будь признака того, что пере-живание есть форма человеческого бытия — т. е. новоевропейский человек как организатор нигилизма закрепился в нем. 51

51

Ежедневно мы получаем сводки растущих гигантских цифровых данных о скоростях машин, о покрытых расстояниях, о преодоленных дистанциях, о количестве посетителей кинотеатров и радиослушателей, — если бы мы когда-нибудь захотели подсчитать — что мы, к счастью, не умеем, — какое

удаление от сущего и сущностной силы вещей происходит в закреплении и возрастании тех «потребностей» после возрастания до гигантских величин, какое опустошение сущего тут распространяется, — этот процесс — подготовленный за столетия, охватил все «культуры» и «цивилизации»; он сам движется к своему концу, да он сегодня — только еще, возможно, весьма долгое время длящееся, само себе все больше остающееся неведомым закрепление конечного состояния, которому, согласно его типу, предстоят еще большие «прогрессы».

52

52 *Ницше.* — Возможно, подлинное творчество Ницше — так и не завершенное окончательно — полно определяющей силы, вот только он нам не по плечу. Законченное творчество дает, пожалуй, возможность обзора и мнимого овладения и тем самым обычного «завершения», незаконченное, однако, соблазняет на произвольные сокращенные пересказы якобы случайно выбранных кусков и таким образом на господство произвола в другом смысле. Всякий раз при таком освоении остается еще неосвобожденным скрытое мыслительное движение — вопрошание с его дерзновенными и неизведанными областями. Мышление остается, однако, также вполне защищенным и сохраненным, пока не придут те, кто достаточно силен, чтобы оторваться от него.

В то же время будут наслаждаться «образами Ницше» и путем фабрикации «литературы» о Ницше принижать наследие до опытной площадки для все более ухудшающихся и лишенных направленности «диссертаций».

53

Не продвигающееся выхолащивание всего сущего и не параллельное этому кричащее преувеличение любой вещи и каждого слова заслуживают еще внимания, но то происшествие, которое все это показывает, 53
 — лишь как сопутствующее, а само еще не появилось. Как нам назвать это? Обыденное всей истории и ее происшествия не предоставляют нам ни рамок, ни области, с которой они связаны; но мы принуждены — наконец — набрасывать это не-происходящее исходя из него самого, а значит, разрушать наше прошлое.

Выхолащивание и преувеличение «сущего» как уклонение (*Verstörung*) в не-сущее — это следствия того, что сущее угодило в махинацию, а к этой участи оно было предопределено с того времени, когда была удостоверена сущность как представимость (*idéa*). Но уклонение в не-сущее не собирает себя познавать, но должно себя отрицать и искажать для завоевания подлинной действительности «жизни». И это перекиривание самой себя исходит из сокровеннейшего страха, слишком слабого, чтобы подготовиться к тому ужасу, степень потрясения от которого позволяет раскрыть широту, в коей сущее (ставшее не-сущим) покинуто Бытием. Событие 54
 оставленности бытием, когда оно <событие> обретает свой голос и настраивающую силу (*stimmende Gewalt*), свидетельствует о бездонности Бытия. Однако так никогда не бывает для многих и навязчивых, которые, все дальше захватывая всё, делают все великое доступным себе, а значит мелким.

54

Лишь немногие в состоянии промерить разрыв между гигантскостью махинации и замолчанностью

Бытия. И кто способен вынести и то и другое одновременно при их предельной противоположности и необходимо[сти], чтобы осознать в них всплеск Божественного и так прийти к обладанию отказанным как таковым — отречься?

55

Чтобы чувствовать тяжесть веса, надо самому обладать весом.

56

Существуют рынки рабов, на которых сами рабы зачастую являются крупнейшими торговцами.

Гигантизм как качество количественного.

55 Если лишенное будущего насилие и стремящаяся возвратиться назад духовность предписывают *эпохе полную безвопросность* и если и то и другая — одинакового происхождения и имеющие равным образом непознанную цель — взаимно искажают себя, превращая в противников, если отсюда распространяется безыстинность *Dasein* и все признаки указывают на давно задерживающийся конец — где тогда будет положено начало? (См. S. 60.)

57

Христианские «церкви» перешли — уже давно — на службу просвещенческому и одновременно романтическому всемирному христианству, которое украшает себя всем, что было выстрадано творческого в мыслительном и поэтическом плане от Гёльдерлина и Ницше (и их последователей). Цель — полный *отказ от вопрошания*, задвигание всякой достойности вопрошания Бытия в неизвест-

ность и ненужность-для-рассмотрения. И все это под защитной вывеской борьбы против большевизма и всякого рода «тотального» притязания — уменьшение роли нигилизма — как его опаснейшей формы.

58

56

Техника: частое непонимание <ее> ведет к ложной позиции. Считается, что техника и ее господство будто бы лишены духовности и «материалистичны», вероятно потому, что они необходимым образом привязаны к материальной сфере. Но сама техника есть выраженная форма «духа» — знания и решимости.

А потому ее господство имеет уникальное значение, поскольку техника сама придает себе форму, в силу которой преодолевает все предшествующие формы духа, и тем навязчивее, чем больше угасает внутренняя сила духа, направленная на господство. Но у нас еще нет областей, откуда могло бы осуществляться господство техники. Сначала мы колеблемся между чистым идолопоклонством, будь то в негативном (Шпенглер) или позитивном ключе (Юнгер), и встраиванием техники в народное или какое-нибудь еще тотальное целеполагание.

Но сами они представляют собой следствия скрытого господства техники. Вот только нам не следует ее недооценивать в ее явных формах реализации, но мы должны понимать ее как уникальное оформление новоевропейской сущности истины (достоверности) и уметь обосновывать исходя из сущностного определения сущности как махинации. (См. выше S. 9 сл., 8о.)

57

59

Надвигаются *сумерки кумиров*. Но не как предвестники их ухода в ночь, но как возвешение их неудержимого входа в их день. Но эти сумерки — не вечерние, сначала наступают утренние сумерки. Марш кумиров есть признак длительного окончательного бегства богов. Само Бытие входит в новый возраст — Бытие как отказ становится самым сокровенным огнем во всезаглушающем шумном дне.

60

Доказательство существования Бога (в том случае, если эта бессмыслица в настоящий момент допускается): почему по христианским меркам «Бога» не существует? Он должен был бы давно выступить против гигантского идолопоклонства (Götzendienerei). Но поскольку оно уже вот-вот вычислит, как оно еще перешагнет и перекричит свои границы и безмерность, — а христианский Бог и дальше при этом будет заниматься своими делами, <из этого> следует, что он *не* существует и делами управляет только идол.

61

Поскольку выспрашивать нужно уже не сущее в его сущести, а Бытие в его истине, постольку неудачу терпят всякое описание, показ, объяснение, упорядочение и выведение. Необходимо измерить глубину бездны. Форма знания уже не может определяться каким-либо видом учености. Всякая наука решительно отходит в область, к которой она относится: в технику. Философия входит в первичное, Западной Европе неизвестное решительнейшее противоречие с «наукой», к которой относится всякое «мировоззрение».

Если *философия* переходит в свою *не-сущность*, она превращается в «схоластику» или «мировоззрение». Но грядущая схоластика уже не ancilla theologiae, а servus anthropologiae³. К ней следует обращаться в мужском роде, описывающем услужливость и роль обслуги, чтобы намекнуть на ее «героический» характер. Вопрос: что такого «героического» в этой философии? Например, мышление? Но мышление, которое запрещает себе <признавать> вопрошание и полностью — достоинство вопрошания Бытия, как оно может быть «героическим» или просто мышлением? «Героическим» здесь является только servitudo des servus⁴. Если судить по нему, однако, sacrificium intellectus какого-либо римско-католического прелата еще является чистой воды свободомыслием. 59

62

Мастер на все руки, но нигде при том не «выделившийся» хоть бы одной мыслью, бьющий во все колокола и нигде при этом не бывший, всюду прячущийся за спину впереди стоящих и черпающий из всех колодцев литератор большого города в маске «героического» «мыслителя», насквозь пропи-танного <идеологией> крови и почвы?

63

Человек только промах Бога или же Бог — промах человека⁵, — вопрошает Ницше.

3. Не служанка теологии, а слуга антропологии (лат.). — Прим. пер.

4. Служение слуги (лат.). — Прим. пер.

5. [Friedrich Nietzsche: Götzen-Dämmerung. In: Ders. Der Fall Wagner. Umwerthung aller Werthe I. Dichtungen. Kröner Verlag: Leipzig 1919, S. 62. — Ср.: Ницше Ф. Сумерки идолов, или

Или *оба они ошибка Бытия*, оба взятые в пустом христианстве Нового времени. Ошибка Бытия, поскольку со времени первого начала мышления сущее в сущести идеи изменило всю истину Бытия и всякое Бытие истины, — ошибка Бытия, которая состоит не в этом, а в том, что ему до сих пор запрещалось стать промежуточком для сущего и свободного пространства решения о богах. Но как быть, если мы должны стать свидетелями этой бездны истории — ошибки *Бытия*; как мимолетно и просто упорхнуло тут «величайшее» скопление случаев в сущем.

И ошибка Бытия — не должна ли она указать на избирательный характер (Ausgriffcharakter) самого Бытия: ошибка — не-приход-к-выхватыванию Бытия как о-своения? (Ошибка здесь не человеческое, а все человечество только в собственности Бытия?)

64

Эпоха абсолютной безвопросности и запрограммированного героизма должна — как следует ожидать — быть решительным врагом всякого базового настроения или по меньшей мере вести себя как такой враг, — <настрою,> который появляется со дна ужаса и страха (не робости). Лишь немногие в состоянии понять, что фанатическая приверженность к полной безвопросности — не что иное, как *надрывный страх перед достоинством вопрошания Бытия*. И еще более редким будет пока осознание того, что эта эпоха полной безвопросности необходимо внедряет установку, высший и потому не высказанный принцип которой — уклоняться от любого сущностно-

Как философствуют молотом / пер. Н. Полилова // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 558. — *Прим. пер.*]

го решения (например, о сущности истины) и толковать это бегство как силу воли и безусловность, как веру в «вечные» ценности. Укрепление безвременно-вечности выставляется одновременно как спасение культуры. 61

Редкие прорывы в истории *Бытия* настолько странны и несравнимы со всем сущим, что и «величайшие исторические события» тонут перед лицом этого в ничтожности сущего. Поэтому перед ним <сущим> нельзя никогда заслонять мысленного взора или даже пугаться остановки у единственного места <принятия> решения. Но и тогда нельзя, когда это знание остается без всякого одобрения и ни до кого не доходит. Да и зачем? Может ли быть превзойдена принадлежность к самому Бытию?

65

То, что сейчас еще содержит в себе силу становления, должно вращаться в свое собственное только что переставшее быть пространство.

66

Все <предпринимавшиеся> усилия в отношении «науки» страдали тем, что еще не осознавали сущностную несущность «науки» и, главное, не могут осознавать, коль скоро они сами себя еще могут принимать всерьез как «культурные достижения».

67

62

Высота всякий раз достигнутого мышления измеряется прежде всего и обычно тем, что необходимо преодолеть. Когда этот «преодоленный» унижен и опустошен, даже высший триумф остается пора-

жением, причем роковым, коль скоро оно не может познать себя и, главное, не хочет этого в том, что оно есть, и поскольку оно себя поэтому должно считать безусловным совершенством.

68

Выдвинем требование — оценивать сущностную историю по тому, что свершается в Бытии и как Бытие — и проходит мимо «сущего» («действительного») — несмотря на его громогласную настырность; тогда мы вынуждены сделать признание, что нам еще недостает *истины*, из просвета которой нами овладевает Бытие как о-своение, в чьем указании и распоряжении мимо стремительно проносится Божественное как стая птиц — миг знака-жеста <, указывающего> на невозможность одного — <нужного> *решения*.

69

63 Те «духовные» <господа>, которые без устали стелят о том, будто «дух» «в опасности», сами являются «подверженными опасности» — нет, просто безнадежно проигравшими; ибо ничего не ведают о духовном решении, поскольку уже давно уютно устроились в «образованном» обладании «образованием» во всем «истинном, добром и прекрасном». А кроме того: «духа» — *если он еще был бы духом*, — подвергнуть опасности мог бы только *дух*. А уж *такой* опасности вовсе нет. Здесь и там ведутся лишь показательные бои за «дух».

70

«Тотальность» того, что на первом плане («народ», «политика», «раса»), и разрушение всякого едино-

го-вместилища (Ein-gäumung) и даже обоснования возможности решения в сущности истины и Бытия. То, что заранее не попадает в эту область, остается на первом плане и чем безусловнее в амбициях, тем разрушительнее в своем результате, именно *потому*, что видимость говорит о строительстве и обновлении.

71

Пока истина Бытия не основана и вследствие этого сущность человека не решена, производная форма знания — наука — в каком бы обличье и при каком бы использовании она ни выступала — остается без основы. «Сущее» отдано на произвол натиску. Но чем неудержимее массовая природа человека, тем необходимее «наука». *Этот* вид необходимости заключает в себе <следующее>: чем больше она растет, тем шире выхолащивание и принижение сущности «науки». Исходя отсюда можно определить, что означает распространяющееся сейчас удовлетворение «исследователей», с которым они характеризуют непереносимое признание их достижений и задач. Они выдают себя жалкой невзыскательностью как подлинных врагов знания — т. е. осмысления и страсти для достоинства вопрошания Бытия. 64

Но и они сами уже в этой позиции не свободны, а оказываются рабами неудержимого, которое они не могут увидеть только в его сущности, поскольку ослеплены его безграничными успехами и поскольку успех — большая приманка, которая повсюду разбрасывается махинацией.

Каверзность размышлений об эпохе, когда они ввязнут в сравнениях и «типизациях», а не приходят из осмысления с самого начала. 65

72

Только знающий может *вопрошадь*. Чтобы выдержать достоинство вопрошания Бытия, необходимо *знание* о сущности истины как просвета отказа. Всякая «вера», держащаяся за *это* знание, есть еще сомнение. Подобное знание — незатронутое наукой и бесполезное для нее — пребывает в о-своении и, вопрошая, измеряет глубину без-дны как отказ основы.

Но *отказ* есть высший дар — для знающего — вопрошающего. «Основание» как арендованная почва является утешением не-знающему, который нуждается в безвопросном и должен его использовать. Подлинное вопрошание ищет лишь то странное, которым оно уже располагает в знании, не будучи мужеством исходя из этого <знания> и только разворачивая его в истину. Вопрошание есть пере-мещение — в о-своение (*die Ent-setzung in das Er-eig-nis*). (См. S. 67 сл.)

73

Пока мы еще падки на «пере-живание», мы терпим неудачу в пере-мещении в истину. Или же растущее неистовство «переживания» делает истину невозможной и тем самым содействует традиционным обладателям истины, христианам, в достижении нового господства? Христианство победит *еще* раз благодаря созданию своего подвластного ему противника, которому в качестве «свободного» пространства остается лишь *перевернутое с ног на голову* христианское учение о человеке. Но переворачивание есть во всяком случае огрубление и обособление сущностных отношений (для христианства сущностно важно отношение к Бо-

гу-Творцу). Переворот с ног на голову есть измена своим убеждениям (Umfall) и возврат к старому (Rückfall) — но ни в коем случае не преодоление как освобождение.

74

Попытка вернуть «науке» сущностную истину путем возвращения ее в «метафизику» должна однажды (для меня этот день уже наступил) быть воспринята как напрасный труд. Ибо всякое возвращение в достоинство вопрошания Бытия означает разложение «науки», а как раз в отношении этого «наука» будет оказывать сопротивление и скорее предпочтет новую подчиненность, чтобы спасти эту «культурную ценность», что при <нынешнем> ревностном отношении к «культурной политике» не встретит никаких препятствий. 67

75

Обширный прекрасно выстроенный труд (например, «Феноменология духа» Гегеля), кажется, выдвигает большие требования к мышлению, чем краткий мгновенно пробегаемый «Афоризм» Ницше. Но на деле это только так кажется. И мы с самого начала попадаем в плен этой видимости, пока нам недостает выучки, чтобы действительно задуматься о разграничении мысли в ее <выучки> пределах, вместо того чтобы бездумно, с помощью легко схватываемого «Содержания» объединять «афоризмы», заменяя тем самым отсутствующую «систему». Вход в сущностные положения (Sätze) и расшатывание связанной с ними истины нуждается в знании, долго и надежно возраставшем, и в согласии молчаливых. Как мало людей чуют дуновение мол-

чания, веющего вокруг малости немногих положений. И как трудно молчанию прийти в действие, ведь оно еще многозначнее, чем всякое сказанное.

68 Чересчур привыкшие к обоснованному и слишком приверженные к сохраняющемуся, чересчур покорные «действительному» и слишком алчные к наличному, мы схватываем — когда бездна раскрывается (Da-sein) — только отсутствие и неналичие основы. У нас слишком короткий захват, и мы слишком незрелы для познания и даже сохранения бездны как *отказа* основы и отказа как дарования проясненного самого о-своения. (См. S. 65.)

Когда же тебя настигает этот дар, тогда вспыхивает как молния «здесь» <das Da> и ты, сраженный, схваченный, свершаешься <, становясь> здесь-бытием (bist du zum Da-sein ereignet). Но одновременно с этим ты должен мысленно сознать, что эта молния никогда не поражает, так что ты в постоянном осмыслении не делаешь себя принадлежащим к сущностной власти (zur Wesensgewalt) простых вещей (и, к примеру, <не думаешь, будто> обладаешь знанием о сущности материала (Zeug)). Только в напряжении, <пронизывающем> самые далекие дали в простоте их простирания (ihres Gezüges), вспыхивает молния.

76

Невозможно перебросить мост между мужеством к *исключительности* и бегством в «вечность». Бегство нуждается — по крайней мере в качестве приманки — в массе. К исключительности относятся редкостные. Но еще закрыта та область истории, в которой исключительное не как «действительное», а как дающее закон требует равных себе и ставит себя только в пробуждение единственного и самого другого в отречение. (См. S. 89.)

77

Искусство. — Вопрос стоит не о том, должно ли искусство быть свободным или связанным, но о том, может ли искусство быть искусством или нет. Связанное искусство напоминает дворовую собаку, а именно смирную, которая может свободно двигаться на длинной цепи и во всяком случае может обегать весь двор во всех направлениях. Почему бы не называть это «свободой» и даже признать, что такая свобода приносит больше пользы, чем разнузданность, повергающая домашнего цепного пса только в растерянность и бесполезное снование? Но таким образом созданное свободное искусство — вовсе не искусство, при условии, что мы указываем искусству другое, то, что указывает нам орел, отыскивая вершину и редко бывая <при этом> видимым.

(Собака или орел?) Какая польза — если все дело в пользе — от наилучшей расы, когда существуют только собачьи породы (Hunderasse) и избегается решение о том, *кто* же должен быть тем, для кого и причем по праву должна потребоваться хорошая раса?

78

70

К чему ты принадлежишь? К ловким пережевывателям прошлого и всегда сытым или к тем, завтрашним, которые уже уверены в своей «вечности», или же к переходным, к тем пропащим, которые в привычном нигде не занимают прочное место, однако участвуют в потрясении Бытия и потому являются единственной основой будущего пространства?

Самоосмысление начинающейся эпохи перехода от первого начала к другому началу есть уникальное — ибо готовящееся здесь обретение-себя должно быть сильным для того, чтобы оставить прошлое и обычное и среди этого в первую очередь то, что сейчас делает скрываемое «культурное достояние» и подавно «доступным» для многих и тем самым еще раз привязывает к определенному времени. Это самоосмысление встретит особое затруднение, <связанное с тем,> что оно все еще и в особенности оказывается в тени того, в ком оно увидело своего жесточайшего противника: в тени «психологии», — но будущее самоосмысление, чем бы оно ни было, есть только пере-мещение (Ent-setzung): оно должно сегодняшнего человека, который больше чем когда-либо увяз в различении «отдельных <людей>» и «общности», сначала вывести из этого <различения>, как поверхностного и вторичного, и ввести в сферу решения об истине и ее сущности.

С этой точки зрения теперешнее сплочение народа не может не быть двусмысленным; оно *может* проистекать из новоевропейской, крайне радикально перенесенной на самого человека махинации, которая все «делает» (macht) путем устройства и переживания, и может в случае этой задачи как «вечного» состояния захотеть настаивать на «необходимости» учета прошлой «культурной» деятельности человека.

Однако это сплочение — необходимое поначалу в такой форме — может быть только подготовкой, чтобы «народ», а значит, прежде всего противников его угрожающей сосредоточенности на нем самом провести через решение, в силу которого только и раскрывается вновь и разведывается

(er-gründet wird) изначальная область истины Бытия. Всякое самоосмысление должно уже решить-ся на пере-мещение в это решение; ибо решать могут только решительные.

Но последние опять-таки двойственны: решительные <желающие двигаться> назад, защищающие установленный идеал как окончательный (раса; общность), и решительные <желающие двигаться> вперед, которые прощупывают достоинство вопрошания Бытия и подготавливают для этого еще непредвиденное.

72

80

«Вопрос» об «*университете*» поставлен сейчас как то, чем он уже давно был: как дело организации деятельности. В принципе, каждый, кто в нем занят, желал бы, чтобы в сферу его исследований и оценки их результатов не вмешивались. Никто всерьез не хотел заниматься только *одним*, принадлежать к *uni-versitas*: отвернувшись и уйдя в истину знания — чтобы здесь и для этого быть обязанным на что-то отважиться. Но столь же горячо протестовали *против* системы среднего специального образования, которая уже давно и в полной уверенности пребывает под весьма тонкой и прохудившейся крышей.

А почему люди *противятся* упразднению <университета>? Хотели бы еще сохранить для университета как бы в публичной и «общественной» <сфере> видимость «культуроопределяющей» и даже «духовной» власти, хотели бы еще — при всей связи с народом — совместно принадлежать к «высшей» школе и с помощью такой принадлежности к «высшему» обеспечить этой в остальном еще слишком явной деятельности ради банальной пользы еще и определенное «освящение».

Но чего вообще *не* хотели, да и не *могли* больше хотеть, так это *самоутверждения*, которое могло бы быть лишь само-дерзновением. Бывшим недостает для этого мужества и умения; нынешним не хватает всякой потребности в дерзновении, поскольку они полагают, что если отваживаются вершить крупные дела в политике, то достаточно это поддерживать, в результате чего остальное происходит само собой. Но *еще* меньше, чем в области политической, в духовной сфере (не в науке!) недостает поступка. Поступок здесь — *вопрошание*, которое давно остается и, вероятно, всегда может оставаться без «удовлетворительного» ответа и стремления развивать это как созидательную силу.

Но все же с точки зрения прежних и сегодняшних это можно считать только «романтикой», чем оно и *является*, пока сохраняется мнение и определена позиция: в самом университете будто бы следует еще что-то сотворить *против* него. Это невозможно не только из-за действия, это остается прежде всего из-за намерения лишь весьма медленно осознаваемым заблуждением. (См. положения о науке⁶.)

Это осознание возникает только из опытного знания прошлого, из неудачной попытки переделки нынешнего университета — при условии, что и то и другое поддерживается и руководствуется сущностным знанием, которое предшествует всякой «науке» и с самого начала находится вне ее.

74

81

История. — На основателей и тружеников воздействует только то, что они сами благодаря люб-

6. [Heidegger: Beiträge zur Philosophie. (Vom Ereignis). GA 65. A.a.O., S. 145–158.]

ви к прошлому (Rückliebe) возвели из традиции в круг воздействия работы (Werkwirkung). И это всякий раз новое основание прошлого само относится только к области заимствованного будущего и не может сделаться предметом публичной историографии и банальных рассуждений. Былые основатели вместе со всеми позднейшими благодаря ему <новому основанию> одновременны. Бывшее «воздействует» только на данный момент как необходимый и равный противник в борьбе за собственное, охватывающее основателя предназначение, которое поначалу остается в тени и никогда не может быть провозглашено в современности.

В истории не существует «причинности». Как же? — если одновременно существуют знающие и говорящие, которые все вперед и назад расчеты на основе причинных связей в истории, а равным образом и в природе как находящейся на переднем плане, с помощью махинационной сущности сущего и истины как правильности оставляют после себя как вековую изоляцию человека от истины бытия?

75

82

Ницше. — Подсчет влияний современной и прежней философской учености на мышление Ницше — это так, между прочим, — занятие для службы научных новостей. Существенным для его исторического — не историографического — познания является знание о неявной, а потому тем более показательной метаморфозе Гёльдерлина, Леопарди и Стендаля. Установление зависимостей ни о чем здесь не говорит, оно может быть только исходным пунктом, чтобы вопрошать о другом: о побудительных движениях сокровеннейшей истории диалога в безднах Бытия.

К счастью, в отношении этих диалогов у историографов философии и цеховых специалистов «газетчиков» отсутствует слух; тем ревностней умеют они пробуждать «интерес» ко всяким сплетням и тем самым одновременно <создавать> видимость «человеческого» объяснения мышления этого мыслителя. И чего только не делают сегодня исключительно для того, чтобы всякий факт преподнести «по-человечески».

76

83

Философия. — Чем сущностней философия созидает свою сущность на не поддающихся расчету путях, тем более каверзной и неотъемлемой делается ее двусмысленность. Философия выглядит как равнодушное, лишенное действия, несерьезное мнение беспомощного чудака. Философия — единственное знающее поручительство бытийствования Бытия, а потому так «действительна», что вовсе не нуждается в действительности. В одном случае в поле зрения публичности человеческой активности (к которой относится и наука) ее ищут и ценят. В другом случае ей как основанию истины Бытия (настолько принадлежащей к нему) запрещено давать любое указание об устройении сущего. Оба случая случаются, если философия *есть*, и лишь тогда, <сливаясь> воедино, тем самым делают случай философии полноценным.

Мы редко понимаем уникальность этого случая. Более того, мы достаиваем в публичной сфере философию определенным авторитетом и приписываем ей характер почти безусловного. Ни один из этих случаев не воспринимается в его категоричности; спасение ищут на средней линии компромисса.

77

И атмосфера покровительственной терпимости становится роковой для философии, когда она те-

ряет уверенность в своей сущности. Тогда она начинает колебаться между наукой и мировоззрением, где обе структуры равным образом не могут определять сущность философии.

Философия есть философия, ни меньше, ни больше. Но довольно часто она высвобождается из когтей обоих лжетолкований ее существа и потому вынуждена вступать с ними в отношения, особенно если стремится завоевать авторитет самой себе. А если она отказывается от этого (причем из сознания своего внутреннего превосходства), то они могут и подождать, пока ее собственная сущность, взятая у нее самой, не станет созидательным облачением Dasein человека.

84

Повсюду мы стремимся к поднятию «уровня» среднего при одновременном распространении самого среднего уровня; во всех практических делах, во всех умениях, во всех устройствах, в сфере вкуса и т. д. То есть, — делают вывод, — уровень *выше*-среднего *также* должен подняться еще выше.

Но это во всех отношениях является *ложным выводом*.

1. Уровень выше-среднего, если уж он должен получить престижный ранг, не позволяет подталкивать себя снизу к его высоте, но должен иметь свой собственный исток и безусловно в противовес среднему уровню; ибо собственный уровень выше-среднего может вполне — в расчете от среднего и именно от вышележащего — быть понижением и отходом назад, поскольку критерии среднего уровня в уровне выше-среднего могут совершенно не учитываться. Уровень выше-среднего вообще устанавливает другие мерки и другую сущность.

2. Чем выше становится средний уровень, тем менее нуждается он в уровне выше-среднего, тем недоверчивее ко всякой попытке этого <повышения>. Повышение среднего уровня непременно *препятствует* <возникновению> уровня *выше-среднего*.

3. Сам этот как будто бы понятный вывод о повышении среднего уровня до большей высоты уровня выше-среднего есть предательский знак для расчитывания позиции, которая из-за этого уже сама лишает себя всякой возможности постигнуть сущность и исток устанавливающего ранг и тем самым подготовиться надлежащим образом. Прогресс и здесь есть всегда лишь маска упадка в смысле усиливающейся оставленности бытием.

85

Не возникло ли сейчас что-то вроде заражения через всякое человеческое существо, заражения, выражающегося в стремлении все подогнать к налаженной вычислимости и изготавливаемости (*Ergewenbarkeit und Machbarkeit*) и в этом видеть авторитетный способ для всех видов деятельности и отказывать в деятельной силе всякому другому рода становлению.

Имеют ли право созидающие, если такие — основатели и зачинатели — еще *существуют*, уступать давлению эпохи, направленному в сторону вычислимости, использования и разведения (*Züchtung*), и переводить ее сущностное в эти области и формы, чтобы окончательно упразднить все неизготавливаемое и не-доступное-разведению? Нет. Но тут необходима совершенно иная решимость и терпение в знающей позиции, чтобы быть стражем дара и отказа от истины, стражем неожиданного и странного.

86

Ты должен суметь отказаться измеряться мерками, пусть даже наивысшими, того, что предназначено для преодоления.

87

80

Новая политика есть внутреннее сущностное следствии «техники», причем не только в отношении пущенных ею в ход средств и способов действий, но и в себе самой она является махинационной организацией народа для высшего из возможных «достижений», а народ при этом в отношении биологического базового предназначения понимается в основном «технически»-махинационно, т. е. в плане разведения (züchterisch). Из этой сущностной взаимосвязи следует, что национально-политическое мировоззрение никогда не сможет овладеть «техникой». Рабу по духу никогда не стать господином.

Однако это рождение новой политики из сущности техники⁷ — поскольку мы эти взаимосвязи мыслим не в контексте историографии эпохи (zeit-historisch), но в контексте истории бытия (seins-geschichtlich) (исходя из махинационной несущности бытия), — *необходимо*, а потому никогда не может быть предметом близорукой «оппозиции», ссылающейся на прошлые «мировоззрения» и религиозные позиции. Необходимое есть только отзвук изначальных возможностей и побуждение к совместному созидательному осмыслению, кото-

7. Аллюзия на название работы Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». — *Прим. пер.*

рое сегодня может мыслить по-другому, чем когда-либо за целые столетия. (См. S. 56 сл.)

81

88

Можно ли, объединив два заблуждения, получить единую *истину*? Нет; так что же — третье заблуждение? Нет, но что гораздо опаснее, ибо упорнее, — *видимость* истины, причем в основном такую, которая не может быть перекрыта самоочевидностью.

89

Почему сейчас и прежде всякое *истинное*, которое должно стать общим достоянием, незаметно превращается в неистинное? Зависит ли это от человека, что он не в состоянии удерживать истинное, а в нем — себя? Наверное, нет, ибо в противном случае в *общем* удерживании «истины» она должна бы явиться в своей чистоте еще чище, ведь каждый <член> общности вносит посильную помощь и должен содействовать тому, что всему служит опорой.

Или все дело в сущности истины, поскольку она <истина> всегда является также неистиной, так что индивидуальное остается не соответствующим ей и как раз тогда редчайшим, когда нужно удерживать полную сущность (и стало быть, ее не-сущность)? Поставленный выше вопрос поэтому поставлен неадекватно, поскольку при упоминании «истины» допускает, будто существует чистая «сущность».

82

Но — в соответствии с чем мы вообще оцениваем «сущность» истины и истину сущности?

Куда мы должны и можем, вопрошая, встать, раз уж мы принципиально не доверяем только что явившемуся непосредственному пониманию —

не по «психологическим», а по бытийно-историческим причинам?

90

Почему столь часто провозглашаемое и расхваливаемое, короче, в каком-то смысле *публичное* достигает ранга «истинного»? Может быть, потому что «публичность» представляет собой жалкий остаток утраченной сущности истины как открытости сущего? Ибо — чем менее сущее еще бытийствует, тем коварнее распространяется публичность и ведет себя как оплот правильности, закрепляясь во всевозможных формах.

91

Приписанный к *философии*, мыслитель противопоставит *врагу* (не-сущности сущего, которое, существуя, отрицает себя), который, не отрекаясь от враждебности, оказывается *принадлежащим* тому, чему мыслитель в принципе должен быть *другом* (сущности Бытия). А поскольку от врага не уклониться и поскольку надежность по отношению к другу — это всё, у мыслителя <возникает> невыносимый и все же *поддерживающий* его *внутренний разлад* по отношению к единственной родине. Укорененность в почве сама по себе является безусловной, поскольку остается укорененной во времени-свободном-пространстве Бытия. (S. 92 сл.)

83

Все те, кто подходит к философии только извне, лакомится ею или брюзжит в ее адрес, использует ее или возмущается ее бесполезностью, не могут не удивляться, как какой-нибудь мыслитель вообще может *стоять*, поскольку они свою «точку» стояния (Stand-«punkt») никогда не находят, —

и уже вовсе не наталкиваются на предположение, что опорная «точка» могла бы быть как раз той точкой разлада. Как может кто-то пребывать в разладе (Zwiespalt) — одновременно в «или» и «или», если только он не принадлежит к основателям бездны, на краях которой сначала все самое ценное и сохраняемое обретает указание на свое подлиннейшее и может даровать свое чудо какое-то время, которое ему остается из периода замкнутости его сущности. (См. S. 35.)

84 Всякая точка стояния философии, которая нашла себя в своей сущности, становится достижимой и видимой лишь тогда, когда философия, как и положено, понимается философски. Однако — сегодня можно, и сегодня обширнее, чем когда-либо, без труда проверить любую некогда появившуюся в западноевропейской истории философию в отношении ее антропологических и прочих мировоззренческих предпосылок.

Начиная прежде всего с Монтеस्कье <любители> этой охотничьей забавы обрели большую шноровку и естественную легкость на практике. Этот подсчет задним числом предпосылок, который сегодня немедленно осваивает всякий фабрикатор «диссертации», все больше усиливает в глазах современников видимость того, будто это и есть подлинный — однако роющий «вглубь» и докапывающийся до «подоплеки» (Hintergrund) — способ подойти поближе к философии и даже зайти «за» нее <т. е. раскрыть ее суть>. Кого после этого еще удивит то, что сейчас уже подобного выявления предпосылок достаточно, чтобы философия — например, Канта — выдавалась за опровергнутую, без того, чтобы хоть кто-нибудь взял на себя труд поучаствовать в мыслительной работе и ввязаться в ее всегда непроходимые — ведущие к бездне — колеи. Подобное

усилие по усвоению, даже само требование этого, может стать настолько странным, что уже одна до- историческая косточка, о которой неизвестно ни- чего, кроме того, что это кость, производит более 85 убедительное впечатление, чем свидетельство куль- туры, которая мнится знакомой. Но как быть, если когда-нибудь эта антропологически-психологиче- ская расчетная и охотничья методика зайдет «за» саму себя? Но к счастью, к ее собственному, которое выпало на ее долю, этому «языческому» мышлению не хватает силы на вопрошающий шаг за пределы себя самого. Какой ужас должен был бы распро- страниться над пустотой, которая зияет «за» вся- кой антропологией?

Мышление должно прежде всего находиться за пределами всякой антропологии и психологии, если оно хочет быть оснащенным для вопроса, кто есть человек; ибо когда бы и где бы ни «вопрошали» антропологически о человеке и все ни возводили к нему (будь то «отдельный» субъект или «народ», это все равнозначно в данной принципиальной об- ласти), о человеке уже все решено и исключена вся- кая возможность выспросить сущность человека на основе совершенно других отношений (к сущно- сти Бытия). Все учения о человеке (например, хри- стиански-иудаистские), которые определяют его исходя непосредственно из отношения к некоему «Богу», также являются антропологическими — вот 86 почему в нехристианской антропологии и тех, ко- торые такими хотели бы быть, но не смогли, имен- но *христианская* антропология с ее доктриналь- ным комплексом, хотя бы просто в деле переворота (*Umkehrung*), должна сыграть существенную роль.

Напротив, отношение христианской и вообще западноевропейской антропологии (определение человека как *animal rationale*) в «Бытии и времени»

к основанию Da-sein совсем иное, поскольку благодаря *вопросу о бытии* определяется вопрос о человеке и вся антропология в принципе, т.е. концептуально, преодолевается; поэтому определенную «роль» вполне может играть Кьеркегор или даже Августин, но в совершенно ином смысле преобразования, чем это было возможно для новоевропейской антропологии, которая как антропология — с метафизической точки зрения — ставит себя на почву христианства, как бы язычески она еще себя обычно ни вела. (См. S. 36 сл.)

92

87 Размышление (Besinnung) о философии, как правило, воспринимают как «*философию философии*» и, если нужно, клеймят как вычурность «рефлексии». Но при размышлении о философии все же, наверное, первым вопросом является вопрос, где находится философия, о которой размышляют, или куда она помещается тем или иным видом и направлением «рефлексии».

Осуществляемое здесь размышление о философии относится к тому, из чего сама философия и возникает, — к истине Бытия и к истории Бытия. Она — совершенно иное, не пустое обращение к себе самой — но всюду она есть нечто всецело уникальное, относящееся только к сегодняшнему «положению» философии *в переходе* к другому началу, — она представляет собой осмысление самого этого перехода как области истории бытия, которая недоступна ни для какой историографии.

То, что в горизонте сегодняшних мнений (которые повсюду остаются психологией) выглядит как простое саморасчленение, является, пока оно поддерживается вопросом об истине бытия, не «фило-

софией философии», а вымысливанием сущности самого Бытия.

(Возможно, нам следует основательно разобратся уже в усилиях *Ницше* в этом направлении — хотя для него на кону стояло еще и другое, см. *Ессе homo.*)

93

Как должно было бы выглядеть новоевропейское средневековье? Какую форму имела бы его «схоластика»? Как происходили бы соборно-догматические осуждения положений мыслителей, если бы нашлись такие мыслители? Какое обличье приняли бы новоевропейские прелаты и аббаты этого средневековья? 88

94

Бюрократизм во всей его разнузданности как сущностное *следствие* и одновременно побуждение для *техники*.

95

Вопрос-загадка. — Почему эпоха, сплошь поддерживаемая и определяемая техникой и таким образом осуществляющая *механизм* в его предельно прирученной форме, может одновременно воспринимать себя как эпоху *органического* мировоззрения, где <понятие> «организм» должно означать жизненность живущих, — а значит не-механичность.

Но ведь «organon» означает «орудие, инструмент»! И еще не решено, даже не задан по-настоящему вопрос, определяет ли «организм» вообще сущность живого или только затрагивает <ее>.

89 Может быть, механизм и организм — одно и то же, и, возможно, в крайнем преувеличении роли современной техники — механизма — проявляется то самое, что присуще также и «организму», — возбудимость из-за того, что он сам устанавливает и определяет как условия себя самого. Всякий технический результат побуждает себя самого к тому, чтобы преодолеть себя. Такое сплошное взаимосцепление <частей> механизма и есть «органическое».

Но в нем совершенно не встречается одно базовое свойство живых: рост. В механизме — читай в «органическом» — нет даже смерти — поскольку у него нет ни толики жизни.

96

Тот, кто серьезно мыслит *биологически*, должен знать, что формы жизни хотя и занимают определенные промежутки времени, но конечны и никогда не бывают «вечными». «Вечное» есть прибежище тех, кто не может справиться со временем, — т. е. так и не постигает его. Вот почему вечность — монополия христианства; и «вечный народ» мыслится не биологически и не всерьез христиански, — а как <иначе>? (См. S. 68 сл.)

97

90 Добавление определения «вечный» является случайным по отношению к *исторической* сущности народа и принижением его возможного величия, которое состоит в единственности уникального и, вероятно, краткого периода (см. историю греков). Но, быть может, «вечность» есть непременная приманка, чтобы приблизить сущность народа к «народу».

98

Двусмысленность неотделима от сущности публичной «истины», — если она еще должна оставаться «истиной». Вот почему указание на эту двусмысленность не обязательно является возражением против «истины».

99

Но когда Бытие препоручает все сущее (в его кажущемся *бытии*) ему самому, когда простое число и его подсчет берут верх, когда массы и их удовлетворение кладутся в основу всего «господства», а господство определяется снизу, когда для этого искажения его сущности необходима маскировка, чтобы устоять перед самим собой, когда мелкое, пустое, не имеющее решения, не-робеющее-ни-перед-чем принимает облик гигантского и определенности подсчитанного и обговоренного и таким образом фиксирует меру массы, тогда все это не может быть осуждено просто как упадок — столь же мало <может быть осуждено>, как самоистолкование этого процесса как подъема в область осмысления с поверхности самовосхваления в состоянии найти возвратный путь.

Этот процесс тем более уникален, что благодаря ему с помощью быстрого и дешевого управления через прошлую историю (какое управление содействует и подстегивает историографическую деятельность) по видимости все великое прежних эпох может быть сделано фоном и освещено определенным светом, в результате чего все масштабы делаются мнимой принадлежностью этого процесса. Ибо он по своему характеру не может терпеть, чтобы величие и важность прежнего как такового возвышались, т. е.

чтобы сегодняшнее еще когда-нибудь было поставлено под вопрос, — более того, все бывшее есть только фон для произвольного использования каждым.

92 Это уникальное опять-таки не является <источником> мощи какого-либо отдельного энергичного дельца, который случайно лишился всех критериев, заполучив все позорные клейма махинации, — но эти отдельные и многие <люди> являются только последними слабыми брызгами волны, чей напор только и нужно искать в сущности Бытия и в принадлежащем ему человеке. *История бытия* переходит в состояние, которое мы никогда не можем оценить в соответствии со случайностями дня и сфабрикованной публичностью, поскольку и они уже являются последствиями, причем такими, которые-то и не позволяют все основательно выяснить (die gerade nicht einen Schluß auf den Grund zulassen).

100

Обыденное мышление как рассчитывание рассчитывает таким образом: чем сущностнее человек и чем ближе подходит он к себе как к этому существу и в состоянии все соотносить с ним (чем «переживательнее» (erlebender) человек), тем непременно и увереннее он должен принадлежать *бытию*.

Почему мы так редко доходим до того, чтобы познать То Другое — что Бытие тем вернее светит, чем менее «сущим» является человек? Человек должен был бы мочь *не* быть, чтобы постичь истину Бытия и на этой основе оценить существо всего сущего в его сущностной силе. Поскольку человек также принадлежит сущему и даже все больше обустроивается в *этой* «принадлежности», постольку для него путь к истине Бытия до такой степени загроможден, а если частично и открыт, то <до этих проходов>

еще далеко. Но этот поиск пути и запрет его является поэтому его высшим достоинством и раздуванием жара его сущности.

С помощью простого отречения от сущего — а отречение всегда есть только бегство в другое и, разумеется, «наивысшее» сущее, — человек никогда не станет господином сущего, иными словами: стражем достоинства вопрошания Бытия и настойчивым в разладе, основателем бездны (S. 82) и учителем гибели. 93

«Гибель» и «конец» представляется всем «естественным» и «здоровым» <людям> чем-то ужасным; а потому все «оптимисты» (а значит, и пессимисты) всячески защищаются от упаднических настроений. А это настроение, как правило, далеко от знания о сущности гибели. Оно воспринимает его — исчисляет его — как отношение к сущему — как прекращение сущего, простой путь сущего. Но *гибель* — понимаемая как высшая победа истории в ее отношении к сущности Бытия, — вовсе не является «негативной». Там, где она необходима и принадлежит истории бытия, от нее нельзя защититься с помощью крайне грубой и массовой классификации сомнительных и недолговечных «оптимизмов».

«Гибель» как мгновение *истории бытия* подobaет только сильным, которые достаточно сильны, чтобы не устраивать шумиху по поводу «героизма». (См. S. 99.)

101

Великолепный XIX век в своей середине сделался явлением благодаря мыслителю вроде Германна *Лотце*⁸ — аристократу, который сохранил богатей- 94

8. [Hermann Lotze (1817–1881), автор работ «Логика» («Logik»),

шую традицию немецкой философии, превратив <ее> в новое и «позитивистское» своего времени, и не случайно предпринял последнее своеобразное истолкование платонической философии. Неокантианство передало дальше лишь тощую выжимку из Лотце и так и не разобралось в тихой «субстанциальности» этого мыслителя, в чьих трудах были превосходно выявлены все границы его столетия. Лотце — мыслитель, которого я со студенческой скамьи всегда любил и, несмотря на растущую противоположность, люблю все больше; ибо *Великих Мыслителей* любить нельзя — окружающее их ледяное одиночество, в которое можно пробиться только в вопрошающей борьбе с ними, не допускает такого успокаивающего и бережного отношения.

95 Всякая философия является не-человеческой и представляет собой всепожирающее пламя. И только человечество, которое хочет быть больше, чем оно само есть, может на время погрузиться в жар и сияние этого пламени, чтобы затем долгое время пребывать в защищенном свете понятности удавшегося и обрести какое-то «счастье».

В Лотце сияет отблеск жаркого пламени великой философии в свете доброжелательной тщательности размышления обо всем. Не мог ли бы он сегодня или в будущем — хорошо откомментированный и не размазанный в «разборах его» историографических связях — стать вождем и другом всех молодых людей, начинающих свой путь в мышлении? Или им давно уже недостает отваги, чтобы погру-

1843) и «Микрокосм. Идеи к естественной истории и истории человечества. Опыт антропологии» (*Mikrokosmos. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit. Versuch einer Anthropologie*, 1856–1864), оказал влияние в XX веке прежде всего на неокантианство.]

зиться в спокойные пространные рассуждения подобного мыслителя, для которого язык был инструментом, на струнах которого он выражал свой скромный средний уровень?

102

Нет человека, который бы не радовался тому, что сейчас значительно выросли число, честность, умение немецких *писателей и рассказчиков*. И все же остается открытым <вопрос>, способны ли они высвободить поток формирующей народ силы; не работают ли они для сохранения совершенно посторонней идиллии, которая как раз иногда охотно черпает в безумстве и возбужденности сегодняшней действительности, не став определяющей; ибо «формирует» — если здесь на миг дозволительно злоупотребить благородным словом «форма» (Gestalt), — сегодня кинотеатр, наипошлейший американский фильм «формирует» сегодня людей, еще поддающихся этому, и не только их внешний вид — его всегда можно быстро, легко и надежно прикрыть с помощью какой-либо «униформы», — но их — скажем привычным языком — «душевно-духовные интересы». Как должно разрастись чудовище киноиндустрии, чтобы параллельно заполнять нарастающую пустоту, внешне отдаляя вторжение великой пустыни? Но, возможно, до этого дело не дойдет; возможно, существует закон массовой природы (Massenhaftigkeit) человека, из-за которого он настолько расплюсчен в своем существе, что любая жалкая оптическая иллюзия кажется ему уже чуть ли не «бунтом». И все еще существуют многие хорошие писатели, которые доходят даже до того, что устраивают публичные читки перед большой аудиторией — и для многих это становится «переживанием».

Однако глубочайшей трагедией этой ситуации является не то, что кинофильмы как бы побеждают писателей и те и другие растворяются в мелких водах «переживания», — страшнее другое: то, что именно честность и прежде всего многочисленность хороших писателей все больше исключают возможность появления *поэта*, поскольку для него необходима великая нужда и свобода мужества для напора в тех областях, которые в ходе Нового времени все больше исключаются из действительности.

И как <тут быть,> — если вскоре именно по образцу этих честных писателей подростки поэты также постепенно будут подделываться под писателей? Возможно, люди еще раз задумаются о двусмысленной роли, которую в этом процессе играют издатель и издательская отрасль!

103

При нарастающем потоке «переживания» и жажды «переживаний» «красота» становится все «красивее» — т. е. популярнее — и все больше испаряется возможность найти ее сущность в *истине*, — которая является не сегодняшней и вчерашней и весьма древней правильностью представления, — а просветом для самосокрытия — открытостью отказа — истиной Бытия. Вхождение в сущность истины равнозначно преодолению новоевропейского человека.

104

Главное заблуждение, которое исключает все сегодняшние новоевропейские мнения об *истории* и о знании истории, это мнение, будто «развитие» и есть сбывание истории. Как раз развития-то во всей сущностной истории *никогда* не было и нет.

Однако идея развития остается питательной почвой для всей историографии, а поскольку использование этой «идеи» как красной нити исследований непременно приводит к «результатам», правильность данной идеи и соответствующее представление об истории оказываются практически неискоренимы.

105

*Гибель (Закат) Европы*⁹? Почему не прав Шпенглер? Не потому что героические оптимисты оказались правы, а потому что они хотят обустроить Новое время <в расчете> на вечность и собираются возвести эту эпоху полной безвопросности вообще в постоянное состояние. Если дойдет до этого и пока так оно и будет, действительно можно не «опасаться» гибели; ибо существенным условием для исторической гибели является величие, — но историческое величие возможно только там, где достоинство вопрошания Бытия является в сущностной форме основой истории. Европа *не* погибнет прежде всего благодаря тому, что она *слишком слаба* для этого, а не потому, что она еще сильна. (См. выше S. 93; ниже S. 99; 103.)

99

106

Историография становится в осуществлении ее новоевропейской сущности *обращенной назад* — «перерабатывающей» прошлое *пропагандой* — газетной наукой, журналистикой¹⁰.

9. [Oswald Spengler: Der Untergang des Abendlandes. Erster Band. Braumüller Verlag: Wien 1918, Zweiter Band. C. H. Beck Verlag: München 1922.]

10. [Первый Институт журналистики (das Institut für Zeitungs-

107

Современная европейская эпоха является началом решающего периода *Нового времени*: развития его сущности в этом свойственном ей гигантизме и неизбежности всех областей сущего как устроений махинационной сути Бытия: началом самой длинной и продолжительной паузы европейской истории *перед* гибелью-нисхождением к другому началу.

108

Гибель — для рассчитывающего и алчного рассудка всегда нечто не имеющее ценности — есть удостоверение уникальности и одинокой тщетности всего великого.

109

100 *Подлинная история* есть замкнутое царство знающих о себе гибелях, которые все же о себе не ведают. (См. S. 35.)

110

Если *философия* в сегодняшний момент истории бытия познает свою единственную задачу — вернуться назад в историю бытия и оттуда сказать, как обстоит дело с сущим (оставленность бытием), и если она также приобретет оттуда знание о том, что это го-

wissenschaft) был основан в 1916 году в Лейпциге. Во Фрайбургском университете подобный институт был создан в 1925 году. Журналистика как наука — предшественница теории коммуникации.]

ворение сущностно предшествует всякой критике культуры и вообще всякой критике, более того, само является решающим шагом в истину Бытия, то она отречется от усилий всякой учености и от продолжения того же самого и всецело попадет под власть молчаливого осмысления. Существует ли для такой позиции и по отношению к ней какое-либо «воспитание», или надо отказаться даже от него, — поскольку здесь значимым становится только безусловное вхождение?

111

История философии — как она пришла бы к власти, если бы сущностная истина некогда величайших мыслителей распространялась всеми возможными путями, причем не «называя» этих мыслителей, и если бы все написанное «о» них внезапно исчезло?

112

101

Судорожные потуги (тем более публично) доказать, будто бы еще существует «*университет*», не только жалки, это еще можно было бы перенести, но они прежде всего направлены против хода эпохи и ее неудержимого напора развития. Другим и вполне предвосхищающим эпоху является осмысление достоинства вопрошания Бытия и истины, — но у того, что собирается под крышей «кустовой организации» по имени «университет», нет для этого «самоутверждения» (не для устройства, а) знания и вопрошания ни сил, ни воли, ни прежде всего знания.

113

102 Всякая *критика* современности права только как опосредованное прояснение знания о *будущих* необходимостях. Всякое застревание на недостатках замутняет взгляд на существенное; ему недостает единственной опоры критики: умения различать исходя из решимости к достижению еще нереального — т. е. не имеющегося в распоряжении, но оттого тем изначальнонее уже *существующего* ранга. Но поэтому даже подлинная критика, в том случае, если с ней сводят счета извне, как правило, подвергается ложному толкованию простого и в высшей степени раздраженного говорения «нет». Эпоха, которая гигантскими шагами превращается в «историографическую» (*historisch*), т. е. все относит к себе и своему прогрессу, может быть вынесена за свои пределы только благодаря изначальнонейшей *критике*, т. е. через принятие ранга в предельном случае — в решении о сущности Бытия.

Эта «критика» растрчивает свою глубиннейшую силу, когда полагает, что необходимо встречать современное, вместо того чтобы понимать его необходимости и предоставлять им поручительство и внимательно следить за гигантизмом ее усилий.

114

Гёльдерлин. — *Когда он станет пред-течей?* Сегодня он понижен только до ушедшего свидетеля, подтверждающего, что существовала некая современность. Предтечи не являются бывшими и устаревшими, они необгоняемые, последние. А потому они наиредчайшие, ибо предназначены говорить лишь немного в предельном, что избегает всякого применения. —

А из каких пред-теч явится тогда последний Бог?

115

103

Гигантское как знак «завершения» Нового времени. Но гигантское — это не «количественный» <показатель>, а «качество», которое количественное как таковое, т. е. в его бес-конечности и без-мерности, абсолютно «квалифицирует» как «качественное» (Quale). Только сейчас все цифровое достигает <уровня, поражающего> своей жуткостью, а именно ужасом пустоты и отсутствием решения. Гигантское есть подлинный анти-бог великого (см. S. 99). Вот почему гигантское также является *единственной в своем роде* формой исторического «величия».

116

Порождена ли *массовая природа* человека *отсутствием* у него *цели* или последнее следует из первого — или и то и другое верно и нуждается поэтому в более глубоком основании? Каком?

117

Если человек полагает самого себя как цель, для обеспечения собственного долголетия, он становится бесцельным и тогда однажды пере-живание как таковое должно стать «величайшим» переживанием. И если в этом устроении всякой деятельности и мышления о «самоутверждении» все правильно и если эта правильность сделалась сущностным следствием такого самоустроения, тогда еще *всякая правильность* «жизни» может быть основана на не-истинности.

104

118

В предположительно весьма устойчивой длительности начинающейся главной эпохи Нового времени куранты истории уже готовятся пробить решающий час. Медленно до жути и мрачно поднимается тяжкий молот.

(Ребенком, часто в одиночку на могучем помосте старой колокольни, я изо дня в день наблюдал этот, сейчас еще как и вчера, современный молот.)

119

Не нуждается ли эта эпоха и все, что служит ее введению, в этой большой бережности, чтобы держать все достойное вопрошания от нее подальше? Ибо в поле зрения эпохи достойное вопрошания может быть только разложением на части (*Zersetzung*). А кто из тех, чья обязанность — основывать *Da-sein*, хотел бы заниматься только разложением?

Но что если всякое вопрошание о Бытии является тщетным? Что если сущее такое, как оно есть и каким становится, в своем самозабвенном покое чувствует себя спокойнее всего и развивается самым успешным образом? Что если само вопрошание о Бытии есть заблуждение? Но даже в таком случае должны были бы существовать такие, кто его выдерживает, чтобы сущее утверждалось в своих правах еще и благодаря этой избыточной тщете. Или оно также является только далеким отблеском сущности Бытия — того отказа, который новоевропейский человек все решительнее отвергает?

120

Чем тогда питается это рвение, которое использует «проблемы» философии для нахождения себе занятия и даже не щадит «бытие» и фабрикует на эту тему груды книг? Если бы этого не было и титул и традиция философской учености были бы забыты и если это было бы настоящим небытием, тогда должно было бы сохраниться в силе какое-то предчувствие Бытия. И это «не» было бы достаточно большим там, где иначе распространяется только малое. Но если подобное предчувствие уже не может сохранять свою силу и «философия» продолжает жить как предприятие (Betrieb), тогда ученое тщеславие и закон его инерции уже не предоставляют достаточного основания для объяснения. Возможно, этот сам по себе безразличный процесс есть все же еще преувеличенная попытка оставленности бытием <сущего> сделаться как можно незаметнее и в результате этого все упорнее и бесповоротнее.

106

121

Решилось ли *Бытие* на свою более изначальную сущность — на отвержение? И это столь изначальное, что данной сущности отказано в истине? Тогда в отказе от отвержения крылось бы высшее событие. А другое начало выдвинулось бы в даль, ни размеры, ни направление которой нам неведомы. Все великое и редкостное из <области> поэзии и мышления были бы сейчас только отставлены в свое пространство, которому лишь тишина ожидания придает все богатство протяженности. А относительно принадлежности к событию решение последовало бы только в силу вымалчивания (Erschweigung). Но это вымалчивание было бы труднее всего

распознать. Однако почему Бытие наконец не должно стать вообще тяжелейшим? Почему эта тяжесть не должна стать базовым законом философии в другом начале?

107 Если когда-нибудь великое — просто покоящееся в себе замалчивание (*Verschweigen*) накроет Бытие, а сущее, оставленное им, лишь упорхнет в сквознячке собственного шума, и если малое окончательно исчислит и укрепит предоставленный ему вид величины, гигантскость, во что превратится тогда человек. Ответ: в существо, которое все знает и умеет и это знание и умение полностью организует с безграничным самообладанием в такой степени, что от него больше не ускользнет ни наличное, ни прошедшее. Теперь можно приспособить все и его самого лишь для того, чтобы противостоять единственной и, возможно, только еще нарастающей опасности: как бы человеку не стала скучна собственная докучливость. Это противостояние должно стремиться к тому, чтобы сделать сущее еще «красивее» и еще обустроеннее, так как устройства станут в свою очередь предметом предприятия по обустройству, в результате чего человек сможет убедить себя в том, что он открывает все более возвышающееся, а значит более «высокое» поле деятельности. И все же — скука становится все более пустой и непокорной — ведь она является единственной и неустранимой тенью Бытия, которая в пространстве оставленности сущего бытием еще может отбрасываться.

108 Но между тем *есть* призыв великого к великому — *есть* неизвестные, которые внимают этому зову молчащих и сберегают его в одиноком сердце для тишайшего дня Бытия. Мы еще мало знаем о том, как далеко должно зайти оединствление (*Vereinzelung*), чтобы наверстать принадлежность к Бытию

и учредить совсем другую — исходя из истины Бытия вопрошающую <систему> основателей (Gründerschaft).

122

Человек как subjectum. — Почему люди «мыслят» человека и «мыслят» всегда исключительно человека в соответствии с наличным, и уже давно наличным, в соответствии с задатками (Anlagen) и условиями? Почему не исходя из без-условного, которое является не фактором расчета, называемым провидением, а Бытием?

Откуда наличное и его наличные условия берут такую привлекательность, что считаются «действительными», как считаются действительными суще и Бытие? Что такое человек, если он поддается этому колдовству именно тогда, когда полагает, что завершил расколдовывание всех суеверий?

Человека считают наиболее наличным и данным (Subjectum), дабы он окружил себя всем доступным наличным и засыпал все промежуточное пространство, благодаря коему он мог бы еще предположить, что правит какой-то промежуток, который, возможно, сбывается как само Бытие, — промежуток (das Zwischen) — чья открытость позволяет сперва явиться на свет простой сущностной силе сущего, а Бытию — стать истиной.

А теперь «читают» и разносят «Бытие и время» как «субъективизм». Или люди, сами того не ведая и не признавая, ощущают опасность, которая отсюда угрожает всякой антропологии? Что такое антропология, как не прославление и утверждение человека в качестве *subjectum* — наличного как средоточия для всего наличного.

123

Пути порой являются более решающими, чем «результаты», которые притворяются целями. Что сущностнее — носиться на уровнях самоодобряющих <деятелей>, используя все связи со всеми там носящимися, или решиться на подъем по все более безлюдной горной тропе, независимо от того, видит ли поднимающийся вершину. Но разве он не знает *во время подъема*, что он приближается к цели, которая никогда не находится на уровне остановки? Его несет при подъеме высота над ним, и он смотрит, оказываясь все выше, — сверху вниз. Какое же может быть взаимопонимание с тем уровнем? В пространстве подъема высится вершина как недостижимое поручительство «целей».

110

124

Если *философия* должна снова обрести свою сущность, а значит, эта сущность должна в более изначальном начале снова начаться, то она должна выйти только из истины Бытия и прежде всего из решающего вопроса об этом. Дело не в том, является ли Бытие только предметом, который должен был бы чисто определить философию, — Бытие никогда не способно на предметность. Но скорее всего само Бытие определит то, что философия должна выпросить, и само вопрошание, ибо Бытие «есть» как событие одновременно основа вопрошания и спрошенного.

Сейчас <осуществляется> только еще возможная подготовка к философии: <нужно> освоить Немного существенное ее истории: изречение Анаксимандра, изречения Гераклита, «учение» Парменида, «Федр» Платона, «Метафизику» Z-Θ Аристотеля; «Размышления» Декарта, «Монадологию» Лейб-

ница, «Критику» (тройную) Канта; «Феноменологию духа» Гегеля, «Трактат о свободе» Шеллинга, посмертно изданное наследие Ницше в дополнение к основному корпусу его сочинений. Все это в его уникальности надо держать во время разговора в голове, не впадая в историографическую ученость и начетничество. Подобное овладение может проистекать только из изначального вопрошания, которое стало необходимостью исходя из нужды самого Бытия и прежде всего из оставленности сущего бытием. Следствием этого является полное избавление от всякой отжившей формы философии. 111

Между тем в философском цехе модным стало «интерпретирование». Весь мир «интерпретирует» — и при этом совершенно забывает об осмыслении того, для чего и из какой необходимости и по какому праву интерпретируется.

125

Если бы вдруг исчезли поводы для продолжения деятельности и возможности фабриковать «новое» путем изменения многократно туда-сюда рассчитываемого прошлого, если надо было бы вопрошать исходя из сущностной необходимости самой философии, то мгновенно исчезло бы раздутое философское хозяйство. И выяснилось бы, как мало понято из великой истории философии, как все разговоры велись только в горизонте «науки», «мировоззрения», «образа жизни», но только не исходя из сущности самой философии — из того, что Бытие временами вспыхивает и снова угасает в сущем. 112

Всякая фабрикация «произведений» будет делаться все более негодной для постижения вопроса о бытии — поскольку тут же обнаруживается лазейка в ученость.

126

Когда лишь сущее получает бытие, предоставленное в предметности, и особенно когда эта предметность мыслится «реалистично» и Бытие даже подхватывается как найденная на дороге перчатка и тут же исследуется, то сначала выясняется, что сущее уже давно молчаливо принижается до личного и что *в результате этого* сущностная воля удерживается от того, что истина бытия таит в себе, от работы и от поступка, от осмысления и от отказа.

127

Что произошло бы, если бы настоящие мыслители когда-нибудь узнали все <о том>, как их вопрошание поддерживается самим Бытием и освещается <им>?

128

Готовящихся ожидает борьба из-за отдаленно предугадываемого совершенно иного; отсутствуют опоры и надежный путь, освещение и всякое подтверждение — налицо лишь ложные толкования и — что еще невыносимей — благодушное доброжелательство. И это предугадываемое, если оно не вправе стать истиной самого Бытия, светит как период основания ее сущности — *Da-sein*, в чем человек уничтожается как *subjectum* и принуждается к устройению пристанища, даже если это место его гибели.

Но что было бы, если бы человек лишился еще и возможности гибели!

129

«*Забота*» — неудобное пространство для того пребывания человека в «здесь», — и в открытости этого пространства сокрытое как таковое отказывает в себе и в этом отказе показывает себя — и таким образом никогда не становится пред-метом. *Забота* — она подразумевает почти что противоположность того, что «люди» знают как «заботы», — спешки и погруженности в желания и погони за желаемым. *Забота* — но она подразумевает ведь ту собранность человека из простоты той лишенной желаний простой — созидательной привязанности к Бытию — почти отстраненности, но в ее напряженности, и все же опять-таки не отстраненности — поскольку *она* (напряженность) <нечто> не-созидательное. 114

Забота — название для того, что мы еще не можем назвать основанием человека в *Da-sein* — еще не можем, а также и там, где подобное название держат <произносить>, все проистекает из прошлого и из него же стремится быть объясненным (*cura*¹¹). И тем не менее все вымысливается из другого, — что уже *истина бытия* сделалась выспрашиваемой, что человек уже не *subjectum*, что сущее не только не предмет и уж подавно не в-себе — что он <предмет> прежде всего не исток бытия, а значит, то, что самим бытием в конечном счете еще ложно истолковывается, вплоть до того, что именно благодаря выказыванию расчетливой пронизательности могло бы быть схвачено как скрывающийся от погони беглец и заперто в систему категорий.

11. *Забота* (лат.), но есть и другие значения (например, любознательность). — *Прим пер.*

115 Но, возможно, это ложное схватывание настолько вошло в привычку, — быть может, вся эпоха Нового времени живет этой привычкой, — что избавление мышления от этого одеревенения — путем усилия мышления — больше невозможно. Но, вероятно, это прелюдия, если играть ее предельно ненавязчиво и не претендуя на причисление ни к философскому хозяйству, ни даже к мировоззренческой схоластике. Но кто мог бы слушать и читать «лекцию» по-другому, чем в обычной для <философского> хозяйства манере, — только, пожалуй, несколько более жадно по отношению к «другому» и «новому»?

130

Истина никогда не является ни целью, ни «идеалом», но всегда только себя-скрывающим началом, без-донной основой (*ab-gründiger Grund*). Вот почему опасность отдаления от истины остается столь непреодолимой, ведь человек стремится держать ее перед собой как цель, а сам все же абсолютно не понимает и забывает ее сущность. Но если истина — начало, тогда она *есть* только в редкие моменты больших решений, да она *есть только* заброс (*Vorgwurf*) прилаживающегося пространства самих решений. А что с ними? Они простираются в пространстве принадлежности человека к Бытию — способен ли человек дать пристанище Бытию — или удовлетворится сущим.

116

131

Действовало ли *великое* когда-либо, оставаясь великим? Для того чтобы действовать, нужно связать <это действие> с умалением. «Действие» не соответ-

ствуует <природе> всего великого. Чистым и единственным и в принципе безотносительным отношением к великому обладает только опять-таки великое, не нуждающееся в нашей озабоченности.

132

Когда невозможное — то, что не поддается расчету, — стало невозможным, человек искажил свою мельчайшую малость, <переделав ее> в величие.

133

То, что само собой разумеется, есть форма «счастливейшего» обладания «истиной». Но что такое тут «счастье» и что тут «истина»?

134

Но Бытие держится в своей сущности скрытым от себя самого и поручается таким образом за нетронутую своей бездны, — когда только мышление в отходе от всего предметного учится предвидеть вымолчанность Бытия, так что оно не есть отвлеченное и пустое, что вообще «сущее» в обобщенных формах природы, истории, человека больше ничего не может достичь для приветственного жеста (Eg-winken) Бытия, — что, напротив, *только область подлежащего решениям* — не имеющая основания открытость близи или дали богов — позволяет отважиться на первый шаг в истину Бытия.

Но насколько мы далеки от той области — насколько блуждает взгляд, особенно когда он стремится все объять, — и что остается? Человек — народ: монстр жизненного напора; он осуществляет культурную политику, объявляя себя вечным, и принижает всю ис-

торию до простой подготовки и предварения «собственного» — человек, который бессилён выбраться на простор того, что достойно вопрошания.

135

Если ещё остается сила для исторического мышления, то оно обязано совершить одно <дело>: выставить великое истории во всей его странности и по возвышенной гористости этого странного оценить поверхностность и плоскость само собой разумеющегося, в котором внешне проявляется новоевропейский расчет и отрицается всякая воля к осмыслению.

118 Но самое ужасное, когда плоское и пустое, по видимости, устает от себя самого и начинает открывать великое и поучать о нем и выдавать себя за его хранителя. Только сейчас тирания малого становится полной, а путаница — нераспутываемой.

136

Но все это должно сбыться, чтобы *Бытие* еще раз решилось на мировой час, в котором зазвучит ликование его раскола, и всякий расчет и фабрикация, которые раздулись <от чванства>, считая себя первыми и единственными, распадутся как жалкая мания.

Однако кто способен принять то решение <вступить> в строящееся пристанище сохранения (*Ver-gung*) истины, кто способен воспринять это решение предварительно и целиком и использовать все выученное для взятия <на себя> Совершенно Другого.

Откуда человеку должен *привеять* тот порыв выброса (*Schwung der Überschwingung*) его прошлого?

Где же именно это <прошлое> и историографическая готовность ему постоянно позволяет все больше наслаждаться «прекрасным» любого вида и времени и, выказывая это удовольствие, приписывать себе достижение и таким образом саму культурную политику считать «культурой», которая в свою очередь должна уже быть началом оставленности бытием. Как беспрепятственно пособляет [он] сейчас всякой ничтожной ловкости что-либо сделать и найти для этого глашатаев, — как будто бы человек только и ждал того, чтобы постоянно развлекаться подобными подражаниями и даже видеть в этом усвоение «образования».

«Образование», впрочем, правомерно запрещено как прерогатива какого-либо класса; однако если вопреки этому захотят сделать «образование» доступным *всему* «народу», то при этом ведь утверждается прежде это ложное понятие (Unbegriff) «образование»; различие состоит лишь в области обозначения границы для пространности сообщения, — которая именно сейчас *не* должна иметь границ.

Никто не позволит <давать> «образование» прежде исключенным <из него>. Только это ничего не даст для «образования» «народа». Ведь что такое образование? Осмысляющее возвращение в сокровенно прилаживающееся пристанище созидающего духа — образование есть в первую очередь осмысление — вопрошающее выстрадывание сокрытого, что осмысляется самим Бытием; как осмысление, оно является готовностью к преображению, но как эта готовность, является беспокойством «заботы» о принадлежности к тому, что как Бытие требует сущностных решений о человеке, — где его исток, что он отрицает и во имя чего приносит себя в жертву; но это не ради человека, но ради Da-sein как основания периода мирового часа Бытия.

Пребывать в «образовании», становиться членом той принадлежности — трудно и «это» нечасто встречается.

И «образование» — это вопрос не «обладания», но предназначения. И предназначенные должны издали вступить в чужую «современность», а она может быть для них всегда лишь промежуточным пунктом, а не местом постоянного обитания.

137

121 Если только человек обретет в «культуре» свой горизонт и поле для деятельности и поставит цель «получения» культурных «ценностей», то однажды именно эта «культура» делается средством раз-влечения и удовольствия «народа». «Культура» есть организация «переживаний». И способность к такой организации есть критерий, по которому можно судить, является ли народ «культурным народом» или нет. Но организация переживаний имеет цель, которая скрыто является целью всякой «культуры», — сделать излишним осмысление Бытия путем осуществления сущего и стремиться к отсутствию осмысления как состоянию всеобщего довольства.

Здесь не удастся выкрутиться, указав на то, что повсюду творятся «добро» и «изысканные вещи» и что по сравнению с прошлыми временами достигнут прогресс. Эти расчеты только слишком правильны — но остаются счета *внутри* культурной деятельности, которые именно благодаря тому, что они организовываются и представляются, доказывают, что никто не думает о том, чтобы «культуру» как таковую, т. е. обозначенный таким словом, — а не, скажем, обоснованный — новоевропейский вид бытия человека ставить под сомнение. Вот пото-

му-то и проваливаются усилия «порядочных» (Ordentliche), ибо они постепенно хотят вносить изменения лишь *внутри* обусловленного извне (weither) состояния новоевропейского человека и злоупотребляют всяким изначальным осмыслением, в том числе только как вспомогательным средством *такого* устранения «непорядка». Но не-порядок есть порядок и место человека как *subjectum*. 122

А <что делать,> если даже *такие* события, как Первая мировая война, не перевернули человека с ног на голову, но лишь теперь ему в его «сущности» как *subjectum* дали возможность встать на ноги? Или эта мировая война, как и следующая, — также лишь следствие <действий> новоевропейского человека и, несмотря на все величие замолчанных жертв отдельных <людей>, еще не вмешательство самого бытия в ужесточение сущего?

Какое событие должно *тогда* произойти и подготавливаться, чтобы человек отшатнулся (zurückkreißen) от неудержимого мельчания своей *сущности*? Как он сам может еще начать новое начало, если ему это мельчание должно представляться как увеличение до гигантских размеров?

Какое бы здесь ни было принято решение, «лучшие» (ἄριστοι) будут действовать пока в направлении, противоположном их «лучшим намерениям», когда и пока они движутся на уровне старательных «культурных» и «образовательных» расчетов. Они будут тем увереннее работать для ужесточения современной человеческой сущности, чем деловитее и старательнее они выкапывают все «доброе» и «прекрасное» прошедших времен и делают доступным в изысканной форме. Многие станут «лучше», и все же это улучшение есть только привыкание ко все больше скрывающимся оставленности бытием и отсутствию осмысления. И, воз- 123

можно, для дурного, но весьма хитрого и уверенно использующего все средства куриализма¹² в христианстве, ставшем «способным к культуре», еще когда-нибудь наступит благоприятное время, чтобы послать вперед разрушительные и приводящие в замешательство силы как передовых бойцов «культуры».

138

124 То, что «люди» уже *больше не* хотят быть «народом» поэтов и мыслителей, или разве что *попутно*, не доказывает, что люди готовы сказать *безоговорочное* «да» той новоевропейской сущности, в которой могли в первую очередь закрепиться и распространиться разрушительные силы? Что, если немцы с тем же самоотрицанием угодят в растянутые и прочные силки, которые им ставили прежде? В особенности так легко отречься от той поэтически-мыслительной сущности, поощряя в «культурно-политическом» отношении киноартистов и пианистов и писателей разного рода. Кто не пожелает этим деятелям хорошего заработка, а «народу» — хорошо организованное снабжение переживаниями. Особенно при том, что недостаточно даже — в рамках многослойной культурной деятельности — «естественным образом» считаться на своем месте хотя бы «поэтом».

Но здесь осмысление наталкивается на вопрос, который, если его задать, все сдвигает в плоскость

12. Представление о неограниченной власти папства в римско-католической церкви. Сторонникам куриализма противостояло епископатство, утверждавшее, что не римские епископы (римская курия) воплощают единство Церкви, а Вселенские соборы. — *Прим. пер.*

первых решений: какая «польза» от поэтов и мыслителей, если «субстанция» «народа» подвергается угрозе изнутри и извне, — не следует ли сперва обеспечить безопасность этой «субстанции» и таким образом, чтобы одновременно развивалась «культура»? Но что значит обеспечить безопасность «субстанции»? Является ли народ в первую очередь только «живой массой», в которой и на которой строится культура? Или именно в том и заключается причина непонимания, что сама «субстанция» в своем праве и в своем виде себя определяет и прилагивает исходя из своей сущности — что эта «сущность» народа здесь — для немцев — состоит в том, чтобы задуматься, что же само Бытие намеревается сделать с ними.

125

Не должно ли все мышление сначала исходя из тех представлений о человеке как *animal rationale* — т.е. сегодня как осуществляющем культуру жизненном сообществе — быть вывернуто, если немцы найдут свою сущность и таким образом впервые захотят спасти свою «субстанцию»? Не следует ли отказаться от «субстанциального» и «субъектного» характера как ложного истолкования и вывести человека на простор истины Бытия — в достойное вопрошания его предопределение как того, кто не вправе становиться требующим ухода наличным, но должен быть пере-*ходом* к действительному — т.е. исходящему из сущностной воли — закуту-гибели (*Untergang*)? Как быть, если страх перед «гибелью» нарушит сущностную волю и сделает невозможным простое?

Осмысление должно отважиться продвинуться до этого места — и долго и дольше должно оно здесь пребывать и, возможно, провести <целую> эпоху на этом месте — <в ожидании> — не начнет ли рasti — невзначай — вместо «культуры» сущее из Бы-

тия? Но мы хотим не рассчитывать, а, зная о сущности Бытия, ожидать или, возможно, быть только знаком ожидающих.

139

Чем существеннее, т. е. первоначальнее философия, тем решительнее следует вопрошать в ней за пределами «содержаний» и «форм» о начале и направлении шагов *движения вопрошания*, ибо само оно и только оно создает и прилаживает мыслительное пространство, от овладения которым все только и зависит — для тех, кто снова должен сам вопрошать; для остальных безразлично, с какой «стороны» и в каком «слое» они лжетолкуют философию, т. е. приспособливают к своим «мыслительным» привычкам.

140

Бытие как о-своение (Er-eignis) «есть» основание времени-пространства — и тем самым всякого «где» и «когда», — вот почему Бытие «есть» никогда и нигде и всецело не «значимо», — где «значимость» означает только предметность ценности и как предметность — не-сущность сущести.

127 То, что «есть» никогда и нигде, как нам кажется, — расплывается в сущее алчных людей, — но оно заброшено из Da-sein — самое уникальное и вернейшее и таким образом самое определенное, — в противоположность ему всякая «логика» — только бубнеж о «точности» и «однозначности».

Бытие это не предмет «исследования», не «объект» «диалектических» расчетов, не объект «шифрования», которое ведь остается только пересчетом, перемещенным в «переживание» с заранее

сделанным признанием, что он не будет высчитывать результат («поражение»¹³).

141

Если «Бытие и время» было бы опубликовано полностью, к каким ложным толкованиям это бы привело, — ведь там воля к изначальному выступала в одеянии «исследования» и «раскрытия». И тем не менее — как только заговорит мышление — кажется, что коченеет то, что миновало великую поэзию, которая вправе все время высказывать одно и то же, причем всякий раз по-новому. Насколько сухими и пустыми являются тут мыслительные положения — ведь ими как раз отрицается всякий исток и настраивающий момент, в котором бытийствование Бытия наносит удар. 128

142

Величина — ее различные формы (см. выше S. 46).

Гигантское: решившийся на махинационное <действие> сущего, отрицающий невозможное расчет.

Титаническое: выбирающая мятеж против богов сила упорства.

Начинающее: основать исток простейшего в его единственности и непревзойденности.

143

Высшая сила чистейшего постоянства обеспечивает близь наиболее достойного-вопросания — и это есть *Бытие*. Но приближение к Бытию как отказу

13. [См. Karl Jaspers: Philosophie II. Existenzerhellung. Julius Springer Verlag: Berlin 1932, S. 411.]

есть чистое отношение самоотвержения, в котором даруется вся полнота близости и преодолевается всякое равнодушие, а также всякая алчность.

129 Кто заброшен в колею истории Бытия, должен однажды <начать> говорить только из времени-пространства отказа и жертвовать всяким расчетом с соделанным и присвоенным. Когда человек должен предчувствовать еще сохраненную ему сущность — *стать* основателем истины *Бытия*, должен произойти серьезный разрыв, рвущий цепи, которыми новоевропейский человек прикован к предметности и ее осуществлению (*Betreibung*). Человеку нужны не *новые* ценности, но то, чтобы он отказался от *ценностей* как не имеющего заднего плана опредмечивания его «идеалов», которые сами стали возможными после того, как он отказался от сущности Бытия (как $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$) и сущности истины (как $\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$). Там, где еще есть «ценности», «о которых идет речь», там человек еще *впутан в расчеты*, причем настолько неисправимо (*heillos*), что он, видя в «ценностях» свою цель, полагает, что следует освободиться от всего связанного с «пользой» и «расчетом».

А тут еще мнимая философия приписывает ему наличие «ценностей», как если бы это были предметы! Но они и являются «предметами» — такими, которые человек ставит перед собой, занимаясь расчетами, и хотел бы иметь их перед собой, — а потому вся «философия» «ценностей» есть мираж, а для чувствительных ушей — насмешка над философией, каковая насмешка того же «происхождения» сочетается с антифилософичностью «антропологии», вот почему обе они хорошо находят общий язык. «Переоценка ценностей» — какого бы рода она ни была, — это лишь форма все более слепого впутывания в новоевропейскую сущность оставленности бытием.

Они не ведают того, что достойно вопрошания, разве только в искаженной форме (Ungestalt) «проблем». Но достойное вопрошания есть глубочайшим образом запретное, и его невозможно отнять. 130
 Считать достойным достойное вопроса — означает «спрашивать» — выставлять публично — мало того, сперва создать публичное и выстроить его. Удоставлять (Würdigen) и оценивать (Werten) — принципиально отличаются друг от друга, ведь последнее всегда остается расчетом. —

Считать достойным — вступать в круг действия достоинства — того, чье достоинство и высший ранг проявляются в том, что оно требует для себя вопроса — становления выспрашиваемым — обоснования самой истины и ее сущности; Бытие — его истина — как его наисобственнойшая сущность — о-существляется (sich er-eignet), <а это> — не что иное — как: о-своение.

144

Оставленность сущего *бытием* — вот таким образом еще защищено бытийствование Бытия сущего. И может показаться, будто необходимо одно: сущему (так, как оно сейчас истолковывается и рассчитывается) вернуть Бытие — или освободить его из предметности и махинации.

Но — если само Бытие отвернулось бы от сущего и ушло? И если бы в этом уходе содержался знак, что Бытие впредь позволит оценивать и познавать себя только из истины своей сущности; что, следовательно, все масштабы сегодняшнего человека никогда не достаточны для Бытия, но лишь для его «переживаний», в которых человек, как полный шар бегущей от себя скуки, вертится вокруг себя. 131

Если все обстоит таким образом — то следует оставить Бытию сокрытость, а сперва ее основать.

Лишь изредка человеческое желание и восприятие имеют право принять замолчанный дар, <состоящий в том, чтобы> быть пронизанным настроем бездн Бытия и в тишайшей вещи познать на опыте осуществление открытости «здесь»: бытийствование Бытия исходя из него самого.

145

Гольй расчет воспринимает будущее как пред-стоящую твердо установленную цель — как предмет, пути к которому рассчитываются. Но в предельном случае будущее становится *не-поддающимся* расчету. Однако основание будущего — процесс иной, для нас чуждый, где основываемое становится еще не проторенным основанием и без-дной, которая преодолевается только в прыжке. Прыжок перепрыгивает бездну, но перепрыгивание тут — не *перескакивание* и приземление на другом берегу (возможно, в обратном положении по отношению к предыдущей ситуации: переоценка всех ценностей), а прыжок-*над-без-дной* и оставление ее без-дной, которой она и является.

132

Кто способен на Такое? Те, кто как основатели был оставлен без всякой основы и в этой оставленности другое — нет, только они сами [sic] воспринимают и познают <на опыте> простейшую принадлежность к свершению (Ereignung) и претворяют его в мыслительное высказывание, в поэтическое, строящее и формирующее произведение.

146

«Университет». — Нынешние университетские преподаватели: они не желают *ни* изначального вопрошания о совершенно другом историческом *начале*,

ни решительного взгляда на сущность новоевропейской науки, на ее сущностное исполнение в производстве и вместе с тем на долго не наступающий *конец*. Они не желают ни начала, ни конца, а прошлого, заслоненного от одного и от другого, и его увековечения. Они желают считаться соответствующими духу времени и вместе с тем притворяются, что в ужасе от <настоящего> «времени». Они не желают заняться осмыслением, но хотят «покоя»; «наука» нуждается в покое, чтобы двигаться. Тут все они единокорны в том же согласии и взаимной лжи, политически благонадежные и обращенные назад, в прошлое. Но эта ложь есть только бессилие памяти.

147

133

«Искусство и наука»: произнесение этого сочетания слов следует сопровождать музыкой Вагнера.

Но это / «Искусство и наука» / в особенности является принижением искусства и переоцениванием науки. Подобное неистинное занижение-завышение, однако, есть только следствие распространяющегося уравнивания всего, что входит в сферу действия «культуры» и ее «ценностей».

148

Воспитание и школьное обучение. — *Воспитание:* помещение человека в сферу влияния великого.

Школьная учеба: сделать вычислителя гибким в малом и поддающимся расчету.

149

Большое и малое. Малое яснее всего выдает свою малость при выборе противника, ибо оно выбирает

134 в противники только то, что заранее предполагает в результате этого подмять под себя, с презрительной миной рассчитывая на овацию. Но тот, кто презирает, умалчивает себя еще и этим своим презрением. Лишь тот, кто в состоянии преодолеть презрение, не нуждается в превосходстве, чтобы быть большим, т. е. *быть* и оставить другое лежать, где и как оно лежит.

Но тот, кто выбирает в противники большего или большее, может хотя и проиграть в борьбе, но никогда при всей своей слабости не станет малым, пока крепко держится за свой выбор; ибо этот выбор уже решил в его пользу.

150

Пропаганда — оборотная сторона не уверенной в себе «диффамации», клеветы.

151

Тот, кто по принципиальным соображениям уклоняется от всякого *осмысления*, обеспечивает себе «спокойную совесть» тем, что перетолковывает отсутствие осмысления в силу и здоровье, — а это тем легче удается, что такое истолкование остается «практически» справедливым в отношении частных к нему лиц.

152

Мышление. Самое трудное — распознать в сущности Бытия *не-сущность* и *при этом* понимать *не-сущность* как необходимость сущности (не только «диалектически»): полагать *не-сущность* и в этом полагании самому избавиться от всякого отрица-

ния. «Развитие» мыслителя состоит в раскрытии этой способности основания не-сущности. Но такое утверждение не-сущности немедленно создает для обыденного мнения и его «оптимизма» видимость «пессимизма». 135

153

Осмысление: мужество знать свои предпосылки и выспрашивать пространство собственных целей. *Сила для внимательного отношения* к подлинному поиску и отваге долгих блужданий.

Однако большинство нуждается в отсутствии осмысления; ибо и оно необходимо, когда нечто должно сбыться. Сущее никогда не приходит к бытию по *одной* колее. Но отсутствие осмысления в форме утверждения полной безвопросности всех вещей никогда не сможет встать на место осмысления, если человеку суждено остаться в истории.

154

Тот, кто сегодня проповедует о ненужности и невозможности философии, обладает преимуществом честности перед всеми теми, кто занимается «национал-социалистической философией». Она еще невозможнее и одновременно ненужнее, чем <, например,> «католическая философия».

155

136

Благодаря Декарту «философы», заботящиеся о сохранении «внешнего мира», впервые оказались в <таком> положении, что получили возможность ошибочно доказывать «реальность» сущего «в себе».

«Культура». Молодежь лишилась возможности вступать в вопрошание на ложные пути, пробивая себе дорогу сквозь мрак и якобы само собой разумеющееся. И как же тогда созидательная сила окажется в нужде? Где тот, кто, осмысляя, поставит на карту одно или два десятилетия, чтобы, возможно, добиться небольшого просвета. Все будут приучены сонно сидеть, ожидая, что однажды им от кого-то что-то перепадет.

Чем меньше рост и чем меньше почва, чем реже пашущие и корчующие и блуждающие, тем больше культурной политики, тем больше «институтов» и «академий» театрального и киноискусства, ораторского искусства и журналистики.

137 Отдельные нации «делают» «культуру» в принципе только для того, чтобы не «стыдиться» перед другими «культурными» нациями. «Культура» стала делом как бы производственной конкуренции и ремесла. В самом деле — как это духоподъемно, когда какой-нибудь простодушный сельский староста занимается «культурой». Но и об этом уже больше не «задумываются»; достаточно, если человека оставляют в покое и он пользуется каким-то авторитетом в обществе. В чем причина такого колоссального духовного упадка немцев <из-за> добродушия и «порядочности»? Ведь повсюду творится «доброе» в передаче, воспроизведении и обновлении созданного прежде, и даже полагают, если долгое время и в достаточно широких масштабах заниматься этим простым воспроизведением, то однажды человек не сможет не стать «созидающим». Возможно — что однажды «скрипач» и «пианист» будут просто художниками — а «поэт» только человеком, который «поставляет» «подтекстовки» для «фильмов» и «оперетт».

То, что по земле стремительно распространялась «мировая война», это была, очевидно, еще слишком небольшая нужда — ибо она не породила необходимости созидания, а только поводы к принятию мер. 138

Но в чем же причина этого извращения собственной сущности? В том, что мы не желаем больше заниматься осмыслением? А откуда взялось это не-желание? Может быть, это *все же* жуткая власть *доброй посредственности* во всем, что загоняет нас на мелководье нетворческого, но всегда «неплохого»? Что должно освободить нас от этой власти, коль скоро она носит маску того, что как раз хотят найти и к чему стремятся? Какие жертвы нужно принести, чтобы однажды во всем было бы сломлено это отсутствие решения? Или — является ли это — совместное восторженное плескание в мелководных лужах и молчаливое погружение немногих одиночек в неведомый поток — является ли это неизбывной сущностью немцев?

И тогда существовала бы опасность для этой сущности в том, что указанное «плескание» получило бы для всех определенную «глубину» и «потоки» были бы канализированы и стали бы судходными для всех. 139

157

Сноровистость во всем уже развилась до того, что все что угодно может быть сразу же воспринято и переработано и выдано в качестве «нового». С этим связан тот факт, что уже ничего не развивается в себе только к своей сущности и величю решения и не возвышается до подлинной враждебности. Вот почему не возникает значительных сопротивлений и тем самым возможностей испы-

тать потрясение из-за чего-то странного. То, что все временные и пространственные отрезки наверняка могут быть захвачены, есть лишь следствие того, что все сущностное захватывается не в не-сущность, а в бессущностное посредством посредственности. Посредственное располагает небольшим преимуществом по сравнению с не-сущностью и умеет ловко уклоняться от сущностного, а потому обладает особой способностью создавать впечатление «хорошего», *того* хорошего, которое уже позаботилось о том, чтобы вообще слыть за лучшее.

140 Посредственность во всем сущем — сильнейший противник богов. Однако сам христианский Бог, возможно, — только безусловная посредственность и потому является самым долговечным в Европе. Кроме того, он как бы создан для Нового времени, поскольку с ним можно «считаться» и «вести переговоры». И так он становится даже еще подходящим для мировоззрения как «Господь Бог» и «провидение», а «символы веры» в него (или во что-то другое?) формируются даже во «фронты», и во время круизов «Сила-через-радость»¹⁴ он даже собственнно и «переживается».

158

Нужны долгие размышления и окольные пути, чтобы распознать, что в настоящий момент философии (где она пребывает у своего первого конца и без будущего другого начала) прежде всего *больше не* дозволено «предпринимать попытки», хотя

14. [«Kraft durch Freude» = К. Д. Ф., низовая организация Немецкого рабочего фронта (die «Deutsche Arbeitsfront», DAF), организовавшая групповые круизные поездки и путешествия и т. п.]

именно сейчас, при распространенности всего «историографического» и при находчивости всякой «психологии», возможности и искушения со стороны всяких развесистых «классицизмов» (ученические, а главное, правильные — не содержащие ошибок — переработки предшествующей философии при помощи всей учености) особенно благоприятны. В этом отношении ошибаться и полностью оттягивать молодежь от вопросов под лозунгом «солидной работы» гораздо фатальнее, чем грубое и недвусмысленное устранение философской учености из университетов. Всякое заблуждение — чем изначальнее, тем изобильнее на последствия — в направлении подготовки другого начала плодотворно и возбуждающе, но и оно отсутствует; <люди> сделали слишком умны и сведущи, чтобы после энергичного почина по необходимости блуждать в мыслительных вопросах. Правда, познание того, что уже *не* может сбыться, обладание этим «нет» труднее, чем всякое спокойное накопление мнимой ученой «продуктивности», — которая притворяется утверждением «да» по отношению к философии.

141

159

Со времен многолетней нащупывающей подготовки «Бытия и времени» я несколько продвинулся вперед и, как всегда бывает в философии, пришел *назад*. Один *вопрос* о «смысле», т. е. области наброска и тем самым истины Бытия — в своей необходимости еще проще, исторический разговор с великими еще важнее, другое начало прояснилось — но *пути* продумывания *до* всякого преждевременного и несвоевременного высказывания стали круче и длиннее и отдаленнее — если их одиночество можно назвать «радостью».

142

160

Постижение: несказанное в сказанном встречать и — превращать в более изначальный вопрос и — в этом вопрошании проникать в те области, которые все больше замуровывают все привычные ответы.

161

Антропология и Декарт. — Всякая антропология, в рамках которой прежняя философия вынужденно, хотя и щедро, используется, но одновременно *как философия* объявляется ненужной, имеет то преимущество, что знает, чего от нее требуют. Лишь на одно она не способна — преодолеть Декарта — и <она на это способна> столь же мало, сколь и следствие, которое никогда не в силах тягаться с тем, что оно само еще носит в своей враждебности, — со своей причиной.

162

143 Опрашивание посредственности в присущем ей великолепии сообщает ей особый род постоянства. Сила для этого — не изначальный приток. Она, напротив, состоит в том, что не довольствуется пребыванием в безвопросном, но все больше и больше сберегает себя для сохранения удовольствия, которое в защите от всего ему не соответствующего (в особенности достойного вопрошания) все увереннее и благодаря всеобщему мнению также все более подтверждается.

163

Говорят, будто немцы превратились из «народа поэтов и мыслителей» в «нацию поэтов и сол-

дат»¹⁵. Тот же оратор несколько лет назад упразднил и «Господа Бога» христиан в пользу Вотана. Но в ходе аннексии католической Австрии «Господь Бог» быстренько вновь появился в речах этого оратора. Если уж Бога можно по потребности «вызывать», то вскоре и подавно за ним последуют «солдаты», а потом — если <нашему> оратору на митинге придется говорить в пользу какого-либо «мыслителя», — и мыслители.

В остальном: ведь у немцев, насколько нам известно, *до* этого мудрого высказывания — имелись солдаты. Да и несмотря на это «провозвестие» у немцев и *потом* будут еще «мыслители». Но для чего подобными высказываниями постоянно вносить сумятицу в <умы> «молодежи»?

Правда, возможно, она уже более не воспринимает эти речи всерьез, учитывая конкретную ситуацию.

164

Дильтей не относится к философам, еще меньше — к историографам; он исторический мыслитель того типа, который в XIX столетии воплотился в величайшей фигуре Якоба Буркхардта.

165

Другое начало. Повторять начальный вопрос западноевропейской философии, который гласит: начать *другое* начало. А для этого требуется <следующее>:

15. [Baldur von Schirach: Vom musischen Menschen. In: Ders.: Revolution der Erziehung. Reden aus den Jahren des Aufbaus. Zentralverlag der NSDAP, Franz Eher Nachf.: München 1938, S. 187.]

пробуждать вопрошание. А это означает: сдвинуться в горизонт того, что достойно вопрошания.

145 Далеко от всего этого <отстоит> мнение, будто другое начало можно было бы просто-напросто установить посредством некоего «учения», осуществить с помощью того или иного «текста». Мы едва ли догадываемся, какая подготовка требуется для того, чтобы первое начало смогло высказаться. И как сейчас найти подходящее ухо для вопроса о сущем — «онтологи» в сущности тугоухи, — когда между сущим как «объектом» и человеком как «субъектом» встрял предшествующий и последующий расчет и бытию сущего пришлось превратиться в махинацию, а отсутствие решения подавляет всякую истину.

Вспомним о судьбе Гёльдерлина — настолько заваленного ложными истолкованиями, настолько лишенного всякого будущего.

Но судьба такова, *что* мы эту судьбу совершенно не вспоминаем и не осмысляем того, что в ней заключено; что все еще приходит слишком рано и слишком стремительно поглощается историко-графическим.

166

Чем больше и стремительнее человек всё узнаёт, тем сильнее сокращается память. А *воспоминание* есть нечто странное, чем он уже не владеет. «Культура» становится базовой формой варварства.

Но оцененные <по отношению к> сущностному, они являются только рассеянными толчками последних отрывов выдвинувшегося на передний план сущего от сокрытого бытия.

167

Насколько крут склон, ведущий к смерти, вымеряется высотой ранга близи к Бытию. Время-пространство этого измерения есть Da-sein.

168

146

Что произойдет, если некое *великое* по своему характеру будет отказывать каждому в величии — т. е. дозволит слыть только «фоном» и предвестничеством? Или это свойственно всему великому?

Страшная двусмысленность: не является ли мелким и карликовым все то, что задумывается о величии? Или в подобных мечтаниях *может* крыться *большая* необходимость, но, конечно, не карликовость и не величие — а создание пространства и подготовка эпохи к сущностным решениям?

169

Произведения искусства лишь тогда обретут право исходя из истории «рассматриваться» и «даровать наслаждение» историографически, когда более сильным, чем «переживание», станет опыт, <состоящий в том,> что для искусства нам не хватает великой нужды и готовности быть застигнутыми совершенно иной истиной. Но как историографическое рассмотрение «истории искусств» может *опосредованно* подготовить такой опыт? Ведь это может происходить лишь опосредованно, ибо в соответствии с характером данной эпохи всякое *непосредственно* сказанное перерасчитывается и сваливается в «переживание». А как только «нужда» «переживается», она становится неплодотворной и уже не способна породить необходимость.

147

170

Если *философия* грядущего времени есть крутой горный кряж, изрезанный ущельями, то кто-нибудь должен взойти на него и исчезнуть бесследно.

171

Вопрос: но если Новое время в своих мировоззрениях должно лишиться себя сил и возможностей возврата к сущему (т. е. к истине Бытия), если его сила состоит именно в приспособлении к полной безвопросности, не готовит ли оно тогда себе самому скорый конец? Нет — самое посредственное длится дольше всего. Сущностное — это всегда только миг. Лишь историография как подлинный передовик Нового времени создает такую видимость, поскольку она якобы удерживает прошлое и при этом также «великое», если оно таково; поскольку люди якобы могли бы «переживать» это, если они сами «великие» или все же прикоснулись к величию и принадлежат ему. Неисториографическим эпохам такой соблазн не грозил.

172

Философия и слово. — Поскольку философия должна основывать само бытие всякий раз в его истине, само ее высказывание должно становиться исхождением Бытия. Оно (высказывание) не описывает Бытие, как не повествует и о сущем. Но поскольку прежде всего — в соответствии с <принятым> употреблением — все языки *по видимости* соотносятся только с сущим, всякое высказывание трактуется в таком смысле — и ложное истолкование философии возникло еще до того, как было обдуманно содержание высказанного ею.

*Слово и его формирование есть для философии — в особенности для той, которая преодолевает всякую метафизику как передний план, — событие самого Бытия — Бытие как событие. Вот почему здесь самая скромная последовательность немногих постулатов уже обладает структурой, закон которой не вычитать из сущего, ведь он прилаживается к Бытию. Изначальная нарицательная сила слов должна в измененной форме подводить к мыслительному высказыванию, а не так, чтобы можно было «нечто» выводить, например, из «простых лексических значений». Поскольку мыслительное слово всегда мыслит Бытие, а оно в сущности <является> не-сущностью и бытийствует в бессущности посредственности, мыслительное слово покрывает не только *одно* значение, но и целостное и противоречивое бытийствование сущности сказанного; например, если истина называется и помысливается, *не-истина* и посредственное мнение мыслятся вместе, но не только, скажем, «диалектически», а в смысле вхождения в области наброска и их расщепления, которые никогда не могут быть прикрыты простым снятием <по схеме> «как это, так и это». Если философия называет не-сущность, то это можно истолковывать в горизонте объясняющей повседневной оценки и осуществления как отрицательное отношение и борьбу, — но философия никогда не может отрицать не-сущее, мало того, *она* должна как раз знать его необходимость и только вместе с ней *и* с отсутствием сущности — без-донность сущности и таким образом ее полную сущность.*

Хотя искусство *сущностно* отличается от философии, совершенно «нефилософский» художник может еще быстрее всех понять нечто о мыслительном высказывании и его основывающем характере. Но поскольку, с другой стороны, философия как

150 знание выдвинулась в близость к «науке», и не «наука» (Wissenschaft) определяется исходя из знания (Wissen), а знание определяется из проводимой теперь «науки», то у «научного» «мышления» остается меньше всего возможностей догадаться, что происходит в философии. Уже поэтому попытка <заниматься> философствованием в рамках университета является сознательным прыжком в сферу неизбежного ложтолкования всякой философии. Это ложное истолкование совершается безо всякого толкования; оно поддерживается склонностью объединять «философию» с «мировоззрением» и оценивать ее исходя из последнего. Ложное толкование, наконец, завершается стремлением использовать «философию» в средневековом духе для отвечающего современности освежения и расписывания «христианского мировоззрения» и таким образом, естественно, одновременно «опровергать» <его>.

А может быть, нынешний университет, именно потому что в нем эта многообразная возможность ложного толкования философии затормозилась, и является самым подходящим местом, где постоянно можно отваживаться на странное? Это дерзновение облегчается тем, что «философия», кроме того, заранее изменена до неузнаваемости, поскольку 151 выступает в обычной форме философской учености и таким образом все еще развивает определенное «предприятие», которое порой может даже приносить пользу.

Сегодня «начинающие» либо уже «выдохлись», так что они все делают «правильно» и «добивают» «высшие проблемы» и уже в диссертациях немедленно посягают на величайших мыслителей и поэ-

тов, — либо же они в другом смысле не начинают, а все только повторяют и превращают услышанное в «схоластику». Почему нам нигде не попадаются те, кто начинает с чего-то малого и лежащего на поверхности и все же движимы очевидной страстью? Вероятно, они здесь и у них есть свои причины избегать всякого руководства!

«Философия философии» теперь стала невозможной, поскольку *той* философии, о которой можно было бы философствовать, больше нет; но есть ли такие, кто философствует и тем самым готовится к другому началу?

174

Создается впечатление, будто *немцы* больше не устаиваются того, чтобы быть *оставленными* всеми богами. Что, если мы со всем историографическим пылом архаического немца все же загоним сущность немца в гигантское извращение, — потому что все это больше не пускает *корней* и не имеет пространства для роста — ни на земле, ни на небе, — а только «неутомимое» и безусловное определенной *устроенности*, за которой скрывается пустота и неуверенность.

Не должны ли прийти более изначальные события и более сущностные представления об истории и бытии, если еще и сейчас — в «мире», всецело разрушенном *устроенностью*, — возникнет структура (Gebilde), являющаяся залогом великих судеб?

175

До тех пор пока противник предписывает оружие и вид поединка, защита, пожалуй, возможна, но не творческое преодоление. Для этого необхо-

дима древнейшая свобода, исходящая из нужды сокровеннейшей радости тишайшего созидания.

176

Что знаем мы об источнике власти, если мы так мало знакомы с ее сущностью?

153

177

Если *Бытие* никогда и ни из какой-либо области *сущего* нельзя постичь, тем более вывести его из законов и этапов *мышления*, что же тогда будет с философией, когда она это поймет? Осуществление и оформление этого опытного знания содержит в себе основание пространства для самого Бытия.

Может ли человек когда-либо быть так подвластен Бытию? Испробовал ли он когда-либо пути для этого, — а это пути его преобразования? Как это преобразование может познать на опыте свое побуждение, если не в результате того, что однажды история бытия станет «видима» в истории человека и сущность ее эпохи будет настраиваться не историкографически, а исторически?

178

Почему *бездоннейшее* — мгновение — любит вместе с тем *мимолетнейшее*? Насколько здесь промеряется простейшая даль истины Бытия, но еще *неоснованная*? Как выходят здесь время и пространство в самой своей противонаправленной (*widerwendigsten*) сущности к их изначальному — непостижимому посредством обыденных понятий — единству?

154

Народ: сначала «народ» в многозначности своей сущности берет на себя исполнение субъектно-

го характера человека, заранее и неосознанно сохраняемого с начала Нового времени. Сущность народа никогда не становится изначальной исторической силой, пока <явно> не выраженный субъектный характер остается подчиненным этой сущности, и всякое превосходство в отношении народа достигает на этой «почве» максимума выявления различных значений слова. «Национально-народное» (völkisch) лишь тогда достигает своей собственной, т. е. всегда *обусловленной* истины, когда познана сущность самого народа в его многообразной внутренней превратности, в соответствии с которой он должен стать пристанищем судьбы: народ как масса, народ как жизненная основа, народ как принадлежность истории, народ как включенный в бытие — все это не рядоположение, связанное словами «а также», а противопоставление одновременности и того, что Da-sein должно основать для своей основы.

Но вместо этого «народ» становится именем того, что всегда является только единством и объединяет и снимает противоречия; оно маскирует *таким образом* свою собственную сущность как места рока и к тому же прячет еще свой прежний «субъектный» характер под маской идеи общности, которая позволяет «субъекту» вообще только значить как «яйность» и таким путем закрывает себе самой возможность подвергнуть осмысляющему рассмотрению свое прежнее толкование сущности.

Но субъектный характер претерпевает еще и особое упрочение благодаря первенству биологического (т. е. по сути небιологического) толкования сущности народа, «биологическое» толкование массы остается особо доходчивым, а потому с учетом ее должно также опять-таки особенно часто подчеркиваться.

Это принижение сущности народа в недостаточном (а не только, скажем, «теоретическом») толковании является тем более роковым, что ведь для относительно изначальной интерпретации в немецкой «метафизике» со времен Лейбница имеется достаточно возможностей. Однако они остаются «метафизическими», а потому существенно недостаточными для преодоления субъектного характера.

Даже если мы скажем, что народ может быть не безусловным, но только условно условным, мы мыслим не «метафизически» и в отношении бытия уже неверно, поскольку мы заранее рассматривали «народ» как предмет?

Вероятно, все это можно считать игрой понятиями, — но, быть может, мы когда-нибудь научимся догадываться, что подразумевается только *решением* Запада (Abendland), — понимает ли народ себя как нечто, в чем «Бытие» нуждается и что принесено ему в жертву, — или как гигантскую арену некоей якобы «вечной» махинации.

<Пункт 179 в оригинале отсутствует.>

Формы *новоевропейского христианства* как подлинные образы без-божности.

Католицизм, который уже вовсе не имеет отношения к средневековому христианству.

«Исповеднический фронт»: римско-католический куриализм в облике немецкого протестантизма; новейшая форма культурного христианства: вера в Христа (Christlichkeit) как маска для утверждения рассыпающейся светской власти.

Немецкие христиане: нехристианское и антихристианское недоразумение немца.

И все же: христианство пробудило и создало духовные силы, дисциплину и душевную крепость, которые не вычеркнешь из западноевропейской истории, раз они, пусть лишь в обратном смысле, продолжают воздействовать, а некоторым еще и оказывают «поддержку».

Но: здесь не принимаются важные решения. Христианство уже давно утратило всякую первоначальную власть; оно превратило свою собственную историю в историографическую.

Игра и жуть в историографической хронологии на первом плане бездонной немецкой истории:

1806 Гёльдерлин уходит и начинается собирание немцев.

1813 Немецкий разбег достигает высшей точки; рождается Рихард Вагнер.

1843 Гёльдерлин уходит из «мира», а через год в «мир» приходит Ницше.

1870/76 Начинаются годы немецкого грюндерства и публикуются «Несвоевременные размышления» Ницше.

1883 Из печати выходит «Заратустра I»; смерть Рихарда Вагнера.

1888 Конец декабря: «Эйфория» Ницше перед катастрофой и — —

(26.9.1889).

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

- Антропологизм 36 слл., 82 слл., 108 сл.
 Б.[ог] 44 сл., 157
 Безвопросность 30 сл., 55, 60
Бытие (Seyn) 11 сл., 13 сл., 18 сл., 33, 48, 55, 59 сл., 67 сл., 92, 106 слл., 116 сл., 128 сл., 153
 Величие, величина 46, 98, 116, 118, 128, 133, 146
 (см. VIII, 109)
 Вопросание 65
 Воспитание 133
 «Временность» 18, 103
 Гёльдерлин 13, 20, 27, 102
 Гигантское 103
 Дильтей 144
 «Забота» 113 слл.
 Запад, Западная Европа 98 сл., 120 сл.
 «Идея» 48
 Искусство 3, 69, 133, 146
История — историография 11, 19 сл., 28, 33 сл., 68 сл., 74 сл., 99, 117
 «Красота» 97
 Критика 101 сл.
 «Культура» 120 сл., 136 сл.
 Лотце 93 слл.
 Масса 103
 Место, местоположение 36, 55, 70, 79, 104 сл., 141
 Мышление 41 слл., 134 слл.
Народ 154
 «Народ без пространства» 2 сл.
 Наука 16 сл., 61, 64
 Нигилизм 7, 12, 19 сл., 55
 Ницше 39 сл., 51 сл., 59, 75, 87
 Ничто 18 сл.
 Новое время 104 сл.

- «Образование» 119 сл.
Одиночество 45
Осмысление 118 сл., 134, 135
Оставленность бытием 52 сл., 77 сл., 90 сл., 103, 105 сл., 129, 130 сл.
Отказ 65, 67 сл.
«Переживание» 4 сл., 50 сл., 66, 92, 103 сл., 120
Понимание 142
Поэт и писатель 95 сл., 123 сл.
Правильность 103 сл.
Ранг 35, 77 сл., 83
Решение 71 сл., 123 сл.
Смысл 6
Современность 99
Существование (Dasein) 34 сл., 35, 67 сл., 86
Техника 9 сл., 56 сл., 80
Философия 11, 14, *24 сл.*, 42, 58, 76 сл., 82 сл., 86 сл., 94, 102, 110 сл., 126, 135, *140 сл.*, *147, 148 сл.*
Христианство 156
«Ценности» 129
Человек (субъект) 108, 120 сл.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

В томе 94 из IV раздела собрания сочинений Мартина Хайдеггера публикуется первая серия «Черных тетрадей» (их название принадлежит самому автору).

В «Размышлениях X», напечатанных в томе 95, находим характеристику «Размышлений», развернутых в 15 тетрадах. Это не «афоризмы» как свидетельства «житейской мудрости», а «неприметные аванпосты — и арьергардные позиции в целостной попытке еще невыразимого осмысления для завоевания пути для опять-таки начального вопрошания, которое в отличие от метафизического называет себя Бытийно-историческим мышлением (*das seynsgeschichtliche Denken*)»¹. «Решающим является не» то, «что предлагается и составляет в совокупности некое построение из предложений», «а только то, как вопрошается и что вообще вопрошается о бытии».

Аналогичным образом Хайдеггер — в том числе и в своей работе «Оглядываясь на <пройденный> путь» (*Rückblick auf den Weg*) — отсылает к «записным книжкам прежде всего II, IV и V», т. е. к конкретным «размышлениям». В них зафиксированы

1. Martin Heidegger: Überlegungen X, а также In: Ders.: VII–XI. GA 95. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2014. Указания на страницы относятся к оригинальной пагинации рукописей, которые напечатаны на полях в томах Собрания сочинения.

«частично также базовые настройки вопрошания и указания на отдаленнейшие горизонты мыслительных попыток»². Акцент на «базовых настройках вопрошания» усиливается указанием о том, что речь в «Размышлениях» идет о «мыслительных попытках».

Следуя этой логике, я поместил перед первой опубликованной «Черной тетрадью» позднее, предположительно относящееся к началу 70-х годов указание, в котором говорится, что в «Черных тетрадах» речь идет не о «заметках для планируемой системы», а «в сущности» о «попытках простого названия»³. Бросается в глаза, что во всех трех обозначениях «Черных тетрадей» слову «попытка» придается важное значение.

В качестве «неприметных аванпостов — и арьергардных позиций», т. е. предварительных сообщений и ретроспективных размышлений в дискуссионном осмыслении бытия, «Черные тетради» представляют собой форму, еще не встречавшуюся в многочисленных опубликованных текстах философа. Если (также) «решающим» является, «как задается вопрос», то есть в какой форме вопрос о «смысле бытия» обретает языковую оболочку, то в «Черных тетрадах» перед нами — произведение нового «стиля», а в «заметках» это понятие часто обдумывается.

Наряду с опубликованными работами 20-х годов, лекциями, семинарскими конспектами, статьями, докладами и трактатами по истории бытия, мы знакомимся в «Черных тетрадах» с дальнейшим путем, каким пошла мысль Хайдеггера в ее за-

2. Martin Heidegger: *Besinnung*. GA 66. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1997, S. 426.

3. Martin Heidegger: *Überlegungen II–VI*, GA 94. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2014, S. 1.

писанном виде. Вопрос, как взаимосвязаны все эти способы высказывания, относится, вероятно, к важнейшим задачам мышления, постичь которые стремится Хайдеггер.

«Черные тетради» представляют собой форму, по своему типу и характеру уникальную не только для Хайдеггера, но и вообще для философии XX века. Их скорее всего можно сравнить — из общеизвестных видов текстов — с «дневником мыслей»⁴. Но если это название вытесняет подпадающие под него работы в основном на периферию творческого наследия, значение «Черных тетрадей» в связи с «путем для начальных вопросов» Хайдеггера еще предстоит рассмотреть.

По сообщению Германа Хайдеггера, распорядителя наследия, и Фридриха-Вильгельма фон Херрманна, приват-ассистента философа в период с 1972 по 1976 год, «Черные тетради» приблизительно в середине 70-х годов были переданы в Немецкий литературный архив в Марбахе. Говоря о помещении рукописи в музей, Хайдеггер пожелал, чтобы она была опубликована в самом конце выпуска Собрания сочинений. Вплоть до этого времени она должна была находиться «как бы под двойным секретом» (указание фон Херрманна). Никто не имел права просматривать или читать ее. Распорядитель наследия принял решение, нарушающее это требование автора, поскольку из-за замедления выхода в свет еще не опубликованных томов Собрания не должно было пострадать все предприятие, в рамках которого мышление Мартина Хайдеггера должно было предстать в подобающей форме.

4. *Denktagebuch* — так Ханна Арендт назвала свой дневник, куда записывала пришедшие в голову мысли. — *Прим. пер.*

Возникает вопрос, почему Хайдеггер планировал издание «Черных тетрадей» в виде последних томов Собрания сочинений. Ответ может быть, вероятно, соотнесен с уже известным издательским требованием, согласно которому сочинения, касающиеся истории бытия, должны были выйти в свет только после издания всех лекций. Дело в том, что лекции, в которых сознательно обходится вопрос о том, что содержится в работах по истории бытия, подготавливают к тому, о чем в них говорится, на языке, не нацеленном на публичное выступление.

До нас дошли тридцать четыре «Черные тетради»: четырнадцать тетрадей под заголовком «Размышления», девять с названием «Примечания», две озаглавленные «Четыре тетради», две «Vigilae» («Стражи»), одна под названием «Notturmo», две под заголовком «Намеки», четыре тетради, поименованные «Предварительное». В томах 94–102 Собрания сочинений в ближайшие годы будут напечатаны эти тридцать четыре рукописи. Кроме того, обнаружены две тетради с названиями «Megiston» (Величайшее) и «Базовые слова». Относятся ли они к «Черным тетрадям» и в какой мере, еще предстоит выяснить.

Работа над тетрадями охватывает период более сорока лет. В первой имеющейся тетради «Намеки x размышления (II) и указания» на первой странице стоит дата «Октябрь 1931». В «Предварительном III» встречается отсылка к «Le Thor 1969», что должно означать, что тетрадь «Предварительное IV» создавалась в начале 70-х годов. Отсутствует тетрадь — «Намеки x размышления (I)», которая, по-видимому, писалась около 1930 года. Где она находится, неизвестно.

Том 94 Собрания сочинений — первый из трех томов, в которых публикуются «Размышления». Он содержит «Намеки x размышления (II) и ука-

зания», «Размышления и намеки III», а также дальнейшие «Размышления IV–VI». Первая тетрадь этого тома начата осенью 1931 года, последняя тетрадь «Размышлений VI» завершается отсылкой к речи Бальдура фон Шираха⁵, которую он произнес по поводу открытия Веймарского фестиваля в июне 1938 года.

Данный ряд «Размышлений» относится также к периоду, когда Хайдеггер с 21 апреля 1933 года до 28 апреля 1934 года занимал пост ректора Фрайбургского университета. «Размышления и намеки III», начатые «осенью 1932 года», содержат многочисленные заметки, в которых Хайдеггер отчитывается о времени своего ректорства. Становится очевидно, что решение о занятии должности — при всем революционном сочувствии — подвергалось им сомнению уже довольно рано. Вообще становится ясно, насколько философ при всей своей внутренней обособленности остается привязанным к историческим событиям. Нельзя не заметить, насколько убежденно он исходит из того, что философия пришла к концу в ходе «революции» и должна быть окончательно отделена от «метаполитики исторического народа»⁶.

К этому примыкает также идея, что «вульгарный национал-социализм»⁷ можно отличать от «духовного национал-социализма»⁸. Этот «духовный национал-социализм», однако, не следует отделять как теоретический от практического. Единственная

5. Martin Heidegger: Überlegungen VI, 143. In: Ders.: Überlegungen II–VI. GA 94. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2014.

6. Martin Heidegger: Überlegungen und Winke III, 22. In: Ders.: Überlegungen II–VI. GA 94. A.a.O.

7. Ebd., 52.

8. Ebd., 42.

возможность придать смысл редко употребляемому понятию состоит в том, что Хайдеггер понимает под ним национал-социализм, который следует разрабатывавшейся им «метаполитике». Но «метаполитика» может в принципе быть не чем иным, как размышлениями Хайдеггера об истории бытия в связи с отношением «первого» начала к «другому началу».

Важной особенностью всех «Размышлений» является попытка Хайдеггера обрести понимание в сфере истории бытия из «знаков»⁹ или «признаков» национал-социалистической повседневности в «науке», «религии», «политике» и «культуре». Эта особенность проявляется в «Размышлениях» настолько сильно, что она по меньшей мере определяет общее впечатление, создаваемое заметками. Неудивительно, что Хайдеггер в повседневных событиях 30-х годов обнаруживает «знаки» все более катастрофически вырисовывающегося «забвения бытия». В остальном очевидно, что в основе этого метода — находить в повседневности следы истории бытия, лежит подчеркиваемое Хайдеггером различие между историографией и историей.

К подобной трактовке относится и то, что Хайдеггер самое позднее летом 1936 года занимает отстраненную позицию по отношению к реально существующему национал-социализму, в котором он увидел и критиковал «мировоззрение» «пустого и грубого „биологизма“»¹⁰. Вместе с тем он с самого начала противостоит национал-социалистиче-

9. Martin Heidegger: Überlegungen VI, 15. In: Ders.: Überlegungen II–VI. GA 94. A.a.O.

10. Martin Heidegger: Überlegungen IV, 31. In: Ders.: Überlegungen II–VI. GA 94. A.a.O.

ской критике так называемого интеллектуализма¹¹, т. е. якобы бессмысленной вычурности в теоретических вопросах. В «Размышлениях» этого периода мы видим также, как мыслитель шаг за шагом расстается со своим прежним сочувственным отношением к национал-социализму.

Фоном именно этого истолкования национал-социалистической повседневности в контексте истории бытия служат, однако, все те мысли, которые знакомы нам по бытийно-историческим работам Хайдеггера, возникшим в тот период: «К философии (О событии)» (GA 65, 1936–1938), «Осмыслению» (GA 66, 1938/39), а также по более поздним «Истории Бытия» (GA 69, 1939/40), «О начале» (GA 70, 1941) и «Событию» (GA 71, 1941/42). В «Размышлениях» то и дело слышится отзвук этих произведений.

*

«Размышления», публикуемые в томах 94–96 Собрания сочинений, занимают четырнадцать <толстых> тетрадей, состоящих из тридцати четырех или тридцати шести черных клеенчатых тетрадок необычного формата (136×192 мм). Оригиналы хранятся в архиве Хайдеггера в Немецком литературном архиве в Марбахе-на-Неккаре. Издатель имел в своем распоряжении переплетенные в синий холст копии с указанным на корешках названием.

Том 94 Собрания сочинений Мартина Хайдеггера включает следующие тексты:

11. Martin Heidegger: Überlegungen und Winke III, 103. In: Ders.: Überlegungen II–VI. GA 94. A.a.O.

Намеки х размышления II и указания, 140 страниц;
Размышления и намеки III, 144;
Размышления IV, 124;
Размышления V, 154;
Размышления VI, 157.

Дополняют тексты указатели ключевых слов, которые Хайдеггер приложил к «Черным тетрадам». Там, где они имеются, они публикуются в конце каждой тетради.

Рукописи были отредактированы Хайдеггером. Описки в них практически отсутствуют. Подготовительные материалы отсутствуют.

«Намеки х размышления (II) и указания», а также «Размышления и намеки III» перепечатаны на машинке д-ром Луизой Михаэльсен, «Размышления IV» — до «Размышлений VI» — оберштудиентом Детлевом Хайдеггером. Д-р Герман Хайдеггер осуществил сверку копий.

Я транскрибировал все еще раз на основе рукописей, постоянно сверяясь с имеющимися копиями. После этого проводилась сверка копий. В заключение корректуру гранок и верстки держал я, а также моя сотрудница и студентка София Хайден.

В «Размышлениях» отдельные заметки пронумерованы Мартином Хайдеггером, возможно, по образцу некоторых произведений Фридриха Ницше или собственных работ по истории бытия. Система меняется начиная с «Размышлений XIV». В них, а также в более поздних «Черных тетрадах» подобная нумерация отсутствует.

Буквы (a, b, c), которыми Хайдеггер обозначает кое-где первые страницы, а также отдельные номера страниц «Черных тетрадей», печатаются на полях страницы. Вертикальная черточка в соответствующую

щем предложении указывает на конец страницы¹². Вопросительными знаками в квадратных скобках [?] помечены ненадежные варианты чтения. Все цифры-указатели в тексте Хайдеггера — являются номерами страниц. Используемый Хайдеггером значок □ означает «рукопись». Все подчеркивания, если они отсылают к тексту самого Хайдеггера, передаются курсивом. В тех случаях, когда они встречаются в цитируемых текстах, где имеются и курсивные выделения, они передаются с помощью подчеркиваний.

В большей мере, чем в других томах Собрания сочинений, некоторые высказывания Хайдеггера снабжены пояснениями. Это в первую очередь касается тех высказываний, которые относятся к историческим событиям. С помощью примечаний читатель может установить, в какое время философ записал те или иные «Размышления». Краткими пояснениями снабжены также некоторые персонажи и учреждения, возможно, уже неизвестные читателям более молодого поколения. Очевидно, что здесь — в издании «последней (прижизненной) редакции» (Ausgabe «letzter Hand») — полнота не может быть обеспечена.

Кроме того, в некоторых местах, но весьма осторожно, я приводил своеобразное правописание Хайдеггера в соответствии с правилами орфографии. Вместе с тем я сознательно сохранил отдельные особенности, как, например, ненормативное написание прописными буквами определения к главному слову («Великий враг»¹³ или «Основы-

12. В настоящем издании эти черточки опущены, поскольку в переводе сложно соблюсти деление страниц из-за языковых различий. — *Прим. пер.*

13. Martin Heidegger: Winke x Überlegungen (II) und Anweisungen, 7. In: Ders.: Überlegungen II–VI. GA 94. A.a.O.

вающее колебание»¹⁴ и т. п.). Также не были унифицированы известные используемые Хайдеггером приемы дефисного написания слов, и за немногими исключениями эти слова переданы в том виде, в каком они встречаются в рукописи.

*

Я признателен д-ру Герману Хайдеггеру за доверие, которое проявилось в возложенной на меня задаче издания «Черных тетрадей». Ютте Хайдеггер я выражаю благодарность за сверку настоящего тома и чтение корректуры верстки. Оберштудиенрата Детлева Хайдеггера я благодарю за изготовление первой машинописной копии. Профессору д-ру Фридриху-Вильгельму фон Херрманну хотелось бы выразить мою признательность за многочисленные беседы, повлиявшие на то или иное решение при издании. Также выражаю признательность адвокату Арнульфусу Хайдеггеру и Витторио Э. Клостерманну. Анастасию Урбан, сотрудницу издательства Витторио Клостерманна, я благодарю за постоянное доброжелательное и дружелюбное сотрудничество. Д-ру Ульриху фон Бюлову из Немецкого литературного архива в Марбахе-на-Неккаре я благодарен за помощь в вопросах доступа к рукописям. Выражаю признательность Софии Хайден за внимательную корректорскую работу.

*Дюссельдорф, 13 декабря 2013 года
Петер Травны*

14. Ebd., 41.

Научное издание

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР
РАЗМЫШЛЕНИЯ II–VI
(Черные тетради 1931–1938)

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Корректор ОЛЬГА ЧЕРКАСОВА
Дизайн и верстка СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 4.09.2016.
Тираж 1000 экз. Формат 84×108/32
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1